

Министерство
образования и науки
Российской Федерации

«**ИНО**ЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).

Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Научный Совет

Губин Сергей Александрович	— доктор физико-математических наук
Данилова Елена Николаевна	— кандидат социологических наук
Дегтярев Андрей Алексеевич	— кандидат философских наук, профессор
Зверева Галина Ивановна	— доктор исторических наук, профессор
Каменский Александр Борисович	— доктор исторических наук, профессор
Кортунов Андрей Вадимович	— кандидат исторических наук
Юревич Андрей Владиславович	— доктор психологических наук, член-корреспондент РАН

Региональное измерение трансграничной миграции в Россию

Научный редактор
кандидат исторических наук
С. В. Голунов

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2008

УДК 325
ББК 60.7
Р 31

*Печатается по решению Научного совета программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»*

Научный редактор:

С. В. Голунов,

кандидат исторических наук, доцент

Авторский коллектив:

М. Алексеев (гл. 4, § 6), А. Алексеенко (гл. 2, § 3),

В. Апрыщенко (гл. 4, § 5), В. Дятлов (гл. 4, § 2),

С. Голунов (введение; гл. 1, § 2–3; гл. 2, § 1; гл. 3, § 1, 3–4; заключение),

К. Григоричев (гл. 2, § 3), И. Мальцева (гл. 4, § 1), А. Ларин (гл. 2, § 5),

С. Лебедева (гл. 3, § 2), Д. Нестерова (гл. 1, § 1; гл. 4, § 1),

М. Олимов (гл. 2, § 4), С. Олимова (гл. 2, § 4), В. Портяков (гл. 2, § 5),

Н. Рыжова (гл. 3, § 6; гл. 4, § 4), Т. Троякова (гл. 3, § 5; гл. 4, § 3),

А. Юнусов (гл. 2, § 2).

Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Науч.

Р 31 ред. С. В. Голунов. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 351 с.

ISBN 978–5–7567–0512–6

В коллективной монографии рассматриваются проблемы внешней миграции в Россию во взаимосвязи трех ее стадий: эмиграции, пересечения мигрантами границы РФ и их интеграции в принимающее общество. Данный труд является результатом проекта «Функции границ и эффекты миграции: безопасность, развитие и интеграция», осуществлявшегося в 2007 г. на базе «ИНО-Центра».

Работа предназначена специалистам в области проблем миграции, преподавателям и студентам, а также широкому кругу читателей.

УДК 325

ББК 60.7

Книга распространяется бесплатно.

ISBN 978–5–7567–0512–6

© Коллектив авторов, 2008

© АНО «ИНО-Центр (Информация.
Наука. Образование)», 2008

Оглавление

Введение	7
Глава 1. Миграционный процесс от эмиграции к адаптации: комплексный анализ в исследовании и планировании миграционной политики	11
§ 1. Взаимосвязь стадий миграционного процесса в концепциях социально-экономического характера	11
§ 2. Международная миграция в политологических и смежных междисциплинарных концепциях	17
§ 3. Значение комплексного анализа миграционного процесса в контексте формирования миграционной политики РФ	27
<i>Выводы</i>	34
Глава 2. Условия и предпосылки формирования миграционных потоков в странах-донорах	35
§ 1. Миграционная ситуация в Молдавии и Украине	35
<i>Выводы</i>	44
§ 2. Миграционная ситуация и конфликты в странах Закавказья	45
Азербайджан	46
Армения	53
Грузия	57
<i>Выводы</i>	60
§ 3. Восприятие русскоязычным населением Казахстана перспективы эмиграции в РФ в начале 2000-х годов	62
§ 4. Миграционная ситуация в странах Центральной Азии	76
Краткий обзор истории внешних миграций в ЦА в постсоветский период	78
Основные миграционные тренды в странах Центральной Азии	79
Страны приема мигрантов из Центральной Азии. Россия — основная принимающая страна	86
Анализ выталкивающих факторов	87
Миграционное законодательство и институциональное развитие в странах Центральной Азии	100
Проблемы, сопутствующие трудовой миграции из стран ЦА в Россию	102
<i>Выводы</i>	102
§ 5. Миграционная ситуация в Китае	103
Как оценить эмиграционный потенциал Китая?	104
Демографические факторы	104
Занятость и безработица	106
Образовательная эмиграция	111
Эмиграционная политика Пекина	112
Глава 3. Границы РФ как регулятор миграционных процессов	116
§ 1. Этническая миграция: проблема пограничной безопасности РФ?	116
Масштабы внешней миграции в Россию: «нашествие чужаков»?	117
Масштабы миграции, связанной с незаконными пересечениями границы	123
Демографическая экспансия в приграничье?	126
Этнический фактор в трансграничной наркоторговле	127
Миграция и транснациональный терроризм	130

Преступность в приграничных регионах	132
Карантинные проблемы	133
<i>Выводы</i>	133
§ 2. Миграция через российско-украинскую границу (на примере воронежского участка)	136
Выводы	147
§ 3. Миграция через границы РФ с Азербайджаном и Грузией	149
Выводы	159
§ 4. Миграция через российско-казахстанскую границу	160
Выводы	167
§ 5. Миграция через российско-китайскую границу (на примере Приморского края)	168
Исторические факторы	169
Современная ситуация	173
<i>Выводы</i>	184
§ 6. Феномен городов-близнецов в контексте трансграничных миграционных процессов (на примере Благовещенска и Хэйхэ)	184
Институциональные особенности развития контактной зоны	
Благовещенск — Хэйхэ	186
Использование труда мигрантов	191
Особенности выстраивания бизнес-сетей трансмигрантами	199
<i>Выводы</i>	203
Глава 4. Взаимная адаптация мигрантов и принимающего общества: региональные практики	204
§ 1. Конъюнктура трудоустройства мигрантов в промышленных регионах (на примере Свердловской области)	204
§ 2. Мигранты и «этнические рынки» (на примере «китайского рынка» «Шанхай» в Иркутске)	215
<i>Выводы</i>	229
§ 3. Попытки создания компактных поселений (на примере корейских мигрантов в Приморском крае)	232
<i>Выводы</i>	240
§ 4. Бизнес-посредничество в процессе адаптации (на примере трансграничного рынка Благовещенск — Хэйхэ)	241
Особенности функционирования трансграничного рынка	
Благовещенск — Хэйхэ	243
Посреднические практики в процессе бизнес-адаптации	247
§ 5. Идентичность мигрантов в модернизирующемся обществе (на примере регионов Северного Кавказа)	253
§ 6. Мигрантофобия и безопасность в восприятии принимающего общества: сравнительно-региональный аспект проблемы	278
Модель «дилеммы безопасности»	280
Эмпирический тест модели с данными опроса о миграции в РФ 2005 г.	281
Результаты	283
Вместо вывода: аномалии, заслуживающие дальнейшего исследования	283
Заключение	289
Примечания	299
Источники и литература	334

ВВЕДЕНИЕ

Россия является одним из крупнейших в мире реципиентов постоянной и временной миграции из других стран. В первую очередь речь идет о государствах бывшего СССР, кроме того, растет число приезжающих в РФ представителей азиатских стран (особенно китайцев) «дальнего зарубежья». Оценки объема такой миграции сильно разнятся¹, но в любом случае исчисляются миллионами человек.

В связи с демографическим кризисом в РФ и учитывая, что производительность труда в ней гораздо ниже, чем в западных странах, та рабочая сила, которая прибывает извне, является в высокой степени востребованной. В Россию стремится большое количество людей мобильных, имеющих хороший интеллектуальный потенциал и высокий образовательный уровень. Это является двигателем экономической активности, залогом экономического роста страны.

В то же время миграция создает для российского общества комплекс серьезных проблем. Значительная часть мигрантов (особенно временных) не имеет легального статуса, еще большая — занимает маргинальное положение по отношению к принимающему обществу и, следовательно, является очагом социального неблагополучия со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями — ростом преступности, конкуренцией за рабочие места, возникновением «неконтролируемых этнических анклавов» и т.п. Прослеживается устойчивая тенденция роста напряженности в отношениях между местным населением и приезжими, что находит отражение в результатах многих социологических опросов².

Процесс миграции состоит из нескольких стадий, в ходе которых мигранты и те структуры или социальные группы, которые с ними взаимодействуют, решают различные проблемы. В рамках настоящего исследования рассматриваются три стадии в ходе миграции в РФ из-за рубежа: эмиграция из стран-доноров, пересечение границы и адаптация. На первой стадии ключевое значение имеют те социальные, политические, экономические причины, которые заставляют мигрантов выезжать за пределы своих государств (другими словами — выталкивающие факторы); на второй — проблемы, возникающие в отношениях между мигрантами и задействованными в обеспечении пограничного режима структурами власти, а также тот правовой статус, который получают мигранты после и в результате пересечения границы; на третьей — решение мигрантами своих экономических проблем, обретение ими того или иного социального статуса относительно принимающего общества и друг друга; специфика взаимоотношений между мигрантами — с од-

ной стороны, властями РФ и принимающим обществом — с другой. Эти стадии имеют выраженные региональные особенности, что касается как действия «выталкивающих факторов» в различных частях стран-доноров, так и режима пересечения границ на тех или иных участках и, конечно, разнообразных проблем, с которыми мигранты сталкиваются в процессе адаптации.

Формат настоящей работы обусловлен потребностью комплексного исследования миграционного процесса с целью выработки практических рекомендаций. Игнорирование или недостаточный учет взаимосвязей между стадиями данного процесса во многих случаях чреват концептуальными пробелами в его изучении. В самом деле, при исследовании проблем адаптации мигрантов часто надо иметь четкое представление об их этнических и социальных особенностях, также как о специфике того правового статуса, который приезжие получают в результате пересечения границы РФ, и о статистике таких пересечений. В то же время при анализе трансграничной стадии миграции необходимо учитывать побудительные мотивы и цели мигрантов, а при исследовании выталкивающих факторов, действующих в странах-донорах, — те «за» и «против», которые влияют на принятие решения эмигрировать в РФ.

Для планирования миграционной политики также зачастую необходимо иметь адекватное реальности представление о всех трех стадиях, что важно для учета социального состава мигрантов, их мотивов, количественных параметров трансграничных миграционных потоков и т.п. Однако практически все внимание принимающих решение лиц зачастую концентрируется на адаптации, тогда как знания о двух других стадиях миграции нередко подменяются стереотипами: о нашествии огромной враждебной массы чужаков, склонных к девиантному поведению; о необходимости укрепления границы как едва ли не панацея для решения связанных с миграцией проблем и т.п. Подобного рода представления не подкрепляются статистическими и другими репрезентативными данными, однако они слишком сильно укоренены в сознании многих чиновников, аналитиков, журналистов и в значительной части общественного мнения, чтобы ими можно было пренебречь. Данные представления конвертируются в многочисленные публикации СМИ, так называемые экспертные оценки (например, явно неадекватные оценки численности нелегальных мигрантов и количества совершаемых ими преступлений) и в основанные на всем этом рекомендации и выводы, которые без всякой критики и проверки нередко кладутся в основу практической миграционной политики.

Задача комплексного изучения внешней миграции в Россию с учетом всех ее стадий весьма нелегка, она требует объединения усилий исследователей сразу нескольких стран (как доноров, так и принимающей) и регионов внутри одной страны (РФ), немалых затрат времени и финансо-

вых средств на организацию такого исследования. Неудивительно, что количество пытавшихся решить такую задачу концептуально целостных работ (и даже проектов) пока невелико. В этом контексте можно особо отметить серию проектов по изучению вынужденной миграции, осуществленную в 2000–2003 гг. под эгидой Центра изучения проблем вынужденной миграции в СНГ (в рамках деятельности Независимого исследовательского совета по миграции стран СНГ и Балтии) при широкой финансовой поддержке сразу нескольких организаций: фондов МакАртуров и Форда, а также UNESCO MOST. Эти проекты, проводившиеся под общим руководством российской исследовательницы Ж. А. Зайончковской как в странах-донорах (в Армении, Азербайджане, Молдове, Казахстане, Украине), так и в России, были нацелены на оценку масштабов трудовой миграции и выявление ее социальной роли в условиях экономического кризиса. Проекты осуществлялись по единой программе, основанной прежде всего на проведении социологических опросов.

В результате был сделан вывод о том, что трудовая миграция стала важной частью экономической жизни постсоветского пространства, сформировав альтернативную сферу занятости в условиях высокого уровня безработицы в ряде государств СНГ, предотвратив обнищание миллионов работников и членов их семей, способствовал развитию предпринимательской инициативы и даже формированию среднего класса в упомянутых странах. Однако также было отмечено, что из-за узости легитимного пространства для такой миграции и недееспособности государственных структур в плане ее регулирования имеют место самоорганизация мигрантов вокруг «мафиозных диаспорных кланов», превращение трудовой миграции в одну из самых коррумпированных сфер общественной жизни, рост антимигрантских настроений в принимающем обществе³.

Разумеется, проблема исследования межстрановой миграции во взаимосвязи ее стадий настолько обширна, охватывает столь широкий круг частных проблем и требует учета такого большого количества динамично меняющихся параметров, что не может быть исчерпана в рамках одного или небольшого количества проектов и публикаций. Несомненная практическая важность вопроса является достаточно серьезным стимулом и веской причиной для объединения усилий различных исследовательских коллективов в данном направлении. Серьезную ценность для процесса принятия решения будут иметь результаты, полученные на основе как использования унифицированных методик в нескольких целевых регионах (что обеспечивает точность и репрезентативность выводов), так и более широкого географического охвата, ставки на междисциплинарность и разнообразие подходов (что нередко позволяет определить обширный круг идей и охватить массив эмпирической информации, важной для последующих исследований).

Авторами настоящей монографии являются ученые из различных регионов Российской Федерации (г. Москвы; Приморского края; Амурской, Волгоградской, Воронежской, Иркутской, Ростовской и Свердловской областей) и из ряда зарубежных стран: Азербайджана, США и Таджикистана. Столь широкое представительство обеспечивает охват, с одной стороны, основных стран и регионов-доноров (в частности, Закавказья и Центральной Азии, а также Китая), с другой — субъектов РФ, как примыкающих к государственной границе, так и расположенных в отдалении от нее.

Структура работы включает четыре главы. В первой из них рассматриваются теоретические и методологические проблемы исследования на трех стадиях миграционного процесса, а также перспективы использования результатов данного исследования в процессе принятия решений в сфере миграционной политики. Во второй главе анализируется ситуация в наиболее важных для РФ странах-донорах (в частности, в европейских странах СНГ — Украине и Молдавии, в государствах Закавказья, Центральной Азии и в Китае), включая количественный и качественный состав эмигрантов, а также факторы, стимулирующие эмиграцию в РФ. В третьей главе анализируется многоаспектная и неоднозначная роль границы как регулятора внешней миграции в Россию с акцентом на ситуацию на украинском, закавказском и китайском участках границ.

Наконец, четвертая глава посвящена региональным аспектам адаптации мигрантов в РФ. Учитывая методологическую сложность и многоаспектность проблемы (включающей в себя множество частных проблем эмпирического характера), авторы сочли возможным организовать ее с использованием метода *case studies*, акцентировав внимание на темах, охватывающих различные сферы адаптации мигрантов и в целом укладываемых в единую схему. Такой подход не является чем-то новым, он неоднократно применялся и в других отечественных работах, посвященных миграционной проблематике⁴. В данном же случае речь идет, с одной стороны, об «объективном» (адаптация в сферах торговли, сельского хозяйства; роль мигрантов на региональных рынках труда; значение посреднических институтов), с другой — о «субъективном» (идентичности и восприятия) измерении проблемы.

Авторы надеются, что коллективная монография окажется полезной как для исследователей, изучающих различные аспекты проблемы; так и для лиц и структур, принимающих решения в сфере миграционной политики на региональном и федеральном уровнях.

Глава 1

МИГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС ОТ ЭМИГРАЦИИ К АДАПТАЦИИ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ И ПЛАНИРОВАНИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

§ 1. Взаимосвязь стадий миграционного процесса в концепциях социально-экономического характера

В экономической литературе вопросам миграции населения, главным образом перемещению трудовых ресурсов, традиционно уделяется большое внимание, поскольку пространственная мобильность рассматривается как важнейшее средство эффективного распределения факторов производства, а потому обеспечения экономического роста, выравнивания уровней социально-экономического развития территорий, повышения индивидуального и общественного благосостояния.

Предполагается, что **факторы производства, в том числе и труд, должны перемещаться в те регионы, где отдача от их производительного использования выше**, т.е. ожидаемые доходы превысят не только текущие доходы, но также и денежные, и неденежные издержки мобильности. В связи с этим миграция рассматривается как форма инвестиций в человеческий капитал, которые должны принести их владельцу отдачу. Поэтому инвестиции в мобильность будут осуществляться тогда, когда дисконтированная ценность будущих заработков, обусловленных миграцией, будет выше альтернативных издержек миграции, и наоборот⁵.

В русле **теорий человеческого капитала и рационального выбора** рассматриваются факторы, влияющие на принятие индивидами решений о смене места жительства⁶. В исследованиях доказывается, что мобильность положительно зависит от дифференциации доходов в регионах (чем выше уровень дифференциации, тем активнее пространственная мобильность), уровня социальных трансфертов или локальных общественных благ, от состояния рынков труда⁷. Значительное влияние на концептуальную терминологию миграционных исследований оказала **теория «толчка—притяжения»**, в рамках которых определяется основной круг выталкивающих факторов (низкие цены, жизненный уровень, экономические возможности, политические репрессии, структурная

безработица) и факторы притяжения территории-реципиента (спрос на рабочую силу, занятость, более широкие экономические возможности, пригодность земли, более высокая заработная плата, политические свободы по месту прибытия и т.п.)⁸.

На решения индивидов о смене места жительства оказывают также влияние такие **социально-демографические характеристики**, как пол индивида, его возраст, уровень образования, тип квалификации. **Доказано, что уровень образования положительно влияет на вероятность участия индивида в территориальных перемещениях.** Кроме того, более высокий уровень образования не только расширяет возможности для трудоустройства мигрантов, но и обеспечивает большую степень информированности, позволяя более точно оценить выгоды и издержки, связанные со сменой места жительства.

Исследования показывают, что более мобильными являются индивиды, не состоящие в браке, что выявлено в отношении как мигрантов-мужчин, так и мигрантов-женщин.

Возраст двойственным образом оказывает влияние на решение о миграции: с одной стороны, молодые люди переезжают в крупные города для прохождения обучения с целью получения специальности; а с другой — в этом возрасте издержки переезда (как прямые, так и альтернативные) сравнительно ниже, чем у представителей других возрастных групп.

Эмпирические подтверждения получила гипотеза о том, что **миграция населения негативно связана с таким фактором, как расстояние между регионами**⁹. Вместе с тем не менее важным фактором является разветвленность социальных сетей, с помощью которых мигранты находят работу и жилье. Как показано в рамках **теории социальных сетей**, расширение последних уменьшает затраты и риски движения и вероятность миграции повышается¹⁰. **Анализ экономических и социальных последствий миграции для территорий-доноров (теряющих население) и территорий-реципиентов (принимающих мигрантов)** представлен в целом ряде работ¹¹, в которых, в частности, указывается, что для принимающих территорий очень важны кросс-культурные эффекты, вызванные этнокультурным многообразием, сопряженным с миграционными процессами и положительно влияющим как на предпринимательскую среду, так и на возможности ведения бизнеса в других регионах¹².

Значительное внимание уделяется **влиянию миграции на экономический рост**. С одной стороны, миграция рассматривается как ответ на происходящие инновации, а с другой — как фактор, который вносит свой вклад в колебания экономической конъюнктуры. Технологические сдвиги

ги в том или ином регионе приводят к росту производительности труда, сопровождаемому ростом заработной платы, и способствуют миграции. А потому запретительная политика относительно миграций отрицательно сказывается на экономическом росте страны, ускоряет наступление состояния спада в экономике, способствует депрессии¹³.

В отечественных исследованиях накоплен значительный опыт изучения пространственного перемещения населения России: анализируются направления и интенсивность миграционных потоков между различными территориями Российской Федерации, выявляются причины происходящих изменений, делаются прогнозные оценки в отношении сценариев социально-экономического развития страны во взаимосвязи с траекториями миграционного движения населения¹⁴.

Сделан вывод относительно того, что для России характерно доминирование так называемого «западного вектора» движения, при этом обнаруживается тесная связь западного миграционного дрейфа с состоянием трудовых ресурсов и локальных рынков труда. Чем хуже состояние трудовых ресурсов в западных регионах России, тем интенсивнее миграционный отток из восточных регионов, и наоборот¹⁵. В этом миграционном потоке выделены, как минимум, два рубежных этапа: регионы, расположенные западнее Дальнего Востока, теряют население, которое уезжает еще дальше на Запад, и восполняют свои потери за счет движения населения с Дальнего Востока.

В последние годы появились исследования, в которых используется **эконометрический анализ процессов пространственной мобильности**. В работе Ю. Андриенко и С. Гуриева (на основе данных о потоках миграции за 1992–1999 гг.) дана оценка межрегиональных миграционных потоков, рассматривается влияние таких факторов, как уровень доходов в регионе на душу населения, состояние рынка труда, обеспеченность общественными благами, жизненные ожидания населения¹⁶. В работе сделан вывод о том, что в целом мобильность населения в России существенно ниже, чем в странах с развитой рыночной экономикой. По оценке авторов, до трети регионов находятся в так называемой ловушке бедности, население этих регионов не имеет экономических возможностей покинуть их, что может служить объяснением того, почему в России не наблюдается сближения регионов по уровню доходов. Исследование акцентирует внимание на том, что главными препятствиями для миграции являются административные барьеры, неразвитость финансового рынка и рынка жилья.

Наряду с высокими издержками еще одним фактором, сдерживающим мобильность рабочей силы, является практикуемая в российской

экономике выплата заработной платы в натуральной форме, сохраняющаяся система предоставления «бесплатных» социальных благ на уровне отдельных предприятий¹⁷.

В целом ряде исследований анализируется **влияние характеристик социально-экономического положения регионов на показатели миграции населения**¹⁸, что позволяет выявить и классифицировать факторы, стимулирующие или, напротив, сдерживающие территориальную мобильность, а также сравнить степень влияния отдельных детерминант на уровень мобильности в России и других странах.

На современном этапе сохраняется тенденция снижения миграционной активности населения за счет уменьшения внутрирегиональной и межрегиональной мобильности¹⁹. Несмотря на снижение масштабов внутренней мобильности, потоки внутренней миграции многократно превосходят внешнюю миграцию, а потоки нерегистрируемой трудовой миграции из стран СНГ в Россию, с одной стороны, и между субъектами России, с другой, равновелики и оцениваются в 3 млн человек²⁰.

В настоящее время выделяются **две основные позиции относительно необходимости и последствий внешней трудовой иммиграции в Россию**. Показательно то, что в рамках первой позиции, которую можно охарактеризовать как изоляционистскую, не придается, как правило, сколько-нибудь большой важности изучению процессов, происходящих в странах-донорах, так же как и тщательному исследованию характеристик миграционных потоков. Согласно такой позиции трудовая иммиграция отрицательно сказывается на российской экономике, ибо способствует ее консервации и увеличению рабочих мест, требующих неквалифицированного ручного труда. Подчеркивается, что Россия нуждается не в демпинговом притоке иностранной рабочей силы, а в стимулах к росту производительности труда. Следовательно, необходимо закрыть двери для мигрантов и не поощрять трудовую иммиграцию²¹.

В рамках этой позиции высказывается также идея о том, что если процедуры въезда для трудовых мигрантов будут облегчены, то это приведет к нарушению сложившихся кросс-национальных пропорций между этническими группами. В настоящее время наиболее значимая часть иностранных трудовых иммигрантов сосредоточена в крупных городах (за исключением южных районов России), где их доля достигает 7–8% от общего числа городских жителей. Дальнейшая либерализация законодательства о международной миграции приведет к сдвигам этих пропорций, увеличит социальную «нагрузку» этнических групп на коренное население и разрушит существующее в настоящее время кросс-национальное равновесие. Согласно этой позиции России не сле-

дует двигаться по пути облегчения процедур для въезда трудовых иммигрантов и получения ими разрешения на работу.

Вторая позиция, которую условно можно назвать «либеральной», характеризуется признанием положительного значения миграции и соответственно большим вниманием как к самим мигрантам, так и странам их происхождения. Согласно такой точке зрения в силу целого ряда факторов трудовая иммиграция необходима для российской экономики, а потому жесткая миграционная политика, сопровождаемая высокими барьерами, усилит нелегальную иммиграцию и не будет продуктивной²². В рамках этого подхода подчеркивается, что трудовая иммиграция должна быть подчинена потребностям национальной экономики, обеспечению гибкости рынков труда. При этом внимание порой акцентируется на том, что нужны «приезжающие люди» и не нужны «приезжающие общины», разрастание которых зачастую происходит за счет родственных, клановых или земляческих связей. Другими словами, нужна «индивидуальная», а не «роевая»²³ (либо «цепная») иммиграция. Соответственно законодательство в области регулирования миграции должно обеспечивать «нужную» иммиграцию, возможности для проведения дифференцированной миграционной политики в отношении различных групп мигрантов с помощью адекватных инструментов. Возможно, сторонники такого подхода упускают из виду, что так называемая роевая миграция — отнюдь не побочный эффект или «неправильное направление» миграционного процесса, а вполне естественная реакция многих мигрантов на чуждую социокультурную среду, желание создать в ней собственный «микромир». Учитывая, что такой «микромир» обладает высокой способностью к самоорганизации, цель помешать его созданию законодательным путем может оказаться более трудновыполнимой, чем это представляется на абстрактном уровне.

В русле «либерального» подхода лежит идея о том, что, поскольку стране нужны самостоятельные работники, а не дополнительные иждивенцы, миграционная политика должна быть прозрачной и открытой для внедрения рыночных механизмов, таких, например, как контроль за наличием легальных источников доходов у всех приезжающих в страну, механизмов пенсионного и медицинского страхования.

В этой связи подчеркивается, что **в отличие от стран Западной Европы мотивация для трудовой иммиграции в Россию связана с необходимостью заработков²⁴, а не с получением социальных пособий** (получением гражданства и затем проживания на пособия), заставляющей иммигрантов интегрироваться в принимающее их общество. А потому применяемая к России «политика интеграции иммигрантов», реализуемая

в западноевропейском варианте, т.е. в своей основе на социалистических принципах, неадекватна потребностям России²⁵.

Как мы видим, в работах, претендующих на теоретическое осмысление миграции с социально-экономической точки зрения, выявлению взаимосвязи между ситуацией в странах/регионах-донорах и реципиентах отводится очень важное место. Такая взаимосвязь заключается в балансе между спросом и предложением, влиянии социально-экономических характеристик миграционных потоков и мотиваций мигрантов на перспективу их интеграции в принимающем обществе, системной взаимозависимости между территориями-донорами и реципиентами. Эти факторы, как правило, упускаются из виду сторонниками изоляционистского взгляда на миграцию; и такая однобокость может иметь побочными эффектами ухудшение отношений со страной-донором, неумение извлечь выгоду из очень динамичного процесса притока человеческого капитала, массовое нарушение прав человека и т.п.

Анализ пространственной мобильности в экономической литературе проводится традиционно на двух уровнях. Макроуровень предполагает рассмотрение потоков населения, перемещающихся между различными территориями, факторов, вызывающих эти перемещения, а также оценку влияния миграции на экономику принимающих и отдающих территорий. Исследования на микроуровне посвящены анализу процесса принятия отдельными индивидами решения о мобильности. В этом контексте рассматривается то, каким образом совокупность экономических, социально-демографических, институциональных факторов детерминирует мотивацию индивида к миграции. Концептуальные различия данных подходов обуславливают и разную методологию анализа, используемую исследователями. Надо отметить, что в отечественной экономической литературе **заметно преобладают исследования макроуровня**. Объясняется это в значительной степени отсутствием информации, необходимой для проведения качественного эконометрического анализа миграционного поведения домохозяйств. Как уже было отмечено, лишь в последнее время стали появляться работы, в которых используется эконометрический анализ факторов, обуславливающих процессы пространственной мобильности населения России и других стран СНГ.

Вместе с тем **явно недостаточно фундаментальных исследований, в которых рассматривались бы мотивы миграции применительно к новым реалиям российской экономики, моделировался «портрет трудового иммигранта» с учетом особенностей региональных экономик**. До сих пор не существует (насколько нам известно) работ, в которых проводится эконо-

мическая оценка выгод и издержек от повышения или снижения уровня внутренней и внешней мобильности населения, исследуются взаимосвязи различных форм трудовой миграции как основы формирования адекватной миграционной политики на уровне регионов. Нет серьезных исследований относительно того, какого типа внешнюю иммиграционную политику следует избирать отдельным российским регионам и к каким социальным и экономическим эффектам может привести сделанный выбор.

§ 2. Международная миграция в политологических и смежных междисциплинарных концепциях

Миросистемный подход, который позиционируется на стыке политологии и экономики, рассматривает современные миграционные процессы в контексте становления глобального рынка, для которого характерны неравенство и поляризация территориальных общностей (выделение центра и периферии, Севера и Юга как полюсов экономического развития). В таком контексте миграция дешевой рабочей силы рассматривается как одно из проявлений неокOLONиальной зависимости развивающихся стран от развитых. Неудивительно, что международная миграция особенно развита между бывшими метрополиями и их колониями, чему способствуют сохранившиеся политические, культурные, языковые, транспортные и другие связи²⁶.

Исследование миграции в контексте миросистемного подхода предполагает изучение экономических взаимосвязей между странами и регионами-донорами и реципиентами, сопоставление их социального и экономического потенциала. Другим объектом анализа в том же свете могут выступать специфические ментальные и психологические установки. Так, невнимание принимающих решения лиц и исследователей из стран-реципиентов к проблемам и интересам стран-доноров и их населения в определенных (хотя и далеко не во всех!) случаях может в целом или отчасти объясняться «неокOLONиальным высокомерием», а упреки представителей стран-доноров в том, что принимающее государство проводит «эгоистическую» политику, — «иждивенческими настроениями» в развивающихся странах. Однако такие схемы следует применять с оговорками, учитывая влияние других (лежащих за пределами экономики и психологии) факторов. Следует также учитывать, что место самой России, так же как и некоторых других стран СНГ (например, Украины и Казахстана), в мировой экономической системе и в региональной экономической системе СНГ не вполне поддается

четкой характеристике на основе конкретных критериев (характера экономики, сравнения средних показателей уровня жизни и т.п.), и потому схема «Север—Юг» применительно к анализу миграционных процессов на постсоветском пространстве сама по себе выглядит несколько упрощенной.

Исследования безопасности. В этих рамках проблемы миграции, как правило, рассматриваются в контексте безопасности «мягкой»/нетрадиционной (т.е. невоенной). Альтернативой является, пожалуй, лишь конспирологическая точка зрения, предполагающая в приезжих своего рода оружие в руках врагов, «пятую колонну», которая сознательно направляется враждебными силами извне и в перспективе будет использована для дестабилизации ситуации в стране или отторжения от нее каких-либо территорий. Данная точка зрения, которая на деле зачастую подразумевает отказ от проведения серьезных исследований и подменяет категорической убежденностью в своей правоте желание всесторонне разобраться в ситуации, будет рассмотрена в блоке, посвященном анализу геополитических концепций.

В контексте нетрадиционной безопасности проблемы миграции могут быть рассмотрены с нескольких перспектив. Первая из них, **государствоцентричная**, ставит на первый план интересы государства, которые чаще всего формулируются правящими кругами и носят в основном негативистский либо ограничительный характер (пресечение нелегальной и нежелательной миграции, регулирование миграционных потоков, контроль над рынками труда и т.п.). Такой подход имеет самые серьезные основания, ибо регулирование въезда в страну является одним из важнейших условий сохранения государственного суверенитета. Однако при этом следует в полной мере учитывать и его недостатки. Как во многом справедливо отметил С. А. Панарин, такой подход фактически недружелобен к трансграничным перемещениям и мигрантам и не ориентирован на развитие трансграничного сотрудничества по вопросам трансграничного обмена²⁷.

В рамках **социетальной безопасности** за точку отсчета берутся преимущественно интересы принимающего общества. Миграция же рассматривается прежде всего как источник проблем, связанных с конфликтами между мигрантами и местным населением или с маргинальным положением приезжих (например, преступность)²⁸. Основное внимание при таком подходе сосредоточено на регулировании миграции и проблемах адаптации мигрантов в принимающем обществе, тогда как ситуация в странах-реципиентах, а также индивидуальные характеристики мигрантов, как правило, остаются без серьезного внимания.

Напротив, концепция «**human security**» (безопасность индивида) сконцентрирована преимущественно на тех проблемах, которые испытывают мигранты: тех угрозах их личной безопасности (например, этнических конфликтах или политических репрессиях) и лишениях (голод и т.п.), которые побуждают их мигрировать, аналогичных угрозах и лишениях, которые подстерегают их на новом месте (плохие жилищные условия и условия труда, бесправие в отношениях с государственной машиной, нападения экстремистов). При таком подходе в тени часто оказываются уже интересы государства и принимающего общества даже в тех случаях, когда миграция объективно создает для них серьезные проблемы (например, роста преступности и поддержания правопорядка). Вместе с тем плюсом «индивидуалистической перспективы» исследований миграции в контексте безопасности является охват всех трех рассматриваемых в настоящей работе стадий: эмиграции, пересечения границы и адаптации, а также взгляд на миграцию со стороны самих мигрантов, который позволяет скорректировать стереотипные установки, часто возникающие при изучении процесса с позиций исключительно «принимающей стороны» (принимающего общества или государства).

Конструктивистская перспектива, которая может быть связана с любым из трех предыдущих подходов, предполагает трактовку вытекающих из них установок (в частности, набора угроз и вызовов) как конструкторов, обусловленных особенностями восприятия их создателей. В данном контексте ключевым понятием является термин «секьюритизация», т.е. придание тому или иному явлению смысла безопасности (т.е. явления, связанного с ситуацией, настоятельно требующей принятия ответных мер чрезвычайного характера), хотя то же самое явление вполне может рассматриваться в более нейтральном или «спокойном» контексте. Например, сама миграция, образование этнических анклавов или те трудности, которые испытывают мигранты, могут быть с успехом объявлены как вопросами безопасности, так и рутинными проблемами, а в некоторых случаях даже позитивными возможностями. Однако наряду с установкой на придание миграционным проблемам смысла безопасности критическому рассмотрению может быть подвергнута и противоположная установка — трактовка тех или иных явлений как однозначно не связанных с безопасностью. Подобный подход, названный С. Жижekom и А. Макарычевым транквилизацией²⁹, на практике может обернуться замалчиванием или отрицанием важности реальных проблем (например, конфликтных ситуаций между мигрантами и принимающим обществом), порой требующих быстрого и экстренного реагирования.

Последовательное применение конструктивизма и родственных ему постпозитивистских теорий (т.е. рассматривающих проблематику безопасности как обусловленную субъективными представлениями о ней) в исследованиях миграции сквозь призму безопасности создает и другую проблему, а именно возникновение почти непреодолимого разрыва между теорией и практикой. С позиции последней едва ли не любое решение сложного вопроса является небезупречным и основанным на стереотипах, очень часто связанных с индивидуальными или массовыми упрощенными представлениями о том, что является угрожающим или безопасным. Поэтому доскональный разбор принимаемых решений с точки зрения обуславливающих его конструктов сам по себе является праксеологически неплодотворным. Для примирения, нахождения оптимального баланса между постпозитивистскими теориями безопасности и потребностями процессов принятия решений и управления в сфере миграционной политики требуется встраивание конструктивизма и других критических подходов в процесс оптимизации менеджмента.

В целом исследования безопасности рассматривают миграцию под специфическим углом, видя в ней угрожающее явление, требующее принятия экстренных мер, или «разоблачая» подобное восприятие. В большинстве случаев акцент делается на фазах адаптации мигрантов и пересечения ими границ как эффективного или, чаще, неэффективного барьера против слишком интенсивного потока. Фаза же эмиграции чаще оставляется без серьезного внимания, если исследование не лежит в парадигме «human security».

Исследования границ (Border Studies) — дисциплина, лежащая на пересечении политологии и географии. Вряд ли можно говорить о существовании в ее рамках устоявшихся теорий³⁰; скорее речь идет о самых общих концептуальных подходах или перспективах, сквозь призму которых возможно рассмотрение проблем миграции на трансграничной стадии.

Функционалистская перспектива позволяет рассмотреть миграционные проблемы в контексте роли границы в регулировании трансграничных потоков³¹ и, напротив, роли трансграничных потоков в изменении характеристик самой границы³². В первом случае внимание акцентируется на таких функциях границы, как барьерность (т.е. способность эффективно препятствовать нежелательным трансграничным потокам) и контактность (т.е. способность служить полноценным проводником для потоков легальных), во втором — рассматривается влияние политических и экономических систем сопредельных государств и проходящих через их общий рубеж трансграничных потоков на характер той же границы. Пограничными службами, пожалуй, большинства стран мира

провозглашается стандартный тезис о том, что граница должна быть открытой для законопослушных людей и закрытой для нарушителей, однако на деле далеко не всегда это благое пожелание оказывается выполнимым. Во многих конкретных ситуациях все происходит с точностью до наоборот: от ограничений страдают законопослушные люди (чаще всего 90–99% от общего числа пересекающих границу), тогда как нарушители прекрасно пользуются уязвимостями в системах пограничного и таможенного контроля. Те проблемы, которые испытывают на границе законопослушные мигранты (коррупция, вымогательство, бюрократические барьеры и т.п.), будут рассмотрены в третьей главе настоящей работы.

Серьезными проблемами, которые могут возникнуть при определении барьерности или контактности границы, представляются высокая латентность нелегальных потоков (что сильно затрудняет конкретную оценку эффективности того или иного рубежа как барьера против них), а также неоправданные надежды, нередко возлагаемые на границу едва ли не как на панацею в обеспечении национальной безопасности. Одним из случаев проявления такого стереотипа, который автор предлагает именовать бордеризацией проблем безопасности, является представление о том, что укрепление границы является одной из главных мер в борьбе против притока нелегальных мигрантов в РФ. Как будет показано в первом параграфе третьей главы настоящей работы, миграция не является серьезной проблемой пограничной безопасности России, так как подавляющее большинство мигрантов на стадии въезда в страну не нарушают законы.

«Антропоцентричная» перспектива, включающая широкий круг исследований различных направлений, рассматривает ситуацию с позиции пересекающих границу индивидов или же социальных групп, для которых рубежи являются не только объективной реальностью, но и субъективным смыслом.

Еще в конце 1960-х гг. норвежский антрополог Ф. Барт и его последователи поставили вопрос о роли различного рода «виртуальных» границ как феномена, присущего коллективному сознанию, для которого характерно стремление отгородиться от «чужих» и почувствовать себя в безопасности, если внешняя среда воспринимается как потенциально агрессивная³³. Эта идея была перенесена в географическую лимнологию в начале 1990-х гг. и развита в трудах финского географа А. Пааси³⁴ и ряда других исследователей³⁵. На ту же роль границ указывается и в ряде конфликтологических исследований последних лет. В них подчеркивается, что при разрешении международных конфликтов с выраженным этнополитическим изменением (например, на Кипре) было бы доволь-

но рискованно пытаться разрушить жесткую границу между конфликтующими общностями, ибо это может быть воспринято сторонами конфликта как угроза своей безопасности и идентичности; вместе с тем более разумным вариантом было бы поддерживать дозируемое и регулируемое трансграничное сообщение³⁶. Сходные проблемы, хотя и в другом контексте, отметил в своей работе и французский политолог Д. Биго, по мнению которого ослабление роли границ в современном мире может привести к их «компенсации», т.е. становлению более жестких незримых барьеров между различными этническими, расовыми и другими группами и, как следствие, к осложнению межэтнических отношений³⁷. Последние две концепции указывают на то, что границы могут играть в регулировании миграции важную субъективно-психологическую роль даже в тех случаях, когда такая роль объективно невелика.

Другую сторону проблемы рассматривают проводимые в рамках политической антропологии исследования «**телесного опыта**» («body experience»), в фокусе которых оказывается обезличенный индивид, который на стадии перехода из одного государства в другое должен совершать определенные действия («ритуалы»), необходимые для того, чтобы получить разрешение на такой переход³⁸. Данный подход может быть применим для исследования тех проблем, с которыми сталкиваются отдельные мигранты при пересечении государственных границ.

Таким образом, исследования границ позволяют рассмотреть не только объективную значимость рубежей как регулятора миграции, но и их субъективный смысл, в частности, как неперемного атрибута защищенности от чужеродной или враждебной окружающей среды. Именно анализ такого смысла позволяет, например, понять, почему идея ужесточения пограничного режима как способ борьбы с неконтролируемой миграцией, наркоторговлей и другими вызовами пользуется широкой массовой поддержкой даже в тех случаях, когда эффективность таких мер не поддается убедительному рациональному обоснованию. Исследования границ позволяют взглянуть на проблему их пересечения не только со стороны государственной машины, но и со стороны индивидов как в качестве воспринимаемого субъекта, так и объекта, вынужденного совершать определенные ритуалы для того, чтобы быть допущенным в другое правовое пространство.

Геополитические исследования. Так как в центре внимания геополитики находится изучение проблем и возможностей контроля над пространством, миграция может при этом рассматриваться в нескольких контекстах.

Во-первых, она может восприниматься как **прибавление населения, усиливающее экономический, военный и другие потенциалы государства/ре-**

гиона. Такая точка зрения находится в русле концепции меркантилизма — одного из первых научных направлений, в рамках которого феномену международной миграции было уделено особое внимание³⁹. Однако такой подход сам по себе представляется слишком механистическим, преувеличивающим количественные характеристики миграции в ущерб качественным.

Другой возможный подход заключается в рассмотрении миграционных потоков как **системообразующих связей между различными странами или регионами**, благодаря которым устанавливается взаимозависимость между такими территориальными общностями. Эта взаимозависимость носит асимметричный характер: страны-доноры нуждаются в «сбыте» излишков рабочей силы (скопление которой грозит усилением социальной напряженности) и поступлении денежных средств от заработков гастарбайтеров, а страны-реципиенты — в дешевых рабочих руках, без которых стабильный экономический рост возможен не всегда, а также в содействии страны-донора в регулировании некоторых аспектов данной миграции (введение ее в легальное и контролируемое русло, оказание желаемого влияния на этнические общины в государстве пребывания и т.п.).

В рамках третьего подхода международная миграция рассматривается как **негативное явление, ослабляющее контроль страны-реципиента над собственной территорией**. Симптомы такого ослабления часто видятся в возникновении неконтролируемых этнических анклавов, а также обострении конфликтов между приезжими и принимающим обществом. В данном контексте часто упоминается концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, налагаемая на российские реалии, как правило, без глубокого анализа работ американского исследователя и преимущественно к тем ситуациям, когда речь идет о взаимоотношении «коренного населения» с мигрантами из традиционно мусульманских стран или из государств Дальнего Востока. Такого рода упрощенные трактовки часто избавляют интерпретаторов от сколько-нибудь глубокого изучения корней конфликтной ситуации, внимательного учета спектра позиций другой стороны (т.е. представителей «чуждых этнических анклавов») и от объяснений того, почему степень остроты конфликтов (например, в грузино-осетинских и грузино-азербайджанских отношениях, армяно-азербайджанских отношениях, с одной стороны, и армяно-иранских или грузино-турецких — с другой) далеко не всегда может быть соотнесена с этноконфессиональными различиями.

Через значительную часть работ, претендующих на анализ различных аспектов геополитического положения РФ, красной нитью проходят **идеи конспирологического характера**. Многие из нынешних проблем

России представляются результатом «заговора» против нее, направляемого либо из конкретных стран (в частности, США или Китая), либо некими тайными силами («мировым сионизмом», исламскими экстремистами и т.п.). В таком контексте внешняя миграция рассматривается в качестве управляемого процесса, направленного на дестабилизацию ситуации внутри страны и ее развал либо на отторжение от России обширных территорий (например, в Сибири и на Дальнем Востоке — в пользу КНР). В этой связи мигрантам отводится роль послушной и управляемой «пятой колонны», орудия выполнения «заговорщицких планов», «составляющие» которого имеют интересы, тождественные интересам «центров заговора».

Весьма тревожной тенденцией, явно идущей вразрез с принятыми в научном сообществе этическими нормами, представляются **предпринимаемые некоторыми геополитиками попытки, не утруждая себя приведением конкретных и убедительных доказательств, связать с «заговором» научную деятельность исследователей проблем межэтнических отношений и миграции.** Речь в частности идет об открыто враждебной оценке работ тех исследователей, которые видят во внешней миграции из Азии преимущественно положительное явление⁴⁰, или, по существу, о бездоказательных обвинениях в адрес участников проектов, проводимых во взаимодействии с научными центрами и грантодателями стран, из которых якобы направляется «заговор»⁴¹.

По своей сути конспирологическое мышление представляет собой некорректную попытку объяснения феномена посредством искусственного введения в систему причинно-следственных связей вовсе не обязательного для цели такого объяснения дополнительного звена, а именно некоего центра «вредоносного влияния» на развитие ситуации. Конечно, сознательным воздействием «вредителей» может быть объяснено развитие едва ли не любого сложного социального явления (интерпретируемого как отрицательное), причем подобные утверждения зачастую невозможно ни доказать, ни опровергнуть с исчерпывающей убедительностью. Логическая суть такой схемы была подвергнута критике еще средневековым схоластом У. Оккамом, сформулировавшим принцип: «то, что можно объяснить посредством меньшего, не следует умножать посредством большего» (так называемая «брита Оккама»), предписывающий избегать объяснения явления с помощью нарочито усложненных конструкций, содержащих далеко не обязательные «звенья».

Доказательная база конспирологической схемы основывается на категорической (без внимательного отношения к другим объяснениям) вере ее приверженца в существование «заговора», подкрепляемой, как

правило, логически некорректными аргументами «за», основанными на неполной индукции, превращении самых абстрактных связей в конкретные связи причинно-следственного характера (если можно установить некую связь между явлением и «источником заговора», то данное явление считается управляемым «источником заговора»⁴²), весьма смелых экстраполяциях (если некие «тайные силы», возможно, имели «зловещие» планы несколько веков назад, значит, эти планы продолжают осуществляться и сейчас⁴³) и т.п. Как уже было упомянуто выше, та система аргументации, к которой в большинстве случаев прибегают сторонники конспирологических концепций, часто сочетается с невниманием к аргументам «против» и нередко нарочито пренебрежительным отношением к их сторонникам (которые объявляются «агентами влияния», «ограниченными», «некомпетентными» или «не знающими жизни»).

Как при исследовании миграционных процессов, так и в других ситуациях все это позволяет авторам конспирологических концепций уходить от добросовестного анализа конкретной статистической или социологической информации, так же как и от ознакомления с фундаментальными работами по миграционной проблематике. **Нежелание большинства авторов произведений в жанре «конспирологической геополитики» основывать свои выводы на вразумительной научной методологии, считаться с другими возможными объяснениями рассматриваемых ими явлений и, нередко, соблюдать элементарные нормы научной этики (избегать слабодоказуемых серьезных обвинений в адрес по крайней мере ныне живущих/существующих конкретных людей, групп и организаций) стирает грань между научной работой и далеко не самой качественной публицистикой. По нашему глубокому убеждению, никакой формальный статус автора в таких ситуациях не должен служить основанием для легитимизации его суждений как имеющих какое-либо отношение к науке.** Попытка А. Г. Дугина (а де-факто и ряда других геополитиков) объявить конспирологию допустимым научным подходом в политологии фактически только на том основании, что идеи «заговора» органично присущи обыденному сознанию⁴⁴, способна вызвать не более чем грустную улыбку.

Четвертый подход лежит в русле **критической геополитики**, предметом изучения которой являются геополитические дискурсы или совокупности геополитических представлений. Исследование распространенных в странах-донорах и странах-реципиентах идей о геополитическом значении миграции позволяет подвергнуть их квалифицированной критике до стадии их использования в сфере практической политики, а также избежать конфликтных ситуаций, которые

могут возникнуть из-за недооценки (или пренебрежительного игнорирования) тех идей, которые отражают укорененные в обществе представления и потому должны прямо или косвенно приниматься в расчет в процессе принятия решений.

Использование политологических теорий (так же как и теорий, находящихся на стыке политологии и других дисциплин) в анализе миграционного процесса часто позволяет обеспечить более широкий проблемный охват по сравнению с теориями, относящимися к другим областям научного знания. В поле зрения гораздо чаще, чем в других случаях, оказываются проблемы международных отношений (в частности, политического взаимодействия между странами-донорами и странами-реципиентами и «многомерные» глобальные процессы), этнокультурные особенности мигрантов и принимающего общества, роль границ в регулировании миграционных потоков и, наконец, особенности восприятия этих явлений и процессов политическими элитами, принимающими решения лицами, экспертами и общественным мнением в целом. Значительная часть применимых к исследованию миграционных процессов политологических теорий позволяет взглянуть на миграцию с различных сторон (индивида, государства, региональных и глобальных систем международных отношений) и сфокусироваться как на анализе объективной реальности, так и на ее субъективных восприятиях.

В то же время перспектива применения политологических теорий в рассматриваемом контексте может заставить исследователя решать довольно непростые проблемы. Возможно, главная из них заключается в необходимости заимствовать методологическую базу из других областей знания (социологии, экономики, истории и т.д.), что может ввести (и нередко вводит) аналитика в искушение ограничиться общелогическими методами (которые в довершение ко всему порой применяются явно некорректно) и интуитивной интерпретацией вторичной информации, к сожалению, не всегда подаваемой СМИ и представителями власти в неискаженном виде и без явно выраженного «субъективного фона». Учитывая, что некоторые политологические (особенно геополитические) концепции грешат идеологической ангажированностью, написанные в таком ключе работы могут оказаться гораздо ближе к публицистике, чем к научному исследованию. И все же с учетом этих оговорок политологические и связанные с ними междисциплинарные концепции открывают перед исследователями миграции широкие возможности для постановки новых, неисследованных в других дисциплинах проблем, так же как и для их оригинальной теоретической интерпретации.

§ 3. Значение комплексного анализа миграционного процесса в контексте формирования миграционной политики РФ

Важнейшим условием формирования эффективной миграционной политики РФ является установление тесного взаимодействия между наукой и практикой, плодотворное использование результатов исследований в процессе принятия решений. Такое взаимодействие уже давно и успешно осуществляется в странах ЕС и в США, где в официальных материалах считается нормой ссылаться на научные исследования (конкретно-эмпирического, а отнюдь не абстрактно-геополитического характера!) независимых центров, привлекать последние к реализации разовых проектов или к проведению мониторингов⁴⁵. Во всех этих случаях выводы и порой весьма нелицеприятные критические оценки независимых исследовательских центров самым серьезным образом учитываются в процессе формирования миграционной, пограничной, антинаркотической и другой политики.

К сожалению, в Российской Федерации взаимодействие между учеными и принимающими решения лицами в сфере оптимизации миграционной политики пока довольно слабо. Нередко (хотя и далеко не всегда) оно носит формально-символический характер, выражаясь в организации используемых в основном для отчетности совместных мероприятий, публикации сборников статей, участия ученых в занимающихся утверждением принятых решений экспертных советах и т.п. Исследования миграции и миграционная политика по-прежнему развиваются довольно изолированно друг от друга, что мешает объединить потенциалы и преодолеть недостатки, присущие типичным научным изысканиям и практическим подходам представителей власти.

С одной стороны, для многих научных исследований проблем миграции характерны описательность и чрезмерная абстрактность. Из-за ограниченности доступа к необходимой информации (в частности, статистике и отчетам государственных структур) российским исследователям, в отличие от их западных коллег (которым такая информация, как правило, доступна в огромном объеме и разнообразии), часто приходится опираться на довольно тенденциозные материалы СМИ, также не всегда объективные высказывания и оценки (порой не более чем интуитивные) представителей власти. **Таким образом, фактическая роль научной работы в некоторых случаях может свестись лишь к воспроизведению фрагментарно доступной информации и официальных позиций.** Рекомендации, предлагаемые исследователями миграции, часто носят самый общий характер, что объясняется отсутствием у большинства

ученых практического опыта и тем же хроническим недостатком конкретной информации, с помощью которой можно было бы убедительно обосновать предложения по совершенствованию миграционной политики. Наконец, управленцы далеко не всегда толерантно относятся к принципиальной критике своей деятельности, тем более исходящей извне и от людей, опять-таки не имеющих практического опыта. Во многом в связи с вышеупомянутыми соображениями некоторая часть принимающих решения лиц воспринимает научные изыскания как формально желательный, но с практической точки зрения малополезный вклад в формирование реальной политики.

Любопытно, что такой подход вполне может сочетаться с почти суверенным **конспирологическим страхом допустить утечку сколько-нибудь важной информации**, которая потенциально может быть каким-то образом обработана иностранными аналитиками и использована во вред интересам России⁴⁶. Имплицитно это означает неверие в способность российских исследователей использовать такую информацию для выработки ценных практических рекомендаций и, напротив, веру в способность неких зарубежных «мозговых центров» гораздо лучше (хотя и неизвестно как именно конкретно) воспользоваться той же информацией в «разрушительных» целях. Как уже отчасти отмечалось выше, исследующие ситуацию в западных странах российские ученые могут получить (причем в большинстве случаев из открытых источников и бесплатно) огромный объем самых детальных статистических данных, большое количество изобилующих конкретными сведениями официальных отчетов (в том числе имеющих прямое отношение к национальной безопасности) и тому подобных материалов⁴⁷, доступ к российским аналогам которых закрыт или ограничен.

Упомянутый выше страх допустить утечку потенциально важных для безопасности сведений усиливается в тех случаях, когда речь идет о предоставлении информации **для научных проектов, осуществляемых при поддержке зарубежных грантодателей**. Однако в нашем случае именно в рамках таких проектов очень часто могут быть получены наиболее ценные и практически важные для российской миграционной политики результаты, что объясняется следующими обстоятельствами.

■ Международные проекты по исследованию миграции (особенно коллективные) являются весьма дорогостоящими, что во многих случаях требует привлечения средств либо очень мощных в финансовом плане фондов, либо сразу нескольких грантодателей.

■ Российские грантодающие организации в подавляющем большинстве случаев не поддерживают финансирование международных исследовательских коллективов из более чем двух стран⁴⁸, что препятствует

организации исследований по миграции в соответствующем формате. По этой и предыдущей причинам упомянутая, например, во введении серия проектов под руководством Ж. Зайончковской была бы вряд ли возможна в полноценном формате при финансировании из отечественных источников.

■ Участие российских ученых в таких проектах способствует их накоплению с передовыми достижениями зарубежных исследователей по миграционной проблематике, развитию их международного сотрудничества в этой сфере.

■ Процедура отбора конкурсных проектов зарубежными грантодателями очень часто более объективна и прозрачна, чем аналогичная процедура, осуществляемая грантодателями российскими. Кроме того, ввиду лучшей исследованности миграционной проблематики за рубежом к конкурсным заявкам по соответствующим темам предъявляются более высокие требования. Поэтому победившие в зарубежных конкурсах проекты по миграционной проблематике во многих случаях выгодно выделяются своей научной ценностью и практической значимостью в общей массе отечественных «аналогов».

■ Сама по себе возможность получать финансирование для таких проектов стимулирует появление в России опытных и квалифицированных специалистов по миграционной проблематике. К сожалению, положение таких исследователей (особенно на ранней или средней стадии карьеры) зачастую нестабильно и в чем-то сходно с положением трудовых мигрантов: получая по-прежнему мизерную (несмотря на экономический рост в стране) зарплату по месту своей основной работы, и те, и другие должны решать задачу вхождения хотя бы в низовой сегмент среднего класса. Поэтому участие в финансируемых проектах порой является одной из очень немногих возможностей, позволяющих ученым избежать отвлечения от научной деятельности (ухода в другую сферу), вовлечения в «теневые отношения» в сфере образования (коррупция, написание «заказных работ» и т.п.) или даже эмиграции за рубеж. С учетом всего вышесказанного попытки заклеить исследователей, получающих финансирование из западных стран, как «агентов влияния» не только несправедливы, но и попросту неэтичны, особенно когда исходят от лиц, обладающих гораздо более устойчивым материальным положением и социальным статусом.

Некоторым минусом ориентированности ряда российских исследователей социальных (в том числе миграционных) проблем на финансируемые западными грантодателями проекты можно считать часто проявляющийся в их рекомендациях **перекос в сторону обращения лишь к западному опыту** (как модели для оптимизации соответствующей рос-

сийской политики) при полном или почти полном отсутствии упоминания об аналогичном опыте восточных стран и государств других регионов. Разумеется, такой перекокс в целом объясняется отнюдь не подверженностью российских грантополучателей «гипнозу западного влияния» и тем более не желанием «отработать деньги заказчика»: ведь наиболее прагматичной стратегией в последнем случае было бы получать гранты и публиковать главные результаты работ за рубежом, а в России тщательно избегать всего, что может показаться кому-то выходящим за рамки политической конъюнктуры. В действительности упомянутый перекокс чаще всего объясняется рациональной убежденностью рассматриваемой группы исследователей в превосходстве опыта западных стран над российскими реалиями (вряд ли можно, например, отрицать, что миграционная политика США и стран ЕС по крайней мере гораздо более гуманна и менее коррупциогенна, чем аналогичная политика РФ), а также языковыми и другими барьерами для получения качественной и столь же разнообразной информации из других регионов. Было бы абсурдным на этом основании отказываться от учета рекомендаций, ставящих во главу угла западный опыт, тем более что проблему односторонности сравнительно-практических исследований вполне можно решить путем подключения к ним высококвалифицированных востоковедов и специалистов по другим регионам.

Таким образом, проекты с зарубежным финансированием в нынешних российских реалиях повышают потенциал отечественных исследований миграционных проблем и открывают дополнительные возможности для оптимизации взаимодействия ученых с властью. **Последняя может стимулировать расширение тематики исследований в нужном для себя направлении или поступление к ней информации (например, в виде аналитических записок) до публикации результатов в открытых источниках, в обоих случаях извлекая для себя очевидные выгоды при весьма существенной экономии на финансировании дорогостоящих проектов.**

При тех реальных или мнимых минусах, которые свойственны типичным подходам к изучению проблем миграции представителей научного сообщества, более широкое привлечение квалифицированных исследователей к процессу принятия решения в сфере миграционной политики, возможно, позволило бы отчасти преодолеть те **недостатки, которые во многих (опять-таки, следует особо оговориться, что далеко не во всех) случаях свойственны процессу принятия решений «практиками» без эффективного участия в нем ученых.**

Для управленцев в гораздо большей степени, чем для исследователей, свойственно опираться скорее на связанную со своей практикой конкретную эмпирическую информацию, нежели на выявляемые научными мето-

дами общие закономерности регионального, национального или глобального масштаба. Это чревато формированием круга устойчивых стереотипов, которые некритически переносятся на процесс принятия решения. Например, сделанные на основе личных наблюдений или сообщений СМИ заключения, такие как «на рынках или в других общественных местах слишком много мигрантов», «можно привести очень большое число примеров преступлений, совершенных мигрантами», «в сообщениях о фактах торговли героином фигурируют в основном таджики и цыгане», «большинство известных мне представителей руководства той или иной этнической общины связано с криминалом» и т.д., могут легко трансформироваться в некорректные обобщения, экстраполяции (на ситуацию в других регионах и даже во всей стране) и даже в интуитивные «экспертные оценки» («мигранты совершают в регионе более половины от общего числа преступлений», «большинство представителей той или иной этнической группы вовлечены в преступную деятельность»⁴⁹ и т.п.), которые охотно тиражируются журналистами, используются исследователями и нередко (причем порой в искаженном виде и без ссылки на первоисточник) возвращаются к представителям власти в качестве обоснования принимаемых решений.

Одним из серьезных недостатков проводимой на федеральном и региональном уровнях миграционной политики является **малое внимание к причинам международной миграции и к ситуации в странах-донорах.** Взаимодействие с такими странами и их регионами, как правило, носит лишь эпизодический характер, а информация о положении в них поступает во властные структуры (особенно региональные) часто в очень малом объеме и используется ими с большой задержкой. Между тем, как это показано во второй главе, миграционная ситуация в странах-донорах меняется очень динамично и некоторые из тех тенденций (например, падение уровня жизни, явный приоритет РФ как направления международной миграции из стран СНГ), которые имели там место в начале, а в некоторых случаях даже в середине 2000-х гг., уже не столь актуальны к концу 2007 г.

В качестве иллюстрации невнимания многих чиновников федерального уровня к ситуации в странах-донорах, так же как и игнорирования ими в принципиальных ситуациях разработок компетентных исследователей, может быть упомянута их **попытка опереться на явно завышенные оценки численности нелегальных мигрантов в РФ (10–20 млн человек) для обоснования необходимости осуществления экстренных и жестких мер по регулированию миграции.** Такие оценки малосовместимы с реальным демографическим потенциалом стран СНГ и не разделяются практически ни одним из ведущих отечественных специалистов по мигра-

ции, выводы которых в числе прочего основаны на расчете данного потенциала⁵⁰.

Как показывает международный опыт, недооценка важности социально-экономических тенденций в странах-донорах, так же как и нескоординированность осуществляемых реципиентом внешнеполитического курса (в отношении страны-донора), пограничной и миграционной политики, может привести к весьма серьезным негативным последствиям. В качестве примера можно обратиться к **опыту регулирования Соединенными Штатами мексиканской миграции в контексте американо-мексиканских отношений**.

Для США традиционно характерно решать проблему мексиканской нелегальной миграции односторонними мерами, зачастую без сколько-нибудь серьезного учета реакции на них со стороны Мексики, которая в свою очередь по этому вопросу редко и неохотно идет на сотрудничество со Соединенными Штатами. Долгое время предпринимаемые последними меры по борьбе с притоком мексиканских нелегальных мигрантов (большинство которых без особых проблем незаконно переходило границу и, отработав в США, возвращалось обратно) заключались по сути лишь в установлении жестких квот на въезд мигрантов легальных и в принятии некоторых мер по укреплению границы. В соответствии с принятым в 1987 г. законом об иммиграционной реформе и контроле над иммиграцией была сделана попытка легализовать незаконно находившихся в США на постоянной основе мексиканцев, но это стимулировало не только легализацию примерно 2 млн человек⁵¹, но и новый приток нелегалов (1,7 млн человек в период с 1985 по 1994 г.)⁵², активно пользовавшихся связями с осевшими в Соединенных Штатах друзьями и родственниками.

Однако предпринятая властями США в середине 1990-х попытка переломить эту тенденцию путем беспрецедентного до этого ужесточения пограничной политики (перекрытия районов, наиболее удобных для пересечения границы) привела к гораздо более крупномасштабной неудаче: мигранты, вынужденные рисковать гораздо больше, чем ранее, и пользоваться платными услугами профессиональных проводников, перестали возвращаться обратно в Мексику. В результате численность нелегально осевших в США представителей этой страны с 1995-го по 2004 г. выросла еще на 4 млн человек⁵³. **В итоге общее число мексиканских нелегалов к 2006 г. оценивалась в 6,2 млн человек⁵⁴, подавляющее большинство которых осело в стране именно с 1987 г. и именно в результате неудачных экспериментов, особенно по ужесточению миграционной и пограничной политики.** Возможно, что даже непринятие решительных мер по укреплению

нию границы не привело бы к столь массовому оседанию в США нелегалов, каковое произошло фактически.

Взятый в настоящее время курс на полное перекрытие американо-мексиканской границы очевидно ведет к криминализации, колоссальному усилению уже, возможно, самой мощной в мире мексиканской наркомафии (практически взявшей нелегальную миграцию под свой контроль), основные доходы которой приносит именно ее «специализация» на преодолении южного рубежа Соединенных Штатов.

Американский опыт показывает, что несбалансированность и недостаточная продуманность репрессивной и социальной, внутренней, международной и пограничной политики регулирования миграции в долгосрочной перспективе легко может обернуться провалом, даже если в краткосрочной перспективе односторонние и несбалансированные шаги, казалось бы, приносят положительные результаты. Приведенный пример также демонстрирует важность участия не только отечественных «мозговых центров», но и международных исследовательских коллективов в проработке и оценке решений, которые могут иметь неоднозначный эффект в долгосрочной перспективе.

Очень важным вкладом исследователей в оптимизацию миграционной политики могло бы стать и полноценное использование их возможностей (в целом более широких, чем возможности властных структур) изучать ситуацию, принимая за точку отсчета не государство, а самих мигрантов с их социальными характеристиками, интересами и другими особенностями. **Это позволило бы несколько скорректировать однобокое государственноцентричное видение проблемы и учесть спектр ее оценок теми людьми, которые чаще всего рассматриваются лишь в качестве ее пассивных объектов.** Подобные исследования (как правило, основанные на социологических опросах, интервьюировании и наблюдении) являются весьма трудоемкими и порой дорогостоящими, поэтому в условиях слабого финансирования осуществляются нерегулярно, от случая к случаю. Все это не позволяет регулярно отслеживать реакцию мигрантов на те или иные изменения миграционной политики.

Серьезной проблемой, требующей решения совместными усилиями практиков и исследователей, является **необходимость выработки особых практических подходов к ситуации в тех регионах, которые являются основными «центрами притяжения» мигрантов.** Одним из существенных недостатков проводимой в настоящее время миграционной политики представляется ее чрезмерная централизованность и унифицированность, тогда как миграционные потоки распределяются по российским регионам явно неравномерно. Можно выделить относительно неболь-

шое количество тех субъектов РФ, приток в которые большого числа **иностранных** мигрантов вызывает наиболее острые социальные проблемы (например, в Москве уровень связанной с такими мигрантами преступности гораздо выше, чем в любом другом регионе страны), требующие срочного решения в рамках квалифицированной региональной миграционной политики.

С учетом этих соображений представляется целесообразным сосредоточение усилий «мозговых центров» (не только региональных, но и столичных) в первую очередь именно на этой небольшой группе регионов, исследования ситуации в которых могли бы получать приоритетную поддержку от государства. Для полноценного проведения таких исследований необходимо максимально ослабить «информационную закрытость» и «ценовой барьер», что позволило бы исследователям получать не фрагментарную, а полномасштабную и качественную информацию от органов власти и местных статистических служб.

Следует особо оговориться, что **конфликты, обеими сторонами которых являются граждане РФ** (в том числе выходцы с Северного Кавказа), а не иностранных государств (подобные события в Кондопоге), вопреки распространенному в массовом сознании и среди политиков стереотипу, **входят в сферу не миграционной, а этнонациональной политики**, и потому соответствующие проблемы должны решаться именно на этом уровне.

Выводы

Изучение миграционного процесса во взаимосвязи его различных стадий, начиная от эмиграции и кончая адаптацией, позволяет исследователям поставить ряд серьезных проблем, которые зачастую остаются без достаточного внимания в рамках практической миграционной политики. В числе таких проблем — системная взаимозависимость между странами-донорами и реципиентами, социально-экономические и другие конкретные характеристики миграционных потоков, мотивации отдельных мигрантов, особенности индивидуальных и массовых восприятий участников и «наблюдателей» миграционного процесса (самих мигрантов, принимающего общества, представителей власти, журналистов) и т.д. Использование этих возможностей с помощью применения научных методов позволяет получить важную информацию и основанные на ней практические рекомендации, которые (к сожалению, пока чаще всего лишь потенциально) являются ценным вкладом исследователей в практическое решение комплекса связанных с международной миграцией проблем.

Глава 2

УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В СТРАНАХ-ДОНОРАХ

§ 1. Миграционная ситуация в Молдавии и Украине

Украина и Молдавия являются главными среди европейских стран СНГ поставщиками мигрантов в Россию. По результатам переписи 2002 г. в РФ проживало около 3 млн украинцев (на 33% меньше, чем в 1989 г., что во многом объясняется ассимиляцией и утратой идентичности) и более 170 тыс. молдаван (по сравнению с 1989 г. их численность почти не изменилась)⁵⁵. Однако ни эта статистика, ни данные миграционного учета и пограничного контроля не отражают адекватно мощные потоки трудовой миграции, которая является временной, часто зависящей от сезонных закономерностей и в значительной мере нелегальной.

Экспертные оценки украинской и молдавской миграции за рубеж, в том числе в РФ, порой резко различаются. Так, делаемые специалистами оценки численности украинской миграции разнятся от 1 до 4 млн⁵⁶, а политики называют цифры, доходящие до 7 млн человек⁵⁷. Наибольшие цифры приводятся украинской левой оппозицией, которая обвиняет правительство в неспособности решить социально-экономические проблемы страны⁵⁸.

В то же время в 2000-х гг. сама Украина стала одним из ведущих на постсоветском пространстве реципиентов трудовой и транзитной миграции, сальдо которой с 2005 г., по официальным данным, является положительным⁵⁹. По данным ООН, в 2005 г. в Украине насчитывалось 6,8 млн мигрантов, или 14,7% от общей численности населения страны⁶⁰. Значительную часть из них составляют нелегальные мигранты, оценки количества которых опять-таки резко расходятся: от 60 тыс. до 1,6 млн человек. Чаще всего упоминается оценка Международной организации по миграциям, согласно которой в Украине находится до полумиллиона нелегальных мигрантов⁶¹.

Мнения о масштабах трудовой миграции из Молдовы также варьируются в довольно широком коридоре: называются цифры 354 тыс.⁶², 600 тыс.⁶³ и даже до 1 млн человек⁶⁴. Однако мигранты формируют гораздо более значительный, чем в случае с Украиной, процент трудоспособного населения, составляя до его трети. Следует также учитывать,

что несколько сотен тысяч жителей Молдавии имеет двойное гражданство, вторым из которых является гражданство Румынии, Украины, России и других государств. Например, к 2000 г. свыше 200 тыс. человек приняли румынское гражданство⁶⁵.

Главной причиной столь мощной миграции стал **социально-экономический кризис**, от которого очень сильно пострадали обе страны, особенно Молдавия. По данным Государственного комитета статистики Украины, с 1990-го по 1999 г. (пик падения украинской экономики) ВВП страны уменьшился на 59,2%⁶⁶, в том числе в сфере промышленности — на 48,9%⁶⁷, сельского хозяйства — на 51,4%⁶⁸. Еще более тяжелая ситуация сложилась в Молдавии, ВВП которой к 2001 г. составлял всего 33% от уровня 1990 г.⁶⁹.

Ко второй половине 2000-х гг. ситуация в обеих странах улучшилась, хотя последствия кризиса до конца преодолеть не удалось. Украинский ВВП к концу 2006 г. вырос до 67,1% по сравнению с 1990 г.⁷⁰. Особенно заметных успехов удалось добиться в промышленности, которая вышла на уровень 101,0% по отношению к тому же ориентиру⁷¹, однако ВВП сельского хозяйства составлял всего лишь 65,1% от него⁷². Более скромными оказались успехи Молдавии: в период с 1997-го по 2006 г. ее ВВП в долларовом эквиваленте вырос на 78,5%⁷³, однако в промышленности такой прирост составил 36,4%, а в сельском хозяйстве даже произошел спад на 3,0%⁷⁴. Таким образом, в сельском хозяйстве Украины и, особенно, Молдавии до сих пор сохраняется гораздо более сложная ситуация, нежели в промышленности.

Негативная ситуация в экономике стала одной из причин **демографического кризиса**, выразившегося в заметном сокращении численности населения обеих стран. На Украине в период с 1989-го по 2004 г. оно уменьшилось на 7,4%⁷⁵, в Молдавии — на 9,9% с учетом жителей Приднестровья⁷⁶ и на 7,5% — без их учета⁷⁷.

Экономический кризис самым негативным образом отразился на **благополучии и занятости трудоспособного населения** как Украины, так и Молдавии. По данным украинской национальной статистической службы, за период с 1991-го по 1996 г. уровень занятости населения страны уменьшился на 8%. По оценкам некоторых международных организаций, на начало 1997 г. уровень безработицы составлял 7,6% (по официальным данным — 1,3%), а скрытой безработицы — 35–40%⁷⁸. Однако даже по сравнению с украинскими показателями ситуация в Молдове того периода выглядела еще менее благополучной. К 2001 г. уровень жизни населения страны составил 19% от уровня 1990 г.⁷⁹, а средняя зарплата не превышала в эквиваленте 40 долл. США (хотя в 1999 г. она была

еще на 10 долл. меньше)⁸⁰. Стремительными темпами росла безработица: в 1990-е гг. численность производственного персонала уменьшилась более чем в пять раз⁸¹, а общее количество зарегистрированных безработных в 1999 г. достигло 187 тыс. человек⁸².

В первой половине 2000-х гг. социальные показатели по обоим странам несколько улучшились. В Украине такое улучшение было более заметным. В период с 1999-го по 2006 г. реальная заработная плата увеличилась в 2,9 раза⁸³, а общая сумма задолженности по ее выплате с поправкой на инфляцию снизилась в 4 раза⁸⁴. Если в 2000 г. средний размер заработной платы составлял лишь 80% от прожиточного минимума для трудоспособных лиц, то на конец 2006 г. он достиг уже 206% от этого уровня⁸⁵. Численность занятого населения с 2000-го по 2006 г. увеличилась на 512 тыс. и достигла 19 032 тыс. человек⁸⁶. В то же время число безработных (определяемое по методологии Международной организации труда) за тот же период снизилось в 1,7 раза, с 2,6 млн (11,4% населения в трудоспособном возрасте) до 1,5 млн человек, или 7,4% трудоспособного населения⁸⁷. Некоторые признаки улучшения ситуации проявились и в Молдавии. В период с 2001-го по 2006 г. средняя заработная плата в стране увеличилась более чем в 3 раза (превысив 120 долл. США)⁸⁸, а количество безработных стабилизировалось.

И все же серьезные неблагоприятные тенденции в рассматриваемой сфере в обеих странах сохраняются до сих пор. Так, средние размеры зарплат очень сильно отличаются по отраслям (в украинской промышленности, например, он в 2,2 раза больше, чем в сельском хозяйстве⁸⁹) и по административно-территориальным единицам (в 22 из 27 регионов Украины средняя зарплата меньше среднестатистической, причем в 9 из них такая разница составляет более 20%; при этом основная часть «самых бедных» регионов находится на западе страны⁹⁰). Также симптоматично, что среди зарегистрированных на Украине безработных 60% составляют женщины и 54% — жители сельской местности⁹¹, причем следует особо отметить, что доля безработных в сельском населении в два раза больше, чем в городском⁹².

Наконец, легальное предложение рабочих мест на Украине и в Молдавии явно уступает спросу даже в абсолютном выражении. Хотя на Украине из определенного на основе методики Международной организации труда числа безработных (1,5 млн) на учете состоит лишь чуть более половины (823 тыс. человек), однако даже и это количество в 4,6 раза превышает зафиксированную статслужбой потребность предприятий в работниках⁹³. Дефицит рабочих мест подтверждают и данные опроса, проведенного в 2005 г. Институтом социологии НАН Украины:

три четверти взрослого населения указали на то, что труднее всего найти работу, отвечающую их квалификации и притом с достойной оплатой, а почти половина (47%) — что сложно устроиться на какую бы то ни было работу вообще⁹⁴. Вместе с тем следует оговориться, что рост числа прибывающих в Украину мигрантов может свидетельствовать о наличии в стране большого количества рабочих мест, видимо, по тем или иным причинам не учитываемых статистикой. В Молдавии же рынок труда по-прежнему находится в состоянии стагнации: уровень безработицы в 2001—2005 гг. колебался в диапазоне 100—120 тыс. человек⁹⁵. Даже существенное увеличение ВВП и объема производства не привело к повышению спроса на рабочую силу: напротив, число занятых в экономике продолжило сокращаться в среднем на 2,4% в год, а из тех, кто имеет работу, примерно три четверти, по данным Всемирного банка, находятся за чертой бедности⁹⁶. Во многих населенных пунктах по-прежнему складывается ситуация, когда крупное предприятие-работодатель, пользуясь своим монопольным положением, заставляет своих сотрудников трудиться до 12 и более часов в сутки, не выплачивая компенсацию за сверхнормативное рабочее время⁹⁷.

Помимо социально-экономических факторов важную роль в миграционной ситуации в некоторых случаях сыграла и **политическая конъюнктура**. В Молдавии, особенно в первой половине 1990-х, серьезными выталкивающими факторами стали рост национализма, ухудшение отношения к нетитульному населению в результате эскалации приднестровского конфликта, а также «языковой барьер», возникший из-за придания молдавскому языку статуса государственного (что привело к социальной дискриминации и увольнениям с ряда должностей людей, не владевших этим языком в достаточной мере). Во многом из-за вышеуказанных причин, а также ассимиляции части немолдаван численность русских за период с 1989-го по 2004 г. (считая население Приднестровья) сократилась приблизительно на 35%, украинцев — примерно на 28%⁹⁸. По сходным причинам, причем в гораздо большем масштабе, сократилась доля русского населения в регионах Западной Украины: например, по данным переписи 2001 г., численность русского населения по отношению к результатам Всесоюзной переписи 1989 г. составила всего 43,7% в Ивано-Франковской, 47,5% — во Львовской, 53,3% — в Тернопольской, 53,6% — в Волынской, 56,2% — в Ровненской и 57,6% — в Хмельницкой областях. В среднем же по стране численность русских в период между вышеупомянутыми переписями сократилась на 26,6%⁹⁹.

Для части украинских мигрантов (особенно из восточных регионов) немаловажным побудительным мотивом, заставляющим искать

работу за рубежом, являются **вредные экологические условия** в их регионах и на тех предприятиях, где они могли бы работать. Такой мотив указали 11,8% мигрантов в уже упомянутом опросе Института социологии НАН Украины¹⁰⁰.

Вышеуказанные проблемы экономического, социального и политического характера самым серьезным образом отразились на структуре миграции, мотивах и предпочтениях мигрантов. Рассмотрим эти аспекты подробнее.

В первой половине 1990-х гг. наиболее популярной разновидностью миграции из Украины и Молдавии были поездки так называемых «челноков» с целью закупки товара и его последующей перепродажи. Согласно социологическим исследованиям того периода, в Молдавии в нее было вовлечено до 500 тыс. человек¹⁰¹. Однако такой род деятельности не сулил мигрантам устойчивого заработка и часто не окупался: рынки Молдавии и Украины быстро насытились привозными товарами, разница цен в странах закупки и продажи уменьшилась, а таможенные ограничения, напротив, ужесточились. Все это сделало «челночный бизнес» менее рентабельным, чем ранее. Свою роль сыграло введение пограничного и таможенного контроля на российско-украинской и украинско-молдавской границах в конце 1990-х, а позже — визового режима между вступившей в ЕС Польшей и странами СНГ (2003) и по той же причине — между Молдавией и Румынией (2007). Однако и к настоящему времени потоки коммерческих мигрантов остаются достаточно мощными: так, в Турцию, Польшу, Украину за товарами ежегодно приезжают, по некоторым оценкам, не менее 40 тыс. граждан Молдавии¹⁰².

Со временем стало ясно, что в сложившихся условиях более надежный и стабильный доход обещает временное трудоустройство в странах-реципиентах. Основная масса украинских и молдавских мигрантов освоила ниши, связанные с низкоквалифицированным трудом. Переориентация мигрантов на новые занятия привела к существенному изменению их социального состава. Если среди «челноков» была велика доля женщин, а также людей с высшим образованием и обитателей крупных городов, то теперь возросла пропорция мужчин, жителей малых городов и сел, обладателей рабочих профессий¹⁰³.

Представление о социальном составе украинских трудовых мигрантов дают результаты вышеупомянутого социологического опроса Института социологии НАН Украины. В ходе опроса 12% жителей страны заявили, что в их семьях есть, как минимум, один человек, имеющий опыт работы за границей. Наибольшее количество респондентов, дав-

ших такой ответ (21%), проживают в западных регионах (в которых промышленность развита меньше, а уровень урбанизации ниже, чем на востоке страны), тогда как по остальным регионам аналогичный процент оказался практически в два раза ниже: 13% — в южных, почти 10% — в центральных и лишь 8% — в восточных регионах. Согласно тому же опросу контингент потенциальных трудовых мигрантов на одну треть формируется за счет сельских жителей (31,9%), вдвое меньшее число составляют жители малых городов с населением до 50 тыс. человек (15,8%) и еще значительно меньше — жители поселков городского типа (9,3%). Таким образом, более половины украинцев, ориентированных на временную эмиграцию с целью заработка, проживает в сельской местности и небольших городах¹⁰⁴.

В числе мигрантов из Молдавии, согласно данным исследования, проведенного в 2006 г. Национальным бюро статистики, доли мужчин и женщин, горожан и жителей сельской местности примерно одинаковы¹⁰⁵, хотя на восток, в Россию и Украину, едет больше мужчин, жителей из сельской местности и малых городов Молдовы, а на запад — больше женщин и жителей крупных городов. При этом этническая составляющая уже (в отличие от более раннего периода) не играет существенного значения при выборе страны трудовой миграции¹⁰⁶.

В числе как украинских, так и молдавских мигрантов наиболее многочисленной возрастной группой являются лица в возрасте от 20 до 30 лет¹⁰⁷, однако в последнем случае второй по численности группой оказались лица в возрасте 45–55 лет, имеющие детей-студентов¹⁰⁸. В миграции участвуют люди с самым разным уровнем образования, однако в украинском случае, видимо, ниже доля высококвалифицированных специалистов¹⁰⁹, имеющих больше возможностей устроиться у себя дома по специальности, чем их коллеги из Молдавии.

В географическом плане миграция из Украины и Молдавии направлена в самые разные страны, но при этом выделяются два основных потока, более интенсивный из которых направлен в Россию, тогда как интенсивный, но с каждым годом растущий и перспективный в глазах мигрантов — в страны ЕС.

«Российское направление» предпочтительнее для гастарбайтеров из западных стран СНГ из-за отсутствия языкового барьера, более низких (по сравнению с направлением «европейским») затрат на транспортные расходы (по произведенным в 2006 г. расчетам для молдавских мигрантов такие расходы были в среднем эквивалентны 90 долл. США, тогда как средние затраты на путешествие в ЕС составляли 323 долл.¹¹⁰), проживание и питание. Относительно численности приезжающих в РФ

украинских и молдавских мигрантов экспертные оценки существенно расходятся; кроме того, в различные периоды она может серьезно меняться. Так, при определении числа трудовых мигрантов из Украины называются цифры 420 тыс.¹¹¹, 1 млн¹¹², 1,5 млн и даже (применительно к некоторым периодам, когда спрос на рабочую силу особенно возрастает) 3 млн человек в год¹¹³; диапазон же оценок численности въезжающих в Россию гастарбайтеров из Молдавии колеблется, как правило, от 180¹¹⁴ до 270¹¹⁵ тыс. человек. Главным принимающим центром рабочих из обеих стран является Москва, роль которой особенно велика для молдавских мигрантов (именно в столицу направляется порядка 70–80% от их общего числа). Существенная часть приезжих из западных стран СНГ находит работу в Петербурге, граждане Украины — также и в некоторых других крупных промышленных центрах РФ¹¹⁶.

Среди приезжающих в Россию рабочих как из Молдавии, так и из Украины основную часть составляют мужчины, большинство которых (особенно граждан Молдовы) работает в строительстве. Многие украинцы трудоустраиваются в других секторах, например, различных отраслях промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте. Женщины чаще всего находят работу в сфере розничной торговли¹¹⁷. Среди украинских мигрантов встречаются представители всех регионов, хотя более двух третей составляют жители восточных областей¹¹⁸.

Все более возрастающая часть украинцев и особенно молдаван предпочитает подрабатывать **в странах ЕС**, что объясняется географической близостью (поэтому неудивительно, что в потоке украинских мигрантов в страны ЕС жители Центральной и Западной Украины заметно преобладают над представителями восточных регионов страны¹¹⁹), возможностью заработать там большие, чем в России, деньги (так, согласно результатам социологических исследований, средняя оплата работы трудовых мигрантов из Молдавии в странах ЕС составляет 600–1000 евро, а в России — лишь 250–370 евро в месяц¹²⁰), более благожелательным отношением к мигрантам со стороны правоохранительных органов и (в случае с молдаванами) местного населения. Предпочитаемыми государствами — членами ЕС для украинцев являются Польша, Чехия, Италия, Испания и Португалия, где работают в общей сложности от ста до нескольких сотен тысяч украинских граждан¹²¹. Для граждан Молдавии территория ЕС является еще более важным направлением миграции: по некоторым оценкам, в Евросоюзе уже работает в два раза больше представителей Молдавии, чем в РФ¹²². Основными странами ЕС — реципиентами молдавской миграции — являются Италия, Португалия, Греция, Чехия и Испания. Кроме того, популярными для молдаван

направлениями стали Израиль, Турция и Украина. Любопытно, что в миграционных потоках, направленных в часть этих стран (и для украинцев, и для молдаван такими государствами являются, например, Италия и Турция), женщины заметно преобладают над мужчинами¹²³. Это объясняется как высокой потребностью ряда стран в специфических услугах (няни, прислуга и не в последнюю очередь секс-индустрия), так и стремлением значительного числа гражданок Украины и Молдавии решить свои проблемы путем вступления в брак с жителями «богатых» стран. По некоторым данным, доля браков представительниц Молдавии с иностранцами (особенно жителями Турции, Италии, Греции и Германии) в 2006 г. превышала треть от всех заключенных гражданками Молдавии брачных союзов, при том что немалая часть молдаванок, уезжая за рубеж, живет там в гражданском браке¹²⁴.

Анализируя **последствия трудовой миграции** для Украины и Молдавии, эксперты отмечают как позитивные, так и негативные эффекты. И те, и другие довольно многочисленны и разноплановы.

Главным **положительным эффектом** миграций аналитиками считается то, что в кризисных условиях люди получают возможность заработать на существование и решить многие материальные проблемы. По данным исследования, проведенного в 2004 г. Международной организацией по миграции, более чем в $\frac{2}{3}$ молдавских хозяйств, для которых заработанные мигрантом средства являются источником дохода, доля таких средств превышает 65%¹²⁵.

Переводы мигрантов имеют серьезное значение и для украинской и молдавской экономики. Так, суммарный объем средств, зарабатываемых украинскими гастарбайтерами, оценивается в 4,7–7,6 млрд долл. США в год, т.е. 7–11% ВВП Украины¹²⁶. Еще больше такая доля в ВВП Молдавии: в 2004–2005 гг. (составляя только по официальным данным 700 и 890 млн долл. соответственно) она приближалась к трети национального ВВП, и по этому показателю Молдавия занимала второе место в мире после Тонга и опережала Лесото. В одном лишь 2005 г. страна получила благодаря мигрантам больше финансовых средств за рубежом, чем от иностранных инвесторов за 11 лет¹²⁷. Благодаря переводам мигрантов развиваются национальные банковские системы, укрепляются валюты¹²⁸.

Отток излишков рабочей силы в известной мере способствовал уменьшению уровня безработицы. Поэтому миграция помогла смягчить социальные конфликты, которые могли бы привести к тяжелым последствиям, особенно в период обострения кризиса в 1990-х гг.

Наконец, позитивный эффект миграции заключается в установлении более тесных связей между странами-донорами и их представителями, с одной стороны, и странами-реципиентами и их населением —

сдругой. Такие связи выражаются в усвоении мигрантами языков, культуры, профессиональных навыков, развитии контактов между людьми. На уровне же межгосударственных отношений миграционная проблематика создает новые взаимные интересы и ведет к интенсификации разноплановых связей.

В то же время массовая эмиграция рабочей силы из Украины и Молдавии имеет и массу **негативных последствий**. Она порождает нехватку квалифицированных работников (в том числе «утечку мозгов»), что в настоящее время замедляет темпы экономического роста и потому не способствует преодолению сохраняющихся кризисных явлений. К тому же опыт миграции зачастую отнюдь не побуждает вернувшихся из-за границы граждан проявлять предпринимательскую инициативу внутри своей страны: сталкиваясь с неблагоприятным экономическим климатом, мигрант вновь предпочитает зарабатывать деньги за границей, а не у себя¹²⁹. Миграция отрицательно сказывается на размерах налоговых и пенсионных отчислений, а следовательно, на бюджетах и пенсионных системах стран-доноров.

Эмиграция значительной части экономически активного населения усугубляет демографический кризис, который в некоторых населенных пунктах (в том числе мелких) ощущается особенно остро. В ряде случаев она создает диспропорции между мужчинами и женщинами (в некоторых молдавских селах практически отсутствуют мужчины трудоспособного возраста, в других, наоборот, почти не остается женщин того же возраста¹³⁰), а также между различными возрастными группами. Это может повлечь за собой в первом случае снижение рождаемости и в обоих случаях — достаточно острые социальные конфликты. Длительное отсутствие мигрантов (в том числе настоящих и будущих матерей) ослабляет прочность браков и семейных связей, опять-таки ведет к снижению рождаемости, ухудшению качества воспитания детей¹³¹. Частые поездки и изнурительная работа могут ухудшить здоровье представительной части мигрирующей части населения и увеличить смертность¹³².

Значительная часть женщин-мигрантов вовлечена в проституцию: так, по данным женской правозащитной организации «Ла Страда», за пределами Украины ею занимается свыше полумиллиона украинских женщин¹³³. Возможно, такая оценка является преувеличением, однако как в украинском, так и в молдавском случае это явление очень широко распространено. Вовлечение значительного числа женщин в сферу сексуальных услуг не только подвергает их опасности, но и отрицательно сказывается на морально-нравственном климате в странах-донорах.

Отсутствие мигрантов внутри страны понижает активность участия значительной части населения (часто молодого и динамичного) во

внутриполитических процессах. При этом повышается роль в избирательном процессе представителей старших возрастов, т.е. более консервативной части общества. Как полагает молдавский исследователь В. Мошняга, это может угрожать процессу демократизации страны¹³⁴.

Во внешнеполитическом плане миграция (в тех случаях, когда мигранты нарушают законы и другие нормы страны пребывания) порой ведет к ухудшению имиджа страны-донора и ее представителей. В случае осложнения межгосударственных отношений мигранты могут стать инструментом политического давления на государства со стороны стран-реципиентов, что, по мнению ряда исследователей из Молдавии, имело место в контексте молдавско-российских отношений 2005–2006 гг.¹³⁵

Ответ на вопрос о том, является ли миграция рабочей силы для Украины и Молдавии по большей части положительным или отрицательным явлением, довольно сложен. За прошедшие после распада СССР годы она стала важным системным фактором экономического развития и социальной жизни обеих стран, и исчезновение этого фактора могло бы повлечь за собой непредсказуемые последствия в соответствующих сферах. Однако положительные эффекты массовой эмиграции рабочей силы могут считаться сбалансированными с отрицательными, по-видимому, лишь на определенном, причем далеко не самом лучшем этапе экономического развития стран-доноров, при подъеме же экономики данное явление может стать для такого развития очень серьезным тормозом. Если Украина имеет шансы отчасти решить проблему нехватки неквалифицированной рабочей силы за счет притока гастарбайтеров из более бедных стран СНГ, то перспективы Молдавии, по прогнозам экспертов, довольно неутешительны: предсказывается рост числа трудовых мигрантов, доля которых при оптимистическом сценарии составит 36%, а при пессимистическом — даже 53% от трудоспособного населения страны¹³⁶.

Выводы

Таким образом, трудовая миграция из Молдавии и Украины в Россию, страны ЕС и другие государства стала ответом на острый социально-экономический кризис, начавшийся в 1990-х гг. и до конца не преодоленный (особенно в Молдавии) и в настоящее время. Такая миграция помогла значительной части населения найти работу, получить средства для выживания и даже поддержания благосостояния на относительно приемлемом уровне. В миграционных потоках достаточно много представителей всех основных социальных и других групп: мужчин и женщин (их число вполне сопоставимо, хотя в тех или иных стра-

нах-реципиентах или первые, или вторые могут существенно преобладать), высококвалифицированных специалистов и низкоквалифицированной рабочей силы, жителей крупных городских центров и выходцев из малых городов либо сельской местности и т.п. В возрастном плане преобладают молодые люди от 20 до 30 лет, однако представители более старшего поколения также довольно многочисленны.

В тех потоках, которые направлены в Россию, преобладают мужчины, обладающие средней и низкой профессиональной квалификацией; как правило, они устраиваются работать в качестве строителей, производственных рабочих, в сельском хозяйстве, на транспорте и в других сферах. В РФ чаще едут менее обеспеченные люди, чем в страны ЕС: выбор первой части мигрантов обусловлен гораздо меньшими расходами на проезд и проживание, а также отсутствием языкового барьера; второй — возможностью заработать гораздо больше денег и более благожелательным отношением к мигрантам со стороны представителей государственных служб.

Как представляется, следует ждать сокращения числа мигрантов в РФ из Украины и особенно Молдавии по причине роста доходов населения в обеих странах (следовательно, предлагаемая в России заработная плата будет для многих мигрантов меньшим стимулом, чем ранее), либерализации режима въезда в ЕС для граждан этих стран. Социальный портрет мигрантов из западных государств СНГ в Россию может измениться в сторону повышения доли выходцев из сельской местности, людей с низкими образовательным уровнем и квалификацией.

§ 2. Миграционная ситуация и конфликты в странах Закавказья

Новые независимые государства Южного Кавказа переживают трудное и беспокойное время — время этнополитических конфликтов, вооруженных столкновений и войн, политических проблем и переворотов. Независимость обернулась острейшими конфликтами: карабахским — в Азербайджане, осетинским и абхазским — в Грузии. Их результат — массовые вынужденные перемещения населения, изгнание с насиженных мест сотен тысяч мирных людей, в корне измененная демографическая и этноконфессиональная ситуация. Порожденные конфликтами и распадом СССР миграционные потоки стали своего рода визитными карточками государств Южного Кавказа. Поиск решения проблемы миграции — это сегодня одна из приоритетных задач правительств Южного Кавказа.

Как все эти события конкретно отразились в судьбах народов Южного Кавказа, к чему они привели и могут привести? На эти основные для кавказского региона вопросы будет сделана попытка найти ответ в настоящем исследовании.

Азербайджан

Миграции в связи с карабахским конфликтом. Последняя перепись, проведенная в СССР в 1989 г., зафиксировала в Азербайджане 112 наций и малых народов общей численностью 7 млн 21 тыс. человек. Основную часть населения республики — 5 млн 805 тыс. человек, или 83%, — составляли азербайджанцы. Вторыми по численности были русские — 392 тыс. человек (5,6% населения республики), из них 295,5 тыс. проживали в Баку. Далее шли армяне (390,5 тыс. человек, или 5,6%), основная часть которых проживала в Баку (около 180 тыс. человек) и Нагорном Карабахе (145,5 тыс. человек).

Однако достоверность этих цифр вызывает большие сомнения, поскольку за год до этого, в феврале 1988 г., начался армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха. Первые же беженцы в результате карабахского конфликта не только на Южном Кавказе, но и вообще в СССР в тот период появились в ноябре 1987 г., когда несколько сотен азербайджанцев из Кафанского района Армении бежали в Азербайджан. А после официального начала конфликта в феврале 1988 г. Азербайджан и Армению захлестнули волны беженцев, которые, спасаясь от насилия и погромов, спешно покидали родные места. Тогда же в Азербайджан стали прибывать и месхетинские турки, ставшие в 1989 г. жертвами погромов в Узбекистане. 1 февраля 1990 г. Госкомстат Азербайджана официально зарегистрировал в республике 186 тыс. азербайджанцев, 18 тыс. курдов и 3,5 тыс. русских, бежавших из Армении в Азербайджан, а также около 48 тыс. месхетинских турок. Чуть позже около 10 тыс. беженцев из Армении (3 тыс. русских и 7 тыс. курдов) и несколько тысяч месхетинских турок переехали в Россию, в основном в Краснодарский и Ставропольский края. В сентябре 1990 г. Госкомстат Азербайджана зарегистрировал около 234 тыс. беженцев: 205 тыс. из Армении (201 тыс. азербайджанцев, а также 2,5 тыс. курдов и 1,5 тыс. русских) и Узбекистана (29 тыс. месхетинских турок)¹³⁷. Впоследствии эти цифры несколько сократились из-за эмиграции русских (в Россию) и месхетинских турок (в Россию, Турцию и Грузию).

Кроме того, в период с 1988-го по февраль 1990 г. из Азербайджана в Армению бежали 229 тыс. армян, а около 100 тыс. переехали в другие регионы СССР, в основном в Россию. Со временем часть из них верну-

лась в Азербайджан, но в контролируемые армянами районы Нагорного Карабаха¹³⁸.

Однако на этом беды народов Азербайджана и Армении не завершились. После распада СССР и обретения в 1991 г. независимости Азербайджаном и Арменией карабахский конфликт перешел в стадию международной конфронтации двух государств. Начались вооруженные действия, которые в мае 1994 г. были приостановлены, поскольку обе стороны согласились на перемирие и решение проблемы за столом переговоров. И хотя длящиеся с того времени переговоры сторон до сих пор не привели к чему-нибудь реальному, однако и боевые действия не возобновились.

В период активного вооруженного противостояния обе стороны не только несли серьезные потери убитыми и ранеными. Постоянно шел процесс насильственной и вынужденной миграции населения из зоны боевых действий. Особенно сложная ситуация сложилась в 1993 г., когда хаос в политической жизни Азербайджана на фоне наступления армянских войск привел к оккупации армянами к концу 1993 г. значительной части Карабаха и прилегающих районов. Как следствие, из оккупированных районов в глубь территории Азербайджана хлынул массовый поток вынужденных переселенцев. Этот людской поток был столь лавинообразным, что резко обострил политическую и социально-экономическую ситуацию в республике. Особенно много вынужденных переселенцев скопилось на юге страны, в основном вдоль границы с Ираном, где проживают преимущественно азербайджанцы.

Иран, Турция, Саудовская Аравия, а вслед за ними международные, в основном западные гуманитарные организации построили в 1994–1997 гг. 16 поселков и 14 палаточных лагерей, где нашли себе приют 99 тыс. человек¹³⁹.

Постоянные миграции людей по всем районам республики, их регистрация сразу в нескольких местах, а также хаос и кризис власти в тот период сказались на учете вынужденных переселенцев. Если в начале апреля 1993 г. официально властями Азербайджана было зарегистрировано 243 тыс. вынужденных переселенцев, то к началу декабря того же года Госкомстат республики зафиксировал уже 778,5 тыс., т.е. рост более чем на 535 тыс. человек. На основании этих данных правительство Азербайджана тогда же заявило об оккупации 20% территории республики и наличии более 1 млн беженцев и перемещенных лиц. По данным на 1 апреля 1998 г., число беженцев из Армении и Узбекистана достигло почти 233 тыс. человек, а число вынужденных переселенцев — 611 тыс. человек. Таким образом, по официальным данным, в Азербайд-

жане всего зарегистрировано 844 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев, что составляет около 11% населения республики. Однако более точные данные, по-видимому, приводятся УВКБ ООН и Международной организацией по миграции: согласно их расчетам, в Азербайджане всего 782 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев¹⁴⁰. Эти данные близки к истине и находят поддержку у независимых экспертов. По официальным данным Госкомстата Азербайджана, на 1 января 1992 г. численность вынужденных переселенцев не превышала 520 тыс. человек. Общее число беженцев и вынужденных переселенцев в Азербайджане составляет 750 тыс. человек, или 10% населения¹⁴¹.

Что касается потерь Азербайджана в результате вооруженных действий, то на сегодня они таковы: погибло 11 тыс. азербайджанцев (по данным Госкомстата Азербайджана на 1 апреля 1998 г., среди погибших 8376 человек являются жителями Нагорного Карабаха и оккупированных районов), а ранено до 30 тыс. человек, из них до 7 тыс. остались инвалидами¹⁴².

Сегодня в Азербайджане беженцы подразделяются на месхетинских турок (29 тыс.) и беженцев из Армении, в основном этнических азербайджанцев (201 тыс.), курдов (2,4 тыс.), а также русских и представителей других народов (1,3 тыс.). Значительная часть из них (147 тыс. человек, или 63% беженцев) осела в городах Баку, Гянджа, Сумгаит и Ханлар. В основном это этнические азербайджанцы, тогда как большинство курдов и почти все месхетинские турки осели в сельских районах республики.

Из вынужденных переселенцев в Азербайджане почти 270 тыс. (44%) живут в городах, в основном в Баку (23%), а также в Сумгаите, Гяндже и Мингечауре, остальные же 341 тыс. (56%) проживают в сельских районах либо размещены в палаточных лагерях. Подавляющее большинство вынужденных переселенцев (607 тыс., или 99%) — это азербайджанцы. Далее по численности идут курды — почти 4 тыс. человек, или около 0,7% перемещенных лиц, а также русские¹⁴³.

Особые условия жизни у тех беженцев, которые сегодня были расселены в поселках и лагерях. Жизнь за счет гуманитарной помощи привела к появлению у них синдрома зависимости, и любая информация о прекращении этой помощи вызывала в их среде панику, а порой даже волнения. Особенно часто подобные факты имели место в конце 1996 г., когда ряд гуманитарных организаций прекратил свою деятельность в Азербайджане. К тому же быт в таких лагерях налицо. Во-первых, имеет место социальная и культурно-бытовая неустроенность. В лагерях, очень часто построенных без учета менталитета и прежних условий

жизни беженцев, были поселены люди, очень сильно отличающиеся друг от друга по уровню образования, традициям, профессиональной подготовке. В условиях сильной зависимости от внешней помощи это нередко приводило к конфликтам и столкновениям интересов. Все это вызывало серьезный кризис во многих семьях беженцев: мужчины заняты безуспешными поисками работы и месяцами живут вне дома, часть женщин негласно добывает средства к существованию проституцией, а дети не всегда посещают школы из-за дороговизны учебников и школьной одежды.

Сложившиеся условия сделали беженцев и вынужденных переселенцев питательной средой для преступности и создали угрозу генофонду азербайджанской нации. Вот почему международные организации не раз призывали правительство Азербайджана всерьез заняться решением этой проблемы, а не использовать ситуацию в политических и пропагандистских целях. И начиная с 2004 г. правительство Азербайджана наконец занялось решением этой проблемы: стало строить специальные поселки для вынужденных переселенцев. К настоящему времени большую часть вынужденных переселенцев удалось переселить в эти поселки. Оставшаяся часть пока еще живет в двух лагерях, но и они будут закрыты к концу 2007 г.

Таким образом, в результате карабахского конфликта еще недавно многочисленная азербайджанская община в Армении практически перестала существовать. Серьезные перемены произошли и в отношении армян Азербайджана, которые до начала карабахского конфликта являлись самой крупной после азербайджанцев и русских этнической общностью страны. Правда, в условиях конфликта трудно было подсчитать точное количество армян. Тем не менее долгое время официальные власти Азербайджана уверяли, что вне Нагорного Карабаха и оккупированных Арменией территорий в республике проживает не менее 30 тыс. армян¹⁴⁴. В 1999 г. в Азербайджане была наконец проведена перепись населения. Выяснилось, что десять лет спустя после начала карабахского конфликта в Азербайджане проживает 121 тыс. армян. Однако внимательное изучение статистических данных переписи по районам показывает, что из них более 120 тыс. армян живут в Нагорном Карабахе и на других оккупированных территориях Азербайджана. Но и эта цифра явно ориентировочная. По армянским данным, на основе проведенной в 2005 г. переписи сегодня в Нагорном Карабахе проживает около 138 тыс. человек¹⁴⁵. Однако, по данным независимых исследователей, на деле ныне в Нагорном Карабахе проживает примерно 60–80 тыс. армян¹⁴⁶. Вне Нагорного Карабаха и оккупированных территорий, по переписи

1999 г., было зарегистрировано всего 645 армян, больше половины которых (378 человек) находятся в Баку, а остальные — в сельских районах. Правда, реальная численность армян в Азербайджане вне Нагорного Карабаха и оккупированных территорий должна быть чуть больше, в пределах 3–5 тыс., поскольку многие сменили фамилии и не попали в материалы переписи¹⁴⁷.

Миграционные процессы в 1993–1999 гг. Перемирие на армяно-азербайджанском фронте остановило поток беженцев из зоны боевых действий внутрь республики, но теперь заметно возросло число жителей, перемещавшихся за пределы Азербайджана. Это было связано с резким ухудшением социально-экономического положения и нестабильностью политической ситуации.

Собственно говоря, этот процесс эмиграции шел и ранее. Наряду с армянами в 1988–1990 гг. республику покинуло большое количество представителей нетитульных национальностей. Особенно сильные изменения произошли с численностью славянских народов, в первую очередь русских. По данным властей Азербайджана, в целом за период с 1989-го по 1995 г. республику покинули 169 тыс. русских, 15 тыс. украинцев и 3 тыс. белорусов¹⁴⁸. Однако имеется и другая информация. Так, посольство Российской Федерации в Азербайджане считает, что в этот период из республики уехало более 220 тыс. русских, а осталось около 180 тыс. человек. Данные Госкомстата РФ несколько иные: согласно им в период с 1989-го по 1996 г. в Россию выехали 165,5 тыс. русских, составивших 42% от численности русского населения Азербайджана¹⁴⁹.

Самый большой отток русских из Азербайджана в Россию был отмечен после ввода советских войск в Баку в январе 1990 г., а также в 1992 г. Впоследствии отток русских из Азербайджана заметно сократился, и теперь ежегодно, по данным российского посольства в Азербайджане, из республики на постоянное жительство в Россию выезжает не более 10 тыс. человек, причем не все из них — русские по происхождению.

Среди представителей других национальностей, покинувших республику, больше всего евреев. Так, по данным еврейского агентства «Сохнут», в период с 1989-го по 1999 г. из Азербайджана в Израиль выехали 31 285 евреев — это почти 4% от общего числа выехавших из республик бывшего СССР в Израиль евреев, или 88% официально зафиксированного по переписи 1989 г. числа евреев в Азербайджане¹⁵⁰.

После прекращения боевых действий среди выезжающих за пределы республики стало заметным преобладание азербайджанцев, преимущественно русскоязычных, в основном жителей Баку. После заключе-

ния перемирия 1994 г. поток эмигрирующих азербайджанцев стал просто-таки угрожающим. Среди мигрантов теперь заметно возросло число беженцев и вынужденных переселенцев. Это была самая настоящая трудовая миграция. Не имея возможности найти работу в Азербайджане, они отправлялись на заработки в основном в Россию, а также в другие республики СНГ. Немало беженцев и вынужденных переселенцев выехали в Турцию и Иран. В 1997–1999 гг. наметилась тенденция к выезду беженцев в страны Западной Европы, в первую очередь в Германию и Нидерланды.

В Турцию вначале направились представители национальной интеллигенции, деятели науки и культуры. Но впоследствии, особенно в последние годы, среди мигрантов в Турцию стало заметно больше выходцев из Нахичеванской автономной республики, включая проживающих там беженцев. В Иран же уезжают жители из приграничных южных районов, работавшие, как правило, в сфере услуг, на стройках, а также носильщиками и пастухами.

В поисках средств к существованию азербайджанцы отдают предпочтение России, что легко объяснить: это соседняя и хорошо знакомая страна, по числу смешанных браков русские находятся на первом месте и к тому же отсутствует языковой барьер. Немалую роль сыграл и экономический фактор: ведь к концу 70-х — началу 80-х гг., т.е. накануне падения СССР, азербайджанцы негласно контролировали почти 80% советского цветочного бизнеса, что приносило ежегодно гигантский по тем временам доход в 2 млрд рублей¹⁵¹. В результате расцвета цветочного бизнеса в Азербайджане тогда сформировалась достаточно влиятельная и стабильная прослойка предпринимателей (в основном жителей Баку и Апшеронского полуострова), ориентированных на российский рынок.

Сложно сказать, сколько граждан Азербайджана сегодня проживает и трудится в России. Данные российских властей колеблются в пределах от 500 до 800 тыс. человек. Но такие цифры явно занижены, что признают и сами власти России. В 1991–1997 гг. в Россию из республики выехало более 1,5 млн человек, а сегодня, по неофициальным данным, здесь живет и работает до 2 млн азербайджанских граждан, что составляет почти 24% от общей численности населения Азербайджана. По данным МВД России и прессы, сегодня в Москве пребывает с пропиской и без прописки около 400 тыс. азербайджанцев, а с учетом Московской области — до 1 млн человек. В Санкт-Петербурге количество азербайджанцев достигло 200 тыс. человек. Зафиксированы азербайджанцы практически во всех регионах России. Немало их даже в далекой

и холодной для южан Сибири и на Дальнем Востоке. В Тюменской области официально прописано 23 тыс. азербайджанцев, а фактически последних здесь до 100 тыс. человек; в Омской области — до 20 тыс., в Томской — более 50 тыс. человек. В южносибирских городах число азербайджанцев приблизилось сегодня к отметке 150 тыс. человек. На Дальнем Востоке больше всего азербайджанцев в Приморье, только во Владивостоке их проживает около 70 тыс.¹⁵².

Интересно, что азербайджанцы стараются селиться в России по местническому признаку. Так, уроженцы городов Казах и Акстафа оседают в городах Когалым, Сургут и Тюмень, а бакинцы и жители Апшерона вначале предпочитали селиться в основном в столице России, а ныне, после упадка цветочного бизнеса, начали осваивать Дальний Восток, оседая во Владивостоке, Хабаровске и на полуострове Сахалин. Как ни удивительно, но жители субтропических южных районов (Ленкорань, Масаллы и др.), не пугаясь суровых холодов российского Севера, успешно осваивают этот регион, и сегодня их немало в Мурманске, Архангельске и других населенных пунктах Заполярья.

Уроженцы Карабаха еще недавно оседали в основном в Самаре и Нижнем Новгороде, а шамкирцы и гянджинцы — в Москве, Подмоскowie и Санкт-Петербурге. Однако сегодня здесь произошли некоторые изменения: часть карабахцев, в основном беженцы из Агдама и Физули, а также жители Нахичевани все активнее осваивают Москву, контролируют некоторые столичные рынки.

Сфера деятельности азербайджанцев в России достаточно обширна. Те из них, кто родился в России либо приехал сюда еще в советское время на учебу и являются ее гражданами, ныне работают в сфере науки и искусства либо крупного бизнеса. Как правило, они же возглавляют азербайджанские общины в российских городах и регионах. Те же жители Азербайджана, которые прибывали в Россию в годы карабахского конфликта и распада СССР, устроились по-разному: от среднего и крупного бизнеса до сезонных работ на стройках, в промышленности и на транспорте. Немало их в сфере услуг и в системе правоохранительных органов.

Раньше азербайджанцы отдавали предпочтение проживанию в городах России, что было закономерно, ибо в советский период из республики уезжали представители интеллигенции или студенты на учебу, т.е. горожане. Сейчас же среди эмигрантов из Азербайджана резко возросло число беженцев и выходцев из сельских районов республики, что связано с колоссальной безработицей. В городах, особенно крупных, они чувствуют себя не столь уютно и привычно.

В целом успешно интегрировавшись в российское общество, азербайджанцы ежегодно переводят на родину, по российским данным, до 2,5 млрд долл., что в два с половиной раза превосходит иностранные капиталовложения. Фактически немалая часть населения республики, особенно сельских районов и беженцы, живут за счет доходов от трудовой миграции в Россию. Правда, такая сумма поступала в республику из России до августовского кризиса в 1998 г. Ныне сумма поступлений резко сократилась: по приблизительным подсчетам, до 780 млн долл.¹⁵³.

В то же время следует указать, что отъезд, пусть и временный, такого количества населения республики грозит новыми серьезными осложнениями. Ведь уезжают в основном представители мужского населения, в подавляющем большинстве неженатые. Тем самым сегодня в очередной раз нарушился демографический баланс в республике, но уже в отношении полов. С учетом значительного числа погибших, раненых и искалеченных, а также эмигрировавших немалая часть девушек и женщин Азербайджана обречена на одиночество, что обязательно скажется впоследствии.

Армения

Миграции в 1989–1994 гг. в связи с карабахским конфликтом и землетрясением. До начала карабахского конфликта, особенно в 60-х — начале 80-х гг., Армения была республикой иммиграции, которая выражалась в постоянной репатриации этнических армян из всех остальных республик СССР, а также из других стран. Кроме того, с 60-х гг. в Армении наблюдалась значительная сезонная трудовая миграция в другие советские республики, особенно в Россию.

По переписи 1989 г., в Армении проживало 3 млн 305 тыс. человек, из них армян — 3 млн 84 тыс. человек (93% населения республики). Далее шли азербайджанцы (85 тыс., или 2,6%), курды (56 тыс., или 1,7%) и русские (около 52 тыс., или 1,6%). Однако, как было отмечено выше, достоверность данных этой переписи для Азербайджана и Армении, проводившейся в экстремальных условиях начала конфликта, вызывает сильные сомнения. Согласно некоторым оценкам, в Армении накануне карабахского конфликта насчитывалось не 85 тыс., а примерно 194 тыс. азербайджанцев.

В связи с карабахским конфликтом первые армяне — беженцы из Азербайджана появились в Армении в начале марта 1988 г. Массовый поток беженцев из Азербайджана в Армению и наоборот не прекращался вплоть до начала 1990 г. Все это было отягощено катастрофическим землетрясением в декабре 1989 г., в результате которого погибли до

25 тыс. человек, а около 400 тыс. человек лишились крова. При этом немалая часть как беженцев из Азербайджана, так и потерявших кров после землетрясения стала покидать страну.

Официальные данные о количестве беженцев и мигрантов довольно сильно разнятся. В целом получили распространение следующие цифры: в период с 1988-го по февраль 1990 г. из Азербайджана в Армению бежали, по официальным данным, 229 тыс. армян (около 53 тыс. семей), а около 100 тыс. переехали в другие регионы СССР, в основном в Россию¹⁵⁴. С учетом армян, бежавших из Нагорного Карабаха в 1990—1992 гг., общее число армян, вынужденных покинуть Азербайджан в 1988—1991 гг., достигло почти 348 тыс. человек.

Боевые действия в 1992—1994 гг. вызвали новые потоки беженцев. В конце 1993 г. правительство Армении официально заявило, что в стране зарегистрировано около 335 тыс. беженцев из Азербайджана, в том числе около 90 тыс. из Нагорного Карабаха (из них более 35 тыс. вернулись к моменту заключения перемирия к своим очагам), а также 6 тыс. — из Абхазии. Еще 78 тыс. являлись перемещенными лицами из приграничных с Азербайджаном районов Армении. Таким образом, официально в тот период общее число беженцев и перемещенных лиц, пострадавших от карабахского и абхазского конфликтов, составляло 419 тыс. человек, или почти 11% населения Армении¹⁵⁵.

Прекращение боевых действий позволило реально оценить размеры ущерба и миграционных перемещений населения. С учетом и мирных жителей в 1988—1994 гг. в ходе карабахского конфликта погибло 6,5 тыс. армян и до 20 тыс. было ранено¹⁵⁶.

Со временем число армянских беженцев и перемещенных лиц стало сокращаться: часть людей вернулась в Нагорный Карабах, другие уехали в Россию и страны Запада. В начале 2001 г. власти Армении зарегистрировали 321 тыс. беженцев, куда входили 238 тыс. — из Азербайджана, 8 тыс. — из Абхазии и 3 тыс. — из Чечни, а также 72 тыс. перемещенных лиц. Всего они составили 8% населения Армении¹⁵⁷.

По данным Управления статистики Армении на начало 1996 г., почти 24% беженцев и вынужденных переселенцев — дети до 16 лет, 14,5% — пожилые люди старше 60 лет, а 19% — инвалиды и пенсионеры. При этом более 40% беженцев из Азербайджана сегодня живут в городах, а остальные — в сельских районах. С учетом перемещенных лиц 141 тыс. армянских беженцев, или 34%, размещены в общественных зданиях, а 128 тыс. беженцев и перемещенных лиц (26%) живут в разрушенных домах, подвалах и не пригодных для жилья домах. Чуть более 56 тыс. человек (14%) живут у родственников или арендуют квартиры.

Наконец, более 108 тыс. человек (26%) живут в квартирах или домах азербайджанцев.

У армянских беженцев, по сути, те же проблемы, что и у беженцев азербайджанских. Многим из них в 1988–1990 гг. было отказано в статусе беженцев. Расселенные в Армении далеко от людских глаз, в санаториях и домах отдыха, беженцы были поставлены как бы вне реальности. И лишь со временем они смогли получить в Армении соответствующий статус. Но у представителей этой категории были и другие проблемы. Помимо отсутствия жилья и работы, а значит средств к существованию, для них существенную роль с самого начала играли процессы интеграции и адаптации. В своей массе они слабо владели родным языком, и вот этот поток этнических армян наложился на экономически весьма неблагоприятную ситуацию в Армении, усиливающееся здесь с каждым годом социальное расслоение и обеднение населения. Все это порой накладывало на имидж беженцев черты чужестранцев и даже «меньшинства», конкурирующего с местным населением за жилье, места труда, материальные и социальные блага¹⁵⁸.

Интеграция беженцев осложнялась и тем, что сами они переживали кризис идентичности, разрыв социальных связей, потерю чувства безопасности. Вот почему с учетом всего вышеприведенного становится объяснимым тот факт, что лишь небольшая часть прибывших в Армению беженцев успешно адаптировалась к местным условиям и прошла процесс интеграции в армянское общество. Большая же часть предпочла реэмигрировать и стать повторными вынужденными мигрантами в странах ближнего или дальнего зарубежья или выжидать своего часа для эмиграции¹⁵⁹.

Миграционные процессы в 1995–1998 гг. Как и в Азербайджане, перемирие на карабахском фронте остановило поток беженцев из зоны боевых действий внутрь Армении, но теперь заметно увеличился аналогичный поток, направленный за пределы республики. Связано это было в первую очередь с резким ухудшением социально-экономического положения. Ведь сегодня, по данным ООН, в Армении почти 80% населения живет плохо или очень плохо, из них 13% находятся в состоянии крайней нищеты¹⁶⁰. Свою роль играла также и нестабильная политическая ситуация. Кроме того, многие молодые люди уезжали за пределы республики, чтобы избежать призыва на военную службу в случае возобновления боевых действий¹⁶¹. Эмиграция армян была облегчена существованием обширной армянской диаспоры за рубежом, а также давней традицией как сезонной миграции, так и миграции на длительный срок.

По мере ухудшения социально-экономического положения миграционный поток из Армении усиливался и принял огромные размеры. При этом в Россию особенно сильным был поток мигрантов из Армении в 1994–1995 гг., не прекратился он и впоследствии. По данным ФМС России, на 1 января 1995 г. в России было зарегистрировано 5 тыс. беженцев из Армении и 91 тыс. — из Азербайджана. Из них армян было 47 тыс. человек, а азербайджанцев — всего 5 тыс., остальные были русские, а также так называемые русскоязычные.

Но из Армении в Россию выезжали не только армяне. На свою историческую родину в первую очередь старались уехать сами русские. Большинство из них стало покидать страну в 1989–1991 гг., т.е. накануне и в первое время после провозглашения независимости Армении. В общей сложности в период с 1990-го по 1996 г. из Армении уехало 27,5 тыс. русских. С учетом тех, кто покинул страну в 1988–1989 гг., в Армении осталось немногим более 15 тыс. русских, или около 29% от общего числа русского населения страны по сравнению с показателями переписи 1989 г.¹⁶².

Второе место в миграционном обмене с Арменией после 1991 г. после России занимает Грузия. Так, в период с 1988-го по 1996 г. численность иммигрантов из Грузии в Армению превышала количество эмигрантов в обратном направлении почти в 2,8 раза. Иммигранты из Грузии — это в основном армяне из южных, приграничных с Арменией районов Грузии (Ахалкалаки, Богдановки, Ахалцихи), из Абхазии и столицы — Тбилиси. При этом иммиграция из Грузии в Армению из года в год увеличивалась, а из Армении в Грузию — уменьшалась. Что касается миграционного обмена со странами, не входящими в СНГ, то их доля в период 1988–1997 гг. среди эмигрантов составляла 1,5%, а среди иммигрантов — почти 15%. Главные направления эмиграции за пределы СНГ — США, Германия, Греция и Израиль.

Миграционный процесс в Армению и особенно из республики охватывает в основном городские слои населения, на долю которых приходится почти 70% числа иммигрантов. В общей сложности, как вытекает из официальных данных Управления статистики Армении, в начале 1998 г. страну покинуло 942 тыс. армян, а иммигрировало в республику 265 тыс. человек. Таким образом, в период с 1990-го по 1998 г. Армения лишилась 677 тыс. граждан¹⁶³. Однако есть и другие официальные данные. Так, по данным Управления статистики на 1 января 1999 г., за 1992–1998 гг. из Армении убыло на 602,5 тыс. человек больше, чем прибыло¹⁶⁴. Но эта информация не вызывает большого доверия. Независимые эксперты считают, что количество эмигрировавших из Армении на се-

годня реально доходит до 1 млн человек¹⁶⁵, причем большинство эмигрировало в Россию. По их материалам, в настоящее время число временно отсутствующих беженцев достигает 21%, а по Еревану — более 30%. Ныне семья беженцев в среднем составляет четыре человека, один из которых временно отсутствует, точнее, эмигрировал в поисках средств к существованию для своей семьи. Подрабатывая в России в качестве нелегальных мигрантов, армяне ежегодно направляют своим семьям в среднем не меньше 100 млн долл.

Грузия

Внутренняя миграция в связи с конфликтами в 1989–1993 гг. До начала 1950-х гг. Грузия являлась регионом иммиграции. Однако затем ситуация изменилась, и в период с 1959-го по 1989 г. число эмигрантов превысило число иммигрантов на 280 тыс. человек. Среди эмигрантов преобладали русские, а также украинцы, евреи и армяне, и только около четверти из них составляли грузины. За эти 30 лет Грузия лишилась почти 56% русского населения — самый высокий уровень среди стран Южного Кавказа.

Согласно последней советской переписи, в 1989 г. в Грузии проживало 5 млн 401 тыс. человек. Основную часть населения составляли грузины (3 млн 787 тыс. человек, или чуть больше 70% населения республики). Далее по численности шли армяне (437 тыс., или 8%), русские (342 тыс., или 6,3%), азербайджанцы (308 тыс., или 5,7%) и осетины (164 тыс., или 3%).

Первые вынужденные перемещения населения произошли в Грузии после объявления в СССР перестройки и по мере ухудшения межэтнических отношений в республике. Особенно острой вскоре стала ситуация в Южной Осетии: 10 ноября 1989 г. местные лидеры преобразовали автономную область в автономную республику в составе Грузии. Грузинский парламент отменил это решение, а многотысячный отряд грузинских радикалов начал поход на столицу Южной Осетии — г. Цхинвали. Так начался первый этап осетино-грузинского конфликта, который был прекращен в январе 1990 г. Однако 11 декабря 1990 г. после упразднения Верховным Советом Грузии Юго-Осетинской автономной области ситуация вновь обострилась. Вспыхнули новые кровопролитные столкновения, приостановленные лишь 24 июня 1992 г.

Итоги грузино-осетинской войны: сожжено 93 села, с обеих сторон погибло больше 1 тыс. человек, подавляющее большинство из которых — осетины и так называемые русскоязычные¹⁶⁶. Война была приостановлена, но серьезнейшим препятствием для дальнейшей нормали-

зации ситуации опять-таки стала проблема беженцев: в пределах самой Южной Осетии до 20 тыс. человек были вынуждены покинуть свои дома, при этом осетины устремились в Цхинвали и прилегающие села, а грузины — в села своих соотечественников в автономной области. Но основной поток беженцев направился за пределы Южной Осетии: в Северную Осетию выехало в общей сложности 50–60 тыс. осетин (по грузинским данным — до 40 тыс. человек). В свою очередь из Южной Осетии выехало 16 тыс. грузин (по осетинским данным — не более 5 тыс. человек).

Консервация конфликта и некоторая стабилизация ситуации в этом регионе позволила начать процесс возвращения беженцев к местам своего проживания. По последним данным, сегодня на территории Северной Осетии осталось 23 тыс. (по другим данным — до 30 тыс.) бежавших сюда из Грузии осетин. С другой стороны, около 4 тыс. грузин вернулись к своим очагам¹⁶⁷. Правда, официально, согласно данным Министерства по делам беженцев и расселения Грузии, сегодня зарегистрировано около 11 тыс. грузин, перемещенных внутри страны вследствие грузино-осетинского конфликта¹⁶⁸.

Второй узел проблем беженцев связан в Грузии с конфликтом в Абхазии. Причины конфликта во многом схожи с предыдущим. Первые столкновения произошли в июле 1989 г. Конфликт тогда удалось локализовать, однако в августе 1990 г. возникла новая критическая ситуация, когда абхазы приняли Декларацию о суверенитете Абхазии. 14 августа 1992 г. грузинская армия вторглась на территорию Абхазии. Это вызвало первый большой поток беженцев: тысячи абхазов и армян покинули места своего проживания. Часть мигрантов (в основном армяне) пересекла границу России, а другая часть (в основном абхазы) осела в Гудаутском районе Абхазии, а также в горных зонах г. Ткварчели.

Боевые действия завершились 30 сентября 1993 г. изгнанием грузинской армии из Абхазии. К концу 1994 г. конфликт удалось приостановить. Результат абхазо-грузинского конфликта: грузины потеряли убитыми 3365 военнослужащих и около 7 тыс. мирных жителей, с учетом же абхазской стороны общее число жертв с обеих сторон достигает 12 тыс. человек¹⁶⁹. Правда, грузинская сторона приводит иные данные: по одним официальным данным, в результате конфликта в 1992–1993 гг. погибло около 15 тыс. человек с обеих сторон, а согласно материалам грузинского следствия, в Абхазии погибло более 6 тыс. грузин, а более 600 человек пропало без вести.

Второй этап абхазо-грузинского конфликта породил и другой поток мигрантов — грузинских. Точное их количество сложно определить.

Как в Азербайджане и Армении, официальные данные не вызывают серьезного доверия и носят больше политический характер. В частности, по информации Министерства по делам беженцев и расселению, на 1 января 1997 г. в Грузии была зарегистрирована 261 тыс. беженцев из Абхазии. Всего же с учетом беженцев из других регионов в Грузии официально зарегистрировано около 287 тыс. вынужденных переселенцев¹⁷⁰. Напомним, что, по переписи 1989 г., в Абхазии накануне конфликта проживало 239 тыс. грузин. Из них около 20 тыс. человек (члены смешанных семей) не покидали территорию Абхазии. Согласно некоторым оценкам, приблизительная цифра беженцев из Абхазии, находящихся на территории Грузии, должна быть по меньшей мере в два раза меньше официальной, с чем отчасти согласны и грузинские демографы¹⁷¹.

Как в Азербайджане и Армении, так и в Грузии местные власти оказались совершенно не готовы к приему такого значительного числа перемещенных лиц, что легло дополнительным бременем на местную экономику. В первую очередь встала проблема размещения мигрантов. Особенно остро этот вопрос по-прежнему стоит в городах, где лимит свободной муниципальной жилплощади давно исчерпан. Обследования грузинских демографов показали, что не больше 2% беженцев смогли приобрести собственную жилплощадь в Тбилиси, причем это в основном однокомнатные квартиры, где порой вынуждены проживать многодетные семьи.

По официальным данным Управления по делам беженцев Грузии, сегодня 127 тыс. вынужденных переселенцев (44% от общего числа), в большинстве своем беженцы из Абхазии, размещены в местах, предоставленных государством (в основном это общежития и гостиницы). Остальные живут у родственников, или снимают жилье, или живут в квартирах.

К группе лиц, перемещенных внутри страны за истекшее время, следует также добавить так называемых «экологических мигрантов». В конце 80-х — начале 90-х гг. Грузию потрясла серия стихийных бедствий: землетрясение в Имеретии и Рача-Лечхуми, снежные лавины в Сванетии и оползни в горных районах Аджарии. В результате почти 118 тыс. человек покинули свои дома, из них часть переселилась в другие районы Грузии. По данным Министерства по делам беженцев и расселению, на 1 января 1997 г. экологических мигрантов насчитывалось около 29 тыс. человек.

Внешняя миграция. Все вышесказанное привело к тому, что и Грузию захлестнул миграционный поток за пределы страны. Но в результате тяжелой экономической и политической ситуации необходимая ста-

тистическая информация стала собираться лишь недавно. Имеются лишь данные за 1990–1991 гг. и 1996 г., в которых, однако, недооцениваются истинные масштабы миграции, а оценки грузинских демографов весьма сильно расходятся. Так, согласно официальным данным Госдепартамента по статистике, в 1990–1996 гг. из Грузии эмигрировало чуть больше 218 тыс. человек, в то время как только в России, по данным Госкомстата РФ, за этот период зарегистрировано положительное saldo по Грузии в размере 298 тыс. человек. В 1996 г. из Грузии официально эмигрировало около 2 тыс. человек, а по данным российской статистики — 34,5 тыс. человек. Столь же сильный разброс видим у грузинских исследователей при оценке миграционных потоков в 1990–1997 гг. — от 500 тыс. до 1 млн 77 тыс. человек¹⁷², что означает, что из Грузии за последние годы выезжал каждый пятый житель, или 20% населения. Но в целом сегодня считается, что в эмиграции находится до 820 тыс. жителей Грузии.

Большинство временных эмигрантов выезжает в качестве туристов или по частным приглашениям, остальные остаются за границей незаконно после истечения срока действия их визы. Трудовая миграция из Грузии в основном направлена в сторону России (в 1997 г. — 48%), а также Украины. Из стран дальнего зарубежья грузинские мигранты предпочитают Турцию, Грецию, Германию, США и Израиль. Большинство этих мигрантов не может найти работу по своей специальности и занято неквалифицированным трудом.

Выезд из страны такого количества жителей создает социальные и демографические проблемы. Достаточно отметить факт, который в Грузии вызывает особую тревогу: в эмиграции сегодня находится до 250 тыс. женщин, что способствует росту числа «уличных» детей, лишенных материнской заботы. Проблема настолько серьезна, что в 1997 г. в парламенте Грузии была в связи с этим основана женская организация.

Кроме грузин, страну покидает немало представителей других народов. По данным переписи 2002 г., особенно сильно сократилась в Грузии численность евреев (с 25 тыс. в 1989 г. до 4 тыс. человек в 2002 г.), а также русских (с 341 тыс. до 100 тыс.) и армян (с 437 тыс. до 281 тыс.). Иначе говоря, за период после 1989 г. Грузия потеряла более 84% еврейского населения, 70% русского и 36% армян¹⁷³.

Выводы

Кровавые военно-политические события и последовавший вслед за этим тяжелый социально-экономический кризис после распада СССР основательно изменили демографическую ситуацию на Южном Кавка-

зе, вызвав колоссальные миграционные потоки. Карабахский конфликт привел к появлению 1,5-миллионной огромной армии беженцев и вынужденных переселенцев из Азербайджана и Армении. Более 1 млн армян и почти 2 млн азербайджанцев покинули свои страны в поисках средств к существованию. В результате численность населения Армении по итогам переписи 2001 г. составила 3,2 млн человек, т.е. почти столько же, сколько проживало до начала этих событий, в 1989 г. При этом в Армении перестала существовать азербайджанская община, на 71% сократилась русская.

В свою очередь за годы карабахского конфликта Азербайджан покинуло не менее 600 тыс. представителей нетитульных национальностей, в основном христианского вероисповедания, а осталось (без учета карабахских армян) ориентировочно 800 тыс. представителей этнических меньшинств. В результате сегодня более 90% из почти 8 млн жителей республики составляют азербайджанцы. Заметно изменился и состав этнических меньшинств: если прежде после азербайджанцев в республике доминировали русские и армяне, то теперь их места заняли лезгины, талыши и курды. Резко изменился и религиозный состав: более 95% — мусульмане и более 4% — христиане.

Еще хуже этнодемографическая ситуация в Грузии. По данным переписи 2002 г., в Грузии проживает 4,6 млн человек. Иначе говоря, грузинские власти официально признали сокращение численности населения республики после 1989 г. почти на 800 тыс. человек. Причем сокращение произошло не за счет грузин, число которых осталось почти на том же уровне (3,7 млн человек), а за счет других народов республики.

Все три республики Южного Кавказа в результате трудовой миграции за последние 10 лет лишились значительной части титульной национальности — в среднем на 20–25%. В основном это молодые люди, в своем большинстве беженцы в возрасте 18–45 лет. Отъезд такого большого числа трудоспособного населения имеет сегодня положительные и отрицательные последствия. С одной стороны, эта массовая трудовая эмиграция позволила найти дополнительные источники дохода для оставшихся на родине членов семей. Во многом благодаря нелегальной трудовой миграции в Россию сохраняется социальная стабильность во всех трех республиках Южного Кавказа, снизилась социальная напряженность. С другой стороны, эта массовая эмиграция привела к серьезной «утечке мозгов» и негативно повлияла на демографическую структуру населения Закавказских республик: сокращение количества браков, падение рождаемости, уменьшение размера семьи и снижение численности населения.

§ 3. Восприятие русскоязычным населением Казахстана перспективы эмиграции в РФ в начале 2000-х годов

В начале XXI в. положение русских (русскоязычных в целом) в Казахстане значительно в сравнении с первой половиной 90-х гг. XX в. стабилизировалось. В первую очередь речь идет о статистическом выражении стабильности. Так, уменьшение численности русских хотя и продолжается, но темпы сокращения в последние годы снижаются. Если в 1999–2002 гг. они составили 6,4%, то в 2003–2006 гг. — 3,5% (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Численность и этнический состав населения РК в 1999–2006 гг.
(тыс. человек)¹⁷⁴

Годы	Все население		Казахи		Русские		Др. этносы	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1999	14955,1	100	7971,6	53,3	4489,7	30,0	2493,8	16,7
2000	14901,6	100	8063,3	54,1	4393,8	29,5	2444,5	16,4
2001	14865,6	100	8167,9	54,9	4294,3	28,9	2403,4	16,2
2002	14851,1	100	8281,9	55,8	4203,1	28,3	2366,1	15,9
2003	14866,8	100	8405,4	56,5	4123,2	27,7	2338,2	15,8
2004	14951,2	100	8551,0	57,2	4072,3	27,2	2327,9	15,6
2005	15074,8	100	8725,2	57,9	4024,4	26,7	2325,2	15,4
2006	15219,3	100	8913,3	58,6	3979,3	26,2	2326,7	15,2

Роль процесса воспроизводства населения в становлении статистической стабильности невелика. Отрицательный показатель естественного прироста в 1999–2006 гг. находился в пределах 5,4–5,5 промилле (20–25 тыс. человек в год). Определяющее влияние имеет сокращение международной миграции русских. Так, если в 1994 г. отрицательное сальдо внешней миграции составляло 251,9 тыс. человек, то в 1999 г. — 71,4 тыс., а в 2005 г. — 22,7 тыс. человек¹⁷⁵. В 1999–2000 гг. на 76,1% сокращение численности русских происходило за счет миграционных потерь (на 23,9% — за счет отрицательного естественного прироста). В 2005–2006 гг. удельный вес миграции в потерях составлял уже 55,5%, естественного прироста — 44,5%. Итак, именно изменившаяся миграционная ситуация стала основой некоторой стабилизации численности русских в Казахстане.

Насколько долговременна данная тенденция? Каковы основные причины миграционного «успокоения» русских Казахстана? Конста-

тируем факты, ранее отмеченные исследователями: основной миграционный потенциал уже вымыт; эмоциональный фактор эмиграции, связанный в основном с этнополитической неопределенностью, остался в прошлом; большинство современных казахстанских русских родились или прожили здесь большую часть жизни, вследствие чего и считают Казахстан родиной (в том числе и «исторической»); экономическая, социальная стабилизация в РК нейтрализовала соответствующие мотивы эмиграции.

К началу 2000-х в Казахстане сложился, на первый взгляд, вполне устойчивый баланс между уровнем жизни, одним из самых высоких в СНГ, и степенью напряженности межэтнических отношений, которые со второй половины 1990-х гг. характеризовались как, пожалуй, самые стабильные на постсоветском пространстве. Удовлетворенность уровнем жизни в Казахстане значительно выше, чем в соседних постсоветских странах и по СНГ в целом. В мае 2007 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения совместно с Международным исследовательским агентством «Евразийский монитор» обнародовал результаты социологического опроса о социальном самочувствии населения семи стран СНГ, в соответствии с которыми 73% опрошенных казахстанцев отметили удовлетворенность «сегодняшней жизнью». Оценить достоверность результатов, к сожалению, сложно, так как объем и методика построения выборки для опроса не приводятся¹⁷⁶.

Тем не менее, очевидно, уровень жизни в Казахстане устраивает большую часть населения — проведенные нами в течение 2005–2006 гг. исследования также подтвердили более высокие оценки уровня жизни в РК, нежели в России, по крайней мере, по субъективному мнению респондентов¹⁷⁷.

Проявления бытового национализма, а также стремительное вытеснение русскоязычного населения из политической и административной сферы, имевшие место в первой половине 1990-х гг., сменились неофициальным, но тем не менее достаточно четким разграничением сфер между «титულным» и «нетитулным» населением республики. Ограниченные возможности для карьерного роста в политической, административной и других бюджетных сферах для неказахоязычного населения компенсировались относительно равными возможностями в сфере малого и среднего бизнеса. Достаточно спокойный на фоне соседних Узбекистана и Таджикистана характер межэтнических отношений в сочетании с фактической табуированностью темы в СМИ и обществе, широкой властной риторикой о «межнациональном согласии» в стране привели к вытеснению национального вопроса в общий кон-

текст государственной политики. В результате на личностном, бытовом уровне факты ущемления по национальному признаку практически перестали восприниматься как таковые и нередко интерпретировались нашими респондентами в совершенно ином ключе¹⁷⁸. Необходимость же изучения казахского языка для поступления на государственную службу воспринималась как необходимая плата за карьеру в данной сфере.

Формирование такого равновесия основного сдерживающего и выталкивающего факторов вместе со снижением доли русскоязычного населения привело к значительному сокращению миграционного потока, хотя баланс миграционного обмена по-прежнему складывался в пользу прежде всего России. Таким образом, потенциал миграции в Россию сохраняется, но реализуется слабо.

Причины, на наш взгляд, заключались в крайней неоднородности русскоязычного населения, разные группы которого по-разному оценивали возможности миграции в Россию. Наиболее четко выраженное желание переехать в РФ сохранялось у представителей старших возрастных групп (пенсионеры и лица предпенсионного возраста). Однако именно эта группа имела и имеет минимальные возможности для переезда. Лишь немногие перебираются в российские регионы к живущим родственникам, чаще детям.

Иное отношение к возможности миграции в Россию складывалось у молодого поколения русскоязычных казахстанцев. Отметим, что молодежи присуще крайне прагматичное отношение к этому вопросу. Возможность эмиграции из Казахстана нашими респондентами в принципе не отрицалась, однако во главу угла ставится вопрос о перспективах, выгоды такого решения. В этой связи в качестве привлекательной страны Россия рассматривалась не многими из них. В большинстве случаев, когда молодые люди принимают решение о миграции в РФ, решающим фактором становится возможность получения качественного высшего образования, а с ним — расширения жизненных перспектив. Однако в связи с коммерциализацией, нарастающей диверсификацией российского и казахстанского образования (особенно в гуманитарной сфере) возможности для образовательной миграции заметно сужаются¹⁷⁹.

Для поколений среднего возраста характерно скорее скептическое отношение к возможности переезда в Россию. Значительное (для многих — решающее) влияние на формирование подобной позиции оказали неудачные попытки (собственные или ближайших родственников и знакомых) перебраться в Россию. Кроме того, именно поколения 30—40-летних наиболее остро сталкиваются с «экономической действитель-

ностью»: необходимость содержания семьи формирует четкую ориентацию на выбор более высокого уровня жизни, даже ценой ущемления по национальному признаку.

Таким образом, еще 1,5–2 года назад можно было с уверенностью констатировать достаточно невысокий уровень мотивации русскоязычных казахстанцев на миграцию в Россию, в основе которого лежал объективно более высокий уровень жизни. Вместе с тем многие из наших респондентов отмечали временность этой ситуации. Для многих Казахстан являлся страной экономических возможностей, своеобразным «Эльдорадо», где можно «сделать деньги», но нельзя жить и растить детей. В одном из интервью, взятых в Алматы летом 2006 г., подобная установка была сформулирована респондентом крайне жестко: «Мне здесь надо бабки поднять и свалить».

Более того, привлекательными с точки зрения высокого уровня доходов в Казахстане являются лишь несколько городов (Алматы, Астана, Атырау, Актау), в которых концентрируются основные денежные потоки и заработная плата значительно выше среднеказахстанской. Именно здесь возможна и реализуется описанная выше стратегия. В остальных регионах страны более высокий, чем в России, уровень жизни определяется лишь более низкими по сравнению с российскими ценами на продукты питания и услуги, в то время как уровень зарплат отличается незначительно.

Таким образом, экономический, исторический, эмоциональный и т.п. факторы эмиграции в начале XXI в. в значительной мере исчерпали себя. Казахские русские, судя по всему, постепенно адаптировались в новой ситуации. Означает ли это, что в миграционной истории «нетитульного» населения РК пора ставить точку? На наш взгляд, нет.

Данный вывод основывается на том, что вся система стабилизирующих факторов, позволяющая русским адаптироваться в суверенном Казахстане, зависит от политического компонента. Наиболее результативно (со знаком «минус» или «плюс») политический фактор действует в сочетании с этническим. Сочетание «политика—этнос» определяет и особенности функционирования экономического, социального, эмоционального и других факторов. Так, миграционные волны в суверенный период довольно точно отражали политические эволюции в Казахстане: распад СССР и этнически выраженные государственные инициативы привели к миграционному обвалу в первой половине 1990-х. Следствием модернизационной стратегии, окончательно сформировавшейся к настоящему времени, отсутствием явных этнических инициатив со стороны государства стало сокращение миграционного оттока.

Сильная зависимость от политического фактора делает положение русских в Казахстане неустойчивым, неопределенным. Так, правовая основа русского языка в РК очень расплывчата («русский язык официально употребляется в органах государственной власти и в органах местного самоуправления»), что позволяет трактовать ее в зависимости от настроения какого-либо регионального лидера. С другой стороны, сами русские за годы суверенитета предпринимали недостаточные усилия для интеграции в казахстанскую действительность. Во всяком случае, казахский язык подавляющее большинство не знает до сих пор. Адаптация русских, таким образом, в основном зависит от того, далеко или близко от их представлений о стабильности проходит государственная политическая линия.

В начале XXI в. эта линия русских в целом устраивала, что и отразилось на их миграционной активности. В настоящее время ситуация изменилась. Значительно активизировалась государственная политика по укреплению статуса казахского языка. Президент РК определил программу дальнейших действий в сфере языкового строительства: увеличение количества учебных часов казахского языка в школах; обязательное требование знания казахского языка для кандидатов на обучение за рубежом; увеличение числа дошкольных учреждений, школ с казахским языком обучения и воспитания и т.д.¹⁸⁰. Подобные программы действовали раньше и в целом находили понимание русскоязычных. Насторожило их другое — Министерству труда и социальной защиты было поручено определить перечень профессий, специальностей и должностей, для которых необходимо знание государственного языка в определенном объеме и в соответствии с квалификационными требованиями¹⁸¹. Вслед за этим указом президента были утверждены новые сроки перехода делопроизводства на государственный язык (вместо 2010 г. — 2008 г.).

Столь решительное укрепление статуса государственного языка стало для русских неожиданным и трудно поддающимся логическому объяснению. Ведь фактически на государственном уровне был признан провал программы по изучению казахского языка: «Тому, кто пошел в первый класс в 1992 году, уже 21 год. Как же учили их и каково было требование к знанию государственного языка, если они до сих пор практически не владеют казахским? ... Я много раз говорил о том, что нельзя заставлять людей старшего поколения насильно учить язык. Остаюсь при своем мнении и сейчас... Но молодежь в Казахстане должна знать: без знания государственного языка работать в госорганах, сфере услуг, правоохранительных органах или судебной сфере будет невозможно»¹⁸².

Но проблема заключается в том, что введение делопроизводства на государственном языке в 2008 г., определение сфер деятельности по языковому признаку коснется как раз не молодежи, а в основном людей среднего возраста. Вероятность того, что нетитульное население, занимающее рабочие места, которые входят в «список профессий», в ближайшее время выучит казахский язык на необходимом уровне, ничтожно мала. Еще меньшая уверенность в этом возникает после предложения президента РК перевести казахский алфавит с кириллицы на латиницу.

Региональные представители исполнительной власти взялись за дело еще более решительно, чем было указано выше. Мы покажем эволюцию проблемы на примере Восточно-Казахстанской области (ВКО). Выбор данного региона обусловлен следующими параметрами: в ВКО — наибольшая концентрация русского населения Казахстана, вследствие чего многие процессы (ономастические, языковые), давно прошедшие в регионах высокой концентрации казахского этноса, здесь (после указанных выше событий) только начинают набирать обороты. Таким образом, в сжатом временном отрезке можно увидеть детерминанты миграционных установок нетитульного населения РК в суверенный период.

В неправительственные СМИ все чаще и чаще поступают письма от населения. Выберем наиболее показательные. Так, учителя школ г. Семипалатинска (город в ВКО) обеспокоены тем, что в смешанные казахско-русские школы прекращен набор учащихся в классы с русским языком обучения. В перспективе эти школы должны стать моноязычно-казахскими. Причина подобного решения местными чиновниками объясняется следующим образом: «Из-за употребления русского языка в смешанных школах у учащихся классов с казахским языком обучения появляются волнение и дискомфортное состояние, что вредит им углубленно изучать свой родной язык»¹⁸³.

Еще более острая реакция, характер которой близок к отчаянию, прослеживается в казахстанских интернет-форумах при обсуждении языковой проблемы. Основной вывод участников обсуждения заключается в том, что повсеместное внедрение казахского языка не просто сужает сферу самореализации русскоязычного населения, а фактически выдавливает его на периферию жизни общества, лишает жизненных перспектив. В этой ситуации, по мнению участников форумов, имеется два выхода. Первый можно обозначить известной формулой «чемодан — вокзал — Россия». Второй — интеграция в Казахстане через интенсивное изучение казахского языка либо отказ от возможности достижения высокого социального статуса, но с сохранением стабильного экономического уровня жизни. Приведем один из комментариев, наиболее четко обозначающий эту дилемму:

«Не хотите учить язык — не учите.

Не хотите здесь оставаться — чемодан — вокзал — Россия.

Любите Казахстан — докажите на деле — выучите язык и живите здесь. Женитесь на девушке из Старшего Жуза — тогда какую-нибудь должность получите в госорганах, портфель, форму, погоны.

А считаю, что **ВСЕ РУССКИЕ ДОЛЖНЫ УЕХАТЬ** и крепко запомнить, как ведут себя потомки тех, кто прискакал в Петербург с мольбами: «Спасите от джунгар», когда казахскому народу грозило истребление»¹⁸⁴.

Отметим, что большинство высказывающихся не отрицают необходимость изучения казахского, однако резко возражают по формам, методам и, самое главное, темпам его внедрения. Причем даже те, кто готов изучать государственный язык, поддерживают необходимость постепенного перехода на него через разработку качественных учебных пособий и методик. Отсутствие таких не позволяет сколько-нибудь эффективно освоить язык в сроки, устанавливаемые государством.

«Против казахского языка ничего не имею, но язык вряд ли выучу — охладел я к нему после того, как в купленном толстом казахско-русском/русско-казахском словаре на 1000 страниц нашел более 3000 ошибок. Учиться же по безграмотной книге нет никакого желания»¹⁸⁵.

В результате значительная часть русскоязычных граждан Казахстана сталкивается с языковыми сложностями при обращении в официальные учреждения (в том числе социальной сферы). Языковой дисконформат для многих становится мощным стимулом покинуть страну. Ситуация, по мнению некоторых авторов сообщений, усугубляется тем, что даже знание казахского языка отнюдь не гарантирует русскоязычным равных возможностей:

«А смысл учить язык, если по-любому в тебе не видят полноценного гражданина страны, какие перспективы на будущее?! Полностью поддерживаю, я говорю на казахском, пословицы поговорки, анекдоты — без проблем, носители языка поражаются, но как дело касается должности или денег — сразу вспоминают: а ты не наш! Противно, не в языке дело, а в вас, три казаха не могут договориться, из разных жузов нас еще учат — живите в мире!..»¹⁸⁶.

Введение обязательного делопроизводства на казахском языке стимулирует отток специалистов из большинства сфер, требующих специального образования и высокой квалификации. Самым наглядным примером может служить казахстанская медицина, уровень которой оценивается крайне низко. В качестве примера достаточно указать на масштабное заражение по халатности медперсонала детей и их матерей ВИЧ в Южно-Казахстанской области в 2006 г., в результате которого

пострадало более 100 человек¹⁸⁷. Причина — отток квалифицированных врачей из-за низких зарплат и необходимости ведение документации на казахском языке. Причем вторая причина играет не меньшую роль:

«У меня почти все сокурсники уехали в Россию только после того, как ввели “ведение документации на государственном языке”. Для медицины это катастрофа. Мало себе представляю, что сейчас изучают в мединституте»¹⁸⁸.

Не меньшее количество резких отзывов вызывает нынешний курс государства в сфере образовательной политики. Решение о введении с 2008 г. пятого обязательного экзамена по казахскому языку в рамках Единого национального тестирования¹⁸⁹ (ЕНТ — аналог российского Единого государственного экзамена, обязательного для поступления в казахстанские вузы и до 2007 г. проводившегося по четырем предметам), по мнению участников форумов, резко сокращает возможности для русскоязычных выпускников средних школ получить высшее образование. Приведем несколько комментариев к этой новости:

«Еще один завуалированный “пинок под зад” русскоязычному населению. Учитывая, что казахский язык преподается в школах из рук вон плохо, не создано ни одной более или менее приличной методики обучения — ученики, для которых каз. яз. не является родным, не смогут сдать часть ЕНТ, касающуюся каз. языка. И следовательно, получат низкий балл за тест в целом. В результате фору при поступлении в вуз получает коренное население».

«А что, при сдаче ЕНТ по казахскому будут отдельные билеты, т.е. вопросы, для тех, кто казах и кто не казах? Или же и казахам и русскоязычным придется на равных отвечать на казахскую часть вопросов ЕНТ? Так ведь даже если я буду уже к тому времени год или два как учить казахский, я все равно буду иметь меньше шансов правильно ответить на вопросы по казахскому, чем тот, для кого казахский родной. И значит, русскоязычные будут по-любому дискриминированы, и это будет еще один толчок для них уезжать из страны, т.к. они будут не в состоянии получать высшее образование в Казахстане»¹⁹⁰.

Как видно из приведенных цитат, введение казахского языка в перечень обязательных экзаменов по ЕНТ оценивается не только как резкое сужение жизненных перспектив для русскоязычной молодежи, но и как способ выдавливания этой части населения из наиболее престижных и доходных сфер социально-экономической жизни и, следовательно, из страны. В результате у части русскоязычного населения возникают сомнения в наличии жизненной перспективы, страх за свое будущее и будущее своих детей:

«В последнее время уже несколько раз сталкиваюсь с такой фразой: “Не понимаю, почему вы до сих пор не уехали”. Причем говорят, искренне сочувствуя, люди, которые к тебе хорошо относятся, и от этого страх за свое будущее еще больше, если они его не видят, то что я-то пытаюсь разглядеть...»¹⁹¹.

Сомнения постепенно переходят в прочное убеждение необходимости отъезда из Казахстана в связи с «отсутствием будущего в этой стране»:

«При той языковой и национальной политике, которая проводится сегодня в Казахстане, русским давно пора понять, что если не у них, то у их детей нет здесь будущего. Не надо рассказывать сказки, что русские тоже там принимают участие в каком-то там управлении государством. Все прекрасно знают, в чьих руках сосредоточены национальные богатства, все прекрасно знают, что жузовая система переживет всех в этой стране, все прекрасно знают, чьи дети учатся сейчас по болашаку [система президентских стипендий для обучений в ведущих университетах мира] и готовятся управлять этой страной. Нас лишают последнего — просто возможности спокойно жить в этой стране и работать, не претендуя уже ни на что. <...> Лично я свой выбор почти сделал, я уеду хотя бы ради ребенка»¹⁹².

Крайне болезненную реакцию русскоязычного населения вызывает новый виток ономастической кампании, связанной с переименованием улиц и населенных пунктов. Топонимы, существовавшие десятилетиями, выполняют роль важнейших маркеров этносоциальной идентичности для нескольких поколений русскоговорящего населения Казахстана, и замена их на новые, казахские, воспринимается как исключительно политическое решение, не подкрепленное сколько-нибудь серьезной аргументацией. Областной центр Восточно-Казахстанской области — г. Усть-Каменогорск до недавнего времени оставался, возможно, единственным городом в Казахстане, где названия большинства улиц не подверглись массовому переименованию. Это время, видимо, пришло. В июне 2007 г. четыре магистральные улицы города, а также центральная площадь и городской парк получили новые названия¹⁹³. Проблема в том, что исторические аргументы переименований чаще всего отсутствуют. Представители местной исполнительной власти объясняют процесс следующим образом: «Надо помнить, в каком государстве мы живем». «Необходимо избавиться от колониального, тоталитарного прошлого».

Наиболее значимым фактом из ономастического ряда следует признать Указ президента РК от 21 июня 2007 г. о переименовании г. Семипалатинска Восточно-Казахстанской области в г. Семей¹⁹⁴. Приведем аргументацию президента РК, опубликованную новостными изданиями Казахстана:

«Нурсултан Назарбаев, Президент Республики Казахстан:

— Еду по городу, написано — Семей, а ниже — Семипалатинск. Давайте сделаем Семей. Вот вы согласны? Давайте, чтобы не путаться, чтобы ваш город не идентифицировался с ядерным полигоном, во-первых. Во-вторых, дань уважения новой государственности, ничего страшного в этом нет, Свердловск стал Екатеринбургом, и таких много сегодня. Вот Курск означает что-нибудь, или Керчь? Вопрос такой: не в том, чтобы смысл у слова был, дело в том, чтобы оно было укоренившимся»¹⁹⁵.

Реакция русских на происходящее очень четко показана в письме в редакцию местной неправительственной газеты:

«Они (местные чиновники) действуют так, как будто мы, русские, не граждане этой страны, а чужие. Именно поэтому желание уехать в Россию становится у нас в Семипалатинске все больше и больше. Мне просто до слез жалко, ведь уезжает в основном молодежь, причем квалифицированная молодежь»¹⁹⁶.

Миграционные настроения возрождаются не только у жителей Семипалатинска. Председатель Координационного совета русских, казахских и славянских организаций РК, Верховный атаман Ю. Ф. Захаров заявил:

«По нашим сведениям, сегодня свыше ста тысяч наших граждан желают выехать на постоянное место жительства в Россию»¹⁹⁷.

Таким образом, для русскоязычного населения Казахстана (или, по крайней мере, значительной его части) изменение национальной политики государства стало значимым фактором в ответе на вопрос: уезжать или оставаться? Для многих, принимающих решение об отъезде, это вынужденный шаг, совершение которого связано с разрывом со своими корнями (два-три поколения и более предков, живших в Казахстане), отказом от сложившейся системы деловых и дружеских связей, привычной среды и т.д.

«Прожила всю жизнь в Алма-Ате, считаю Казахстан своей Родиной. С ужасом думаю, что надо готовиться к отъезду в Россию, где, как правило здесь было отмечено, меня никто не ждет. Хотя бы там я и мои дети не будем чувствовать себя вторым сортом из-за незнания языка титульной нации»¹⁹⁸.

«К сожалению, придется уехать. Для меня это трагедия — в 40 лет начинать жить сначала трудно, но работы там много, жилье уже купил»¹⁹⁹.

Наряду с участниками форума, с сожалением пишущими о необходимости отъезда из Казахстана, отчетливо выделяется группа посетителей, выбирающая миграционную стратегию более или менее оптимистично, даже с некоторым злорадством:

«Все правильно. Казахстан — для казахов, а Россия — для русских. Кто чего достоин, тот там и живет, так что не ныть, не просить и не шантажировать надо, а спокойно пакуем чемоданы, братья славяне».

«Да не беспокойся ты, уедем скоро и сопли разводить не будем, дайте спокойно дожить год-два, страну выбрать да документы оформить, и будете вы тут наслаждаться казахским языком по полной программе».

«Тут один сказал — “русские, счастливого пути”. Остается только сказать — СЧАСТЛИВО ОСТАВАТЬСЯ»²⁰⁰.

Такая постановка вопроса вызывает жесткую реакцию сторонников национального развития Казахстана, выступающих за ускоренное внедрение казахского языка (по контексту комментариев можно понять, что в основном это представители казахоязычного населения):

«Так вот мой совет — дальше будет хуже, как это для вас ни прискорбно, так и должно быть. Мой казахский, мой родной язык будет брать свое, а вам надо брать свое... нажитое честным и нечестным путем, — и к Путину»²⁰¹.

Наряду с миграционной стратегией в комментариях участников форума прослеживается и вторая — выбор Казахстана в качестве страны постоянного места жительства для сохранения более высокого уровня жизни. Эта группа авторов также не однородна. С одной стороны, в ней выделяются те, кто готов реально овладеть казахским языком, целенаправленно обучать ему детей с целью полноценной интеграции в казахстанское общество:

«Добавлю, что я не собираюсь никуда уезжать. Я буду жить в Казахстане. Я 10 лет прожил в РФ и могу сказать как человек, которому есть, с чем сравнивать: во многом тут лучше. Я собираюсь знать и русский, и казахский языки, как и мои дети, потому что я им буду личным примером»²⁰².

Вместе с тем среди участников форума, предполагающих остаться в Казахстане, достаточно отчетливо прослеживается группа, не скрывающая своего исключительно экономического интереса. В их нередко предельно циничных комментариях Казахстан фигурирует исключительно как источник дохода, страна, где они «конкурентны», могут добиться экономического благополучия.

«Казахстан — всего лишь источник дохода. Если для меня станет слишком трудно извлекать отсюда доход — уеду. И совсем НЕ жалко будет. Хоть и родился здесь — какая это, к чертям, родина???»²⁰³.

Столь откровенная позиция нередко вызывает крайне агрессивную реакцию. Полемика, разворачивающаяся в форумах, приобретает откровенно националистическую окраску и завершается пожеланием: «Проваливай, и побыстрее». Приведем один из примеров подобной полемики, развернувшейся при обсуждении статьи И. Курбатова «Гуд бай,

Казахстан?», посвященной перспективам и причинам эмиграции русскоязычного населения из Казахстана (полемиическая ветка выделена нами из общего форума и несколько сокращена). Начало полемики положило сообщение о Казахстане как источнике дохода, приведенное выше (его автор обозначен в форуме как «1»).

Ж.: [оскорбления и угрозы в адрес «1»].

1.: «Вот ты — самый лучший пример. [Далее — оскорбительная характеристика уровня культуры и образования казахского населения.] Хотя хорошо, что таких, как ты, — много. Ваше “наличие присутствия” позволяет мне жить безбедно. Ибо на вашем фоне я выгляжу гораздо конкурентней... Хотя языка не знаю и знать не хочу. Пока что — не хочу. Но если это окажется экономически выгодным — а чего не выучить-то? Не язык Шекспира, чай... Уж не говоря о чудовищно сложном языке Толстого и Пушкина...»

Ж.: «Похабить святых, говоришь. [Далее — оскорбление в адрес «1».] Одно твое присутствие на казахстанской земле — похабщина. Так что проваливай, и побыстрее. Ненавижу таких, как ты. А вообще чем терпимее государство, тем неблагодарнее и хамовитее становятся те, к кому проявляют терпение. Посмотреть бы на вас, как бы вы [т.е. все, разделяющие мнение «1»] запели, будь в Казахстане столько же дебилов как СКИНХЭДЫ. [Далее — рассуждения о том, что «казахские скинхэды», если бы они существовали, то вели бы себя так же жестоко, как скинхэды русские, и заставили бы таких, как «1», замолчать и без лишнего шума уехать в Россию.]»²⁰⁴.

Примеров подобной полемики довольно много. Причем в последние 8–9 месяцев число острых высказываний в форумах, носящих оскорбительный характер, заметно возросло, что косвенно подтверждает количество постов, удаленных модератором форума. Оговоримся, что анализируемый нами форум на сайте казахстанского юридического портала «Юрист» отличается далеко не самым острым характером. Обсуждение тех же материалов на форумах других сайтов (например, ZONA.kz) часто приобретает еще более жесткий характер.

Таким образом, обсуждение вопросов национальной и миграционной политики практически всегда выводит участников интернет-форумов на вопрос об эмиграции из Казахстана, ее причинах. Хорошо видно, что ужесточение национальной политики все чаще приводит участников обсуждения к мысли о том, что в изменившихся условиях экономический достаток уже не для всех оправдывает формируемый статус русскоязычного населения как этнического меньшинства.

В концентрированном виде проблемы русскоязычного населения Казахстана были представлены в докладе председателя общественного

объединения Республиканское славянское движение «ЛАД» И. С. Климошенко на II республиканской конференции русских, славянских и казахских организаций Казахстана «Русский язык как индикатор положения русских»:

- часто рецепты, выдаваемые в поликлиниках, пишутся только на государственном языке, лекарства продаются с инструкциями о применении только на казахском языке;
- письма государственных органов присылаются только на казахском языке, так же как и ответы на письма граждан, которые были написаны в государственные органы на русском языке;
- стало правилом, что справки в миграционной полиции для лиц, выезжающих на ПМЖ в Россию и другие страны, выдаются на казахском²⁰⁵.

Подобных фактов, представленных на страницах «славянских» СМИ, очень много. Можно констатировать, что резко активизировались национал-патриотические усилия как с одной, так и с другой стороны. При этом славянские организации довольно жестко обозначили позиции. На только что упомянутой конференции впервые в современной истории Казахстана было официально озвучено, что русские в республике подвергаются национальному угнетению: «Идет активная пропаганда так называемой большой казахской нации, предполагающая ассимиляцию всех других народов, проживающих в Казахстане... Казахский язык превратился в инструмент выдавливания русских и русскоязычных граждан из разных сфер деятельности государства»²⁰⁶. Выход из сложившейся ситуации представители славянского движения видят в следующем: «...либо в течение 2–3 лет основная масса русского населения (по программе или самостоятельно) выедет из республики, либо российские власти найдут возможность договориться с президентом Назарбаевым по языку и в целом по статусу русского населения в Казахстане»²⁰⁷. В приведенной цитате сконцентрировано все видение ситуации славянскими организациями РК: или повышение статуса русского языка, русского населения, или эмиграция.

С учетом персонификации политики в Казахстане основные надежды возлагались на президента РК. Славянскими организациями была проделана большая работа по поддержке Н. Назарбаева на президентских выборах в декабре 2005 г. Тем сильнее было разочарование последующими действиями предполагаемого гаранта стабильности: «Единая поддержка русскоязычного населения в Казахстане своего лидера прозвучала на весь мир. А что же мы видим теперь? Позиция местных чиновников в итоге порождает недоверие главе страны, слова

которого не находят реального воплощения на местах»²⁰⁸; «Русское население Казахстана поддержало действующего президента на президентских выборах, после чего ситуация с русским языком только ухудшилась»²⁰⁹.

Проведенная весной 2007 г. конституционная реформа, в результате которой длительность президентского срока в РК была сокращена с 7 до 5 лет, но первый президент получил право занимать свой пост неограниченное количество раз, была воспринята как едва ли не последняя гарантия стабильности, которую необходимо использовать для того, чтобы интегрировать или уехать:

«Не пойму, что вы все ополчились на Президента?

Представьте сейчас — перевыборы, приходит новый, начинается ЖУТКИЙ ПЕРЕДЕЛ собственности, нестабильность, неразбериха.... А новый к тому же будет националистом... Нет уж!...

Здоровья Вам, Нурсулстан Абишевич, и долгих лет жизни, пока Вы правите, можно не сильно торопиться с отъездом... а спокойно паковать чемоданы»²¹⁰.

Таким образом, изменившийся характер национальной политики государства все более очевидно разрушает баланс между уровнем жизни населения и характером межэтнических отношений. Вольное или невольное изменение властью этносоциальных границ в пользу титульного населения актуализирует миграционные настроения части русскоязычного населения, подталкивая к принятию решения об эмиграции. Именно языковая ситуация, сохранение статуса русского языка являются в настоящее время основным условием сохранения пребывания русских в Казахстане. Возможностей интеграции в казахстанское общество на основе казахского языка подавляющее большинство не имеет. В случае жесткого претворения в жизнь правительственной программы развития государственного языка миграционный отток русскоязычных РК может значительно увеличиться.

Безусловно, обвальная эмиграция из Казахстана пока нереальна: далеко не все русскоязычное население готово к эмиграции. Существенное снижение численности русскоговорящих в Казахстане, изменение их возрастного и профессионального состава, уровня образования существенно снижают потенциал миграционного оттока из Казахстана. Тем не менее этот потенциал достаточно велик:

«...Время рассудит всех, но из каждых моих 10 русских знакомых пятеро собираются»²¹¹.

Косвенно эти субъективные и скорее всего преувеличенные оценки в какой-то степени подтверждаются официальными сообщениями руководителей миграционной службы РК. Как заявил 4 июня 2007 г. в

Сенате Парламента РК председатель Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты населения Жазбек Абдиев, отток лиц с высшим образованием и технических специалистов из страны хотя и сократился, но все еще имеет место. При этом отрицательный миграционный баланс у Казахстана из стран СНГ сохраняется с Россией, Украиной и Беларусью²¹². Дефицит высококвалифицированных кадров в базовых отраслях, создающих наукоемкие технологии, среди которых — приборостроение, информатика, биотехнологии, отметил в ноябре 2006 г. директор Института истории и этнологии имени Чокана Валиханова Министерства образования и науки Республики Казахстан Камал Бурханов²¹³.

Принятая в России программа возвращения соотечественников вряд ли сможет существенно стимулировать миграцию русскоязычного населения из Казахстана, так как предлагаемые ею условия (прежде всего возможные места вселения и крайне ограниченная финансовая поддержка) вызывают скорее разочарование. Однако в условиях быстрого изменения национальной политики она может стать дополнительным фактором реализации решения о миграции в Россию.

§ 4. Миграционная ситуация в странах Центральной Азии

Принятие решения о миграции является одним из ее наименее исследованных моментов. Когда мы анализируем, что заставляет людей эмигрировать или, оставив свои семьи и свою страну, искать работу за границей, то слишком просто предполагать, что люди мигрируют потому, что они просчитали выгоды от переезда или что они востребованы на зарубежном рынке труда.

Наоборот, большинство миграций начинается с потребностей или нужд, удовлетворение которых не требует обязательного выезда за границу. Но затем, пытаясь удовлетворить возникшее желание или потребность, домохозяйство пробует несколько различных способов и стратегий. В процессе поисков домохозяйство или его отдельные члены соприкасаются с мигрантскими сетями, которые предоставляют средства и способы для миграции²¹⁴.

Таким образом, принятие решения об эмиграции или поиске работы за рубежом стимулируется не только так называемыми притягивающими и выталкивающими факторами, но и господствующими в обществе идеологиями, сформировавшимися сетями миграции, а также вторичными эффектами миграции, такими как потеря возможности обучать детей на родном языке, изменения в социальном статусе, распре-

делении доходов, в землепользовании и т.д. Большую роль играет информационная, финансовая, организационная поддержка, которой мигрантов обеспечивают землячества, диаспоры, мигрантские сообщества в стране приема, с одной стороны, и домохозяйства, родственники и общины на родине — с другой.

Признавая одинаковую важность всех факторов, оказывающих влияние на выбор миграции в качестве стратегии домохозяйств и их членов, мы намерены сконцентрировать внимание на характеристике выталкивающих факторов, действующих в странах Центральной Азии (ЦА). Поскольку доминирующим миграционным трендом в современной ЦА стала трудовая миграция, мы ограничимся рассмотрением причин, выталкивающих рабочую силу из ЦА на зарубежные рынки труда.

Миграция в странах постсоветской ЦА стала изучаться сравнительно недавно. Внимание исследователей из-за пределов региона в основном привлекали демографические и историко-антропологические аспекты данной проблематики²¹⁵. В фокусе внимания российских исследователей в 1990-х гг. находились миграции русского и русскоязычного населения из ЦА²¹⁶. С начала 2000-х российские исследователи все чаще стали обращаться к изучению миграции автохтонных центральноазиатских этнических групп в Россию²¹⁷. Отечественные исследователи в каждой из стран ЦА стремились прежде всего зафиксировать миграционные процессы в своих странах, выявить их основные тенденции²¹⁸. Большое значение для накопления эмпирического материала и попыток его осмысления имели отчеты международных организаций, особенно Международной организации миграции (МОМ)²¹⁹.

Нельзя обойти вниманием деятельность Независимого исследовательского совета по миграции стран СНГ и Балтии под руководством Ж. А. Зайончковской. В ходе деятельности Совета была сформирована сеть исследователей из разных стран, созданы неформальные рабочие группы, объединившие ученых и специалистов из стран-доноров и стран-реципиентов. Важным качеством деятельности Совета было то, что он включил исследователей различных специальностей — демографов, экономистов, антропологов, историков, культурологов, обеспечив тем самым широкую методологическую основу для совместных исследований. В рамках деятельности Совета были осуществлены первые многосторонние проекты изучения миграций, в том числе включавшие страны ЦА²²⁰.

С начала 2000-х гг. все большее внимание исследователей стали привлекать правовые и экономические аспекты центральноазиатских миграций, а также их воздействие на развитие. В Российской Федера-

ции по-прежнему высок интерес к этнокультурным исследованиям миграций, что, видимо, объясняется проблемами адаптации мигрантов в принимающем обществе²²¹. В настоящее время интерес к миграциям в Центральной Азии значителен, при этом наибольшее внимание привлекают трудовая миграция и связанные с ней вопросы, такие как денежные переводы, торговля людьми, социальное влияние миграции на отдающие общества и т.д.²²².

Краткий обзор истории внешних миграций в ЦА в постсоветский период

С распадом СССР и становлением суверенных государств в Центральной Азии изменились направления, структура и интенсивность миграций. Основными миграционными трендами в ЦА в 1990-х гг. были потоки репатриации, вынужденные и этнические миграции. Самым значительным потоком была репатриация, наиболее серьезно затронувшая русских. По некоторым оценкам, более четверти всех этнических русских покинули Центральную Азию с 1989 г.²²³. Большой поток казахов направлялся в Казахстан. Только с 1991-го по 1996 г. число репатрировавшихся этнических казахов, прибывших из России, Узбекистана, Монголии и Ирана, составило 155 тыс. человек²²⁴. Несколько меньшей была репатриация узбеков.

Межтаджикский конфликт вызвал мощный поток вынужденной миграции из Таджикистана. С 1992-го по 1995 г. из Таджикистана эмигрировали 284,6 тыс. человек, за пределы страны бежало более 255 900 беженцев, из которых более 60 тыс. человек нашли убежище в Афганистане, остальные — в странах СНГ, внутри страны переместились 697 653 человека²²⁵.

О масштабах передвижения населения Центральной Азии говорит тот факт, что с начала 1989 г. Казахстан покинули около 3 млн человек, что составляет более 20% населения страны, Таджикистан — около 11%, Узбекистан — более 1 млн человек, или около 4%, Кыргызстан — более 7% населения²²⁶. При этом основной страной, куда они направлялись, была Российская Федерация.

С конца 1990-х гг. по настоящее время во всех странах ЦА снижаются масштабы и интенсивность миграции населения. Миграционная ситуация последних лет характеризуется ростом доли внутренних и сокращением доли внешних миграционных потоков в валовом объеме миграции. Снизились объемы репатриации, этнической миграции, сократились до минимума вынужденные миграции, уменьшился удельный вес эмиграции, и основным потоком стали трудовые миграции.

Главной страной достижения для мигрантов по-прежнему остается Российская Федерация, однако наряду с ней все большее количество трудовых ресурсов принимает Казахстан, растет миграция в Китай, страны Европейского союза, Персидского залива.

Страны ЦА вместе с Российской Федерацией все еще входят в одну миграционную систему, обладая общей инфраструктурой, транспортной системой, связью, высоким уровнем экономических, социальных, гуманитарных, человеческих связей, языком общения. Тем не менее все отчетливее видно, как различие избранных моделей, путей разводит страны региона и в то же время включает их в мировой порядок, следовательно, в международную миграцию.

Миграционная ситуация в регионе остается нестабильной, моментально реагирующей на изменения экономической и политической жизни. Так, перекрытие таджикско-узбекской границы после терактов в феврале 2004 г. в Ташкенте способствовало сокращению до минимума миграционного обмена между Таджикистаном и Узбекистаном и вызвало транзитный поток миграции из Таджикистана через Кыргызстан в третьи страны.

Увеличение таможенных пошлин, ужесточение пограничного режима и ухудшение социально-экономической ситуации в Узбекистане с начала 2000-х гг. вызвало падение уровня жизни населения и, как следствие, мощный поток узбекской миграции в Казахстан и Россию. Мигранты из Узбекистана почти полностью вытеснили граждан Таджикистана и заметно потеснили граждан Кыргызстана на рынке труда в Казахстане. В результате доля трудовых мигрантов из Таджикистана, работавших в Казахстане, упала с 7% в 1999 г. до 1,3% в 2002 г. Большая часть трудовых мигрантов из Таджикистана переориентировалась на Россию, где в 2006 г. работали 94% мигрантов из Таджикистана²²⁷. Аналогичная ситуация складывается и с мигрантами из Кыргызстана, которые, уменьшив свое присутствие на рынке труда в Казахстане, диверсифицируют направления выезда в Российскую Федерацию, Китай, страны дальнего зарубежья.

Основные миграционные тренды в странах Центральной Азии

В настоящее время к основным миграционным трендам в странах ЦА можно отнести следующие:

- *Нетто-эмиграция.* Основные потоки направлены из Узбекистана и в гораздо меньшей степени — из Туркменистана. Они включают значительную долю этнических миграций (русских, украинцев, крымских татар, евреев, немцев, казахов, мигрирующих

по государственной программе репатриации оралманов в Казахстан). Основными странами достижения являются Россия (около 70% внешних миграций из Узбекистана) и Казахстан (12–13% эмиграции из Узбекистана до середины 1990-х гг. и 25–30% в последние годы)²²⁸.

- *Транзитная миграция.* В ней участвуют потоки со Среднего Востока, из Южной Азии, Юго-Восточной Азии.
- *Незаконная миграция.*
- *Торговля людьми* (трафик).
- *Трудовая эмиграция,* которая в настоящее время является доминирующим трендом в Центральной Азии. В ней участвуют около 700 тыс. человек из Таджикистана, от 800 тыс. до 1,5 млн человек из Узбекистана, от 200 тыс. до 500 тыс. человек из Кыргызстана²²⁹.

В общий поток трудовых миграций входит трансграничная трудовая миграция. К ее основным трендам следует отнести приграничные трудовые миграции из Узбекистана и Кыргызстана, направленные в Казахстан; приграничную миграцию из Казахстана в Россию; приграничную трудовую миграцию из Таджикистана и Узбекистана в Кыргызстан.

Характеризуя миграционную ситуацию в отдельных странах Центральной Азии, следует признать, что за годы независимого существования Центральная Азия отчетливо распалась на три части.

И. Казахстан. Это страна с большой территорией, относительно небольшим населением, значительными запасами природных ресурсов, довольно высоким уровнем производительных сил, высокими темпами экономического роста.

В настоящее время Казахстан постепенно превращается в крупнейшего регионального импортера рабочей силы. В этой стране работают более 200 тыс. трудовых мигрантов из стран ЦА, в том числе 15% всех трудовых мигрантов из Узбекистана, треть — из Кыргызстана, 1% — из Таджикистана. Более того, к началу 2004 г. Казахстан начал выступать как конкурирующий с Россией рынок труда. В Казахстане существует три центра притяжения трудовых мигрантов: Алматы, Астана и западные регионы (Западно-Казахстанская, Атырауская, Мангистауская области).

В государстве распространены все основные типы и виды трудовых миграций: внутренние (внутри- или межобластные), внешние (эмиграция и иммиграция), легальные, нерегулируемые, транзитные, возвратные, или временные (сезонные, маятниковые), приграничные миграции.

По миграционному статусу Казахстан является страной исхода, приёма и транзита мигрантов. Основные миграционные тренды из Казахстана — это выезд на постоянное место жительства в Россию и небольшой поток трудовой эмиграции. Так же как и в других постсоветских странах, нерегулируемая трудовая эмиграция из Казахстана превышает объёмы лицензированной рабочей силы. Выезжают в основном квалифицированные рабочие или специалисты (по этническому составу — русские, татары) для работы на предприятиях Сибири. Распространена коммерческая, или «челночная», миграция, увеличился выезд в страны дальнего зарубежья для работы по найму, но, по оценке экспертов, численность трудовых эмигрантов из Казахстана значительно меньше по сравнению с другими центральноазиатскими странами²³⁰.

Основным потоком в Казахстан является трудовая иммиграция трудящихся из Узбекистана и Кыргызстана, немногочисленные потоки трудовых мигрантов из Китая, Таджикистана, Турции, других стран дальнего зарубежья, а также репатриация этнических казахов (оралманов) из-за пределов Казахстана.

Особенность этой страны — большая протяженность границ, которые на многих участках являются «прозрачными». По всему периметру границ республики происходит интенсивная приграничная (фронтьерская) миграция. Для северных (включая северо-западные и северо-восточные) областей характерен обмен с Россией, для южных — с Кыргызстаном и Узбекистаном²³¹. По территории Казахстана пролегают маршруты транзита, по которым двигаются мигранты из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, стран дальнего зарубежья в главную страну достижения — Россию.

II. Экспортеры рабочей силы — Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан. Эти страны имеют относительно высокую по сравнению с экономическими возможностями плотность населения, низкий душевой уровень ВВП, масштабную безработицу и высокий уровень трудовой эмиграции.

Кыргызстан экспортирует рабочую силу в объёме 300–320 тыс. мигрантов в основном в Казахстан и Российскую Федерацию. В 2007 г. 14% домохозяйств Кыргызской Республики (КР) посылали одного или нескольких своих членов на зарубежные заработки²³². Разница в уровне доходов в странах СНГ, смягчение пограничного режима с Китаем, предоставившее широкие возможности для приграничной и транзитной торговли, способствовали формированию трудовой миграции из Кыргызстана.

Основным регионом исхода мигрантов является южная часть республики. Наибольший уровень вовлеченности населения в трудовую мигра-

цию наблюдается в Бишкеке, Чуйской и Ошской областях. Меньшие потоки трудовой миграции исходят из Джалалабадской и Иссык-Кульской областей. Основной вид деятельности за рубежом — это коммерческий (челночный) бизнес, строительство, сфера услуг и сельскохозяйственные работы. Мужчины больше заняты на временных работах (строительство, услуги, сельское хозяйство), среди женщин много коммерческих мигрантов и занятых в сфере услуг²³³.

Большая часть внешней трудовой миграции из Кыргызстана направлена в Россию, меньший поток — в Казахстан. В настоящее время растет немногочисленный поток трудовой эмиграции в страны Европейского союза, США и Канаду, Японию, Южную Корею, Турцию, Австралию, Китай, Афганистан.

Кыргызстан является также страной-реципиентом. Он принимает трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана и небольшое число иностранной рабочей силы из Китая, Турции и других стран дальнего зарубежья. Кроме того, через эту страну происходит транзит мигрантов из Таджикистана.

Особенностью миграционных процессов в Кыргызстане является высокий уровень внутренней миграции рабочей силы, направленной в основном из сельской местности и малых городов в большие города, из южных регионов в северные, чаще всего в Бишкек, столицу республики, Чуйскую область и областной центр Ош. Распространена межобластная трудовая миграция.

Таджикистан за последние годы стал типичным экспортером рабочей силы. Трудовая миграция охватывает около 700 тыс. его граждан. В 2007 г. почти 37% домохозяйств отправляли на работу за рубеж одного и более мигрантов²³⁴. Трудовая миграция стала одной из основных структурных особенностей экономики Таджикистана — маленькой, транзитной периферийной страны, удаленной от морей и рынков, разрушенной конфликтом и распадом СССР, соседствующей с Афганистаном. В Республике Таджикистан трудовая миграция признана важнейшей частью стратегии государственной политики занятости населения.

В стране также работает малое количество иностранных специалистов и квалифицированных рабочих из Китая, Турции, Ирана. Таджикистан является страной транзита для небольшого потока афганских мигрантов.

Наибольшее значение для развития трудовой эмиграции имели гражданский вооруженный конфликт (лето 1992 — июнь 1997 г.) и исключительно высокая социальная цена перехода к рыночной экономике.

О динамике вовлечения населения Таджикистана в трудовую миграцию говорит сопоставление результатов обследований уровня жизни

в Таджикистане разных лет. С 1997-го по 1999 г. количество мигрантов в домохозяйствах составляло всего 1,5%. К 1999 г. согласно Обследованию уровня жизни в Таджикистане (ТОУЖ, 1999 г.), число трудовых эмигрантов резко увеличилось. Затем миграционная ситуация несколько стабилизировалась, и с 2004 г. начался новый подъем трудовой миграции, продолжающийся и в настоящее время. Если в 2003 г. 3,54% респондентов сообщили, что они с 1998 г. периодически выезжают за рубеж и работают там в течение трех месяцев и более, то спустя два года число лиц, живших и работавших за границей более трех месяцев в период с мая 1999 г. по 2005 г., составило 10,08%²³⁵.

В последние годы наблюдаются изменения в направлениях потоков миграции всех видов в Таджикистан и из него. С 1995 г. началось сокращение миграции во все страны СНГ, кроме России. Ужесточение пограничного контроля, порядка пребывания, ограничение свободного передвижения людей через границы наряду с ухудшением возможностей на рынках труда способствовали сокращению миграции из Таджикистана в соседние страны Центральной Азии — Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан. Российская Федерация стала ведущим реципиентом мигрантов из Таджикистана. Трудовая миграция почти полностью переориентировалась на Россию. Если в 2001 г. в РФ работали 84%²³⁶, то в 2004 г. — 97,6% мигрантов из Таджикистана²³⁷.

Наиболее привлекательной территорией для таджикских мигрантов в Российской Федерации является московская агломерация (49% всех мигрантов из Таджикистана, работающих в России). Основной сферой занятости здесь является строительство, в меньшей степени — торговля и сфера услуг.

Сибирский федеральный округ — вторая после Москвы и Московской области по значимости территория приема мигрантов из Таджикистана (14%). Несколько меньше мигрантов притягивают Урал (11%) и Приволжский федеральный округ (10%). Высокая концентрация таджикских мигрантов наблюдается в Екатеринбурге, Тюмени, Нижневартовске, Сургуте, Абакане, Новосибирске, Новокузнецке, Красноярске, Нижнекамске и других городах Сибири. Здесь мигранты работают на нефте- и газопромыслах, строительстве, в химическом производстве и на промышленных предприятиях. Притягательными являются также крупные промышленные центры: Санкт-Петербург (5%), города бассейна Волги: Уфа, Sterлитамак, Казань, Самара, Саратов, Волгоград.

В Поволжье направлен небольшой тренд сезонной сельскохозяйственной миграции из Таджикистана.

Во внешней трудовой эмиграции из Таджикистана участвуют преимущественно мужчины (95,3%). Среди трудовых мигрантов преобла-

дают люди молодых возрастов. На долю молодежи до 30 лет приходится 46% всех мигрантов, от 30 до 39 лет — 31%, 40 лет и старше — 24%²³⁸.

Исследования последних лет показали, что с 1999 г. наблюдается четко выраженная тенденция снижения возраста при первой миграции. Переломным был 2001 г., когда среди мигрантов, впервые поехавших на работу за рубеж, молодежь до 30 лет стала преобладающей возрастной группой. В 2005 г. среди впервые выехавших на заработки было 88% лиц до 30 лет²³⁹.

Структура спроса на рынке труда в РФ, отражающая потребность в работниках низкой и средней квалификации, в строителях и промышленных рабочих, в «руках», а не «мозгах», заставляет мигрантов, обладающих высоким уровнем квалификации, соглашаться на низкоквалифицированную работу. Отсутствие на рынке труда в Российской Федерации спроса на имеющиеся у мигрантов навыки связано с развалом прежней сферы занятости в транзитный период и характерно для всех постсоветских стран. Согласно исследованию, проведенному МОМ в 2005 г., более $\frac{2}{3}$ мигрантов имели до выезда профессию и специальность. Не имеют профессии 27,5% из них. Это в подавляющем большинстве молодые люди со средним образованием и без профессии, для которых выездные заработки — первое трудоустройство.

Данные многих исследований показывают, что около трети трудовых мигрантов находятся за рубежом до года, выехав на работу в первый раз. Две трети работают более одного года, зачастую неоднократно выезжая в сезонную миграцию, что свидетельствует о «профессионализации» трудовой миграции.

Несмотря на то что безусловно доминирующей в Таджикистане является сезонная трудовая миграция, есть достаточно большая группа мигрантов, остающихся за рубежом на более продолжительный срок. Более того, последние исследования показали, что растет число таджикских мигрантов, не возвращающихся на родину в течение длительного времени. С 1999 г. рост числа мигрантов, которые остались в стране пребывания, составляет 8% в год.

Большинство мигрантов-мужчин женаты (77,9%). Среднее количество детей в мигрантских семьях — 3–4 ребенка. Как правило, мигранты, состоящие в браке, оставляют жен дома, на родине. Только 5,9% мигрантов ездят на заработки вместе с женой, 2,5% иногда берут жену с собой. Подавляющее большинство сезонников не хотят привозить в Россию свои семьи, так как они получают очень низкую заработную плату, которой недостаточно для обеспечения нужд семьи в стране пребывания, но вполне достаточно для содержания семьи на родине, где паритет покупательской способности значительно ниже.

Узбекистан. Узбекистан имеет отрицательное сальдо внешней миграции. Пик оттока населения из страны пришелся на переломные 1989–1990 гг. К середине 1990-х гг. отток населения значительно снизился, однако затем вновь увеличился. Главными миграционными трендами во внешних миграциях являются потоки этнических миграций (русских, украинцев, крымских татар, евреев, казахов, немцев и др.) на историческую родину. По данным обследований, в эти процессы в последние годы активно вовлекается и титульное население республики (в Узбекистане это узбеки и каракалпаки). Широкое распространение получили трудовые миграции как внутри республики, так и за ее пределы. Они охватывают сотни тысяч человек, или 7–8% численности экономически активного населения²⁴⁰.

Узбекистан отправляет, по различным оценкам экспертов, от 0,5 млн до 2 млн мигрантов, которые работают в основном в России, Казахстане, Южной Корее, небольшое число мигрантов трудятся в США, Канаде, Европейском союзе, Южной Корее, ОАР, Турции. Узбекистан также принимает немногочисленный поток высококвалифицированной рабочей силы из стран дальнего зарубежья и очень маленький тренд сезонной миграции из Афганистана.

Мужчины занимаются строительством, торговлей на рынках, в аграрном секторе. Основная сфера занятости женщин — общественное питание, торговля, сфера обслуживания, сельское хозяйство.

Основными регионами выезда являются г. Самарканд и Самаркандский вилоят (область), Каракалпакистан, Кашкадарьинский, Сурхандарьинский, Андижанский, Ферганский вилояты, промышленные центры, в которых остановились производства, такие как Термез, Андижан, Ангрен, горные районы. Наименьший уровень трудовой миграции наблюдается в столице РУз — Ташкенте.

III. Туркменистан слабо участвует в миграционных процессах. Основные миграционные тренды в Туркменистан — трудовая миграция, из Туркменистана — нетто-миграция и «челночная» миграция. После распада СССР миграция в Туркменистане достигала своего пика дважды — в 1992 и 1996 гг. К 2001 г. в страны ближнего и дальнего зарубежья выбыло около 100 тыс. человек, преимущественно русских, казахов, украинцев и др. Начиная с 1997 г. наблюдается устойчивая тенденция снижения эмиграционных и иммиграционных потоков. В 2001 г. уровень эмиграции составил около одной трети от уровня 1996 г. (соответственно 9,8 тыс. человек против 30,3 тыс.).

Основной поток мигрантов направлен в страны СНГ, в первую очередь в Россию, а также Казахстан, Украину, Узбекистан. Эмигранты выезжали и в страны дальнего зарубежья: Германию, Израиль, США.

Возрастная структура эмигрантов представлена в основном населением трудоспособного возраста. Продолжается «утечка мозгов», или интеллектуальная эмиграция. В 2003 г. увеличилась эмиграция славянского населения. Эмиграционные потоки резко возросли с апреля 2003 г., когда указом президента С. Ниязова было отменено двойное гражданство с Российской Федерацией²⁴¹.

Страны приема мигрантов из Центральной Азии. Россия — основная принимающая страна

В настоящее время Российская Федерация является основным миграционным партнером стран Центральной Азии (кроме Туркменистана) и крупнейшей страной-импортером рабочей силы из центрально-азиатских стран. По экспертным оценкам, в РФ работают около 2 млн человек из стран ЦА, в том числе более 600 тыс. трудовых мигрантов из Таджикистана, от 800 тыс. до 1 млн, а иногда и более, — из Узбекистана, 300 тыс. — из Кыргызстана.

До сих пор центральноазиатская иммиграция в Россию разделена на две неравные части.

1. Относительно небольшая легальная иммиграция «на постоянное место жительства», учебная миграция, а также организованная государственными или иными уполномоченными агентствами трудовая миграция. Эти потоки учитываются статистикой и контролируются государством.

2. Нерегулируемая, стихийная миграция. Она имеет значительные масштабы и не попадает в поле зрения государственных структур и государственной статистики в безвизовом пространстве СНГ. Доля нерегулируемых миграций из Узбекистана в Россию колеблется от 52 до 65%. Чуть выше уровень нерегулируемой миграции из Кыргызстана. В Таджикистане он доходит до 93%.

Разница в масштабах нерегулируемой миграции из разных стран Центральной Азии в основном зависит от характера миграционных трендов и масштабов теневой занятости на том или ином сегменте рынка труда в России. В кыргызской иммиграции преобладают «челноки» и работники рынков, чей правовой статус в России довольно неопределенный. В значительной степени нерегулируемой является сезонная миграция строителей, преобладающая в иммиграции из Таджикистана. При этом следует помнить, что сезонники практически всегда въезжают в страну легально. Они стремятся урегулировать свой правовой статус, поскольку дважды в год пересекают государственные границы и сталкиваются с проверкой документов и своего правового статуса, по-

этому большинство из них стремится различными путями зарегистрироваться. Однако трудовые отношения сезонников-строителей почти всегда находятся в «тени», что делает их преследуемыми нелегалами. В то же время долгосрочные мигранты, для которых проверка документов на пограничных КПП, связанная с визитом на родину, — отдаленная перспектива, значительно меньше беспокоятся о законности своего пребывания и трудоустройства в местах вселения.

Центральноазиатская миграция в Россию остается нестабильной, моментально реагирует на изменения экономической и политической жизни как стран выезда, так и стран приема: до 2000 г. самый большой поток шел из Таджикистана, значительной была миграция из Казахстана, особенно в приграничных с Россией областях. С начала 2000-х гг. незначительно растет трудовая миграция из Таджикистана и Кыргызстана, до минимума уменьшилась миграция из Казахстана. С 2003 г. стремительно увеличивается мощный поток узбекской миграции в Россию.

Меняются также состав потоков и сроки пребывания мигрантов за рубежом. Во-первых, увеличивается число сезонников, что отражает приспособление трудовой миграции к рынку труда в России — основной стране приема для мигрантов из Центральной Азии. Во-вторых, растет число женщин-мигрантов во всех странах ЦА, кроме Таджикистана. Это происходит из-за того, что растущая экономика России требует все больше работников торговли и сферы обслуживания, где женщины легко трудоустраиваются. В-третьих, стремительно уменьшается численность «челночных» мигрантов, что отражает процесс завершения реструктуризации торговли после распада централизованной государственной торговли советского типа.

Анализ выталкивающих факторов

Обычно при объяснении причин трудовой миграции говорят о том, что трудовая миграция вызвана комбинацией выталкивающих и притягивающих факторов. В качестве первых обычно называют экономическую ситуацию, демографическое давление, безработицу в стране выезда, а в качестве притягивающих — высокие зарплаты, высокий спрос на рабочую силу и потребность в объединении разделенных семей.

Традиционное объяснение причин миграции заключается в том, что рабочая сила из стран с низким уровнем душевых доходов перемещается в страны с высоким уровнем доходов на душу населения. Мигранты исходят из расчетов ожидаемого заработка за границей, стоимости поездки и первичного устройства за рубежом, а также необходимости посылать деньги домой для поддержания семьи.

В последние годы ряд авторов указывает, что наряду с разницей доходов немаловажное значение имеют качество жизни, обеспечение прав человека, соображения безопасности, уровень развития социальных услуг на родине и в стране приема²⁴².

Али Мансур относит к экономическим и демографическим выталкивающим факторам бедность, безработицу, низкий уровень зарплат, высокую рождаемость, слабость базового здравоохранения и образования. В политические выталкивающие факторы он включает наличие конфликтов, отсутствие безопасности, насилие, плохое управление, коррупцию, нарушения прав человека; а к социальным и культурным выталкивающим факторам относит дискриминацию по этническому, половому, религиозному и другим признакам²⁴³.

Демографическое давление на рынок труда. Одним из важнейших выталкивающих факторов является демографическое давление на рынок труда. В постсоветский период во всех странах Центральной Азии демографический рост значительно замедлился. Так, например, в Узбекистане современные темпы роста населения почти в 2 раза ниже, чем в 1990-х гг. Это в первую очередь связано с падением рождаемости. Общий коэффициент рождаемости (ОКР) в Узбекистане уменьшился до 19–20 промилле против 33–35 промилле в прошлые годы. Коэффициент суммарной рождаемости за 1991–2003 гг. сократился с 4,199 до 2,357 (в 1,8 раза), в том числе в городах — с 3,130 до 1,934 (в 1,6 раза), в сельской местности — с 4,994 до 2,614 (в 1,9 раза)²⁴⁴. Тем не менее тенденция снижения рождаемости сдерживается возрастной структурой населения региона.

Значительный удельный вес детей и молодежи способствует сохранению довольно высокого уровня рождаемости. Так, например, при численности населения Таджикистана в 7 млн человек средний возраст населения — 22,8 года, 46% — молодежь до 16 лет, в то время как население старше 60 лет составляет 7%²⁴⁵. Соответственно уровень рождаемости составляет 27,1 промилле, что на фоне низкого уровня смертности (5,1 промилле) дает значительный естественный прирост, который равняется 22,0 промилле²⁴⁶. Рождаемость в Кыргызстане, где численность населения составляет 5 млн 200 тыс. человек, ниже, чем в Таджикистане. Население самой многонаселенной страны региона — Узбекистана — за 1991–2005 гг. увеличилось на 5399 тыс. человек (на 26,2%) и составило 26 млн человек²⁴⁷.

Несмотря на заметное снижение рождаемости и естественного прироста²⁴⁸, в постсоветский период во всех странах Центральной Азии наблюдается большой приток трудовых ресурсов, что объясняется про-

дленным эффектом высокого уровня рождаемости в 1970—1980-х гг. Так, трудовые ресурсы Узбекистана составляют более половины населения страны. Среднегодовые темпы прироста достигают 2,5—2,7%, т.е. чистое сальдо на рынке труда равно 220—230 тыс. человек.

Большой приток трудовых ресурсов²⁴⁹ осложняет неблагоприятную ситуацию на рынке труда. Развитие в ходе рыночных реформ процесса деиндустриализации привело к снижению занятости в промышленности Таджикистана с 21% в 1991 г. до 8% в 2003 г.²⁵⁰. Аналогичная ситуация наблюдается в Узбекистане и Кыргызстане.

За период с 1998-го по 2005 г. прирост трудовых ресурсов в Таджикистане составил 28,8%, за этот же период количество занятых возросло всего лишь на 12%. Уровень занятости трудоспособного населения с 59% снизился до 54,4%. Этим объясняется возрастание количества трудоспособного населения, зачисляемого органами статистики в категорию экономически неактивного, которое в 2002 г. составляло 1904 тыс. человек, или 29,3% от всего населения Таджикистана²⁵¹. Продолжает действовать тенденция сокращения занятости в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи. Значительная часть трудоспособного населения распределилась в менее эффективные отрасли сельского хозяйства, личное подсобное хозяйство, мелкую торговлю, осела в домашнем хозяйстве. Одновременно возросла численность безработных, сформировался поток трудовой эмиграции.

В странах Центральной Азии продолжает увеличиваться относительно избыточное аграрное население. Так, в Узбекистане доля городского населения в постсоветский период снизилась с 40,3 до 36,3%, а сельского — соответственно возросла с 59,7 до 63,7%²⁵². В Таджикистане в сельской местности проживает более 73% населения.

Рост населения, особенно сельского, ухудшает возможность доступа к ресурсам, так как 93% территории Таджикистана и 94% Кыргызстана — горы, и только ограниченные территории в бассейнах рек пригодны для проживания. Вместе с демографическим ростом продолжает увеличиваться плотность населения в оазисах и долинах Узбекистана.

Быстрый рост населения усиливает давление на рынок труда и побуждает людей к отъезду не прямо, а опосредованно, из-за недостатка рабочих мест, бедности, ожидаемого снижения доходов и т.д.

Последние исследования трудовой миграции в Таджикистане выявили более высокий уровень участия сельских домохозяйств в трудовой миграции. Если доля мигрантских домохозяйств в целом по стране составляет 37%, то в сельской местности этот показатель равен 42%. Сельские жители более активно участвуют в миграции: доля домохозяйств с

двумя мигрантами в сельских районах почти в два раза выше (10,6%), чем в городах, кроме Душанбе (5,97%), и почти в четыре раза выше, чем в столице (2,9%)²⁵³.

Это можно объяснить тем, что в сельской местности у домохозяйств меньше возможностей и перспектив улучшить свое положение внутри страны из-за следующих причин:

- демографическое давление на рынок труда значительно выше в сельской местности, чем в городах;
- в Таджикистане низка доля городского населения (26%). Немногочисленные города, и особенно столица, являются прежде всего административными, финансовыми и образовательными центрами. Здесь люди получают более высокие доходы и, что более важно, имеют больше надежд на будущее внутри своей страны. В сельской местности подавляющее большинство населения работает в сельском хозяйстве, которое характеризуется самым низким уровнем зарплат, самым высоким уровнем задолженности по выплате зарплат, пенсий и пособий, самым высоким уровнем долгов, особенно в районах возделывания хлопка. Отсутствие перспективы, возможностей внутри страны гонит сельских жителей за границу в поисках заработка;
- в городской местности возможности получать доходы у домохозяйств выше, так как женщины могут заниматься оплачиваемым трудом вне дома. В сельской местности из-за отсутствия или крайне низкого уровня услуг женщины вынуждены все свое время тратить на обеспечение базовых потребностей домохозяйства (сбор топлива, хождение за водой, уход за детьми и престарелыми и т.д.) и не имеют возможности заниматься оплачиваемым трудом вне дома. Кроме того, в Таджикистане в сельской местности женщины практически не имеют возможности устроиться на оплачиваемую работу или начать свой маленький бизнес. Поэтому сельские мужчины, являясь основными кормильцами, отправляются в поисках заработка за границу.

Структурные изменения занятости, постсоветская трансформация рынков труда. В последние годы значительно возросли масштабы высвобождения и перераспределения рабочей силы. По данным Министерства труда и социальной защиты населения Республики Узбекистан, современные масштабы высвобождения в 2 — 3 раза превышают показатели середины 1990-х гг. Административная реформа в 2004 г. высвободила 40 тыс. человек, которые были уволены из органов управления. Аграрная реформа также способствует высвобождению рабочей силы и

выходу вчерашних крестьян на рынки труда. В 2003 г. по сравнению с 1994 г. численность граждан, ищущих работу, возросла в 2,2 раза, трудоустроенных при посредстве бирж труда — в 2,3 раза, признанных безработными — в 1,6 раза. Основной прирост занятости в Узбекистане обеспечивает частный сектор, но он не может обеспечить трудоустройство всех ищущих работу. Предложение рабочей силы из года в год превышает спрос на нее, что делает безработицу долгосрочным социальным явлением²⁵⁴.

Похожая ситуация складывается в Таджикистане, где неблагоприятный бизнес-климат, высокие административные барьеры, коррупция препятствуют развитию малого и среднего бизнеса. Поэтому частный сектор не может поглотить высвободившуюся в результате структурной перестройки рынка труда рабочую силу. Так, в Таджикистане на январь 2006 г. действовало всего лишь 1669 малых предприятий, численность занятых в них составила всего 17,2 тыс. человек²⁵⁵.

Ограничения на торговлю и коммерческую деятельность, вызвавшие значительное ухудшение социально-экономической ситуации в Узбекистане в последние пять лет, стали мощными выталкивающими факторами, стимулирующими эмиграцию и внешнюю трудовую миграцию из Узбекистана.

Согласно данным опроса трудовых мигрантов из Узбекистана, работавших в России в 2002 г., основными причинами выезда были названы очень низкая зарплата на родине (68,8%), тяжелое материальное положение семей (54,5%), отсутствие хорошей работы (32,5%), безработица (16,7%)²⁵⁶.

Безработица. За последние пять лет официальный уровень безработицы в Таджикистане вырос с 1,7 до 3,2%²⁵⁷. Однако только три четверти зарегистрированных безработных получают пособие, размер которого составляет 1,5 долл. США в месяц. Большинство безработных не регистрируется, реальный уровень безработицы с учетом методологии МОТ составляет 11,3%, в том числе в городах — 13,2%, в сельской местности — 10,9%. Уровень безработицы мужчин составляет 12,3%, женщин — 9%. Наибольшую долю безработных составляет молодежь (68,9%)²⁵⁸. Большинство безработных являются иждивенцами в семье или получают ограниченные доходы за счет случайных заработков.

Сходная ситуация наблюдается в Кыргызстане. По данным Национального статистического комитета Кыргызстана, на 1 октября 2004 г. население Кыргызстана составило 5,1 млн человек, экономически активное население — 1981 тыс. человек. Из них занятое население составляет 1800 тыс. человек и безработные — 174 тыс. человек, что на 2%

больше, чем в 2003 г. Уровень общей безработицы с учетом самостоятельно ищущих работу составил 8,8% всего экономически активного населения.

Напряженная ситуация на рынке труда сохраняется в южных областях, в сельских регионах и в г. Бишкеке, где уровень общей безработицы превышает республиканский. Так, в г. Бишкеке безработица достигла 11,5%, в Баткентской области — 11,0%, Нарынской — 11,3%, Чуйской — 9,4%.

Значительное влияние на экономическую ситуацию и положение на рынке труда оказало депрессивное состояние малых промышленных городов — горнорудных, шахтерских, энергетических. Закрытие промышленных предприятий, сокращение производства, разрушение инфраструктуры и безработица привели к снижению уровня жизни и миграционному оттоку или вовлечению в трудовую миграцию.

Низкий уровень доходов населения. Как правило, считается, что низкий уровень доходов является одним из главных выталкивающих факторов. Согласно данным опроса, проведенного центром «Шарк» в Таджикистане в феврале—марте 2004 г., основными причинами выезда мигранты назвали очень низкую зарплату — 54,4%, безработицу — 20,0%²⁵⁹.

Действительно, заработная плата в Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане является очень низкой. Например, в 2005 г. средний размер заработной платы в Таджикистане составил 83,58 сомони, или 28,9 долл. Почти 90% наемных работников на предприятиях и в организациях имели заработную плату в размере до 180 сомони в месяц, что составляет чуть более 52 долл. Из них половина имела заработную плату до 60 сомони, или 17,4 долл.²⁶⁰. Анализ данных официальной статистики свидетельствует, что доля фонда оплаты труда в ВВП Таджикистана снизилась с 58,8% в 1991 г. до 10,9% в 2005 г. Для сравнения: в Российской Федерации доля заработной платы в национальном продукте России составляет 30%, среднее значение по Европейскому союзу — 70%.

Расчеты показывают, что лишь 22,5% работающих могут покрыть свои расходы за счет заработной платы. Резкое падение уровня средней заработной платы (в 6—8 раз) в годы независимости снизило привлекательность предложений на внутреннем рынке труда.

Ситуация усугубляется тем, что в дополнение к низкому уровню оплаты труда образовалась задолженность по выплате заработной платы, которая составила 15,6% от месячного фонда оплаты труда в 2006 г.

Для Таджикистана характерно то, что денежные заработки в секторе формального трудоустройства отрицательно связаны с уровнем жизни. Домашние хозяйства, которые зависят только от формального до-

хода, являются более уязвимыми, чем те, которые имеют разнообразные источники дохода. Это может также означать, что теневая экономика играет более важную роль в поднятии жизненного уровня, чем только формальный сектор трудоустройства²⁶¹. Исследования показали, что в общей структуре доходов домохозяйств доход от работы в формальном секторе составляет всего лишь 39,7%. Другими важными источниками доходов являются доход от собственного бизнеса и работы в личном подсобном хозяйстве (32%), в целом доход от работы без контракта (12,2%), социальные пособия (6,6%), подарки родственников, работающих за границей (5,3%)²⁶².

Бедность. Бедность является наиболее острой проблемой в странах Центральной Азии. Экономический кризис первой половины 1990-х гг. привел к сокращению в них производства, увеличению безработицы, росту бедности.

Таджикистан является беднейшей страной в СНГ. В 2003 г. 64% населения РТ признавались бедными. Принято считать, что основными причинами распространения бедности в Таджикистане являются последствия гражданского конфликта, распада Советского Союза и его централизованной экономики, что привело к остановке производств в Таджикистане, безработице и резкому падению заработной платы, а также стихийные бедствия (наводнения и засухи последних лет). Крупные промышленные предприятия, созданные в процессе советской модернизации, оказались неконкурентоспособными в рыночных условиях. Несмотря на значительные запасы природных ресурсов, Таджикистан не имел разрабатываемых источников сырья в необходимых для экспорта объемах и не мог поддержать разваливавшуюся экономику валютными поступлениями от сырьевого экспорта. В 1991–1996 гг. наблюдалось снижение производства по всем отраслям экономики и на всей территории страны. Помимо того что Таджикистан наиболее сильно пострадал от развала СССР, негативное влияние на ход трансформационного процесса оказали неблагоприятные начальные условия и географическая изоляция страны. Почти 5 тыс. км по суше отделяют Таджикистан от ближайшего морского порта (на Балтийском море) и почти 4 тыс. км — от ближайшего рынка с уровнем дохода выше 10 тыс. долл. США. К неблагоприятным обстоятельствам относится соседство с наркоэкономикой Афганистана. Несмотря на огромные усилия по охране границ и блокировке потока наркотиков, 1380 км таджикско-афганской границы способствуют тому, что Таджикистан стал территорией транзита наркотиков, породившего культуру коррупции, что является серьезным препятствием на пути развития страны.

С прекращением бюджетных дотаций, субсидий из союзного центра после распада СССР при падении внутренней налоговой базы в связи с остановкой внутреннего производства Таджикистан столкнулся с огромным дефицитом платежного баланса, который не покрывался доходами от экспорта сырья. Безработица достигала 30%²⁶³, заработная плата, пенсии и пособия не выплачивались. Социально-экономическая ситуация настолько ухудшилась, что большая часть населения страны оказалась на грани выживания. Ряд районов был охвачен голодом. В эти годы (1994–1995 гг.) в Таджикистане начался резкий подъем трудовой эмиграции. Несмотря на все трудности, население постепенно адаптировалось к новой ситуации, избрав трудовую миграцию в качестве одной из основных стратегий выживания.

К 2000 г. в экономике Таджикистана произошли значительные сдвиги в положительную сторону, после чего в РТ начался реальный экономический рост. С 2000-го по 2004 г. он составлял 8% ежегодно²⁶⁴. Однако прогресс имел восстановительный характер и был достигнут в ходе ликвидации последствий конфликта. Он недостаточно отразился на уровне благосостояния и снижении масштабов бедности в стране. В документах Всемирного банка указывается, что причинами бедности являются также низкое качество управления, безработица, неадекватность мер, предпринимаемых для решения существующих проблем.

Несмотря на начавшийся в 2000 г. экономический рост, Таджикистан остается одной из самых бедных стран в мире с ВВП на душу населения 236,6 долл. США в 2003 г.²⁶⁵, т.е. в 8 раз меньше, чем в России. Эти данные принимаются условно, так как отсутствие закона о прожиточном минимуме и официально утвержденных расчетов стоимости минимальной и средней потребительской корзины не дают возможности рассчитать реальный уровень ВВП на душу населения в РТ. По индексу человеческого развития (ИЧР) Таджикистан занимает 113-е место из 175 стран²⁶⁶.

Кыргызстан занимает второе место в СНГ по уровню бедности. В этой стране в 2002 г. в категорию бедных попало 44,4% населения. Около 70% абсолютно бедных составляют жители сельской местности. Причины обнищания населения Кыргызстана аналогичны таджикистанским, за исключением конфликта. Несмотря на то что с 1992-го по 2000 г. Кыргызская Республика получила 1,7 млрд долл. в качестве внешней помощи (что эквивалентно 370 долл. на человека), структурные реформы, предпринятые правительством КР во второй половине 1990-х гг., способствовали стабилизации ситуации, но не приобрели системного характера. Поэтому экономический рост имел место только в некоторых секторах национальной экономики. После 1998 г. прямые иностранные

ранние инвестиции сократились, что ускорило закрытие предприятий, высвобождение рабочей силы, ее стихийное перемещение в негосударственный и неформальный секторы экономики²⁶⁷. Торможение реформ привело к расползанию бедности в Кыргызстане и стимулировало внешнюю трудовую миграцию.

Как и везде в мире, бедность в Центральной Азии имеет много аспектов, включая низкий уровень доходов и потребления, ограниченные возможности получения дохода, ограниченный доступ к образованию, здравоохранению, водоснабжению, отоплению, к контролю и управлению собственной жизнью в целом.

Сохраняющийся высокий уровень бедности ведет к следующим последствиям:

- росту безработицы;
- воспроизводству нищеты, образованию больших групп населения, постоянно находящихся за чертой бедности, маргинализации населения;
- резкому падению образовательного уровня населения, что влечет за собой ухудшение человеческого капитала, низкую конкурентоспособность рабочей силы на международных рынках труда;
- нарастанию изоляции страны из-за ухудшения образования и знания языков.

Борьба с бедностью является центральным звеном государственной политики в Таджикистане, Кыргызстане и Узбекистане. Например, в Таджикистане Маджлиси Оли (парламент) в 2002 г. утвердил Документ стратегии снижения бедности (ДССБ), разработанный и осуществляемый в настоящее время с помощью Всемирного банка, Азиатского банка развития, Программы развития ООН (ПРООН), других международных финансовых организаций и стран-доноров.

Правительство РТ определило четыре основных элемента стратегии сокращения бедности:

- стимулирование ускоренного и социально справедливого экономического роста с интенсивным вовлечением трудовых ресурсов и основным упором на экспорт;
- эффективное и справедливое предоставление базовых социальных услуг;
- адресная поддержка беднейших слоев населения;
- эффективное управление и повышение безопасности.

В результате определенного макроэкономического прогресса, экономического роста, денежных переводов трудовых мигрантов в страну

за последние годы масштаб бедности сократился. В июне 2003 г. Всемирным банком было проведено исследование по оценке уровня бедности, которое показало, что с 1999-го по 2003 г. число бедных уменьшилось с 83 до 64% населения РТ. При этом черта бедности была определена как уровень дохода меньше 2,15 долл. США в день с корректировкой на паритет покупательной способности по регионам РТ. Улучшение жизни коснулось примерно 1 млн человек.

Несмотря на то что в целом бедность является главным выталкивающим фактором, ее воздействие осуществляется не прямо, а сложным опосредованным образом. Обследование уровня жизни в рамках исследования «Трудовая миграция и ее влияние на бедность», осуществленного Азиатским банком развития (АБР) в Таджикистане и Кыргызстане в 2007 г., показало, что обеспеченные домохозяйства в 3 раза чаще посылают своих членов на заработки, чем бедные домохозяйства. Такие же результаты были получены в ходе исследования по трудовой миграции в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза, проведенного Всемирным банком в 2005 г.²⁶⁸

Более высокую долю мигрантских домохозяйств в обеспеченных слоях населения и большее число мигрантов в богатых домохозяйствах можно объяснить следующими причинами: благосостояние мигрантских домохозяйств является результатом трудовой миграции, поэтому чем больше мигрантов в домохозяйстве и чем дольше они работают за рубежом, тем выше благосостояние этих домохозяйств. При этом надо иметь в виду, что перед распадом СССР неравенство было минимальным, практически не было укорененной бедности. На поиски работы за рубеж отправились люди, которые потеряли свое имущество в потрясениях, сопровождавших распад СССР, но в недавнем времени имевшие неплохой уровень жизни, обладавшие достаточно высоким уровнем образования, знанием языков и социальным капиталом (дружеские, родственные и деловые связи на родине и в странах приема). Эти люди довольно быстро повысили уровень благосостояния своих домохозяйств. При этом нельзя забывать, что затраты на проезд и первичное устройство в странах достижения — бывших республиках СССР в первое время были невысокими.

Позднее ситуация изменилась: в процессе строительства национальных государств были сформированы миграционные и пограничные режимы. Возросла стоимость проезда. Сейчас для того, чтобы из Таджикистана оправиться на работу в Россию, необходимо приобрести проездные документы — оформить зарубежный паспорт, затратить на дорогу и первичное устройство от 300 до 600 долл., приобрести теплую

одежду для защиты от российских холодов. Все это ограничивает возможности бедных домохозяйств отправлять своих членов на зарубежные заработки. Большое значение имеет также тот факт, что члены богатых домохозяйств имеют лучшее образование, квалификацию, языковые навыки, что позволяет им лучше адаптироваться и больше зарабатывать в стране достижения. Члены бедных домохозяйств, которые в процессе постсоветской социальной стратификации перешли в категорию укоренной (постоянной) бедности, не имеют таких возможностей, поэтому они часто терпят неудачу в стране приема.

Миграция как выбор домохозяйств. Как уже говорилось выше, неоклассическая экономическая теория рассматривает в качестве основного мотива, побуждающего людей мигрировать в поисках заработка, разность зарплат в различных странах или областях, заставляющую людей переезжать из регионов с низким уровнем зарплат и высоким уровнем безработицы в регионы с высоким уровнем зарплат и низким уровнем безработицы. Эта теория получила дальнейшее развитие в рамках так называемой новой экономики миграции, которая в качестве единицы анализа рассматривает не отдельных индивидуумов, а домохозяйства, семьи или иные группы людей, связанные прочными отношениями. Домохозяйство или группа имеет общий или консолидированный бюджет, работает с целью максимизировать доход и минимизировать риски. Домохозяйства принимают решения послать одного или нескольких членов семьи в другие области, большой город или за пределы страны, чтобы увеличить семейные доходы. В то же время другие члены домохозяйства остаются на родине, получая низкие, но устойчивые доходы.

Эта теория стала основанием для разработки предварительной гипотезы в ходе реализации исследовательского проекта «Социальное влияние миграции на семьи мигрантов», осуществленного авторами статьи и Дж. Куддусовым в Таджикистане в 2007 г. при поддержке МОТ.

Исследование показало, что решение о поиске работы за рубежом принимается домохозяйствами коллективно. Независимо от статуса и позиции члены домохозяйства вырабатывают согласованное отношение к миграции, которое направлено на защиту интересов домохозяйства в целом. Женщины позитивно относятся к миграции мужей, несмотря на эмоциональные трудности и увеличение объема их обязанностей после отъезда мужа. Они рассматривают трудовую миграцию мужей как необходимую меру, обеспечивающую домохозяйство необходимыми для жизни средствами.

Исследование показало также, что домохозяйства в Таджикистане выбирают миграцию своих членов только в том случае, когда нет других

возможностей обеспечить потребности домохозяйства. Трудовая миграция рассматривается прежде всего как сфера занятости, как повышение возможностей для членов домохозяйств получать более высокую заработную плату. Домохозяйства, которые отправляют своих членов на зарубежные заработки, значительно более ограничены в доступе к ресурсам и в возможностях, чем домохозяйства, которые не участвуют в миграции. Именно поэтому трудовая миграция позитивно влияет на сокращение неравенства между различными по доходам группами населения.

Исследование показало, что в принятии домохозяйствами решения избрать стратегию миграции для отдельных членов семьи, кроме классических выталкивающих факторов экономического, демографического и политического характера, таких как конфликты, отсутствие безопасности, насилие, плохое управление, коррупция, нарушения прав человека, дискриминация, большую роль играют гендер и наличие/отсутствие социального капитала и доступа к сетям.

Гендерные идеологии. Весьма интересен и слабо изучен гендерный аспект миграции. Почему миграция из Таджикистана на 93% состоит из мужчин? Что заставляет мужчин отправляться за границу в поисках работы? Способствуют ли этому гендерные стереотипы в обществе Таджикистана или гендерные стереотипы у работодателей в странах приема?

Ряд исследователей полагает, что пол потоков миграции в первую очередь определяют гендерные идеологии в странах приема, так как они формируют решения предпринимателей о том, кого брать на ту или иную работу. Следовательно, представления о половых ролях людей, о том, что является мужской и женской работой в странах приема, оказывает решающее влияние на половую структуру привлекаемых иностранных работников²⁶⁹.

Эта точка зрения объясняет абсолютное преобладание мужчин в трудовой миграции из Таджикистана. Подавляющее большинство таджикских мигрантов работает в России, где наиболее востребованными работниками являются строители, бульдозеристы, газосварщики, грузчики, слесари, работники нефте- и газопромислов, транспорта, чабаны и сельские механизаторы. Все эти специальности в России традиционно считаются мужскими.

С другой стороны, исследования последних лет²⁷⁰ показывают, что гендерные стереотипы отдающего общества, возможно, более серьезно влияют на половую структуру эмиграции, чем представления принимающего общества. Если мы сравним половую структуру потоков мигра-

ции из разных стран, работающих в России, то увидим, что из Узбекистана в Россию направляются около 80% мужчин, из Кыргызстана — приблизительно 60% мужчин и 40% женщин²⁷¹. Доля женщин в миграционных потоках из Молдовы и Украины еще больше. Если учесть, что сферы занятости мигрантов из различных стран отражают спрос на российском рынке труда и мало различаются, то различия в половой структуре таджикской и, например, киргизской миграций, видимо, продиктованы гендерными идеологиями отдающих обществ. Они формируют выбор домохозяйств, определяя, кого домохозяйства предпочитают отправлять на зарубежные заработки. Эта гипотеза заставила нас сфокусировать внимание на гендерных отношениях в Таджикистане в целом и конкретно в мигрантских домохозяйствах.

В таджикском обществе бытует стойкое убеждение, что мужчина обязан содержать собственную семью, материально поддерживать родителей и оказывать поддержку младшим членам родительского домохозяйства. Девочек воспитывают как потенциальных домохозяек, а мальчиков — как кормильцев семьи.

Если муж в течение трех месяцев не предоставляет пропитание жене, то принято, что она может с ним развестись и выйти замуж за другого.

Садаф, жена мигранта, 32 года, среднее специальное образование, швея-мотористка, Душанбе, Таджикистан.

Поскольку именно мужчина должен обеспечивать семью, то он должен быть подготовлен к этой роли: согласно общественному мнению мальчик гораздо больше нуждается в образовании и профессиональном обучении, чем девочка.

Гендерные стереотипы формируют в массовом сознании представление о работе женщин. Общество рассматривает оплачиваемую работу женщин за пределами дома как результат отсутствия в семье мужчин, или их лени и безответственности, или безработицы. Это убеждение широко распространено в массовом сознании, структурах власти, отражается в СМИ.

Из-за массовой мужской миграции и нежелания некоторых ленивых мужчин усердно трудиться и содержать семью женщины вынуждены идти на работу вне дома. Есть такие мужчины, которые не хотят работать. Если мужчина обеспечивает семью, то женщине нет нужды работать вне дома.

Савриниссо, 38 лет, высшее образование, учительница, г. Куляб, Таджикистан.

Представление о том, что содержание семьи — исключительная обязанность мужчин, заставляет домохозяйства отправлять мужчин за границу на поиски оплачиваемой работы. Поэтому несмотря на невысо-

кую в целом миграционную подвижность населения Таджикистана²⁷², среди его мужской части широко распространилась установка на трудовую миграцию, которая в последние годы стала восприниматься как часть образа жизни мужчин, сфера мужской занятости, «мужская работа». При этом мужчины могут заниматься в странах приема теми видами деятельности, которые дома обычно рассматриваются в качестве «женской работы». Например, таджикские мигранты работают в России доярками на фермах, тогда как дойка коров в Таджикистане является «женской» работой.

Анализ представлений и поведения домохозяйств может объяснить и спрогнозировать состав и структуру потоков трудовой миграции. Рассматривая социо-демографические характеристики различных групп мигрантов, можно видеть, что на работу за рубеж в основном отправляются главы домохозяйств — отцы и старшие сыновья, т.е. те члены домохозяйств — мужчины, которые несут основную ответственность за обеспечение домохозяйства. Это обстоятельство также определяет высокую долю сезонных мигрантов в таджикской и узбекской трудовых миграциях. Формированию масштабной сезонной миграции способствует не только специфика условий жизни и работы в России, но и условия жизни на родине. В России — это выраженная сезонность труда, неразвитый рынок жилья, неурегулированный правовой статус мигрантов, относительно низкая заработная плата. В Таджикистане сохранению высокого удельного веса сезонной миграции способствует тот факт, что мигранты — это в основном выходцы из сельской местности, и они предпочитают возвращаться зимой домой, чтобы в период пребывания там сделать часть наиболее тяжелых хозяйственных работ.

Миграционное законодательство и институциональное развитие в странах Центральной Азии

Несмотря на все призывы к интеграции ЦА и интеграционные инициативы, пока в странах ЦА нет ни общего рынка труда, ни общей или хотя бы совместимой правовой среды. Во всех странах существует различное понимание и толкование терминов и понятий в области миграционного законодательства. Ситуацию затрудняет то, что страны ЦА, кроме Таджикистана и Кыргызстана, до сих пор не выработали ясной миграционной политики.

Все страны ЦА имеют законы о гражданстве, о государственных границах. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан имеют законы о статусе иностранных граждан и придерживаются принципа защиты внутреннего рынка труда. Законодательства стран ЦА, регулирующие мигра-

цию, характеризуются недостаточностью, противоречивостью и запутанностью нормативно-правовой базы и не всегда соответствуют международным стандартам. Наиболее развитым является миграционное законодательство и институциональное развитие стран-доноров рабочей силы — Таджикистана и Кыргызстана. Только они ратифицировали Конвенцию о защите прав трудящихся мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г.

В Казахстане и Таджикистане есть специальный закон о миграции. Кыргызстан принял закон о внутренней и внешней миграции, закон о трудовой миграции. Законы о вынужденной миграции приняты в России и Таджикистане, законы о беженцах — в Кыргызстане, России и Таджикистане. Таджикистан принял закон о борьбе с торговлей людьми.

Узбекистан и Туркмения не имеют никаких специальных миграционных законов. «Центр тяжести» правового регулирования миграции в этих странах смещен на подзаконные акты, которые не отличаются полнотой и ясностью нормативного регулирования. В Узбекистане и Туркменистане сохраняются выездные визы.

В каждой стране выезд и въезд граждан, пребывание иностранцев контролируют МВД, Минтруда, МИД, погранслужба. Как правило, в указанных ведомствах имеются отделы, которые занимаются вопросами миграции, соответствующими профилю министерства. Кроме этого, существуют специальные уполномоченные агентства, которые занимаются вопросами миграции. В Кыргызстане это Государственный комитет по миграции и занятости, в Казахстане существует Агентство по миграции и демографии при Правительстве РК, однако оно в основном занимается проблемами репатриации этнических казахов. В Таджикистане миграцией управляют МВД и Минтруда, при котором работает Госмиграционная служба. В Узбекистане существует отдел в Министерстве труда и Агентство по внешней занятости, однако они имеют ограниченный круг полномочий.

Межгосударственные контакты стран Центральной Азии по вопросам регулирования миграции в последнее время активизировались. Тем не менее ощущается острый недостаток международного сотрудничества в отношениях между странами. Многостороннее соглашение 1996 г., заключенное в рамках СНГ, не действует, так как не было ратифицировано большинством стран. Двусторонние соглашения имеют не все страны. Так, существуют двусторонние соглашения между Казахстаном и Кыргызстаном и Казахстаном и Таджикистаном.

Слабы и не разработаны механизмы защиты мигрантов, нет программ подготовки мигрантов и их адаптации в регионах вселения.

Проблемы, сопутствующие трудовой миграции из стран ЦА в Россию

Торговля людьми (трафик). В последние годы в России расширяется нелегальная занятость, сформировались структуры, способы и правила эксплуатации незаконных работников-мигрантов из ЦА. Множатся сообщения о фактах продажи и принудительного труда мигрантов из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. С 2003–2004 гг. наблюдаются резкий рост трафика, «профессионализация» переправщиков, формирование групп, занимающихся контрабандой и трафиком людей, образование транснациональных разветвленных группировок трафикеров. Однако в отличие от ситуации во многих других регионах мира трафикеры продают в Россию не только женщин и детей, но гораздо чаще — мужчин, которых принуждают заниматься рабским трудом.

Защита прав мигрантов. Нелегально занятые работники-мигранты из стран ЦА чрезвычайно уязвимы в России. Постепенно страны-экспортеры рабочей силы формируют механизмы защиты прав мигрантов. Так, Таджикистан открыл 6 представительств Министерства труда и социальной защиты населения РТ и мобильные группы по защите мигрантов в городах Российской Федерации, где имеются большие общины граждан Таджикистана. Кыргызстан имеет специальные представительства в городах России. Защитой мигрантов в числе прочих функций занимаются посольства и консульства стран ЦА, а также представители МВД указанных стран при МВД РФ. Тем не менее следует признать, что защита прав и легальных, и нелегальных мигрантов и членов их семей неудовлетворительна.

Коррупция. Нелегальная занятость мигрантов и теневой рынок труда порождают коррупцию в органах власти и, главное, в правоохранительных органах. Например, 75% таджикских строителей, работавших в Москве в 2003 г., сообщили, что они ежемесячно тратили на взятки милиционерам от 120 до 150 долл. Такая практика ведет к разложению правоохранительных органов в регионах, принимающих большое количество мигрантов, или на территориях транзита, формирует правовой нигилизм, неуважение к закону и недоверие к государственной власти в принимающих странах у мигрантов, благоприятствует образованию сетей трафика людей.

Выводы

Трудовая миграция стала структурной особенностью экономик стран Центральной Азии, особенно таких, как Таджикистан и Узбекистан.

Хотя население стран Центральной Азии отличается невысокой мобильностью, среди мужчин широко распространена ориентация на временную/сезонную работу за пределами своих стран.

Эмиграция из стран Центральной Азии является преимущественно экономической — 98% мигрантов отправились за рубеж с целью удовлетворить базовые экономические потребности своих домохозяйств. Учеба, воссоединение семей, лечение являются целями выезда для многочисленной части мигрантов.

Структура миграции из Центральной Азии приспособлена к потребностям рынка труда России и отражает структуру спроса на тяжелый труд в строительстве, на нефте- и газопромислах, в промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг и торговли Российской Федерации. При этом данные, полученные в ходе исследования миграции из Таджикистана и Кыргызстана, показывают, что профессионально-квалификационные возможности мигрантов не востребованы в России. Только 20,5% мигрантов работают по специальности, подтвержденной дипломом или сертификатом, и еще 16,8% — по специальности, близкой той, какую имеет мигрант. В результате трудовая миграция способствует «потере мозгов»²⁷³.

Широко распространенный нерегулируемый статус миграции из стран Центральной Азии преимущественно вызван нерегулируемой занятостью. С этим связан исключительно высокий уровень незаконных выплат представителям правоохранительных органов, чиновникам в России. Например, неофициальные налоги, которые платят мигранты из Таджикистана в России, составляют почти половину их заработка.

Достигнут критический порог миграции, после чего она получила внутреннюю логику и импульс саморазвития.

§ 5. Миграционная ситуация в Китае

Обладая огромным населением и страдая на протяжении веков от аграрного перенаселения, Китай с началом периода новой истории сделался одним из крупнейших источников эмиграционных потоков, а на рубеже прошлого и нынешнего веков — самым крупным. По данным ООН, численность китайской диаспоры достигает 35 млн человек — 18,35% совокупной мировой диаспоры²⁷⁴. За два последних десятилетия XX в. численность китайской диаспоры ежегодно увеличивалась на 2,4%²⁷⁵. Количество выходцев из КНР, осевших на постоянное жительство за рубежом в 2002 г., составило 118 тыс. человек, количество трудовых мигрантов, выехавших по контрактам, по состоянию на конец 2003 г. —

550 тыс. человек (данные Министерства труда и социального обеспечения КНР)²⁷⁶. В России, по данным Федеральной миграционной службы, в 2007 г. было зарегистрировано 210 тыс. трудовых мигрантов из Китая (что, кстати сказать, обеспечило последнему первое место среди стран-доноров РФ по числу зарегистрированных мигрантов), 62% из них были заняты в сфере торговли, остальные — контрактные рабочие, в том числе сельскохозяйственные, и студенты²⁷⁷.

Как оценить эмиграционный потенциал Китая?

Общепринятыми показателями возможностей КНР в этом отношении служат уровень и динамика численности ее населения, размеры безработицы и занятости, численность тех слоев населения, которые порождают эмиграционные потоки, а также их жизненный уровень (доходы, жилищные условия). При анализе вопроса с российского угла зрения естественно обращать внимание на граничащие с нашей страной провинции Северо-Востока²⁷⁸. И специалисты, и СМИ широко пользуются сопоставлением демографических ситуаций по обе стороны границы.

На величину и формирование потоков за рубеж серьезное влияние оказывает не только экономическая и демографическая политика государства, но и его политика в сфере эмиграции. Имеет значение и мотивация выезда из страны: она включает не только материальные соображения или желание получить образование, но и политические причины, стремление уйти от принятых в Китае ограничений на количество детей, экологические предпочтения и т.п. Однако в предлагаемом разделе мы не будем рассматривать эти периферийные мотивы, оставим в стороне за незначительностью размеров политическую эмиграцию (даже с учетом беженцев из Тибета и Синьцзяна) и сосредоточимся на названных выше демографических и экономических факторах и на особенностях государственной политики в соответствующих областях.

Демографические факторы

Перевод китайской экономики на рыночные рельсы, индустриализация, урбанизация в сочетании с мерами по ограничению рождаемости коренным образом изменили демографический облик страны. От модели «высокая рождаемость, низкая смертность, высокий прирост населения» Китай окончательно перешел к модели «низкая рождаемость, низкая смертность, низкий прирост». Однако в количественном выражении этот низкий прирост характеризуется достаточно внушительными цифрами. В 1997 г. темпы естественного прироста населения со-

ставили 1,006%, в 2004 г. достигли самого низкого уровня — 0,587%. Годовой прирост населения составил 16,29 млн человек в 1990 г., 12,37 млн человек в 1997 г. и 7,61 млн человек в 2004 г.²⁷⁹. На конец 2005 г. население КНР достигло 1307,56 млн человек, естественный прирост за год составил 0,589%²⁸⁰. В пограничных с Россией провинциях Северо-Восточного Китая численность населения и его прирост на конец 2005 г. составили: Ляонин — 42,21 млн человек (прирост 0,97 млн человек), Цзилинь — 27,16 млн (2,57 млн человек), Хэйлунцзян — 38,20 млн (2,67 млн человек).

Изменилась не только динамика численности населения, но и его структура. Одной из задач модернизации и ее важнейшим результатом стало перемещение массы сельских жителей в города в процессе ликвидации аграрного перенаселения и создания трудовых ресурсов для промышленного развития. С 1990-го по 2005 г. городское население увеличилось на 260 млн человек — с 301,95 млн до 562,12 млн человек, а его удельный вес в населении страны — с 26,41 до 42,90%. За это же время сельское население сократилось почти на 100 млн человек: с 841,38 млн человек (удельный вес 73,59%) до 745,44 млн человек (удельный вес 57,01%)²⁸¹.

Характерными чертами новой демографической картины стали:

- старение населения, особенно сельского, вследствие миграции молодежи в города;
- быстрый рост культурного уровня, при том, однако, что число неграмотных еще достаточно велико: 11,04% для лиц старше 15 лет в масштабах всей страны. В граничащих с Россией провинциях Северо-Востока этот показатель — один из самых низких в стране: Ляонин — 4,7%, Цзилинь — 5,85%, Хэйлунцзян — 6,18%²⁸²;
- увеличение числа семей с единственным ребенком (в возрастной группе до 30 лет единственные дети составляют 29,3%) и сокращение средней численности семьи до 3,13 человек в среднем по стране²⁸³;
- следует отметить также серьезные диспропорции полового состава населения. В упомянутой возрастной группе единственные сыновья среди мальчиков составляют 32,02%, среди девочек единственные дочери — 26,38%.

Все эти изменения оказывают влияние друг на друга и на миграционный потенциал страны, в конечном счете, в сторону его уменьшения. Однако их влияние не ставит под сомнение тезис о том, что огромное население КНР еще долгое время будет представлять собой исходную базу для формирования — при соответствующих условиях — мощных миг-

рациональных потоков за пределы Китая. Рост населения страны продолжается, хотя и более медленными темпами. Согласно опубликованному в 2007 г. «Плану демографического развития на 11-е пятилетие и на 2020 г.» к 2010 г. общая численность населения не должна превышать 1,36 млрд человек, а к 2020 г. — остаться в пределах 1,45 млрд человек²⁸⁴.

Занятость и безработица

Обеспечение занятости населения, сведение к минимуму безработицы является одной из самых приоритетных задач в стратегии модернизации Китая. Прирост населения КНР означает одновременно и увеличение численности людей трудоспособного возраста, т.е. тех, чья потенциальная эмиграционная активность особенно велика. В 2006 г., например, трудоспособный контингент увеличился на 9,03 млн человек²⁸⁵. К ним добавляются работники, уволенные по сокращению штатов в связи с реорганизацией и закрытием государственных предприятий. В настоящее время не имеют работы более 1 млн человек, сокращенных на предприятиях государственной собственности, и свыше 4 млн человек, сокращенных на коллективных предприятиях. В ближайшие три года в связи с реформой госпредприятий и структурной перестройкой промышленности в городах будут нуждаться в трудоустройстве еще 3,6 млн человек²⁸⁶.

В этих условиях правительство последовательно осуществляет целую систему мер, регулируя развитие экономики таким образом, чтобы повысить уровень занятости. Первостепенную роль здесь играет переброска избыточных трудовых ресурсов из деревни в город, где создаются новые рабочие места. К концу 10-й пятилетки (2001 — 2005 гг.) число занятых по стране, т.е. в городе и деревне, достигло почти 760 млн человек, число новых работников составило 42 млн, повторная занятость сокращенных работников — 18 млн. За годы пятилетки 40 млн крестьян нашли работу вне сферы сельского хозяйства.

Однако увеличение числа рабочих мест не поспевает за ростом населения экономически активного возраста и не полностью компенсирует его.

Как видно из табл. 2.2, за 2001—2005 гг. возросло не только экономически активное население, но и разрыв между его величиной и фактической занятостью.

Китайские статистические источники неоднозначно отражают масштабы безработицы в стране. Так, по данным цитированного выше статистического ежегодника за 2006 г., зарегистрированная безработица в городах составила 6,81 млн человек в 2001 г. и 8,39 млн человек в

Таблица 2.2

Занятость в Китае (млн человек)²⁸⁷

Категория населения	2001 г.	2005 г.	Прирост
Экономически активное население	744,32	778,77	34,5
Занятое население,	730,25	758,25	28,0
в том числе:			
в городе	239,40	273,31	33,91
в деревне	490,85	484,94	-5,91
Незанятое население	14,07	20,52	6,45

2005 г., или, соответственно, 3,6 и 4,2%, что отражает тенденцию роста безработицы за данный период. Однако по другим подсчетам безработица в городах выросла в 2005 г. на 6,59%²⁸⁸.

В провинциях Северо-Востока показатели городской безработицы относятся к числу сравнительно высоких, причем за период с 1990 г. они заметно выросли как в абсолютном, так и в числовом выражении.

Таблица 2.3

Показатели безработицы в провинциях Северо-Востока²⁸⁹

Провинция	2001 г., тыс. чел.	2005 г., тыс. чел.	2001 г., %	2005 г., %
Ляонин	237	604	2,2	5,6
Цзилинь	105	276	1,9	4,2
Хэйлунцзян	240	313	2,2	4,4

Приведенные статистические данные (табл. 2.2) не касаются, по-видимому, частичной и скрытой безработицы, масштабы которой достигают, по некоторым китайским и российским оценкам, четверти трудоспособного населения²⁹⁰.

В деревне наличная рабочая сила оценивается в 497 млн человек минус 200 млн человек, уже мигрировавших в город и переменявших род занятий. Из оставшихся почти 300 млн человек сельскому хозяйству требуются 180 млн, а 120 млн составляют тот избыток рабочей силы, которому еще предстоит покинуть сферу сельскохозяйственного труда²⁹¹. Сходные цифры приводятся и в других источниках. Так, по итогам широкого выборочного обследования, проведенного статистическими органами в 2005 г., перемещенная в город рабочая сила составила

183,19 млн человек (включая годовой прирост за год на 9,57 млн человек), или 37,4% от общей численности рабочей силы в деревне²⁹².

Ситуация с безработицей в стране усугубляется вследствие нестыковки между структурами спроса и предложения рабочей силы. С одной стороны, остро ощущается нехватка кадров высокой и даже средней квалификации. В Шанхае, Пекине, Шэньчжэне налицо дефицит лиц с рабочими профессиями. Правда, в ряде мест, особенно в южной части приморского пояса, потребность в рабочей силе касается всех ее категорий. По оценкам, в провинции Гуандун нехватка рабочих рук может превышать 1 млн человек²⁹³.

С другой стороны, едва ли не по всей стране имеет место дефицит рабочих мест для недавних крестьян, пополняющих ряды неквалифицированной рабочей силы в городах; для работников, уволенных по сокращению, а также для выпускников высших учебных заведений. Избыток последних связан со стремительным ростом их числа: выпуск 2003 г. — первый после расширения набора студентов в конце 1990-х гг. — составил 2,122 млн человек, выпуск 2005 г. — уже 3,318 млн²⁹⁴. В последние годы количество безработной молодежи увеличивается, а доля выпускников вузов, получающих распределение, сокращается²⁹⁵.

Это явление кажется парадоксальным на фоне нехватки квалифицированных кадров и требует специального рассмотрения. Возможно, дело здесь в качестве образования. Так или иначе, на рынке труда наиболее дефицитными являются не обладатели дипломов, а профессионалы высоких категорий, будь то инженеры (соотношение спроса и предложения 2,8), или техники (соотношение 1,36), или рабочие (1,71)²⁹⁶.

Удельный вес различных категорий трудящихся, находящихся в поиске работы, можно видеть из следующих цифр, полученных в ходе обследования рынков труда в 2006 г. в 99 городах Китая. Зарегистрировались на совокупном рынке труда 38,68 млн человек, из них принято на работу 37,33 млн, т.е. 96%. Среди искавших работу было: безработных — 55,3%, в том числе молодежь, пополнившая ряды безработных, — 20,4% (а среди молодежи 35% — это выпускники вузов); потерявших работу — 18,7%; прочих — 16,2%; рабочие из деревни — 28%²⁹⁷.

Осуществляя программы сокращения безработицы, улучшения условий жизни трудящихся, руководители КНР таким образом уменьшают их интерес к миграции за рубеж. Собственно, к этому ведет вся стратегия повышения народного благосостояния до среднезажиточного уровня (сяокан). Одним из ее важнейших результатов является относительно быстрый рост доходов населения. Средняя годовая зарплата рабочих и служащих (имеется в виду — с городской пропиской) по стране составляла:

в 2003 г. — 14 040 юаней, в 2004 г. — 16 024 юаня, в 2005 г. — 18 364 юаня, в том числе на государственных предприятиях — 19 313 юаней, на городских предприятиях коллективной собственности — 11 283 юаня, на предприятиях остальных форм собственности — 18 244 юаня. Жилплощадь в расчете на одного человека составила в 2005 г. 28,69 кв. м²⁹⁸.

Существенно более тяжелым является положение мигрантов из деревни, так называемых крестьян-рабочих, не имеющих городской прописки²⁹⁹. Их труд оплачивается по более низким ставкам, они лишены социальных гарантий. По оценке китайских ученых, в 2006 г. показатель уровня жизни крестьян-рабочих в среднем по стране составил 53,2% от уровня «полноправных» городских жителей³⁰⁰. Крестьяне-рабочие — это мощный резерв эмиграции, и если они не эмигрируют сами, то, по крайней мере, своим участием в конкуренции на рынке труда создают давление, подталкивающее к выезду за рубеж другие категории работников.

Однако и они постепенно вовлекаются в процесс повышения качества жизни. Правительство активно работает с ними. В провинциях создаются структуры, помогающие им в поисках работы, расширяется их участие в системе охраны труда, различных видах страхования. К середине 2006 г. системой страхования на случай производственных травм было охвачено 16,2 млн крестьян-рабочих (прирост за год на 3,6 млн), медицинским страхованием — 10,34 млн (годовой прирост — 5,45 млн). Повсеместно внедряются системы страхования зарплаты, позволяющие контролировать ее выплату³⁰¹. В некоторых отраслях (строительство, машиностроение) на предприятиях возник настолько значительный спрос на услуги крестьян-рабочих, что их зарплата стала быстро расти, достигая иногда 1000 юаней в месяц³⁰².

Еще более низки жизненные стандарты сельского населения. По уровню доходов сельское население уступает городскому приблизительно в 3 раза, и прогнозируется дальнейшее увеличение этого разрыва³⁰³. Однако в абсолютном выражении доходы крестьян имеют тенденцию к повышению. Показательно, что в 2006 г. имели место рекордно быстрые темпы роста доходов селян за последние 10 лет.

Достигнутые в стране впечатляющие успехи позволяют китайским экспертам с оптимизмом смотреть на перспективу решения проблемы избыточной рабочей силы. Они предсказывают дальнейшее замедление темпов прироста населения в результате влияния таких фундаментальных факторов, как развитие рыночных отношений, переход все большей части населения к городскому укладу жизни и последовательное осуществление экономической и демографической политики прави-

тельства. Одновременно должно происходить сокращение избыточной рабочей силы. Предполагается, что период ее роста будет длиться еще приблизительно 10 лет, после чего пойдет на снижение. Согласно расчетам, прирост населения в трудоспособном возрасте с 2015 г. станет отрицательным и в 2020 г. достигнет 1,77 млн человек. Однако до дефицита рабочей силы дело не дойдет: «В обозримом будущем Китай по-прежнему будет иметь возможность удовлетворять спрос города на рабочую силу за счет перемещения ее из деревни»³⁰⁴.

Параллельно будет продолжаться процесс увеличения занятости, прирост которой в 2005 г. определялся в 9,7 млн человек. При сохранении темпов роста экономики на уровне 7% число рабочих мест в промышленности и сфере обслуживания будет ежегодно возрастать более чем на 10 млн. В этом случае при увеличении показателя урбанизации на 1 процентный пункт ежегодно число занятых в городе увеличится с 276,39 млн в 2005 г. до 326,39 млн в 2010 г. За это же время число безработных сократится с 19,49 млн до 15,61 млн, и таким образом безработица уменьшится с 6,59 до 4,57%³⁰⁵. Ту же тенденцию показывает и прогнозный ряд по скрытой безработице.

Неясно, правда, в какой мере в китайских прогнозах учитываются такие негативные факторы, как сокращение пахотных площадей или уменьшение коэффициента отдачи, показывающего соотношение роста ВВП и количества новых рабочих мест. В начале 1990-х гг. он был равен 0,1% новых мест на 1% роста ВВП — на треть ниже показателя 1980-х³⁰⁶.

Существуют прогнозы и другого рода, которые можно назвать алармистскими. Авторы одного из них полагают, что к 2020 г. численность избыточной рабочей силы достигнет 250 млн человек³⁰⁷.

Как бы то ни было, сегодня мы являемся свидетелями подлинно стратегического, фундаментального подхода правительства КНР к проблемам сдерживания роста населения и регулирования занятости. Китай прошел в этом направлении впечатляющий путь. А всякое продвижение к решению этих задач означает в той или иной мере сокращение эмиграционного потенциала страны. Однако в среднесрочной перспективе, т.е. на ближайшие десятилетия, этот потенциал останется одним из крупнейших в мире и будет намного превосходить потребности России в использовании иностранной рабочей силы. Согласно одному из прогнозов Комитета ООН по экономическим и социальным вопросам, на период 2005—2050 гг. главными поставщиками мигрантов в мире явятся Китай — 327 тыс. человек ежегодно, Мексика — 293 тыс. и Индия — 241 тыс. человек.

Образовательная эмиграция

В суммарном миграционном потоке из КНР небольшое по удельному весу, но чрезвычайно важное место занимает молодежь, выезжающая за границу на учебу. По данным Министерства образования КНР, с 1979-го по 2003 г. из Китая в сто с лишним стран выехало на учебу свыше 700 тыс. человек³⁰⁸. Правительство Китая уделяет работе с этой группой мигрантов особое внимание, рассматривая их как отряд столь необходимых стране высококвалифицированных кадров. Основной принцип государственной политики в отношении обучения за рубежом выражен формулой: «свобода выезда и въезда, поддержка учебы за границей, поощрение возвращения на родину». Вернувшимся специалистам правительство предоставляет серьезные льготы в их профессиональной деятельности и в быту, создает «стартовые парки», где они могут начать свой бизнес даже с небольшим капиталом, и т.п.

Существует две категории выезжающих на обучение: за государственный («общественный») или за собственный счет (или на средства фирмы). Доля «казенных» студентов немногим превышает 10%³⁰⁹. К ним предъявляются требования делового, а также политического и морального порядка. Например, в «Уведомлении о наборе на 2005 г. согласно плану обучения в России ста студентов»³¹⁰ говорится: абитуриенты должны «любить социалистическую родину, обладать здоровым мировоззрением и высокими профессиональными качествами, демонстрировать отличные успехи в работе или учебе (на учебу могут быть направлены не только студенты, но и лица из научно-преподавательского состава. — *Авт.*), иметь твердое намерение по окончании учебы вернуться и работать на благо родины, обладать чувством долга». Однако, судя по всему, какие-либо меры принуждения к ним не применяются и обязательство вернуться носит скорее моральный характер. «Своекоштные» студенты также пользуются вниманием со стороны государства и по возвращении имеют определенные льготы, но полностью свободны в выборе страны и места работы. Возвращается на родину меньшая часть студентов: из указанных выше 700 тыс. человек вернулось всего 178 тыс. Но все же активная работа со студентами — а она ведется с ними и за границей, через землячества и консульства, — приносит свои плоды. А главное, экономическая обстановка в КНР постепенно улучшается, в результате чего число вернувшихся год от года увеличивается.

В России в настоящее время, по китайским данным, обучается 15 тыс. студентов из КНР³¹¹. Некоторые российские специалисты высказывают идею: увеличить набор китайских студентов, а после получения диплома использовать их на российских предприятиях и в учреж-

дениях, испытывающих нехватку квалифицированных специалистов³¹². На наш взгляд, это предложение едва ли можно считать реалистичным. Во-первых, тяга китайской молодежи к учебе в России невелика: будущие студенты ориентируются главным образом на страны Запада, чьи дипломы служат достаточно надежным залогом устойчивого материального благополучия если не на Западе, то в самом Китае. В этом отношении США и Европа заметно превосходят Россию. Во-вторых, в условиях расширения двустороннего сотрудничества между нашими государствами китайские специалисты, владеющие русским языком, могут рассчитывать на гораздо более высокие заработки в китайских же компаниях. Поэтому они, заполняя издаваемые в России китайские газеты предложениями своих трудовых услуг, не проявляют интереса к работе на российской стороне.

Эмиграционная политика Пекина³¹³

Невозможность быстро решить проблему занятости побуждает китайское правительство стремиться к расширению экспорта трудовых услуг. Так, в мае 2002 г. Китай, едва став членом ВТО, предъявил своему доверительному стратегическому партнеру в качестве одного из условий приема последнего в эту организацию требование «полностью снять барьеры по доступу на рынок услуг; обеспечить свободный допуск в Россию китайской рабочей силы» (другие условия — отменить российские экспортные пошлины и резко снизить импортные пошлины на промышленную продукцию в течение 2–3 лет). Запрос Пекина оказался, таким образом, «куда жестче требований, выдвигаемых до этого ЕС и США»³¹⁴. Несколько месяцев спустя, во время визита Президента РФ В.В. Путина в КНР Китай отказался от выдвинутых было требований, хотя сама идея свободного перемещения рабочей силы в рамках Шанхайской организации сотрудничества сохраняется по сей день.

Председатель КНР Ху Цзиньтао во время визита в Россию в 2005 г. подчеркнул, что китайское правительство «поощряет активизацию обмена людскими ресурсами», и призвал «культивировать новые источники роста китайско-российского экономического сотрудничества путем создания благоприятных условий в области инвестиций, ресурсов, кадров и транспорта на основании выявления преимуществ каждой стороны»³¹⁵.

Эксперты КНР активно разрабатывают и предлагают вниманию российской стороны различные варианты использования китайских трудовых ресурсов для разработки природных богатств Сибири и Дальнего Востока, развития сельского хозяйства, для чего могут быть

предоставлены и агрономические кадры. Китайская сторона готова взять на себя вербовку рабочей силы на контрактной основе.

Содействуя продвижению своей рабочей силы на международный рынок, руководители КНР вместе с тем решительно защищают дипломатическим путем интересы своих граждан за рубежом. В частности, 4 ноября 2004 г. в Пекине была созвана Объединенная конференция по безопасности находящихся за границей граждан и организаций КНР в составе представителей ряда министерств и ведомств Госсовета КНР³¹⁶. Защита законных прав и интересов находящихся за рубежом граждан КНР провозглашена одной из главных функций действующих за границей консульских учреждений КНР. При этом особое значение придается работе с самими трудовыми мигрантами в связи с ростом разного рода споров и разбирательств в этой сфере³¹⁷.

Такой подход в полной мере относится и к трудовым мигрантам из КНР, находящимся в России. Официальные китайские власти настоятельно предписывают приехавшим в Россию китайцам строго соблюдать установленные в РФ правила регистрации иностранцев, даже несмотря на возможные препоны в виде очередей и различных проволочек в местных паспортных столах. Одновременно гражданам КНР, проживающим в РФ на законных основаниях, рекомендовано активно отстаивать свои права в случае незаконных придинок к ним или вымогательства тех или иных российских лиц или служб. Примером может служить указание Генконсульства КНР в Хабаровске от 8 октября 2004 г., распространенное по интернет-сети МИД КНР. В нем гражданам КНР рекомендовалось в случае неправомочных действий российской милиции при проверке документов немедленно связываться с компетентными властями г. Хабаровска. При этом в указании были приведены адреса и телефоны Отдела собственной безопасности УВД Хабаровского края, Прокуратуры, Дальневосточного УВД на транспорте и т. д.³¹⁸.

Власти КНР весьма жестко отреагировали на столкновение в Иркутске 11 мая 2005 г. сил российской милиции и китайских рабочих (их документы были сданы в тот момент на продление), в результате которого телесные повреждения получили 20 китайцев и 4 милиционера³¹⁹. Инцидент получил широкую огласку в китайских электронных СМИ. Министерство иностранных дел выразило по поводу инцидента «серьезную озабоченность правительства КНР»³²⁰. Заместитель заведующего консульским отделом МИД КНР в экстренном порядке встретился с представителем посольства РФ в Пекине и потребовал «наказать виновных в разжигании конфликта, а также сделать все возможное, чтобы подобные инциденты не повторялись»³²¹.

Вообще говоря, смягчению проблемы безработицы в стране должны способствовать не только экспорт трудовых услуг, но и эмиграция определенной части населения. Однако Китай ведет себя в этом деликатном вопросе предельно сдержанно, учитывая, что любой его жест в поощрение эмиграции может быть использован как повод для оживления разговоров о «китайской эмиграционной экспансии». Он подчеркнуто игнорирует разговоры о «Большом Китае», под которым помимо материкового Китая, Сянгана и Тайваня нередко подразумевают еще и китайскую диаспору в Юго-Восточной Азии.

Мы располагаем всего одним свидетельством определенного поощрения в Китае на государственном уровне эмиграции населения, по крайней мере в последние годы. В одном из пекинских журналов отмечалось, что член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 16-го созыва Ло Гань неоднократно выступал на заседаниях Политбюро и Госсовета с предложением поощрять обустройство граждан КНР за рубежом, предоставляя без проволочек паспорта всем желающим выехать за границу и упростив режим выезда из страны. По словам Ло Ганя, «следует мерами практической политики поощрять и поддерживать выезд и обустройство граждан за рубежом, разумеется, избегая открытой пропаганды политики стимулирования эмиграции»³²².

Другое дело, что последние годы Пекин постепенно либерализирует порядок выдачи загранпаспортов, приближая его к нормам, принятым в странах Запада. С 1 января 2007 г. вступил в силу первый в КНР Закон о паспортах, согласно которому сроки выдачи паспортов для поездок за границу сокращаются с 30 до 15 дней. В настоящее время обладателями загранпаспортов являются 20 млн граждан КНР³²³.

Это не мешает Пекину сохранять контроль над трансграничной миграцией и вести решительную борьбу с нелегальной эмиграцией. Список принятых мер³²⁴ включает в себя, в частности, ужесточение соответствующего законодательства, в том числе паспортного. Упомянутый Закон о паспортах содержит запрет на выдачу паспортов на срок от 6 месяцев до трех лет лицам, нарушившим правила пограничного контроля, репатриированным нелегальным эмигрантам, а также тем, кто незаконным образом остался за границей или нелегально работает там. В выдаче паспортов должно быть отказано лицам, которые, будучи за границей, могут представлять угрозу национальной безопасности; лицам, подделавшим документы или давшим ложную информацию в заявлении на выезд³²⁵.

Был создан Комитет по делам незаконной миграции, в который вошли представители Министерства общественной безопасности, Мини-

стерства иностранных дел и др. Стали использоваться новые методы проверки документов.

По информации Министерства общественной безопасности, благодаря принятым мерам в октябре 2003 г. — марте 2004 г. было предотвращено 5500 попыток выезда из Китая по поддельным документам (и почти столько же попыток въезда в Китай подобным способом, предпринятых гражданами Вьетнама, Пакистана, Северной Кореи, Бирмы).

Власти начали проводить многочисленные операции против преступных групп, занимающихся нелегальной переправкой людей через границу (участники таких групп носят прозвище «змеиные головы»). По статистике Министерства общественной безопасности, за период 1991—2003 гг. при попытке нелегального выезда всего было задержано 38 691 человек, арестовано 6149 «змеиных голов».

Итак, политика Китая призвана содействовать реализации его огромного эмиграционного потенциала в рамках международным норм, законов КНР и принимающих стран.

Глава 3

ГРАНИЦЫ РФ КАК РЕГУЛЯТОР МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

§ 1. Этническая миграция: проблема пограничной безопасности РФ?

Одним из главных источников тех проблем, которые традиционно связываются с этнической миграцией, многие политики, журналисты и общественное мнение часто называют отсутствие должного контроля за «проблемными» границами РФ, особенно «прозрачными» границами со странами СНГ. Серьезной угрозой пограничной безопасности РФ нелегальную миграцию неоднократно называли президент РФ В. Путин³²⁶, директор ФСБ Н. Патрушев³²⁷, директор Федеральной миграционной службы МВД К. Ромодановский, главы приграничных регионов и другие политики³²⁸. Неоднократно звучали предложения резко ужесточить режим сообщения через южные границы РФ со странами СНГ³²⁹ или выражалась обеспокоенность тем, что такой режим слишком либерален. В обоих случаях такая обеспокоенность мотивировалась во многом именно масштабами неконтролируемой миграции из Закавказья и Центральной Азии и сопутствующими проблемами.

Алармистское восприятие сложившейся ситуации имеет объективную основу. Протяженность тех границ РФ, которые по разным причинам (наркотрафик, незаконная миграция, контрабанда товаров широкого потребления и сырья и т.п.) могут квалифицироваться как проблемные (т.е. границы с Азербайджаном, Грузией, Казахстаном, Китаем и Украиной), превышает 13 тыс. км, причем более чем 10 тыс. км из них приобрело межгосударственный статус уже после распада СССР. Упомянутая протяженность примерно в 1,6 раза больше длины всех «проблемных» рубежей Евросоюза и даже больше длины проблемных рубежей ЕС и США, вместе взятых! Таким образом, стоящие перед РФ задачи пограничной политики являются наиболее масштабными и потенциально требующими самых больших в мире финансовых расходов, при том что соответствующие возможности страны существенно ниже, чем у тех же ЕС и США. В этих условиях вопрос правильного определения приоритетов политики пограничной безопасности при-

обретает особую остроту и большую стоимость в материальном выражении.

В какой степени неконтролируемая миграция в действительности является вызовом пограничной безопасности России? Создают (или хотя бы существенно усугубляют) уязвимость в системе охраны границ страны те проблемы, которые связаны с такой миграцией? Насколько ужесточение пограничной политики РФ способно помочь решить данные проблемы? Для анализа этих вопросов автор выделяет следующие проблемные блоки: 1) сущность феномена пограничной безопасности; 2) оценка масштабов проблемы внешней миграции в РФ; 3) оценка масштабов нелегальных пересечений границ РФ; 4) тенденции изменения этнодемографической ситуации в приграничных территориях России; 5) роль этнического фактора в трансграничной наркоторговле; 6) степень взаимосвязанности этнической миграции и проявлений транснационального экстремизма/терроризма; 7) общие тенденции преступности в приграничных регионах; 8) карантинные проблемы.

Масштабы внешней миграции в Россию: «нашествие чужаков»?

Одной из основных проблем, связываемых на уровне массового восприятия с прозрачностью или недостаточной защищенностью российских границ, является приток в Россию огромного количества мигрантов — представителей выражено других (в частности, нежели русские) этнокультурных традиций, в первую очередь выходцев из закавказских и центральноазиатских стран СНГ. Согласно расхожим представлениям, такой приток чреват отторжением от России обширных территорий, подрывом доминирующих культурных устоев, захватом приезжими ключевых позиций в социальной и политической сферах, ростом насилия, направленного против коренного населения, и т.п.

Однако учитывая, что явно преобладающая часть мигрантов, по всем оценкам, въезжает в Россию из стран СНГ, восприятие роста масштабов неконтролируемой миграции в качестве проблемы пограничной безопасности является искаженным. Граждане подавляющего большинства стран СНГ (кроме Грузии и Туркмении) имеют право на безвизовый въезд в РФ, и потому им, как правило (за исключением не очень многочисленных случаев, когда у представителей данной категории не в порядке документы), нет никакой нужды рисковать, пересекая границу нелегально. Те проступки, которые они совершают впоследствии (отсутствие регистрации, нарушение сроков пребывания в РФ, административные и уголовные правонарушения), связаны уже не с областью погранич-

ной безопасности, а с другими сферами. Такого рода искаженное восприятие миграции в качестве проблемы пограничной безопасности можно условно определить как случай «бордеризации проблем безопасности». Речь идет о том, что некоторые вызовы ошибочно связываются с границей (тогда как степень ее проницаемости на деле не играет существенной роли в решении проблемы), а поиск ответа — с ужесточением пограничного режима. О корнях такого восприятия уже шла речь во втором параграфе первой главы настоящей работы.

Принимая во внимание, что размеры внешней миграции в РФ в массовом сознании и восприятии принимающих решения лиц зачастую слишком тесно увязываются с режимом пересечения и охраны российских границ, попытаемся все же для начала определить количественные параметры такой миграции. Автор не претендует на сколько-нибудь точную оценку количества иностранных нелегальных мигрантов в РФ, свою задачу он видит лишь в том, чтобы примерно установить «верхнюю планку» такой численности. Это позволило бы обоснованно считать явно более высокие ее оценки неоправданным завышением, увеличением проблемы внешней миграции.

Те цифры, которые характеризуют численность нелегальных мигрантов в РФ, на порядок различаются. С 1996-го по 2001 г. соответствующие оценки в основном колебались от 700 тыс. до 1,5 млн человек, в 2001–2002 гг. — уже от 1,5 до 15 млн человек³³⁰. В 2002 г. тогдашний руководитель миграционной службы МВД России А. Черненко назвал цифру 6 млн человек, чему примерно соответствовали данные, приведенные чуть позже министром внутренних дел Б. Грызловым (до 1,5 млн постоянно проживающих в стране нелегалов и до 5 млн сезонных рабочих одновременно)³³¹. Также серьезно колебались и оценки исследователей миграции: так, по расчетам группы ученых из Института социально-экономических проблем народонаселения РАН численность нелегалов в 2001 г. составляла 4–4,5 млн человек³³², по мнению А. В. Топилина, в том же году число нелегалов достигало 7,5–8 млн человек (в том числе 5,5 млн человек из стран СНГ)³³³, тогда как О. Воробьева, Е. Гонтмахер, Ж. Зайончковская и Л. Рыбаковский назвали гораздо более скромную цифру — 3 млн человек, включающую как легальных, так и нелегальных мигрантов, по состоянию на 2002 г.³³⁴

В дальнейшем разброс оценок отнюдь не уменьшился. В мае 2005 г. директор ФСБ Н. Патрушев заявил, что в стране находятся 2,5 млн нелегалов³³⁵. В январе 2006 г. зам. директора Федеральной миграционной службы В. Поставнин определил их количество в диапазоне от 5 млн до 14 млн человек³³⁶. Однако в 2006 г. в оценках официальных лиц чаще

приводилась цифра 10 млн, которую, в частности, упоминал в своих интервью директор Федеральной миграционной службы РФ К. Ромодановский³³⁷. Дополнительный вес этой оценке придадо то, что именно на эту цифру опирался в своих публичных выступлениях конца 2006 г. президент России В. Путин, при этом подчеркивавший, что, по некоторым данным, число трудовых мигрантов в России достигает 15–20 млн человек³³⁸.

Как мы видим, разброс «авторитетных экспертных оценок» столь велик, что ссылки на них могут с одинаковым успехом использоваться для обоснования едва ли не диаметрально противоположных вариантов миграционной политики! Поскольку в настоящее время выбор пал на «жесткий вариант» такой политики, отнюдь не удивительно, что за последние годы оценки числа находящихся в РФ нелегальных мигрантов растут как ставки на аукционе.

В дополнение к такому разбросу обращает на себя внимание то обстоятельство, что при оценках численности мигрантов (включая нелегальных) фактическое значение того или иного числа нередко расходилось с тем контекстом, в котором такая цифра впоследствии воспринималась политиками, средствами массовой информации и общественным мнением. Например, оценка общего объема мигрантов как «европейских», так и «азиатских» национальностей могла интерпретироваться как число нелегальных мигрантов из Закавказья (в первую очередь), Центральной Азии, Китая, Афганистана и других азиатских регионов и стран, а ежегодное количество пересечений границы приравнивалось к количеству въезжавших в Россию гастарбайтеров (хотя одни и те же люди могли посещать Россию в течение года по несколько раз). **Поэтому во многих случаях расстановка акцентов (так же как и двусмысленность контекста, которая могла привести к неверной интерпретации той или иной цифры СМИ, политиками или общественным мнением) при приведении тех или иных данных о миграции оказывалась не менее важной, чем абсолютное значение того или иного числа.**

Так, в опубликованном в 2002 г. отчете ООН сообщалось, что Россия находится на втором после США месте по числу проживающих в стране законных и незаконных мигрантов, количество которых оценивалось в 13 млн человек (9% населения)³³⁹. Хотя, по оценкам квалифицированных экспертов, примерно 70% (т.е. более 9 млн человек) от общего объема мигрантов являются русскими или представителями других «европейских» национальностей, эта цифра почему-то использовалась для иллюстрации той опасности, которую представляют собой масштабы нелегальной миграции³⁴⁰. Те же соображения применимы к оценке

Международной организации по миграции, в соответствии с которой с 1989-го по 2002 г. в Россию приехали 11 млн человек, причем их основная часть прибыла из стран СНГ³⁴¹.

Другой иллюстрацией не вполне корректного использования количественных данных для характеристики масштабов этнической миграции может служить оценка Федеральной пограничной службы, согласно которой в 1999—2001 гг. Россию в среднем ежегодно посещали якобы 2 млн человек. Однако, как справедливо отметила Г. Витковская, в данном случае речь шла лишь о числе поездок, в то время как многие мигранты могли пересекать границу по несколько раз³⁴².

Искажением того же рода, возможно, является и оценка К. Ромодановского (июль 2006 г.), согласно которой в РФ ежегодно въезжает более 20 млн мигрантов, в основном из стран СНГ³⁴³. Такое число находится в явном несоответствии как с нижеприводимыми оценками квалифицированных исследователей миграции из стран Содружества, так и с демографическим потенциалом последних. Если же допустить, что это число является производным от 43 млн пересечений границ РФ иностранцами (т.е. что экспертам Миграционной службы каким-то образом удалось рассчитать реальное количество иностранных граждан, пересекших российские рубежи) в 2005 г.³⁴⁴, то оно имеет очень мало отношения к трудовой миграции, хотя по контексту высказывания К. Ромодановского может создаться именно такое впечатление. Цифра из данного высказывания также была использована в качестве аргумента в пользу проведения жесткой миграционной политики — в данном случае в статье, появившейся на сайте известного своими ксенофобскими заявлениями и действиями Движения против нелегальной миграции (ДПНИ)³⁴⁵.

Для того чтобы определить степень адекватности оценок размера этнической миграции в РФ из СНГ, необходимо дать оценку тому потенциалу, которым располагают соответствующие страны-доноры. **Ни в коей мере не претендуя на точность такой оценки, автор видит свою задачу в том, чтобы установить максимальный «потолок» данного потенциала, что дало бы ему основание считать завышенными те цифры, которые явно превосходят такой предел.** В таблице 3.1 мы попытались приблизительно подсчитать те потери в уровне прироста населения, которые страны СНГ понесли в постсоветский период по сравнению с уровнем прироста населения между всесоюзными переписями 1979 и 1989 гг., в табл. 3.2 — динамику численности титульных для этих стран этнических групп в период 1989—2002 гг. и экспертные оценки среднего единовременного размера временной трудовой миграции из данных государств в РФ.

Таблица 3.1

**Потенциальные демографические потери стран СНГ — основных доноров миграции в РФ
в постсоветский период по сравнению с периодом 1979–1989 гг.^{3,46}**

Страна	Средний ежегодный прирост всего населения/ титульной этнической группы в период 1979–1989 гг., %	Численность населения/ представителей титульной этнической группы в постсоветский период, чел.	Ежегодный прирост населения/титульной этнической группы/ второй по численности этнической группы, чел.	Потенциальная разница между приростом в периоды 1979–1989 гг. и постсоветский (тыс. человек): по всему населению/ титульной этнической группе/второй по численности этнической группе
Азербайджан	1,65 / 2,33	8436400 (2006) / 687962 (1999)	1,15 (1989–2006) / 1,85 (1989–1999)	–610 (1989–2006) / –226 (1989–1999)
Армения	0,88 / 1,32	3213011 (2001)	–0,23 / 0,17 (1989–2001)	–441 / –425 (1989–2001)
Белоруссия	0,65	10293011 (2006)	0,08 (1989–2006)	–1013 (1989–2006)
Грузия	0,82 / 1,03	4661473 / 3906314 (2006)	–0,78 / 0,18 (1989–2006)	–1510 / –565 / –222 (русские) (1989–2006)
Казахстан	1,03 / 2,27	14953126 / 7985039 (1999)	–0,77 / 2,29 / –2,61 (русские) (1989–1999)	–2917 / 11 / –1654 (русские) (1999)
Киргизия	2,09 / 3,21	5213898 / 3383819	2,25 / 5,18 / –2,89 (русские) (1989–1999)	68 / 438 / –270 (русские) (1989–1999)
Молдавия	0,98 / 1,07	3384500 / 2646679 (2004)	–1,42 / –0,34 / –3,4 (1989–2004)	–1600 / –610 / –382 (украинцы) / –463 (русские) (1989–2004)
Таджикистан	3,38 / 4,18	7320815 / 5849331 (2006)	2,5 / 4,82 / –0,65 (узбеки) (1989–2006)	–784 / 356 / 857 (узбеки) (1989–2006)
Узбекистан	2,87/3,38	27307134/21845707 (2006)	2,16/3,11 (1989–2006)	–2400/–662 (1989–2006)
Украина	0,3/0,68	48457100/37541700 (2001)	–0,49/0,03 (1989–2001)	–5670/793 (1989–2001)
Туркмения	2,74	5042920 (2006)	2,47 (1989–2006)	–170 (1089–2006)

Таким образом, в постсоветский период страны СНГ потеряли не более 20 млн человек по темпам прироста по сравнению с периодом 1979–1989 гг., причем более 40% (8 млн человек) от этой цифры приходится на Белоруссию, Молдавию и Украину. В потерях стран Закавказья и Центральной Азии очень велика доля «европейских русскоязычных» мигрантов, а рост численности титульных для этих государств этнических групп замедлился в сопоставлении с 1979–1989 гг. не более чем на 2 млн человек. Если к этой цифре добавить аналогичные потенциальные потери численности титульных этнических групп Белоруссии, Украины и Молдавии, то она увеличится примерно до 3 млн человек. При недостаточной точности такого расчета он все же дает, на наш взгляд, приблизительное представление о предельном размере тех постоянных потерь, которые могли понести страны СНГ от разных причин, в том числе и от миграции, в постсоветский период.

Таблица 3.2

Некоторые параметры этнической миграции из стран СНГ в Россию

Этническая группа в РФ	Динамика численности согласно переписям 1989 и 2002 гг. ³⁴⁷	Квалифицированные экспертные оценки размеров единовременной «челночной» миграции в РФ из соответствующих стран СНГ
Азербайджанцы	285951	Менее 450 тыс. ³⁴⁸ — 900 тыс. ³⁴⁹ чел.
Армяне	598101	Нет данных
Белорусы	–398252	Нет данных
Грузины	67246	400 тыс. чел. ³⁵⁰
Казахи	18097	Нет данных
Киргизы	–9926	300–350 тыс. чел. ³⁵¹
Молдаване	–341	200 тыс. чел. ³⁵²
Таджики	81928	600–700 тыс. чел. ³⁵³
Туркмены	–6686	Нет данных
Узбеки	–3983	700 тыс. чел. ³⁵⁴
Украинцы	–1419911	1–1,5 млн чел. ³⁵⁵
Итого	–787776 человек, представителей «неславянских» этнических групп — +1030387 чел.	3,6–4,8 млн чел.

Из приведенной таблицы вытекает, что, по официальным данным, между переписями 1989 и 2002 гг. возросла численность представителей лишь 5 из 12 этнических групп, титульных для стран СНГ, причем только в случаях с армянами и азербайджанцами такой рост исчислялся сотнями тысяч человек. Учитывая относительную незначительность размеров временной трудовой миграции тех групп, по которым автору определенные оценочные данные неизвестны, **можно предположить, что средний суммарный размер временной трудовой миграции в РФ из стран СНГ составляет от 3,5 млн до 5 млн человек ежегодно, в том числе — от 2 млн до 3,5 млн мигрантов из Центральной Азии и Закавказья.** Суммируя данные обеих таблиц (т.е. сложив потери в темпах роста населения в постсоветский период с объемами «челночной» миграции) и делая существенную поправку на естественный демографический спад в европейских государствах СНГ, миграцию в другие, кроме РФ, страны, а также легальную регистрацию части трудовых мигрантов в РФ (число представителей этой категории, по данным К. Ромодановского, в 2006 г. достигло 1,1 млн человек³⁵⁶) и получение другой частью российского гражданства, можно предположить, что **размер нелегальной миграции в РФ даже при «пессимистическом раскладе» вряд ли превышает 6 млн человек, из которых не более 4 млн человек — представители титульных этнических групп стран Закавказья и Центральной Азии.** Добавление в эту картину даже 200–400 тыс. (в соответствии с некоторыми экспертными оценками исследователей проблем миграции) китайцев³⁵⁷ не приводит к существенному изменению данной цифры.

Можно сделать вывод, что нынешние размеры этнической миграции в РФ не дают достаточного повода считать ее серьезной угрозой национальной безопасности. Основной поток таких мигрантов пересекает российские границы вполне легально. Тем не менее попытаемся примерно оценить и те масштабы незаконных пересечений границы, чтобы сделать вывод о том, насколько серьезной проблемой национальной безопасности можно считать данное явление.

Масштабы миграции, связанной с незаконными пересечениями границы

Как уже упоминалось выше, основная часть попадающих в Россию мигрантов пользуется безвизовым режимом и пересекает границы легально; поэтому проблема их въезда в РФ не имеет прямого отношения к пограничной безопасности. Однако некоторая часть пытается пересечь границу незаконно, обходя пункты пограничного пропуска, скрываясь от пограничного контроля во время процедуры его прохождения

или предъявляя поддельные документы. Насколько многочисленны такого рода нарушения и в какой степени эта проблема связана с недостаточной защищенностью российских границ?

Наибольшее количество нарушений границ фиксируется на **кавказском направлении**, где Россия граничит с Азербайджаном и Грузией. Так, в 2001 г. на этом направлении было выявлено более 5 тыс.³⁵⁸, в 2004 г. — 1150³⁵⁹, а в январе—марте 2006 г. — 600 нарушителей границы³⁶⁰. Можно предположить, что в связи с завершившимся в 2006 г. комплексом мероприятий по укреплению кавказского участка границы число представителей данной категории имеет тенденцию к сокращению, но по-прежнему останется высоким по сравнению с ситуацией на других участках границ РФ.

Довольно велико количество нарушителей в **северо-западной зоне** российского пограничья (границы с Норвегией, Финляндией, Эстонией и Латвией). В 2005 г. на этом направлении пограничники задержали 1400 человек³⁶¹. По всей видимости, речь идет в первую очередь о лицах, пытающихся нелегально проникнуть в страны ЕС с российской территории, в том числе транзитом из третьих стран. Часть представителей данной категории пытается выехать из РФ через **участки границ с Украиной и Белоруссией**: например, в 2003 г. в этой зоне пограничниками было задержано 532 транзитных нелегальных мигранта из стран Южной и Восточной Азии и, кроме того, 196 нарушителей³⁶².

Немалое количество попыток незаконного пересечения фиксируется на самой протяженной границе РФ с **Казахстаном** (более 7500 км). Так, в 2003—2004 гг. подобных попыток отмечалось 500—1000 ежегодно³⁶³. Маршрут, проходящий через российско-казахстанскую границу, активно используется нелегальными мигрантами из стран Южной и Восточной Азии и даже Африки для въезда на территорию РФ с целью проникновения в страны ЕС через западные рубежи России.

Суммарное ежегодное количество задержаний нарушителей на различных участках границ с **Китаем, Монголией и Северной Кореей** в 2000-х гг. также колеблется между 500 и 1000 человек³⁶⁴. Возможно, эти относительно небольшие показатели объясняются тем, что данные границы еще в советский период оборудованы технической инфраструктурой, позволяющей отслеживать незаконные пересечения.

Число нарушений границ РФ колеблется и, возможно, имеет тенденцию к увеличению. Например, по итогам 2005 г. пограничники задержали более 8,3 тыс. нарушителей³⁶⁵, что существенно больше суммы тех разрозненных данных, которые мы привели по отдельным участкам. Однако и эта цифра не идет ни в какое сравнение с ежегодным

количеством нарушений границ США (0,9–1,6 млн), стран ЕС (многие десятки тысяч в год). Более того, она почти в 2 раза меньше аналогичных показателей по рубежам Казахстана (суммарная протяженность сухопутных границ которого почти в 2 раза уступает российской), на которых в 2005 г. было задержано 14,5 тыс. человек³⁶⁶.

С поправкой на то, что большинство упомянутых незаконных пересечений совершается либо российскими гражданами, либо местными жителями (в целях посещения родственников, ведения нелегальной хозяйственной деятельности и т.п.), можно заключить, что **само по себе количество таких пересечений не является серьезно угрожающим с точки зрения национальной безопасности РФ**, даже если предположить, что пограничники выявляют лишь незначительную часть подобных нарушений. Учитывая, что в настоящее время интенсивно происходит процесс технического оснащения кавказских и казахстанской границ России, вряд ли есть серьезные основания полагать, что реальное число данных нарушений в обозримой перспективе будет существенно увеличиваться.

Гораздо большее количество иностранцев **пытается въехать в Россию по недействительным или поддельным документам**. По итогам 2005 г. их число составило, например, 185 тыс. человек³⁶⁷. Однако следует учитывать, что большинство подобных инцидентов, вполне вероятно, возникло из-за формальных проблем, а не преступных умыслов тех лиц, которым было отказано во въезде. В любом случае данный вопрос связан с качеством контроля на пропускных пунктах, но не с недостаточной защищенностью российских границ.

Серьезная проблема может возникнуть у России после ратификации и вступления в действие в 2007 г. **соглашения с ЕС о реадмиссии**, в соответствии с которым стране придется нести большие расходы на депортацию транзитных нелегальных мигрантов, пытавшихся въехать в Евросоюз с российской территории. Если допустить, что сейчас в РФ выявляется лишь незначительная часть таких мигрантов, то такие расходы могут ежегодно составлять многие десятки миллионов долларов.

Таким образом, количество нелегальных мигрантов (не считая жителей приграничных районов сопредельных стран, возвращающихся на свою территорию), пытающихся пересечь российские границы, избегая прохождения пограничного контроля, по всей видимости, пока относительно невелико, поэтому нельзя считать это явление серьезной угрозой национальной безопасности. Гораздо больше число иностранцев, пытающихся въехать в страну по недействительным или поддельным документам, но данная проблема мало связана с недостаточной

защищенностью российских границ. Ввиду вступления в силу соглашения с ЕС о реадмиссии Россия может понести серьезные финансовые потери из-за транзитных мигрантов из азиатских и африканских стран, часть которых попадает в РФ нелегально. Однако такие потери заметно меньше прямых расходов (оцениваемых во многие миллиарды долларов) и косвенного ущерба, которые стране пришлось бы понести в случае создания жесткой системы охраны границ с Казахстаном.

Демографическая экспансия в приграничье?

В качестве угрозы некоторыми представителями властных структур СМИ и частью общественного мнения рассматривается увеличение численности мигрантов из сопредельной страны на прилегающих к ней российских территориях. В частности, одной из важных угроз пограничной безопасности России военные исследователи — представители системы Пограничной службы РФ назвали «попытки оседания части мигрантов в приграничье и экономического освоения приграничной территории»³⁶⁸.

Однако такого рода утверждения не находят подтверждения в результатах переписи 2002 г. Согласно этим результатам лишь в одном российском регионе — Астраханской области — доля представителей титульного для сопредельной страны этноса превышает 6% (в данном случае она составляет 14,2%). Лишь в незначительном количестве приграничных районов «коренное» для российской части население уступает по численности этническим группам, преобладающим на сопредельной стороне. Хотя результаты переписи, возможно, не вполне адекватно отражают этнодемографическую ситуацию в российских регионах, граничащих с Китаем (численность китайцев, по официальной статистике, в них не достигает и 10 тыс. человек), возможно, что те явно более высокие оценки, которые приводятся экспертами (например, вышеуказанная цифра 200–400 тыс. человек), большей частью отражают не постоянную, а временную китайскую миграцию.

Вероятность конфликтов ирредентистского характера, в которых объектом притязаний стали бы российские территории, существенно уменьшается тем, что по своему экономическому и военному потенциалу, а также политическому влиянию Россия превосходит значительное большинство своих соседей. Для остальных, включая Китай, весьма маловероятная перспектива приобретения далеко не самых экономически привлекательных территорий в обозримом будущем вряд ли перевесит выгоды от вполне реального экономического сотрудничества и, с другой стороны, очевидна несоразмерность потенциальной выгоде

тех огромных рисков, которые несет с собой перспектива развития военного конфликта с РФ.

Этнический фактор в трансграничной наркоторговле

Проблема трансграничного наркотрафика в РФ и через ее территорию в ЕС проистекает из проблемы производства наркотиков в постсоветской Центральной Азии (марихуана, гашиш и т.п.) и особенно в соседнем Афганистане (героин). Далее через российско-казахстанскую, российско-грузинскую и российско-азербайджанскую границы нелегальный товар попадает в РФ. Свою лепту в формирование российского наркорынка также вносят контрабандные поставки каннабисных наркотиков из Закавказья (марихуана); Украины (маковая соломка); из стран ЕС через Белоруссию, Украину и государства Прибалтики (синтетические наркотики).

В географическом плане вызов наркотрафика для России большинством официальных лиц и экспертов тесно увязывается с прозрачностью постсоветских границ. В первую очередь речь идет о границе российско-казахстанской, через которую, по оценке МВД, происходит до **90% нелегальных поставок опиатов в РФ**³⁶⁹. С учетом этих обстоятельств одной из ключевых мер решения проблемы в России и ЕС видится укрепление «проблемных границ» и, более того, создание «пояса безопасности» в российско-казахстанском пограничье.

Однако попытка сопоставления ряда количественных показателей приводит к весьма неутешительным выводам относительно эффективности пограничных «поясов безопасности». Если взять за основу достаточно умеренные оценки, в соответствии с которыми среднестатистический героиновый наркоман потребляет в день 0,5 г этого наркотика (по другим оценкам экспертов, среднесуточная доза достигает 1 г), а общее количество таких наркоманов в стране (которое в течение последних нескольких лет, по оценкам ООН, остается относительно стабильным) достигает 1 млн человек (увеличение оценочного числа наркоманов в РФ приведет к еще менее утешительному выводу), то объем ввозимого в Россию героина ежегодно составит, по самым скромным расчетам, более 180 т. За весь 2004 г. Федеральная таможенная служба РФ задержала более 680 кг героина³⁷⁰, а аналогичный «улов» пограничников за тот же период не достигал 450 кг³⁷¹. Путем несложных арифметических вычислений можно прийти к выводу, что **в 2004 г. эффективность границ РФ как «фильтра» против наркотрафика составляла примерно 0,6%, и вряд ли можно ожидать, что в обозримом будущем этот показатель кардинально изменится.** При этом, согласно известным автору оценкам

представителей силовых структур, основная часть наркотиков пока преодолевает постсоветские границы отнюдь не в обход пунктов пропуска, а через них.

Структура трансграничной наркоторговли является децентрализованной, она представляет собой совокупность одиночек и большого количества независимых групп разного калибра. Такие группы могут «специализироваться» лишь на отдельных стадиях производства, оптовой поставки, розничного распространения, отмывания денег и ряде вспомогательных операций либо пытаться контролировать полный цикл. Часть группировок являются «узкопрофильными», занимаясь лишь определенным видом наркотиков; другие — многопрофильными, делая ставку сразу на несколько видов преступной деятельности.

Трудность раскрытия подобных криминальных сетей и их преступных операций существенно снижает эффективность «силовых» методов борьбы с наркоторговлей. В такой ситуации противник правоохранительных органов в «войне против наркотиков» на поверку оказывается аморфным, трудноидентифицируемым и труднонаходимым.

В данной ситуации возникает искушение определить врага, а заодно и фронт борьбы с ним по каким-либо четким и предельно простым критериям. Неудивительно, что **немалая часть работников правоохранительных органов, журналистов и общественного мнения в целом видит противником совокупность этнических преступных групп и даже, к сожалению, представителей определенных этносов: чаще всего — народов Центральной Азии, отчасти Кавказа, а также цыган.** К сожалению, явно некорректные материалы, в которых ставится знак равенства между представителями определенных этнических групп и наркоторговцами, публикуются даже в изданиях официальных структур, в том числе и Госнарконтроля³⁷². Сложившаяся ситуация во многом вписывается в предложенную французским политологом Дидье Биго концепцию «компенсации границ», в соответствии с которой силовые структуры многих современных государств пытаются компенсировать свою неспособность контролировать нелегальные трансграничные потоки за счет усиления наблюдения над представителями «подозрительных» стран, регионов, этнических и расовых групп, т.е. установления контроля по «невидимым границам» между «своими» и «чужими»³⁷³.

Насколько сильно представители упомянутых этнических групп (в первую очередь народов Центральной Азии) вовлечены в процесс контрабанды наркотиков на территорию РФ? Для ответа на этот вопрос попытаемся опереться на интерпретацию косвенных статистических данных и экспертных оценок, почерпнутых нами из открытых источников и интервью.

С учетом малой эффективности действий органов пограничного контроля статистика задержаний фиксирует лишь незначительный процент случаев нелегального провоза наркотиков на территорию РФ. К тому же следует учитывать, что представители «видимых» этнических меньшинств в ходе проверок привлекают гораздо больше внимания, чем люди, имеющие «европейскую» внешность. Если все же допустить, что статистика задержаний адекватно отражает структуру наркотрафика, то на основании данных Федеральной таможенной службы можно заключить, что наибольшее число наркокурьеров является гражданами России, тогда как представители стран Средней Азии и Закавказья не попадают даже в первую тройку³⁷⁴. Однако, по всем данным, роль выходцев из Средней Азии в контрабанде наиболее опасного наркотика — героина — значительно больше. С учетом высокой латентности наркотрафика и схем организации поставок наиболее крупных партий героина (объемом в сотни килограммов) сколько-нибудь точно оценить роль этнических или многоэтничных группировок в этом процессе вряд ли возможно.

Однако гораздо более определенно можно утверждать, что подавляющее большинство мигрантов из стран Средней Азии не причастно к наркоторговле. Хотя открытая информация о числе случаев задержаний наркотиков на российско-казахстанской границе фрагментарна, но на основе имеющихся данных пограничной и таможенной служб³⁷⁵ можно предположить, что в год ими раскрывается не более 400 попыток контрабанды наркотиков, из которых, по нашей оценке³⁷⁶, лишь 40–50% приходится на героин. По оценкам авторитетных российских и центральноазиатских экспертов³⁷⁷, за год Россию посещают 1,5–2 млн трудовых мигрантов из региона, в том числе по 600–800 тыс. человек — из Таджикистана и Узбекистана. Даже если допустить, что 70% задерживаемых наркокурьеров являются представителями титульных этносов Средней Азии, а доля выявляемых пограничниками и таможенниками попыток контрабанды наркотиков составляет всего 1%, из этого следует, что **наркоторговцами являются никак не более 2% трудовых мигрантов из региона и 5% представителей какого-либо одного его государства.**

Из приведенных выше соображений следует, что представители этнических преступных группировок играют очень серьезную, возможно, решающую роль в трафике в Россию самого опасного в национальном масштабе наркотика — героина. Однако обратное утверждение, ассоциирующее какую-либо этническую группу с наркоторговлей, явно не соответствует действительности. Учитывая сверхприбыльность этой преступной деятельности, можно предположить, что целевые меры,

направленные на ужесточение миграции из какой-либо конкретной страны или представителей определенной этнической группы, приведут лишь к реструктуризации схем трансграничной наркоторговли, в которой большую роль приобретут представители менее «подозрительных категорий». Эффективность пограничного контроля в противодействии наркотрафику была и в обозримой перспективе останется низкой, потому попытка возложить на систему пограничной безопасности основную нагрузку в борьбе с этим видом преступности, по всей видимости, оказалась бы малопродуктивной.

Миграция и транснациональный терроризм

В числе лиц, пытающихся проникнуть из сопредельных стран в РФ как легальным путем через пункты пропуска, так и нелегальным в обход их, во многих случаях выявлялись боевики и экстремисты, в том числе причастные к деятельности чеченских сепаратистов и подготовке террористических актов.

Чаще всего такая активность отмечалась в зоне границ России с Азербайджаном и Грузией, где в течение долгого времени действовали (а в некоторых случаях продолжают действовать) нелегальные центры поддержки боевиков в Чечне. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. количество ежегодных задержаний на кавказских границах РФ лиц, подозреваемых в причастности к деятельности вооруженных сепаратистов, исчислялось сотнями³⁷⁸. Однако в связи с переломом ситуации в пользу федеральных сил и техническим оснащением кавказских границ РФ (которое было объявлено приоритетом пограничной политики государства на 2004—2006 гг.) трансграничная активность экстремистов, по-видимому, пошла на убыль.

Другим важным каналом проникновения в Россию (и, в частности, Чечню) стала российско-казахстанская граница. По данным Пограничной службы РФ, в 2000 г. пограничниками совместно с другими правоохранительными органами в ходе фильтрации было выявлено 300 человек, которые намеревались присоединиться к чеченским сепаратистам³⁷⁹. Периодически появляется информация о возможности перехода через российско-казахстанскую границу террористов-смертников, прошедших предварительную подготовку на зарубежных базах³⁸⁰.

В западной и отчасти северной зоне границы с Казахстаном проблема имеет и локальное измерение. По неофициальной информации, в районах компактного проживания чеченцев по обеим сторонам границы якобы существуют реабилитационные центры и даже лагеря подготовки боевиков, в числе которых будто бы тренируются не только че-

ченцы, но и выходцы из Центральной Азии. В нескольких случаях в результате проводившихся в начале 2000-х гг. на приграничных территориях операций задерживались либо лица, подозревавшиеся в причастности к незаконным вооруженным формированиям³⁸¹, либо оружие и боеприпасы, которые, как предполагалось, готовились к переправки в Чечню³⁸². Вместе с тем неоднократно появлявшаяся в прессе информация о наличии в западных и северных регионах Казахстана баз боевиков не получила подтверждения в ходе проводившихся Комитетом национальной безопасности Казахстана проверок, одна из которых была осуществлена в 2003 г. по просьбе российской стороны³⁸³.

Наряду с проблемами наркоторговли, других видов контрабандистской деятельности и массовой нелегальной миграции идея о необходимости борьбы с проникновением на территорию РФ трансграничных экстремистов используется в качестве одного из главных аргументов секьюритизации пограничной политики на российско-казахстанском участке. Так, 7 ноября 2006 г. директор ФСБ Н. Патрушев выразил обеспокоенность тем, что на волгоградском участке террористы могут попытаться использовать упрощенный режим передвижения через границу местных жителей для совершения террористических актов³⁸⁴. При этом как взаимосвязанное с трансграничным экстремизмом явление порой априори воспринимаются наличие многочисленных чеченских общин в ряде приграничных районов России и Казахстана, а также нелегальная миграция из традиционно мусульманских стран «дальнего зарубежья». Однако реальное число задержаний на границе иностранных граждан, подозреваемых в экстремистской деятельности, пока очень невелико, тогда как выявление подозрительных граждан РФ (как представляется, в упомянутом заявлении Н. Патрушева было упущено из виду то обстоятельство, что подавляющее большинство чеченцев в западной части российско-казахстанского пограничья проживает в районах РФ, а отнюдь не РК³⁸⁵) является скорее вопросом внутренней безопасности.

В целом проблема экстремизма и терроризма является для России в первую очередь внутренней, а ее «внешнее измерение» представляется скорее второстепенным. Вместе с тем угроза национальной безопасности РФ со стороны трансграничных экстремистов является во многом иррациональной, а ее степень не может быть измерена на основе статистических закономерностей. Проникновение даже небольшой группы боевиков почти через любую из границ России со странами СНГ может вызвать резкое ужесточение пограничного режима, что будет в определенной степени оправдано хотя бы стремлением успокоить общественное мнение. В свою очередь эффект такого ужесточения непредсказуем и во многом

будет зависеть от того психологического впечатления, которое оно произведет на потенциального противника, способного как переключиться на поиск новых направлений, так и продолжать искать уязвимости, которые неизбежно останутся в системе охраны границы. Учитывая эти соображения, автор предпочитает воздержаться от оценок той опасности, которую потенциально несет проникновение экстремистов в РФ через ее границы со странами СНГ и другими государствами.

Преступность в приграничных регионах

В числе главных проблем, с которыми традиционно связывается массовая миграция, называется рост уровня преступности. С точки зрения пограничной безопасности вызовом можно считать такой рост в приграничных регионах, что создает опасность дестабилизации ситуации в приграничье.

Однако анализ статистической информации правоохранительных органов показывает, что в большинстве случаев доля совершаемых иностранцами преступлений в общей преступности, как правило, относительно невелика. По данным Министерства внутренних дел, наиболее высока такая доля в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Ханты-Мансийском автономном округе, Краснодарском, Красноярском, Хабаровском, Приморском краях и Свердловской области³⁸⁶. Но даже если рассматривать эти регионы, то лишь в немногих из них (в первую очередь Москве и Московской области, где такой показатель практически достигает 7%³⁸⁷) соответствующий уровень выше среднероссийского (составляющего 3%)³⁸⁸.

Следует отметить, что оценки «вклада» иностранцев в общий объем совершаемых в РФ преступлений порой весьма запутаны, что проявляется даже в выступлениях компетентных представителей власти. Так, в своем выступлении на конференции «Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма» глава Федеральной миграционной службы К. Ромодановский заявил, что, по его информации, в 2005 г. иностранные граждане совершили примерно лишь 3% (т.е., если опираться на данные Росстата, примерно 106,6 тыс.³⁸⁹ — *Авт.*) от всех преступлений на территории РФ. С этой цифрой определенно не стыкуется, однако, сделанное в том же интервью утверждение о том, что **«чаще всего»** правонарушения совершают граждане Грузии, Азербайджана и Молдовы — соответственно **каждый сотый, сто сороковой и двести тридцатый** из числа приехавших в Россию представителей этих государств³⁹⁰ (выделено нами. — *Авт.*). Наглядность примера заключается не только в нестыковке между общим числом иностранцев-преступников, коли-

чеством совершающих преступление представителей того или иного государства и числом мигрантов из тех или иных стран (для того чтобы число преступлений в сумме могло достичь 107 тыс., нужно, чтобы доли преступников в наиболее многочисленных группах мигрантов были гораздо большими, чем это вытекает из утверждения К. Ромодановского), но также и в том, что автор попытался определить «вклад» последних, не имея сколько-нибудь точной информации о количестве мигрантов из этих стран. Вышеприведенные примеры являются хорошей иллюстрацией «игры в цифры» при определении размеров «этномиграционной преступности» и свидетельством того, что даже к соответствующим оценкам официальных лиц в данном случае следует подходить с большой осторожностью.

Если же опираться на официальную статистику, то, за исключением Краснодарского и Приморского краев, в приграничных субъектах РФ такая доля существенно меньше среднероссийской: например, в Волгоградской области она составляет всего примерно 0,5%³⁹¹, в Оренбургской — 0,8%³⁹². **Таким образом, повышенный уровень совершаемых иностранными мигрантами преступлений является вызовом для некоторых мегаполисов, а не системной проблемой приграничья.**

Карантинные проблемы

Неконтролируемая миграция несет в себе риск ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки, в том числе распространения таких заболеваний, как туберкулез, малярия, холера и т.п. Одной из мер предотвращения этой опасности является карантинный контроль на границе. В периоды вспышек эпидемий карантинный режим въезда на российскую территорию существенно усиливался. Это происходило, например, весной 2003 г. в связи со вспыхнувшей в Восточной Азии эпидемией атипичной пневмонии; в итоге в РФ заболевших из РК зафиксировано не было³⁹³. Однако такие ситуации являются временными. В целом карантинные проблемы без очень серьезных на то оснований не могут рассматриваться в качестве главного фактора, детерминирующего пограничную политику страны.

Выводы

Из проведенного нами анализа вытекает, что этническая миграция в Российскую Федерацию в большинстве случаев имеет лишь косвенное отношение к пограничной безопасности страны. Повестка последней очень серьезно отличается от той повестки, которая актуальна для американо-мексиканской границы и некоторых границ ЕС, пере-

секаемых значительной частью мигрантов в обход пограничного контроля. Так как граждане подавляющего большинства стран СНГ, имея право на безвизовый въезд в РФ, попадают в страну на законных основаниях (легально въезжает в страну и подавляющее большинство китайских мигрантов), то нарушения, которые они совершают впоследствии, являются уже проблемами миграционной политики и поддержания внутреннего правопорядка. С этнической миграцией не могут увязываться и такие проблемы, как наркотрафик (лишь незначительная часть въезжающих в страну из государств Закавказья и Центральной Азии имеет отношение к наркоторговле) или терроризм (главный источник находится внутри страны, а отнюдь не вовне). В обозримой перспективе не приходится говорить об угрожающем изменении этнодемографического баланса в населении приграничных территорий или серьезном росте относительного вклада приезжих в преступность этих регионов.

Вместе с тем определенную проблему пограничной безопасности РФ представляют транзитная нелегальная миграция из стран Южной и Восточной Азии и Африки (после вступления в действие соглашения с ЕС о реадмиссии России придется тратить значительные суммы на депортацию), случаи въезда в страну по поддельным документам и вспышки трансграничных эпидемий, что вынуждает к периодическому ужесточению карантинного контроля на границе. Однако, за исключением первой проблемы, эти вопросы связаны по большей части с совершенствованием системы контроля в пунктах пропуска, нежели с необходимостью ужесточения пограничного режима и возведения барьеров на границе. Во многом это объясняется тем, что значительная часть рубежей РФ удовлетворительно оборудована с технической точки зрения. Из «прозрачных» же границ самая протяженная разделяет Россию с Казахстаном — страной, где уровень жизни населения вполне сопоставим с российским и которая является буфером для этнической миграции из других стран постсоветской Центральной Азии на север. Нельзя, впрочем, полностью исключать того, что в долгосрочной перспективе такая ситуация может измениться и опасность превращения южных постсоветских границ России в ворота для крупномасштабной нелегальной миграции в обход пограничного контроля станет реальностью.

Следует учитывать, что связь между пограничной безопасностью и нелегальной миграцией имеет не только объективное, но и субъективное измерение. В представлениях многих работников властных структур, политиков, журналистов и обывателей недостаточная защищенность границ России ведет к наплыву этнических мигрантов (в первую

очередь из Закавказья, во вторую — из Центральной Азии и Китая), везущих с собой наркотики, способствующих резкому росту уличной преступности и возрастанию угрозы терроризма, заселяющих обширные территории, которые впоследствии могут быть отторгнуты от России. Данные представления являются слишком массовыми и устоявшимися, чтобы их влиянием на формирование политики пограничной безопасности можно было пренебречь.

В этой ситуации даже не вполне достаточное с логической точки зрения основание (теракт с участием нескольких выходцев из зарубежных стран, задержание нескольких крупных партий наркотиков, громкое преступление с «этническим подтекстом», изменение внутривнутриполитической конъюнктуры и т.п.) может стать поводом к серьезному изменению национальной пограничной политики, во многом обусловленному общественным резонансом. Потенциальные результаты таких изменений также непредсказуемы, ибо развитие ситуации может во многом определяться факторами не только объективного, но и субъективного и иррационального характера. Так как чрезвычайные меры безопасности в такой ситуации могут быть предприняты в комплексе, будет не всегда просто определить то, какие из них в действительности возымели наибольший эффект. В свою очередь террористы и наркоторговцы могут сосредоточиться на поиске либо уязвимостей в усовершенствованной системе пограничной безопасности (и в итоге доказать ее недостаточную эффективность), либо альтернативных схем с задействованием других каналов проникновения в страну и со ставкой на представителей «менее подозрительных» этнических групп (что создаст впечатление о том, что предпринятые меры оказались достаточно эффективными).

Объективно же российская система пограничной безопасности в обозримой перспективе вряд ли может служить сколько-нибудь эффективной заменой социальных и правоохранительных мер внутри страны, включая внутреннюю миграционную политику. Представляется, что главный акцент в решении вопросов регулирования некоторых из таких потоков (наряду с миграцией имеется в виду и распространение наркотиков) следует перенести на уровень региональной политики, сделав ставку на эффективный менеджмент ситуации в наиболее проблемных регионах (в случае с миграцией — в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Краснодарском и Приморском краях, Ханты-Мансийском автономном округе и некоторых других). Такой подход позволит более четко локализовать решаемые проблемы и даст возможность реагировать на них гибче и оперативнее, эффективнее распределяя средства на те направления, которые приносят реальные результаты.

§ 2. Миграция через российско-украинскую границу (на примере воронежского участка)

Исходя из исторического опыта XX столетия выработалось достаточно четкое представление о границе как барьере, который призван защищать государство от угроз внешнего мира. Но в наши дни ситуация коренным образом изменилась и представления о роли границы существенно расширились. Границе отводятся не только защитные, но и регулирующие трансграничное взаимодействие функции. Сегодня все чаще звучит мысль о том, что свобода информационных потоков, развитие средств коммуникации и прогрессивных технологий привели к размыванию границ, которые все больше становятся прозрачными и проницаемыми. Не вдаваясь в теоретические дискуссии о предназначении современных границ, хотелось бы осмыслить непосредственно практическую сторону данного вопроса на основе современных реалий развития России.

Практика последних лет показывает, что на первый план сегодня выходят угрозы, являющиеся по своей сути невоенными: международный терроризм, трансграничная преступность, нелегальная миграция. Пытаясь им противостоять, руководство России все больше уделяет внимание проблеме организации границ. Указом Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 960 пограничные органы переданы под юрисдикцию ФСБ. Тогда же, в 2003 г., была утверждена Федеральная целевая программа «Государственная граница Российской Федерации на 2003–2010 гг.», по которой для повышения эффективности пограничного контроля в 78 пунктах пропуска внедряются технические средства нового поколения, ведутся работы по созданию общегосударственной автоматизированной системы контроля машиночитаемых паспортно-визовых документов. Уже в рамках ФСБ была почти вдвое сокращена структура центрального аппарата пограничников, ликвидированы структурные подразделения, дублирующие друг друга. При этом, несмотря на подчиненность ФПС Федеральной службе безопасности, они являются двумя организациями министерского уровня, со своими «комплектами» заместителей и службами обеспечения.

Однако на сегодняшний день остается и масса нерешенных вопросов. По замечанию первого заместителя директора ФСБ России — руководителя Пограничной службы генерала армии В. Е. Проничева, серьезной проблемой является то, что в пунктах пропуска сосредоточены подразделения 6 федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих 7 видов контроля, частично дублирующие друг друга. Это

приводит к волоките при оформлении пропуска через государственную границу, неоправданному образованию очереди при ожидании прохождения отдельных видов контроля³⁹⁴.

Для решения существующих задач создана Государственная межведомственная пограничная комиссия, целью которой является устранение дублирующих функций и оптимизация системы пунктов пропуска³⁹⁵. В рамках реализации ее решений пограничникам были переданы функции иммиграционного контроля в пунктах пропуска через границу³⁹⁶.

Изучение границы, ее свойств, роли и значения невозможно без рассмотрения региона, который она обрамляет, поскольку не существует границ без территории, а территории — без границ. Следовательно, исследуя государственную границу, нельзя не рассматривать приграничные регионы и их специфику.

Уже не для кого не секрет, что приграничное сотрудничество российских регионов с соседними государствами в настоящее время не только превратилось в мощный инструмент международных отношений России, но и стало действенным механизмом регионального социально-экономического развития. Приграничное сотрудничество способствует интеграции Российской Федерации в мировую экономическую систему, формированию вокруг России «пояса добрососедства», который является базой для его успешного развития.

Но, как показывает мировая практика, позитивный эффект от приграничного положения может быть достигнут в двух случаях: если взаимодействуют два хорошо развитых региона или же относительно слабая в экономическом отношении территория граничит с другими процветающими областями соседнего государства. Следовательно, негативный эффект от приграничного положения возможен в случае соседства двух слаборазвитых регионов. Другое обстоятельство, препятствующее развитию приграничного сотрудничества, связано с наличием политических барьеров: жесткий визовый режим, недоверие между населением или же военно-политическое противостояние двух соседних государств. Осложнения в приграничном взаимодействии может вызывать и разность культур: религии, языка и т.п.

Феномен «нового приграничья» придает проблеме трансграничного сотрудничества особую значимость. Границы России с бывшими республиками СССР, а теперь уже независимыми государствами, представляют собой особый, весьма специфический случай. С распадом Советского Союза развалился большой государственный механизм, который на протяжении десятилетий регулировал и контролировал многочисленные процессы. Многие российские районы неожиданно из

центральных превратились в пограничные. Их специфика состоит, во-первых, в том, что из-за особого отношения государства к своим внешним границам все эти регионы неизбежно вплетены в сложнейшую комбинацию факторов, связанных с геополитикой, геоэкономикой и безопасностью. И, несмотря на то что с момента появления на политической карте России новых приграничных регионов прошло больше 15 лет, совершенно очевидной остается проблема складывания приграничного менталитета как у населения, так и у региональных элит, отсутствие которого является мощным препятствием на пути трансформации границы из теоретической в реальную. Осознание того, что граница представляет уже не формальную административную линию, а отделяющую «свою» территорию от «чужой», важнейший атрибут государственного суверенитета, происходит не сразу, особенно там, где государственные рубежи не совпадают с этническими границами.

Ярким примером непонимания некоторыми представителями власти конкурентных преимуществ границы является Центральное Черноземье, ряд областей которого (Белгородская, Воронежская, Курская) непосредственно граничат с украинскими территориями, где проживает смешанное русско-украинское население, в силу чего сложилась определенная специфика жизненного уклада. Черноземная территория в составе большого государства как бы «растворялась» в других районах большой страны. Центральный Черноземный регион (ЦЧР) не имел непосредственного соприкосновения с суверенными государствами, а граница с Украиной носила административный характер, была проницаема и, следовательно, не закрывала доступ к сухопутным и морским рубежам страны.

Выгодное использование границы осложняется еще и тем, что «новые» рубежи не до конца оформлены в международно-правовом отношении. Украина подписала договор о границе с РФ в 2003 г., в результате чего был завершен процесс делимитации сухопутного российско-украинского участка. Но несмотря на достигнутые договоренности, граница до сих пор не демаркирована. Продолжают оставаться открытыми вопросы о разделе Азовского моря и Керченского пролива³⁹⁷.

Следующим шагом явилось подписание 19 сентября 2003 г. в Ялте президентами Беларуси, Казахстана, России и Украины Соглашения по Единому экономическому пространству (ЕЭП). Основными принципами функционирования ЕЭП являются обеспечение свободы перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы через границы государств-участников. Принципом обеспечения свободного движения рабочей силы является обеспечение беспрепятственного перемещения

физических лиц государств-участников в рамках ЕЭП и формирование согласованной миграционной политики в отношении третьих стран с учетом норм и принципов международного права и ВТО³⁹⁸. На заседании 20 апреля 2004 г. Верховная Рада Украины одновременно ратифицировала Соглашение о формировании ЕЭП, Договор между Украиной и Россией о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива и Договор между РФ и Украиной о российско-украинской госгранице. Госдума РФ и парламент Казахстана также ратифицировали соглашение по ЕЭП. Кроме того, Госдума России утвердила вышеупомянутые договоры об украинско-российской границе и использовании Азовского моря и Керченского пролива³⁹⁹.

Осенью 2004 г. был облегчен режим пересечения границы гражданами России и Украины. В соответствии с «Протоколом о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о безвизовых поездках граждан Российской Федерации и Украины от 16 января 1997 года» граждане «одной Стороны на основе взаимности освобождаются от регистрации по месту их пребывания на территории другой Стороны, если срок такого пребывания не превышает 90 дней с момента въезда, при наличии у них миграционной карты с отметкой органов пограничного контроля»⁴⁰⁰. Также в Протоколе определяется порядок изменения перечней документов, действительных для пересечения российско-украинской границы.

Сегодня общая протяженность границы с Украиной составляет 2245,8 км⁴⁰¹, из них 1925,8 км — сухопутная граница (из которых 425,6 км — граница, проходящая по рекам и озерам). По протяженности российско-украинская граница занимает четвертое место среди российских рубежей после границ с Казахстаном, Китаем и Монголией.

Российско-украинская граница представляет собой очень интересный объект для изучения, который, как ни странно, до сих пор не вызывал большого интереса со стороны исследователей, несмотря на бурные политические процессы, происходящие в Украине. Данное обстоятельство легко объяснимо, так как внимание исследователей, как правило, привлекают два момента: наиболее удачные и перспективные примеры трансграничного сотрудничества, как, например, Северо-Запад России, или же регионы, где существуют серьезные угрозы региональной и национальной безопасности (Дальний Восток, южные рубежи и др.). Долгое время концепция развития пограничной службы России была такова, что в первую очередь шло укрепление границы на Северном Кавказе. Вторым приоритетом являлось среднеазиатское направление, поскольку оттуда в Европу шли и идут миграционные пото-

ки, наркотики (в основном героин). Относительно нейтральное и спокойное приграничье, к которому с определенными оговорками можно отнести граничащие с Украиной области Центрального федерального округа, привлекали внимание как руководства, так и исследователей в меньшей степени, хотя протяженность данного участка границы, по разным оценкам, составляет от 1279,3 до 1343,2 км⁴⁰². Длина отдельных региональных отрезков этого участка приведена в табл. 3.3.

Таблица 3.3

**Протяженность российско-украинского участка границы, по данным
Регионального пограничного управления ФСБ России по Центральному
федеральному округу**

Область	Протяженность границы, км			
	всего	сухопутной	речной	озерной
Брянская	354,6	258,4	96,2	0
Курская	296,0	228,8	66,5	0,7
Белгородская	594,4	534,2	59,0	1,2
Воронежская	98,2	98,0	0,2	—
Всего	1343,2	1119,4	221,9	1,9

В настоящее время, по мнению начальника Регионального пограничного управления ФСБ России по Центральному федеральному округу, российско-украинская граница имеет качественно новый облик. «Основной ее принцип сформулирован не сегодня и остается неизменным: максимальная прозрачность для друзей, непреодолимый барьер для недругов»⁴⁰³.

С сопредельной стороны располагаются: Черниговская, Сумская, Харьковская и Луганская области, где проживает более 6 млн человек (из них 93,8% — украинцы). В административно-территориальном отношении 18 районов Украины с численностью населения около 1 млн человек прилегают к Государственной границе РФ. Граница проходит по равнинной, местами холмистой местности, расчлененной оврагами и балками, поросшей сосновыми и смешанными лесами⁴⁰⁴, что создает благоприятные условия для нарушителей.

Основные пути контрабандистов и нелегалов находятся на Брянском и Белгородском направлениях. В целом на участке российско-украинской государственной границы вне пунктов пропуска насчитывается свыше 350 пригодных для движения дорог, по которым в ближнее зарубежье могут проследовать как тенивики, так и рядовые граждане.

Поэтому пограничникам сегодня приходится брать под свой контроль такие проезды и проходы. По некоторым оценкам, пограничникам удастся задерживать около 30% от общего количества нелегалов. Тем не менее число фактов пресечения контрабанды и наркотиков, оружия и выявления незаконных мигрантов год от года растет⁴⁰⁵.

Региональное пограничное управление ФСБ России по Центральному федеральному округу, в задачи которого входит реагирование на данные вызовы, занимает особое место в системе Пограничной службы ФСБ России и находится в Воронеже. Оно берет свое начало с образованием в городе в 1993 г. отдельной оперативной группы, которая одной из первых перешла к охране государственной границы оперативно-воинским способом. С момента своего образования погранслужба в округе полностью комплектуется военнослужащими по контракту⁴⁰⁶.

На охране российско-украинских рубежей в Центральном Черноземье находятся Пограничное управление ФСБ России по Курской области (г. Курск) и Пограничное управление ФСБ России по Белгородской и Воронежской областям (г. Белгород). Одной из наиболее острых проблем у пограничников, охраняющих западные рубежи, является переход от общевоинской инфраструктуры к структуре специальной государственной службы с соответствующим техническим оборудованием. В этом контексте важной задачей является оснащение подразделений погранслужбы хорошими средствами связи⁴⁰⁷.

Деятельность пограничников показывает, что фактор приграничности начинает играть более активную роль в политической, социально-экономической и культурной жизни Центрального Черноземья, превращаясь в одно из ключевых понятий регионального развития. Но даже на примере Центрально-Черноземного региона (ЦЧР) РФ фактор границы используется неоднозначно. Так, в жизни Воронежской области граница не играет столь значимой роли, как в Белгородской области. В отличие от других приграничных регионов, соседствующих с развитыми или динамично развивающимися странами и имеющих транспортные выходы на мировые рынки, соседство Воронежской области с Украиной не способствует эффективному экономическому развитию региона.

Наблюдается некоторое несоответствие регионального положения Воронежа динамике его экономического развития. С одной стороны, город занимает наиболее удобное экономико-географическое положение по отношению к другим городам ЦЧР, обладает наибольшим экономическим, научным и образовательным потенциалом, имеет богатое историческое и культурное наследие, что дает ему право претендовать на звание «столицы» Центрального Черноземья.

С другой стороны, по динамике развития, интенсивности роста, экономической активности и многим другим показателям он уступает таким регионам, как Липецк и Белгород. Следовательно, встает вопрос о том, сможет ли Воронеж сохранить свои конкурентные преимущества и имеется ли у области ресурс для дальнейшего развития? Однозначного ответа на данный вопрос не существует в силу его непроработанности на региональном уровне. Хотя, казалось бы, при наличии существующих выгод Воронежская область, будучи пограничной, могла бы играть ключевую роль не только для Центрального Черноземья, но и для России в организации ее взаимодействия с Украиной.

Сегодня выгоды приграничного положения используются часто только на уровне рынка сбыта потребительских товаров. Нарушенные экономические, научные, культурные и другие связи в последнее время имеют тенденцию к восстановлению на межгосударственном, региональном и личностном уровнях. Многие предприятия, используя удобное приграничное расположение, организуют реализацию продукции в обмен на сельскохозяйственные товары, продовольствие, осуществляя бартер. Возросли научные, спортивные и культурные связи с соседней Украиной. Но по сравнению с соседней Белгородской областью темпы развития в этих сферах существенно ниже.

Особое место в приграничном сотрудничестве занимает миграция как важный фактор, влияющий на взаимодействие территорий в поясе границ и имеющий большое значение для обеспечения национальной безопасности. Миграционные связи области тоже в последнее время претерпевают существенные изменения, продолжая влиять на демографические и социально-экономические процессы. Поэтому миграционный фактор необходимо отнести к новым импульсам развития Воронежской области.

Центральное Черноземье в целом и Воронежская область в частности на протяжении 1990-х гг. были очень привлекательными территориями для притока русскоязычных мигрантов из бывших республик Советского Союза. Этот миграционный поток значительно поддержал демографическую ситуацию во всех регионах ЦЧР, ослабев в последние годы. В целом в период с 1989-го по 2005 г. в Воронежскую область через российско-украинскую границу для постоянного проживания прибыло более 160 тыс. человек. Большинство мигрантов ранее проживали в Казахстане, Украине, в странах Средней Азии и Балтии. В Воронежскую область до 2005 г. въехали почти 121 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев. Со стороны Украины область приняла почти 23 тыс. человек, что незначительно уступает числу иммигрантов, прибывших из Казахстана.

На протяжении последнего десятилетия XX в. вынужденные мигранты играли доминирующую роль в жизни региона. Самые высокие показатели миграционного прироста наблюдались в 1992 г. — 32 тыс. человек. С 1993 г. миграционный прирост сократился более чем в 4 раза и в 2001 г. составил 7,6 тыс. человек. Необходимо также отметить уменьшение общего миграционного оборота населения. Если в 1989 г. он составил 178,5 тыс. человек, в 1995 г. — 109 тыс. человек, то в 2000 г. — 70,8 тыс. человек. В 1993 г. в область прибыло 76,8 тыс. человек, в 2000 г. — уже только 39,2 тыс. человек, а выбыло соответственно — 46 тыс. и 31,6 тыс. человек. Уменьшение численности мигрантов уже не позволяет стабилизировать демографическую ситуацию в Воронежской области, при которой происходит неизбежное сокращение численности населения (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Сведения о мигрантах (беженцах и вынужденных переселенцах), прибывших на территорию Воронежской области из-за пределов РФ по состоянию на 30 марта 2005 г.⁴⁰⁸.

Страны	Количество беженцев и вынужденных переселенцев, чел.		
	Воронеж	Воронежская область	Всего
Эстония	1139	4439	5578
Латвия	5505	11 199	11 704
Литва	22 112	2298	5810
Белоруссия	8844	11 121	11 965
Украина	55 043	117 805	222 848
Молдова	8899	11 596	22 495
Грузия	11 230	44 800	66 030
Армения	6695	22 178	22 873
Азербайджан	11 062	44 264	55 326
Казахстан	44 842	22 0831	225 673
Узбекистан	22 392	115 745	118 137
Кыргызстан	5560	99 699	110 259
Туркменистан	6627	22 029	22 656
Таджикистан	11 174	111 047	112 221

За последние несколько лет изменился качественный состав миграционных потоков. Сегодня лидирующие позиции в числе мотивов

миграции стали занимать лично-семейные, учебные и трудовые причины. Несмотря на относительную социально-экономическую стабилизацию в Украине, она все равно продолжает поставлять трудовых мигрантов в Россию. Так, по официальным данным УФМС, в Воронежскую область за январь—июнь 2007 г. с трудовыми целями из Украины прибыло 575 человек, прошедших регистрацию в паспортных отделениях миграционной службы. На региональном рынке труда украинские трудовые мигранты сегодня занимают третье место после граждан Узбекистана (1667 человек) и Молдовы (606 человек)⁴⁰⁹. Но необходимо отметить, что доля украинских рабочих постепенно снижается: по данным миграционной службы, в 2002 г. основными поставщиками рабочей силы из стран СНГ были Украина (35,4% от общего числа трудовых мигрантов), Молдова (27,1%) и Узбекистан (12,3%)⁴¹⁰. Большая часть иностранной рабочей силы используется в сельском хозяйстве, что объясняется недостатком местных рабочих рук, низким уровнем заработной платы и сезонностью работ.

Регулируемая миграция объективно выгодна и области, и государству. Она стабилизирует численность населения, его социально-демографические и профессионально-квалификационные характеристики. Но миграция из Украины в Россию, и наоборот, не всегда легальна и контролируема. Это равным образом относится к незаконным мигрантам из Южной и Юго-Восточной Азии, направляющимся в страны Европейского союза, и к незаконным трудовым мигрантам из Молдавии.

Ежесуточно российско-украинскую границу пересекают около 50 тыс. человек и свыше 5 тыс. транспортных средств, что составляет третью часть всего грузо-пассажирского потока, следующего через границу Российской Федерации. Участок российско-украинской границы в пределах Воронежской области — не самый напряженный в сравнении, скажем, с Белгородско-Харьковским, Брянско-Сумским направлениями. Проведенный мониторинг новостей, опубликованных на официальном сайте Пограничной службы ФСБ России за период с января 2003-го по август 2007 г.⁴¹¹, наглядно подтверждает этот тезис: нет ни одного сообщения о каком-либо серьезном нарушении при пересечении границы на воронежском участке. И тем не менее здесь за январь—февраль 2007 г. через пункты пропуска проследовало около 30 тыс. человек и более 7200 единиц транспортных средств. На законных основаниях не пропущены через границу 29 граждан, выявлены 22 человека без документов и 7 граждан, которым закрыт въезд в Россию⁴¹².

Одной из главных сложностей при регулировании миграционных потоков является взаимодействие региональных пограничных и миграционных служб. Основная организационная сложность в пригранич-

ных районах заключается в том, что данные структуры находятся в разных ведомствах — ФСБ и МВД.

На территории Воронежской области имеются три пункта пропуска через государственную границу: «Новобелая», «Бугаевка» и «Воронеж-аэропорт». Пост иммиграционного контроля (ПИК) находится лишь в здании аэропорта, хотя основной поток иностранных мигрантов проходит через пограничные пункты пропуска «Новобелая» и «Бугаевка». УФМС России по Воронежской области неоднократно обращалось в администрацию Воронежской области с предложением по созданию ПИК в данных пограничных пунктах, но местный бюджет не готов нести финансовые затраты на подобные мероприятия (мотивировка: вся деятельность миграционных служб финансируется из федеральной казны). Поэтому из-за недостатка сил и средств существующая система иммиграционного контроля не всегда позволяет реально оценить и спрогнозировать иммиграционную обстановку в области, влияние миграции на социально-экономическую и внутривластическую стабильность региона.

По данным за первое полугодие 2007 г., в аэропорту г. Воронежа государственную границу пересекли более 4500 иностранных граждан, причем лидирующие позиции занимают граждане Армении (около 3 тыс. человек) и Германии (663 человека).

В целом в первой половине 2007 г. на миграционный учет было поставлено более 6000 тыс. граждан Узбекистана, почти 4500 — с Украины, третью позицию занимают граждане Молдовы (2141 человек). Эти данные подтверждают относительно высокий уровень миграционной мобильности, в том числе мобильности граждан Украины⁴¹³.

Но официальные данные не отражают реальной миграционной ситуации в Воронежской области. По мнению представителей миграционной службы, отсутствие ПИК в пунктах пропуска «Бугаевка», который считается одним из самых спокойных участков госграницы, и «Новобелая» не позволяет в полном объеме привлекать к административной ответственности иностранных граждан, нарушивших миграционный режим, а также препятствует проведению разъяснительной работы по заполнению миграционных карт⁴¹⁴ и осуществлению иммиграционного контроля иностранных граждан и лиц без гражданства, обратившихся в поисках убежища, следующих транзитом и прибывающих в Россию для занятий трудовой деятельностью в качестве иностранной рабочей силы⁴¹⁵.

Расширение масштабов проникновения на территорию Воронежской области иностранных граждан и лиц без гражданства оказывает существенное влияние на деятельность структур исполнительной власти,

затрагивает как региональные интересы, так и проблемы национальной безопасности РФ в целом. Многие иностранные граждане, прибывающие в потоках мигрантов для поиска убежища в России, пытаются вести незаконную коммерческую деятельность. Незаконная миграция способствует наполнению Воронежской области неквалифицированной, с криминальными тенденциями, рабочей силой. Это влияет на рынок труда и вносит дисбаланс в сложившиеся отношения. Нарастание численности иммигрантов создает проблемы и в области осуществления санитарного контроля.

С учетом изложенного анализ миграционной обстановки в регионе указывает на актуальность проблемы нелегальной миграции и требует принятия консолидированных мер органами государственной власти и управления. В этих целях создана и функционирует межведомственная группа по вопросам координации и взаимодействия правоохранительных органов в сфере предупреждения и пресечения незаконной миграции, в которую вошли представители прокуратуры, ФСБ, МВД, РПУ ФСБ, ГТК. В рамках данной структуры осуществляется всестороннее изучение и обсуждение наиболее острых проблем в регионе, вырабатываются оптимальные пути их решения, согласовывается проведение совместных операций и мероприятий.

При выявлении нелегальных мигрантов задержанные на время необходимой фильтрационной работы, как правило, размещаются в районных отделениях милиции в зависимости от того, на каком участке государственной границы произошел инцидент. Но механизм выдворения разработан плохо, что приводит к тому, что одни и те же нелегальные мигранты неоднократно попадают в руки миграционщиков и пограничников. Некоторые мигранты попадают до трех раз; среди них чаще всего пограничники задерживают индийцев (27%), китайцев (21%), афганцев (14,5%), бангладешцев (5%)⁴¹⁶.

С целью создания необходимых условий охраны государственной границы в 2006 г. были расширены пределы погранзоны. На территории области, прилегающей к российско-украинской государственной границе, они были законодательно установлены в Россошанском (территория сельского поселения Кривonosовское) и Кантемировском районах (территории сельских поселений Новобелянское, Бондаревское, Пасековское, Новомарковское, Журавское, городского поселения Кантемировское, сельских поселений Бугаевское, Зайцевское, Осиковское)⁴¹⁷.

В 1990-е гг. погранзоны были ликвидированы, что, по мнению некоторых пограничников, сделало границу легкодоступной для контра-

бандитов всех мастей и других нарушителей. Теперь решено вернуться к надежным и испытанным временем условиям несения пограничной службы. По замыслу, наличие погранзоны позволит своевременно ликвидировать на российско-украинской границе каналы перемещения диверсионных средств, оружия, наркотиков, выявлять контрабандистов и незаконных мигрантов⁴¹⁸.

С введением погранзон меняются условия охраны границы, включающие порядок въезда, временного пребывания, передвижения лиц и транспортных средств, а также хозяйственной, промысловой или иной деятельности, проведения массовых общественно-политических и культурных мероприятий. Но, по мнению ряда экспертов, данные нововведения только осложняют обстановку на государственной границе. Так, С. Артоболевский считает очевидным ряд негативных последствий расширения пограничных зон: «ухудшение инвестиционного климата и привлекательности указанных ареалов; сокращение всех видов приграничных связей; потери от сокращения туризма, обслуживания транзита, ухудшения имиджа страны в мире; отток из указанных зон населения и формирование кризисного пояса вдоль границы; увеличение опасности коррупции в ФСБ; станет неудобно жить большому числу российских граждан»⁴¹⁹. В том, что инициатива по расширению пограничных зон прежде всего невыгодна экономически, уверен и С. Переслегин, по словам которого расширение пограничной зоны и усложнение правил перемещения внутри нее приведут к вольному или невольному изъятию из хозяйственного оборота значительных территорий. Не оспаривая, что борьба с нелегальной миграцией нужна в принципе, он считает, что вести ее надо не на границе, а в тех внутренних областях, где востребована пришлая рабочая сила⁴²⁰.

Выводы

Подводя итоги, можно выделить несколько факторов, которые существенно влияют на миграцию через российско-украинскую границу, а следовательно, и на деятельность пограничных и миграционных служб. К ним можно отнести сохранение социально-экономической нестабильности в Украине, незавершенность в международно-правовом отношении оформления российско-украинского участка государственной границы Российской Федерации и ее необустроенность, несмотря на то что украинские пограничники оснащены значительно лучше российских. Также остается потенциальная угроза совершения диверсионно-террористических актов на государственной границе и пригра-

нической территории, нелегального проникновения через границу членов международных террористических и экстремистских организаций, участников незаконных вооруженных формирований. В числе серьезных проблем фигурируют также противоправная деятельность трансграничных преступных группировок и отдельных лиц с целью организации устойчивых каналов контрабанды материальных и людских ресурсов, сохранение масштабов незаконной миграции. В данном русле усиливается значение приграничных с Украиной регионов России, которые при относительной прозрачности российско-украинской границы играют роль своеобразных форпостов.

Относительно малую контактную роль воронежского участка границы можно объяснить его незначительной протяженностью, слабой организованностью и структурными различиями с приграничными украинскими территориями. В рассматриваемом контексте немаловажно и то, что на протяжении почти четверти века местные власти и представители пограничных служб региона выступали за укрепление границы и усиление ее правового режима.

Однако психология «границы на замке» не только не отвечает современным условиям, но и вредит как границе, так и тем, кто на ней живет. Важнейшим фактором эффективного приграничного сотрудничества должны стать люди, которые рассматривают приграничную территорию как пространство собственного стратегического развития. Поэтому местным властям необходимо способствовать формированию у населения приграничного менталитета.

Важно понимать, что возможности Воронежской области при сотрудничестве с Украиной весьма выигрышны не только из-за наличия ряда конкурентных преимуществ в экономической, политической, культурной и научно-образовательной сферах, но и в силу ее геополитического положения: через Воронежскую область идет кратчайший путь из Украины в Казахстан, так как регион граничит с Саратовской областью. Также наличие границы может содействовать стабилизации демографической и миграционной ситуации в регионе, решая как краткосрочные, так и долгосрочные задачи. Принимая во внимание, что в Белгородской и Курской областях начинают развиваться еврорегионы, данные области могут перетянуть на себя каналы влияния, поэтому при нерешенной миграционно-демографической проблеме неучастие в приграничном сотрудничестве может привести к дальнейшей стагнации Воронежской области.

§ 3. Миграция через границы РФ с Азербайджаном и Грузией

Границы с Азербайджаном и Грузией выделяются на фоне остальных рубежей РФ повышенной ландшафтной барьерностью, определяясь рельефными преградами: горными хребтами и реками. Разделителем для преобладающей части как российско-грузинской, так и российско-азербайджанской границы служит Главный Кавказский хребет, высота которого превышает 3500—4000 м. В восточной части горы постепенно понижаются, и по мере приближения к Каспийскому морю их высота уменьшается. На двух участках в роли разграничителей выступают реки. На отрезке российско-грузинской границы протяженностью 52 км вплоть до своего впадения в Черное море эту роль играет река Псоу. Река Самур выполняет ту же функцию на прилегающем к Каспию участке границы с Азербайджаном (длина — 36,5 км)⁴²¹. Как и во многих других случаях, данные о протяженности государственных границ РФ с Грузией и Азербайджаном довольно существенно расходятся. Длина границы с Азербайджаном оценивается, например, цифрами от 284 до 350 км, с Грузией — от 723 до 906 км⁴²².

С сопредельными территориями Закавказья Россию соединяют лишь две железные дороги, одна из которых проходит через Дагестан в Азербайджан, другая — через Краснодарский край и Абхазию. Число пересекающих кавказские границы РФ автодорог также невелико: 4 — на азербайджанском и 4 — на грузинском участке. Основная трансграничная активность сосредоточена именно вокруг этих дорог, проходящих по прибрежным зонам у Черного и Каспийского морей (соответственно на краснодарско-абхазском и дагестанско-азербайджанском участках), а также ущелья Центрального Кавказа (осетинский участок и район между населенными пунктами Верхний Ларс и Казбеги). Главный Кавказский хребет пересекает множество троп, которыми пользуются местные жители. Эти тропы в своем большинстве проходимы лишь в летнее время.

В приграничный пояс северокавказских регионов входят Дагестан, Чеченская республика, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия — Алания (РСО), Кабардино-Балкарская республика (КБР), Карачаево-Черкесская республика (КЧР) и Краснодарский край. Общая площадь приграничных регионов составляет более 180 тыс. км², численность населения — более 11,3 млн человек. Практически половина этой численности (5125 тыс. человек) приходится на Краснодарский край, еще пятую часть (2,6 млн) составляет население Дагестана, на третьем месте (по крайней мере, по фигурирующей в официальной статистике оценке) Чеченская республика (1104 тыс.). Наименее насе-

ленными приграничными северокавказскими регионами РФ являются Республика Ингушетия (467 тыс.) и КЧР (440 тыс.)⁴²³. Пространственно-демографические характеристики сопредельных государств являются в целом сопоставимыми. На территории площадью более 156 тыс. км² (из них 69,7 тыс. км² приходится на Грузию и 86,6 тыс. км² — на Азербайджан) проживают 13,7 млн человек (8,3 млн в Азербайджане и 4,4 млн — в Грузии)⁴²⁴.

На сопредельных территориях доля титульного населения заметно преобладает: в Азербайджане оно составляет 82,7%, в Грузии — 70%⁴²⁵. При этом наибольшая концентрация этнических меньшинств в обоих случаях имеет место в приграничных районах, а также столицах — Баку и Тбилиси. Русское население в обоих случаях не является даже второй по численности этнической группой, составляя лишь 1,8% населения Азербайджана и примерно 4% населения Грузии.

Большая часть приграничной зоны обладает высоким потенциалом **этнической конфликтности**. До сих пор фактически продолжаются боевые действия в Чечне, далеки от окончательного разрешения осетино-ингушский, грузино-абхазский и грузино-южноосетинский конфликты, непростая ситуация в сфере межэтнических отношений сохраняется в КЧР, КБР и Дагестане. Для закавказских же государств положение осложняется тем, что почти все актуальные и потенциальные конфликты в северном приграничье в той или иной мере имеют ирредентистский потенциал. Южная Осетия претендует на воссоединение с Северной в составе РФ, тогда как в общественном мнении Абхазии популярна идея не только присоединения к России, но и установления самых тесных связей с родственными народами абхазско-адыгейской семьи: черкесами, адыгейцами, кабардинцами. Серьезный, хотя и латентный ирредентистский потенциал сохраняется в населенной лезгинами зоне российско-азербайджанского приграничья.

Во многом поэтому, несмотря на ландшафтную барьерность, кавказская граница РФ является одним из самых проблемных участков с точки зрения национальной пограничной безопасности. Как через пункты пропуска, так и в обход их проходят мощные нелегальные трансграничные потоки: наркотики, оружие и взрывчатые вещества, контрабанда сырья, товаров народного потребления и продуктов питания, нелегальная миграция, деятельность вооруженных группировок, использующих территорию двух и более стран, и т.п. Широкое поле для деятельности криминала открывается в зонах трансграничных этнополитических конфликтов на Кавказе: не случайно в числе зон наибольшей криминальной активности находятся участки границ Краснодар-

ского края с Абхазией и Северной Осетии с Южной, так же как и зона латентной конфликтности, расположенная в населенных преимущественно лезгинами районах Дагестана и Азербайджана. Не способствуют снижению уровня преступности межгосударственные разногласия, особенно между Россией и Грузией, обвиняющих друг друга в попустительстве или даже поддержке транснациональной криминальной активности.

Регулирование трансграничной миграции является одной из главных задач пограничной политики на кавказском участке. Такая миграция имеет множество разновидностей, включая временную (сезонную, «челночную» и др.) и постоянную; вынужденную, трудовую и торговую, туристические и паломнические поездки и т.п.

В начале 1990-х гг., в связи с боевыми действиями в зонах грузино-абхазского и грузино-южноосетинского конфликтов, в Россию эмигрировали многие десятки тысяч **беженцев**, в первую очередь грузин и осетин. В связи с боевыми действиями в Чечне (1994–1996 гг. и 1999 г. — начало 2000-х гг.) тысячи жителей этой республики переселились в Грузию, часть из них впоследствии вернулась обратно. Во всех этих случаях перемещение через границу большого количества людей происходило практически бесконтрольно.

Ситуация начала меняться по мере установления на кавказских рубежах России пограничного и таможенного контроля. Первыми участками «новых границ», взятых под такой контроль, стали абхазская часть российско-грузинской границы и дагестанский отрезок российско-азербайджанской границы. На абхазском направлении Сочинский погранотряд и контрольно-пропускной пункт «Сочи», призванные заменить выставленные на этом направлении подразделения Батумского и Новороссийского погранотрядов (с сентября 1992 г.), а также милицейские кордоны, начали формироваться в декабре 1993 г. — январе 1994 г. (с 1993 г. на участке стал функционировать и таможенный пункт), а к полной реализации своих задач данный пункт приступил в декабре 1994 г. Помимо ОКПП «Сочи» на участке погранотряда были развернуты 6 застав и 3 пограничных поста.

Укрепление дагестанского участка границы на первых порах производилось за счет сил и средств, выводимых из Азербайджана. В 1993 г. был создан оперативно-войсковой отдел «Махачкала», в ноябре 1994 г. — Ахтынский пограничный отряд, а в августе 1995 г. — Хунзахский пограничный отряд⁴²⁶.

Резкое ужесточение пограничного режима, как правило, происходило в связи с различного рода конфликтными ситуациями: грузино-

абхазским и чеченским конфликтами, периодами ухудшения в российско-грузинских и российско-азербайджанских отношениях и т.п. Усиление контроля над участками, на которых осуществлялось оживленное трансграничное сообщение, серьезно отразилось на характере и интенсивности проходящих через эти участки миграционных потоков. В наибольшей степени это почувствовали на себе жители Абхазии, ибо в результате присоединения России к режиму санкций против непризнанной республики и принятия дополнительных мер безопасности после начала боевых действий пересечение границы с РФ в декабре 1994-го, а затем в июле 1995 г. было разрешено фактически лишь женщинам, детям и старикам. Такие ограничения, отмененные только в 1998 г., привели к нетипичному для абхазского общества усилению социальной роли женщин, взявших на себя «челночную» **торговлю** фруктами, а впоследствии — урегулирование конфликтов с пограничниками и таможенниками⁴²⁷.

В тот же период резко выросло и число попыток нелегального пересечения границы: если за 1994 г. сочинские пограничники задержали чуть более 150 нарушителей, то в 1995 г. их число возросло до 800, а в 1996–1997 гг. составило около 700 человек (причем в своем большинстве мужчин трудоспособного возраста)⁴²⁸, а в 1998 г. — 420 человек⁴²⁹. Один из случаев, произошедших в июле 1996 г., закончился тем, что пограничники застрелили 23-летнего нарушителя, пытавшегося перейти вброд через реку Псоу⁴³⁰. После имевшей место в 1999 г. отмены «гендерно-возрастных ограничений» количество задерживавшихся нарушителей резко снизилось и в 2003 г. составило лишь 70 человек⁴³¹.

Миграция абхазского населения является по большей части временной; она связана в первую очередь с трансграничной торговлей (в основном цитрусовыми), которая является для значительной части населения главным источником существования. По данным ФПС, в начале 2000-х ежедневно из Абхазии в Краснодарский край и обратно проходили 5 тыс. человек, а в сезон сбора цитрусовых (ноябрь—январь) их количество увеличивалось до 12 тыс. человек, перевозящих 400–450 т фруктов⁴³². На вырученные деньги торговцы покупают в России продукты питания (например, муку и сахар), которые продаются уже в Абхазии. Помимо легальной, такая трансграничная торговля имеет и «теневую» сторону: часть товара утаивается от контроля или пропускается за взятки; кроме того, в Россию ввозятся и запрещенные товары, например, марихуана.

Достаточно интенсивная торговая миграция идет и на других участках кавказских границ России: в первую очередь в осетино-грузинском

и дагестано-азербайджанском секторах. Для значительной части населения по обе стороны этих границ торговля с сопредельной стороной (нередко контрабандная) является одним из немногих источников дохода. Масштабы такой торговли серьезно различаются: если через российско-азербайджанскую границу провозятся как мелкие, так и крупные партии самых различных товаров, причем довольно активны так называемые челноки (закупающие на азербайджанских вещевых рынках товары из стран Ближнего Востока), то на осетинском участке российско-грузинской границы масштабы такой активности гораздо скромнее: речь идет в первую очередь о сезонной торговле фруктами, а также продуктами питания.

Как минимум не менее мощным миграционным потоком, чем трансграничная торговля, является **трудовая миграция**. По оценке Федеральной пограничной службы, в 1999–2001 гг. Россию в среднем ежегодно посещали якобы 2 млн граждан стран Закавказья. Однако, как справедливо отметила Г. Витковская (о чем уже упоминалось в первом параграфе настоящей главы), в данном случае речь шла лишь о числе поездок, в то время как многие мигранты могли пересекать границу по несколько раз⁴³³. После того как в декабре 2000 г. Россия ввела в отношении граждан Грузии визовый режим, поток трудовых мигрантов из этой страны резко сократился⁴³⁴. В этих условиях азербайджанско-дагестанское направление такой миграции стало явно более приоритетным на фоне остальных направлений, ведущих в РФ из закавказских республик. Азербайджанские гастарбайтеры, стремящиеся в первую очередь в лежащие за пределами Северного Кавказа регионы России, въезжают в нее преимущественно наземными видами транспорта: поездами и автобусами. Оценки численности таких мигрантов серьезно различаются, хотя не всегда противоречат друг другу. Так, по данным президента Азербайджана И. Алиева, число одновременно находящихся за пределами его страны граждан составляет значительно менее 450 тыс. человек⁴³⁵ (следовательно, Россию посещает лишь некоторая часть от этого числа), а по информации заместителя директора Федеральной миграционной службы В. Поставнина за год РФ посещают 900 тыс. человек⁴³⁶ из этой страны. Следует оговориться, что последняя цифра могла основываться на данных о числе пересечений границы с РФ азербайджанскими гражданами при том, что некоторые из них могли въезжать в Россию и выезжать из нее по несколько раз.

Социально-экономические трудности, политические разногласия, конкуренция со стороны других перспективных направлений (в частности, Турции) создают препятствия для развития **трансграничного ту-**

ризма в те места отдыха и по тем маршрутам, которые пользовались популярностью в советский период. Исключением можно считать возродившийся в конце 1990-х спрос среди российских отдыхающих на отдых в Абхазии, инфраструктура курортного сектора которого в советский период включала примерно 12 тыс. гостиничных мест⁴³⁷. Развивается бизнес (в том числе и теневой), связанный с сопровождением туристов через границу, размещением, организацией экскурсий; отдыхающие становятся все более важным источником дохода для части населения.

В противоположную сторону (т.е. в направлении Закавказья) направлен поток **религиозных паломников**, а именно российских (в первую очередь дагестанских) мусульман в Мекку. Ежегодная численность этой категории трансграничных мигрантов оценивается в 10–12 тыс. человек⁴³⁸.

Помимо легальных миграционных потоков через кавказские границы РФ проходят потоки **нелегальные**. Цели тех, кто пересекает эти рубежи с нарушением закона, также серьезно различаются, включая поддержание контактов с родственниками, улучшение своего благосостояния и социального положения в стране назначения, контрабанду, совершение преступлений локального значения (например, угон скота или грабеж туристов), а также, в наиболее опасных случаях, участие в деятельности вооруженных экстремистских группировок. Незаконный переход границы осуществляется как одиночками, так и организованными группами, деятельности которых будет уделено основное внимание в рамках настоящей работы. Кроме того, отмечаются случаи трансграничного трафика людей с целью их трудовой эксплуатации.

Следует особо отметить, что «кавказское направление» традиционно находится на одном из первых мест по числу фиксируемых нарушений государственной границы. Если в 2004 г. в зоне ответственности Северо-Кавказского регионального управления⁴³⁹ было задержано 1150 нарушителей⁴⁴⁰, то за первый квартал 2005 г. — 600⁴⁴¹, весьма существенная часть данных нарушений приходится именно на российско-азербайджанский и российско-грузинский участки ответственности управления.

Значительную часть «нелегалов» составляют не занимающиеся криминальной деятельностью жители приграничных территорий, которые вынуждены нарушать закон из-за неоправданной жесткости пограничного режима, который делает затруднительными систематические легальные пересечения границы. Хорошо ориентируясь на местности, такие люди пытаются использовать уязвимые места пограничного контроля; в некоторых случаях — чужие документы.

Определенной проблемой являются нарушения кавказских границ РФ гражданами стран, не входящих в СНГ. Из этой категории чаще задерживаются выходцы из стран Ближнего и Среднего Востока, частью которых движут экономические мотивы, а частью — стремление присоединиться к чеченским боевикам. Наибольшее число попыток нелегального пересечения предпринимается на дагестанско-азербайджанском участке, однако на участках осетинском и абхазском подобные попытки также имеют место. В числе нелегальных мигрантов, задержанных сочинскими пограничниками в период с 1993-го по 1998 г., оказалось, например, 4 гражданина Турции⁴⁴². Попытки нелегального перехода (в том числе и организованного) фиксировались и на осетино-грузинском участке⁴⁴³. По некоторым данным, в зонах российско-грузинской и российско-азербайджанской границ на содействие переправке нелегальных мигрантов «специализируется» часть местного населения. Так, по утверждению отдельных источников, такой деятельностью к началу 2000-х гг. занималась якобы преобладающая доля взрослого мужского населения в районе, примыкающем к пропускному пункту «Яраг-Казмаляр»⁴⁴⁴. К подобным оценкам, как правило, основанным лишь на интуитивных впечатлениях, следует относиться с большой осторожностью.

Наиболее опасной для РФ разновидностью нелегальной миграции является нелегальное проникновение на российскую территорию с целью участия в деятельности незаконных вооруженных формирований. Экстремистами активно используется возможность уходить на сопредельную территорию, укрываясь от возмездия и в нужное время возвращаясь обратно. Факторы высокогорья и недостаточность ресурсов сил пограничной охраны РФ, Азербайджана и Грузии все еще оставляют незаконным формирования возможности перемещаться по приграничной зоне, выбирая направление для удара. По-прежнему не исключена и опасность проникновения на сопредельные территории России мелких групп, подготовленных для совершения террористических и других вооруженных акций. Следует, однако, оговориться, что террористическая угроза для РФ имеет в первую очередь внутреннее измерение, поэтому объявлять ее главной причиной незащищенности кавказских границ РФ было бы не совсем корректно.

В контексте чеченского конфликта наибольшую стратегическую важность имеют собственно чеченский и ингушский участки границ с Грузией, дагестанский — с Азербайджаном. По мнению представителей российских силовых структур, именно эти участки служат каналами для проникновения наемников и поставок оружия, а на сопредельных при-

граничных территориях (Панкисское ущелье в Грузии, район Закаталы в Азербайджане и т.д.) находились или по-прежнему находятся лагеря для подготовки наемников, в том числе из арабских стран, Афганистана, Пакистана и других государств «дальнего зарубежья»⁴⁴⁵. Повышенное внимание российских и грузинских силовых структур к чеченскому участку заставляет сепаратистов активнее использовать другие каналы. На первый взгляд, частое упоминание в данном контексте всего лишь 15-километрового ингушского отрезка кажется странным, однако возможность легко добраться в граничащий с республикой район Грузии по Военно-грузинской дороге и перспектива легализации (включая получение документов) после смешения с многочисленными чеченскими вынужденными переселенцами⁴⁴⁶ делают этот маршрут довольно привлекательным для боевиков. Произошедший в сентябре 2004 г. теракт в Беслане заставил российские власти уделить данному району повышенное внимание. Еще большую значимость до начала 2000-х гг. имел путь через Азербайджан и Дагестан, различные варианты которого проходят как через существующие контрольно-пропускные пункты, так и в обход их.

В начале 2000-х взаимодействие России с Азербайджаном и Грузией по поводу пресечения трансграничной активности вооруженных экстремистов существенно активизировалось. В конце 2000 г., оказавшись перед угрозой введения Россией визового режима в отношении граждан своей страны, азербайджанские власти предприняли ряд мер по пресечению деятельности на своей территории подпольных структур чеченских сепаратистов, ужесточению контроля на границе с РФ. Аналогичные, хотя и в меньшей степени удовлетворившие Россию меры, предприняла грузинская сторона.

Во многом именно с угрозой трансграничных перемещений незаконных вооруженных формирований связаны предпринятые РФ начиная с 2004 г. меры по укреплению кавказских границ, с которых началось обустройство новых рубежей РФ. В отличие от других участков, где ставка делалась на охрану границы полицейскими методами, на Кавказе приоритет был отдан войсковой составляющей⁴⁴⁷. До конца 2006 г. здесь планировалось построить здания для 7 погранотрядов, 72 погранзаставы, учебный центр, а также создать соответствующую инфраструктуру (кабельные и воздушные линии связи, дороги, мосты, сооружения для визуального и технического наблюдения, вертолетные площадки, узлы связи)⁴⁴⁸.

Ужесточение пограничной политики сопредельных государств наряду с изменением международной ситуации после сентября 2001 г.

(объединение усилий международного сообщества по разрушению инфраструктуры исламского экстремизма) и в особенности предпринятые Российской Федерацией в 2004—2006 гг. меры по укреплению кавказских границ серьезно затруднили снабжение сепаратистов. Тем не менее холодный климат российско-грузинских отношений и слабость ресурсов закавказских государств для пресечения нелегальной трансграничной активности боевиков вряд ли позволяют в ближайшее время рассчитывать на перекрытие каналов их связи с внешним миром через сопредельные с Россией территории.

Таким образом, перед силовыми структурами, контролирующими кавказские границы РФ, стоят весьма непростые проблемы по регулированию трансграничной миграции, включая пресечение попыток незаконного проникновения на российскую территорию и выявление нежелательных элементов в числе въезжающих в Россию. Однако весьма серьезные проблемы нередко стоят и перед самими мигрантами, сталкивающимися с жесткостью пограничного режима и неудобством системы пропуска через границу. Такая жесткость затрудняет развитие трансграничной торговли, сотрудничество между сопредельными регионами и сообщение между родственниками по обе стороны границы, а также побуждает мигрантов решать возникающие проблемы путем коррупционных связей или делает их беззащитными перед вымогательством. Во многих приграничных районах социально-экономическая ситуация остается нелегкой, и в условиях малочисленности источников легального дохода жесткая система пограничного контроля подталкивает часть населения к занятию нелегальными трансграничными операциями, в том числе и связанными с незаконным переходом границы. При этом зарплаты пограничников и таможенников долгое время оставались достаточно скромными: например, в 2004 г. средняя зарплата пограничника-контрактника на участке Сочинского погранотряда составляла 5 тыс. руб.⁴⁴⁹.

Из числа тех проблем, которые создает для мигрантов через кавказские границы режим последних, наиболее серьезными представляются **низкая пропускная способность контрольных пунктов, а также коррупция и вымогательство**. Эти проблемы порой взаимосвязаны: известны случаи, когда стоявшим во многочасовых очередях на границе людям посредники предлагали заплатить деньги за ускорение прохождения пограничного или таможенного контроля⁴⁵⁰. При этом пропускная способность пунктов такого контроля еще в начале 2000-х гг. не отвечала потребностям трансграничного сообщения. Например, в 2003 г. после реконструкции пункт пропуска «Яраг-Казмаляр» на российско-

азербайджанской границе был рассчитан на 500 машин и 1000 пассажиров в сутки⁴⁵¹, тогда как в 2006 г. границу на этом участке пересекало более 2000 человек⁴⁵², причем нет оснований полагать, что за эти три года объективная потребность в трансграничном сообщении резко увеличилась. Серьезные задержки периодически возникают и на других участках границы. В некоторых случаях наземное сообщение между Россией и сопредельными государствами ограничивалось из-за чрезвычайных инцидентов⁴⁵³ или политической конъюнктуры⁴⁵⁴.

Что касается коррупции и вымогательства, то эти проблемы остаются высоколатентными: лишь небольшую часть фактов такого рода удастся выявить. Опрошенные исследовательским коллективом международного проекта «Трансграничная преступная активность через границы РФ с Азербайджаном, Грузией и Казахстаном: социальные и политические последствия» утверждали, что как на осетинском, так и на абхазском участках границ использование коррупционных связей с сотрудниками пограничной, таможенной и других служб затруднено многочисленностью контролирующих границу структур (от 7 до 10), каждая из которых располагает к тому же собственной службой безопасности⁴⁵⁵. Однако проведенный представителями авторского коллектива того же проекта блиц-опрос на абхазском участке российско-грузинской границы среди людей, ведущих мелкооптовую трансграничную торговлю через пешеходный пункт пропуска, показал, что большинство респондентов принципиально убеждены в возможности «договориться» с контролирующими структурами либо знают конкретную «таксу» льготного пропуска сверхлимитного товара⁴⁵⁶.

Еще большее число информационных сообщений, в которых некоторые представители пограничной и таможенной служб обеих сопредельных стран обвиняются в вымогательстве, посвящено ситуации на российско-азербайджанской границе. По утверждению некоторых из авторов упомянутых сообщений и пересекавших границу людей, в пограничной зоне действует отлаженная система вымогательства, построенная так, что поймать кого-либо за руку очень трудно⁴⁵⁷. Речь идет о внеочередном пропуске транспортных средств, основная часть которых простаивает до 5–6 часов перед контрольно-пропускным пунктом, о взимании поборов за перевозимые грузы (в основном продукты и товары широкого потребления) и даже личные вещи пассажиров⁴⁵⁸, придираках к личным документам (опять-таки с целью последующего вымогательства)⁴⁵⁹, использовании других надуманных предлогов с тем, чтобы максимально затруднить прохождение контроля и спровоцировать отчаявшихся людей на предложение взятки⁴⁶⁰. По утверждению местных

жителей, действуют неформальные «таксы» за пронос сумки и тюков с товарами⁴⁶¹, проезд автотранспортных средств и даже переход границы без документов⁴⁶². В некоторых случаях, по словам пострадавших, дать взятку предлагали им посредники в гражданской одежде⁴⁶³. Положение коммерсантов, ведущих трансграничную торговлю (особенно скоропортящейся продукцией, что делает их более легкой мишенью вымогателей), усугубляется многочисленными проверками (практически каждая из которых сопровождается поборами) со стороны представителей дагестанских и азербайджанских органов автоинспекции.

Как Россией, так и ее соседями — Грузией и Азербайджаном — принимаются определенные меры по цивилизованному регулированию трансграничной миграции и борьбе со случаями произвола со стороны контролирующих границу структур. Ставка делается на увеличение зарплаты пограничникам и таможенникам, повышение пропускной способности контрольных пунктов, диалог со структурами гражданского общества. Однако существующие проблемы пока далеки от разрешения.

Выводы

Таким образом, перед государственными структурами, осуществляющими контроль над границами РФ с Азербайджаном и Грузией, стоит нелегкая задача соблюдения оптимального баланса между необходимостью осуществлять жесткий контроль с целью пресечения трансграничных преступных операций (особенно деятельности боевиков и террористов) и соблюдать права пересекающих границу людей, включая граждан России и сопредельных государств. В первом случае российским властям удалось добиться определенного успеха, хотя уровень сотрудничества с сопредельными государствами (особенно Грузией) в сфере безопасности остается слабым. Во втором же случае достижения пока скромны и трансграничные путешественники по-прежнему недостаточно защищены против нарушения своих прав и административного произвола, включая вымогательство. Решение остающихся проблем должно включать оснащение границы, и особенно контрольно-пропускных пунктов, по последнему слову техники, повышение зарплат сотрудникам контролирующей границы структур при усилении контроля над ними, развитие сотрудничества с сопредельными государствами в сферах как безопасности, так и организации трансграничного сообщения и, наконец, подключение к решению рассматриваемых проблем неправительственных правозащитных организаций, занимающихся вопросами миграции между Россией и закавказскими государствами.

§ 4. Миграция через российско-казахстанскую границу

Граница между Россией и Казахстаном является самым длинным в мире сплошным сухопутным рубежом⁴⁶⁴, к которому добавляется участок на Каспийском море. Согласно оценке Федеральной пограничной службы РФ, протяженность российско-казахстанской границы составляет более 7500 км⁴⁶⁵, однако следует учесть, что эта цифра, по всей видимости, включает участок на Каспийском море длиной во многие сотни километров. Через российско-казахстанскую границу проходят важные трансрегиональные пути из Центральной Азии в РФ и далее — в страны ЕС, соединяя регионы, сильно различающиеся по своим экономическим потенциалам. Из-за своей длины и интенсивности проходящих через нее легальных и нелегальных потоков (зачастую стимулируемых упомянутой разницей потенциалов) данная граница является самым длинным в мире «проблемным» рубежом, по своей протяженности примерно в два раза превосходящим длину американо-мексиканской границы или всех «проблемных» рубежей Евросоюза, вместе взятых.

Основная часть границы расположена в степной и полупустынной зонах с малым количеством естественных препятствий. В целом благоприятные для такого сообщения ландшафтные условия делают ее достаточно контактной в плане возможности транспортного сообщения. Линию разграничения между Россией и Казахстаном пересекают 16 железнодорожных магистралей, большое количество автодорог. Из последних 6 являются автомагистралями, участками международных автомобильных дорог СНГ. Кроме того, через границу проходят 36 дорог с твердым покрытием, 33 — без покрытия, остальные — грунтовые, которые в плохих погодных условиях становятся труднопроходимыми⁴⁶⁶. Число таких дорог с трудом поддается учету и к тому же постоянно изменяется. На границе расположено более 50 автомобильных и 15 железнодорожных пунктов пограничного контроля, все они являются двусторонними⁴⁶⁷.

К российско-казахстанской границе примыкают 12 регионов РФ: Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Самарская, Оренбургская, Челябинская, Курганская, Омская, Тюменская и Новосибирская области, а также Алтайский край и Республика Алтай. С Россией граничат 7 из 14 областей Казахстана, а именно области Атырауская, Западно-Казахстанская (административный центр — Уральск), Актюбинская, Кустанайская, Северо-Казахстанская (Петропавловск), Павлодарская и Восточно-Казахстанская (Усть-Каменогорск). Непосредственно к границе прилегают входящие в состав упомянутых регионов 66 административных районов с российской и 38 — с казахстанской стороны.

В граничащих с Казахстаном российских регионах проживает более 25 млн человек, из которых около 1,8 млн — в непосредственно прилегающих к границе административных районах⁴⁶⁸. Население северных и западных приграничных регионов Казахстана составляет 5,8 млн человек, из них более 1,6 млн — в непосредственно граничащих с РФ административных районах⁴⁶⁹. Таким образом, демографический потенциал приграничных районов вполне сопоставим, хотя соответствующий потенциал приграничных регионов почти в пять раз различается в пользу России. Наиболее заселены приграничные территории на севере, наименее — на западе (Заволжье) и востоке (Алтайские горы) пограничья.

Этнический состав прилегающих к границе регионов и районов разнообразен. Во всех регионах российской части приграничья заметно преобладают русские, казахи же составляют заметный процент населения лишь в Астраханской (14,2%) и Оренбургской (5,8%) областях. В то же время в приграничных районах Астраханской, Волгоградской, Саратовской и Оренбургской областей доля казахов составляет более 30%. В трех из семи регионов казахстанской части приграничья (Атырауской, Западно-Казахстанской и Актюбинской областях) заметно преобладают казахи, в трех (Кустанайской, Северо-Казахстанской и Павлодарской областях) — русские, в одной (Восточно-Казахстанской области) соотношение примерно равно⁴⁷⁰. Таким образом, доля казахов по обе стороны границы особенно велика в северной и западной, а русских — в центральной и восточной частях пограничья.

В контексте пограничной безопасности российско-казахстанская граница является одним из самых проблемных для России участков. При огромной протяженности она выполняет роль разделителя между Россией и центральноазиатским регионом. Через нее проходят мощные нелегальные потоки наркотиков, других видов контрабанды, незаконных мигрантов и т.п. Перед Россией и Казахстаном стоит весьма непростая задача обеспечения пограничной безопасности на огромном пространстве — ведь ошибки в определении приоритетов пограничной политики в данном случае могут обернуться весьма существенными финансовыми и другими потерями. Важным условием является поддержание нормального сообщения между обширными приграничными регионами, по общей площади эквивалентными $\frac{4}{5}$ Евросоюза и с населением, почти равным числу жителей Канады.

Регулирование трансграничной миграции представляет собою одну из самых серьезных проблем российско-казахстанской границы. По нашим подсчетам (проведенным ввиду недоступности официальных данных), число ежегодных пересечений последней составляет 10—

15 млн⁴⁷¹. Основную часть этого потока составляют жители приграничных территорий (въезжающих в сопредельное государство с целью посещения родственников, совершения покупок, торговли и т.д.), транзитные пассажиры (в первую очередь поездов), трудовые мигранты, трансграничные предприниматели и их представители. Вероятно, от 10 до 20% от трансграничного миграционного потока составляют ищущие в России работу граждане стран Центральной Азии, не считая Казахстан: согласно квалифицированным экспертным оценкам, число трудовых мигрантов из Таджикистана и Узбекистана составляет по 600–700 тыс. человек⁴⁷², а из Киргизии — 300–350 тыс. человек⁴⁷³.

Следует особо отметить, что явное большинство трансграничных путешественников (в том числе и центральноазиатских мигрантов) на стадии пересечения границы не нарушает российского законодательства: более 99,5% не совершает тяжких уголовных преступлений, а значительно больше, чем 90%, — административных правонарушений⁴⁷⁴. Количество фиксируемых нарушений российско-казахстанской границы также относительно невелико. За все 7 лет деятельности Юго-Восточного регионального управления Федеральной пограничной службы (с 1998-го по 2004 г.) их число достигло почти 2300⁴⁷⁵. В 2002 г. на территории Астраханской области, находящейся в зоне ответственности Северо-Кавказского регионального управления, было задержано более 370 нарушителей⁴⁷⁶. Их значительную, если не преобладающую, долю составили жители приграничных территорий, которые нарушали закон из-за чрезмерной жесткости пограничного режима, нежелания пересекать границу через малочисленные пункты пропуска, в некоторых случаях удаленные от приграничных населенных пунктов на расстояние до 100 км. Такие пересечения границы, как правило, совершаются местными жителями с целью решения краткосрочных задач с последующим возвращением на свою территорию и потому не могут рассматриваться в качестве серьезной угрозы пограничной безопасности.

Если рассматривать проблему других нелегальных пересечений границы, гораздо более серьезной ее частью для РФ является незаконная трансграничная миграция через РК из стран, не входящих в СНГ. По оценке Федеральной пограничной службы, до 90% таких мигрантов, большинство которых стремится в конечном счете достичь стран ЕС, попадают в РФ именно этим путем⁴⁷⁷. В 1997–1999 гг. пограничниками было выявлено около 2 тыс. нелегалов из не входящих в СНГ государств, из которых 1,5 тыс. оказались гражданами Афганистана⁴⁷⁸. За 2001 г. в зоне ответственности ЮВРУ пограничники задержали 111 нелегальных мигрантов, в основном из Шри-Ланки, Китая и Афганистана⁴⁷⁹. В боль-

шинстве случаев задержанных нарушителей ждало относительно небольшое наказание: штраф в размере пяти минимальных размеров оплаты труда и выдворение на территорию Казахстана.

В постсоветский период сложились трансграничные преступные группировки, которые за определенную мзду помогают гражданам Афганистана, Пакистана, Шри-Ланки и других стран переправляться в Россию и далее — в страны ЕС. Такого рода нелегальный бизнес в некоторых случаях носит хорошо организованный характер, принося доходы, сопоставимые даже с прибылью от наркобизнеса и торговли оружием⁴⁸⁰. По утверждениям некоторых источников, последнее обстоятельство привело к переходу некоторых наркодельцов в сферу переправки нелегалов, что позволяет получать почти те же доходы при меньшем риске наказания за незаконную деятельность. Часть наблюдателей полагает, что маршруты движения незаконных мигрантов совпадают с маршрутами контрабанды оружия, боеприпасов и наркотических средств, — это свидетельствует о тесной координации деятельности криминальных группировок⁴⁸¹. Далеко не всегда организаторы нелегального трафика мигрантов выполняют свои обязательства перед «клиентами», которые во многих случаях вводятся в заблуждение и бросаются на полпути⁴⁸². Нелегальные мигранты и их пособники используют самые разные незаконные способы пересечения границы и преодоления контроля: подделку документов, пеший переход границы, укрытия в поездах и грузовом автотранспорте и даже попытки выдать себя за лиц, статус которых вызывает мало подозрений (например, переодевание в проводников), и т.п.

Само по себе количество нелегально пересекающих российско-казахстанскую границу мигрантов из азиатских стран «дальнего зарубежья» относительно невелико и, следовательно, не создает острой проблемы для национальной безопасности. Но в связи со вступлением в силу соглашения с ЕС о реадмиссии Россия может понести серьезные финансовые потери из-за транзитных мигрантов из азиатских и африканских стран, часть которых попадает в РФ нелегально. И все же такие потери заметно меньше прямых расходов (оцениваемых во многие миллиарды долларов) и косвенного ущерба, которые стране пришлось бы понести в случае создания жесткой системы охраны границ с Казахстаном.

Таким образом, количественные показатели нарушений мигрантами режима российско-казахстанской границы относительно невелики; следовательно, создание жесткого барьера на данной границе вряд ли можно считать адекватным и эффективным ответом на те вызовы, которые несет с собой зарубежная миграция. Однако в восприятии про-

блемы на уровне элит, средств массовой информации и значительной части общественного мнения проблема трансграничной миграции часто имеет выраженный алармистский оттенок — именно как нечто, связанное со слабой охраняемостью российско-казахстанской границы и непременно требующее ее «огораживания» в ответ. Ситуация порой изображается как «демографическая экспансия чужаков», которые, пользуясь прозрачностью границы, бесконтрольно въезжают в РФ и заселяют российские территории, вытесняют «коренное население» и отнимают у него рабочие места, вносят решающий вклад в ухудшение криминогенной и санитарно-эпидемиологической обстановки, в своем большинстве являются наркоторговцами и потенциальными экстремистами. Соответственно решением проблемы видится укрепление границы и введение визового режима со странами Центральной Азии⁴⁸³. При этом игнорируется то обстоятельство, что 4 из 5 стран Центральной Азии имеют с Россией безвизовый режим. Следовательно, тем гражданам упомянутых стран, которые имеют требующиеся для въезда документы, как правило, нет никаких причин рисковать, пытаясь пересечь границу незаконно. Те нарушения, которые некоторая часть таких мигрантов допускает впоследствии, являются вопросами поддержания внутреннего правопорядка, а не пограничной безопасности.

Одной из проблем, традиционно тесно увязываемых с миграцией через российско-казахстанскую границу, является **наркотрафик**. Речь идет о доставке в РФ (и частично далее — в страны ЕС) наркотиков, производимых в постсоветской Центральной Азии (марихуана, гашиш и т.п.) и особенно в соседнем Афганистане (героин). Эта проблема уже рассматривалась подробно в первом параграфе настоящей главы.

Системными проблемами, связанными с миграцией через российско-казахстанскую границу, вряд ли можно считать **угрозу проникновения в РФ террористов и ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки**. В то же время обе эти проблемы в некоторых обстоятельствах могут потребовать принятия экстренных мер временного характера.

Что касается потенциальных террористов, можно отметить, что их доля в трансграничном потоке ничтожна. Кроме того, следует учитывать, что основные источники террористической опасности находятся в самой России, а не вовне ее, а также то, что перекрытие лишь какой-либо одной границы вряд ли станет серьезным препятствием для проникновения в РФ замышляющих теракт лиц. В то же время следует учитывать, что проникновение в страну даже небольшой горстки террористов в «статистически безопасном» трансграничном потоке может привести к непоправимым последствиям. Известно, что в период обо-

стрения чеченского конфликта маршрут через страны Центральной Азии и казахстанско-российскую границу являлся, помимо азербайджанского и грузинского «каналов», распространенным путем проникновения боевиков в Чечню. По данным Юго-Восточного регионального управления Федеральной пограничной службы, в 2000 г. пограничниками совместно с органами ФСБ и МВД в ходе фильтрации было выявлено 300 человек, которые намеревались присоединиться к чеченским сепаратистам⁴⁸⁴. Периодически появляется информация о возможности перехода через российско-казахстанскую границу террористов-смертников, прошедших предварительную подготовку на зарубежных базах⁴⁸⁵.

В целом, несмотря на то что возможность проникновения экстремистов в потоках зарубежных мигрантов часто упоминается в ряду главных вопросов безопасности российско-казахстанской границы, вряд ли пока есть достаточные основания считать его таковым. К сожалению, нередки случаи публикаций, выходящих за рамки элементарной корректности, которые рассматривают в живущих в приграничных районах чеченцах или нелегальных мигрантах-мусульманах потенциальных экстремистов. Эти категории в таких случаях почти открыто объявляются «нежелательными». Показательное «логическое обоснование» идеи необходимости предотвращения миграции лиц афганского происхождения дал один из журналистов. «В последнее время, пользуясь документами, сфальсифицированными на территории Пакистана, в Новосибирск активно проникают афганцы, чтобы отсюда отправиться в Москву, — пишется в статье. — Учитывая нынешнюю обстановку на Кавказе и сведения о более чем дружеских отношениях между афганскими моджахедами и чеченскими террористами (значит, основная часть афганских мигрантов — моджахеда, проделавшие столь длительный и замысловатый путь из-за дружеских чувств к чеченским террористам?! — *Авт.*), эти незваные гости нам здесь не нужны. На Карасукском контрольно-пропускном пункте каждый день бывает примерно 20 непропусков из-за того, что документы желающих въехать в Россию оказываются либо явно поддельными, либо вызывают у пограничников подозрение (судя по контексту, подавляющая часть этих ежедневных инцидентов на локальном участке вызвана именно афганцами?! — *Авт.*)». К сожалению, данная публикация является далеко не единственным в своем роде примером того, как ярлык «потенциального террориста» наклеивается на представителей определенных этнических групп (чаще всего чеченцев, представителей некоторых народов Центральной Азии, а также афганцев), и на этом явно некорректном основании делается вывод о целесообразности ужесточения пограничного режима, по край-

ней мере для представителей соответствующих этносов или граждан некоторых государств.

Вопрос об усилении карантинного контроля для мигрантов из Центральной Азии и других стран периодически возникает в связи с ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки в соответствующих государствах. В частности, карантинный режим въезда на российскую территорию существенно усиливался весной 2003 г. в связи со вспыхнувшей в Восточной Азии эпидемией атипичной пневмонии; однако во многом благодаря предпринятым казахстанской стороной мерам (в частности, закрытию границы с Китаем) случаев въезда в РФ заболевших из РК зафиксировано не было⁴⁸⁶. Как уже отмечалось в первом параграфе настоящей главы, такие меры носят временный характер, и пока санитарно-эпидемиологическая ситуация вряд ли может рассматриваться в качестве веского основания для ужесточения пограничного режима в отношении мигрантов из определенных государств и регионов.

При рассмотрении проблем безопасности, которые действительно или потенциально создают пересекающие границу мигранты, как правило, в тени остаются те проблемы, которые испытывают на границе сами представители этой категории. Пересекая границу, они по указанным выше причинам зачастую рассматриваются как подозрительные лица, а также оказываются в бесправном положении ввиду недостаточной правовой информированности и порой расплывчатости норм действующего законодательства. В лучшем случае эти проблемы выражаются для мигрантов в многочасовых задержках на границе и прохождении тщательного, порой унижительного досмотра, в худшем — в вымогательстве или запрете пересекать границу из-за нарушения тех или иных правил.

Согласно сообщениям СМИ и проведенным автором интервью, с вымогательством по обе стороны границы сталкиваются путешественники, допускающие те или иные мелкие нарушения правил пересечения границы (либо провоза через нее продуктов питания или товаров), а также трансграничные предприниматели и их агенты. Так, автору со слов очевидца известен произошедший в 2000-х гг. случай, когда везший скоропортящуюся продукцию водитель из Узбекистана был вынужден месяц безуспешно дожидаться своей очереди на таможенном контроле и в итоге, уничтожив в знак протеста автомобиль и товар, возвратиться обратно. Данный пример, по всей видимости, является лишь одним из достаточно многочисленных случаев в своем роде.

Пытаясь въехать на территорию РФ, мигранты не всегда оказываются информированными об изменениях в требованиях по пересечению границы. Неожиданный запрет на въезд в РФ означает для таких

людей потерю немалой суммы на дорожные расходы и, что еще хуже, крушение надежд на заработок, который потенциально должен был бы стать главным источником средств к существованию на обозримую перспективу. При этом ни российские власти, ни власти центрально-азиатских стран, по крайней мере до недавнего времени, не прилагали надлежащих усилий для того, чтобы проинформировать мигрантов об изменениях правил или ужесточении правоприменительной практики. Известны случаи, когда отказ российских пограничников пропустить гастарбайтеров на территорию РФ из Казахстана влек за собой довольно серьезные конфликты. Так, в апреле 2002 г. 280 трудовых мигрантов (включая стариков и женщин) из Таджикистана, которым запретили въезд в РФ на омском участке из-за отсутствия требовавшихся документов, в знак протеста устроили митинг, на 10 часов перекрыв Транссибирскую магистраль⁴⁸⁷.

Выводы

Таким образом, российско-казахстанская граница является одним из основных направлений, через которое трудовые мигранты, в первую очередь граждане Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, попадают в Россию. Главные проблемы, которые испытывают такие мигранты на границе, заключаются в незнании частью въезжающих формальных требований, в последствиях отношения к ним как «подозрительному контингенту» (потенциально представляющему «демографическую опасность», замешанному в наркоторговле и терроризме) и вытекающей из предыдущего правовой незащищенности (в результате которой мигрант практически не может рассчитывать выиграть конфликт у представителей государственной службы, а также почти беззащитен перед вымогательством). Для контролирующих границу правоохранительных органов в свою очередь немалую проблему представляет мощность миграционных потоков из перечисленных стран Средней Азии: в полутора- или двухмиллионном потоке нелегко выявить тысячи или десятки тысяч опасных нелегальных трансграничных операций, включая трафик героина и тем более деятельность небольших групп экстремистов.

Эффективный менеджмент проблем миграции через российско-казахстанскую границу должен, помимо прочего, включать в себя информационный, организационный и технический аспекты. Речь идет, в частности, о четком и максимально полном информировании мигрантов о правилах въезда в РФ и правах в типичных конфликтных ситуациях, которые могут возникнуть в процессе прохождения пограничного и та-

моженного контроля. С другой стороны, техническое оснащение пунктов многостороннего пропуска должно быть адекватно тем вызовам, которые создают мощные трансграничные потоки из «проблемного» региона. Внедрение самых современных технических средств на контрольных пунктах при сохранении или увеличении пропускной способности позволило бы в какой-то мере уменьшить остроту проблем, возникающих при пересечении мигрантами российско-казахстанской границы, а также снизить уровень алармизма в массовом восприятии центрально-азиатской миграции и степени защищенности данной границы.

§ 5. Миграция через российско-китайскую границу (на примере Приморского края)

Государственная граница, по сути, является одним из важных звеньев миграционной политики государства. В России на федеральном уровне к настоящему времени сформирована правовая база регулирования миграции, охватывающая многочисленные стороны решения этой сложной проблемы. Кроме того, миграционная нормативно-правовая база регионального уровня представлена нормативными и правовыми актами большинства субъектов Российской Федерации.

Социальной проблемой для России становится увеличение притока в страну мигрантов с другой культурой, низким уровнем квалификации и образования. В начале 1990-х гг. китайские иммигранты наводнили дальневосточные города, вызвав шок своим поведением у местных жителей. Более того, малообразованные мигранты снижают сложившийся культурный уровень региона и даже провоцируют беспорядки, порождая нестабильность.

На базе плохо работающей правовой системы оформления трудовых мигрантов формируются и растут мафиозные сети в области найма, которые с каждым годом вовлекают в преступную деятельность чиновников и огромные массы трудовых мигрантов, тем самым пополняя нелегальную миграцию.

В процессе обеспечения национальной безопасности России имеет значение позиция, которую занимает государство по проблеме нелегальной миграции. Это явление стало активно обсуждаться в 1990-х гг., когда экономический кризис и открытие границ вызвали возникновение различных диаспор и землячеств, которые в конечном счете привели к обострению этнических проблем. С мигрантами стали связывать рост преступности, распространение некоторых заболеваний. Мигранты

начали восприниматься как угроза безопасности общества, что самым негативным образом отразилось на иммиграционной политике властей, которая стала приобретать карательно-ограничительный характер.

В то же время обеспечение безопасности российских границ требует ко всему прочему создания вдоль пограничной линии прилегающей зоны, в которой развиваются взаимовыгодные торгово-экономические связи. В данном параграфе анализируются миграционные процессы в Приморском крае и влияние российско-китайской границы на них.

Исторические факторы

Формирование границы между Россией и Китаем на Дальнем Востоке происходило на протяжении почти трех веков под влиянием сложных внутривосточных и международных процессов⁴⁸⁸. Присоединение дальневосточных земель растянулось на многие десятилетия, и только к концу XVII в. произошло институциональное оформление отношений Российской империи и Цинского Китая. В 1689 г. был подписан Нерчинский договор, который определил границы и развитие российско-китайских отношений практически на два столетия.

В середине XIX в. с приходом Великобритании, Германии и США в Восточную Азию Россия и Китай приступили к подготовке нового договора. К этому времени экономические, политические и военные позиции России на Дальнем Востоке значительно укрепились, а Китай был вынужден под влиянием внешних и внутренних факторов отступить под натиском западных держав. В 1858 г. был подписан Айгуньский договор, по которому левый берег реки Амур стал владением Российского государства, а правый — владением «дайцинского государства». Спустя две недели в Тяньцзине был подписан трактат об общих принципах взаимоотношений между Россией и Китаем, в котором признавалась необходимость уточнения «неопределенных частей границ»⁴⁸⁹.

В 1860 г. в Пекине был подписан дополнительный договор между Россией и Китаем, в котором подтверждались положения Айгуньского договора и признавалось, что Уссурийский край, который находился в совместном владении, стал частью территории России. В тексте Пекинского договора были определены восточный и западный участки российско-китайской границы и намечены контуры границы в Центральной Азии.

После подписания Айгуньского и Пекинского договоров началось интенсивное освоение русскими Приамурья и Приморья. В частности, были обследованы участки побережья для строительства незамерзающего морского порта, и летом 1860 г. в бухте Золотой Рог был заложен

Владивосток. В 1862 г. были подписаны «Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем», которые определили взаимовыгодное развитие обеих стран в последующие годы. Таким образом, изменившийся характер равновесия в двусторонних отношениях был зафиксирован официально.

Колонизация дальневосточных земель происходила в процессе миграции подданных Российской империи и иностранцев. На российском Дальнем Востоке (РДВ) иммиграционные процессы развивались в соответствии с законодательными нормами и с учетом региональных особенностей.

В 1861 г. были приняты «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях», которые давали практически равные возможности на приобретение земли, ведение торговли и занятия ремеслом. При этом иностранцы должны были соблюдать общероссийские нормы въезда и пребывания в России, которые предполагали наличие паспорта, регистрации и получение вида на жительство. Соблюдение принятых правил в Амурской и Приморской областях осложнялось невозможностью осуществления постоянного контроля из-за нехватки квалифицированных служащих, а отдаленность территории от административных центров замедляла процедуры подготовки и получения необходимых документов.

Процесс освоения края происходил при активном участии зарубежных компаний и иностранной рабочей силы. Противоречия политических целей и экономических потребностей государства на Дальнем Востоке отражались на отношении властей к иммиграции и деятельности иностранных граждан.

В условиях нехватки рабочих рук для хозяйственного освоения дальневосточных земель российское правительство не только мирилось с присутствием китайцев и корейцев, но и поощряло их приток в Приморье.

Ограничения на проживание и хозяйственную деятельность китайских и корейских иммигрантов вели к уменьшению массы экономически активного населения в регионе и негативно отражались на темпах развития региона. Миграционные потоки из Китая и Кореи заставляли местные власти проводить политику минимизации негативных последствий и поиска оптимальных решений на протяжении ста с лишним лет.

В начале 1880-х гг. российское правительство активизировало свою роль в поощрении миграции на Дальний Восток. В 1882 г. был принят Закон «О казеннокоштом переселении в Южно-Уссурийский край». «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» были продлены на следующие десять лет. При этом оговаривались значительные льготы для российских подданных.

Хозяйственное освоение территории и укрепление там военных позиций требовали создания морских и сухопутных коммуникаций между дальневосточными и европейскими районами Российской империи. В 1880 г. для перевозки грузов было создано пароходное общество «Добровольный флот». Из Одессы во Владивосток направлялись переселенцы. Строительство Транссибирской магистрали также оказало важную роль в развитии региона.

Важным этапом колонизации территории стало образование в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства, в состав которого вошли Забайкальская, Амурская, Приморская области и Владивостокское военное губернаторство. Первый генерал-губернатор А.Н. Корф приложил немало сил для укрепления государственного контроля в регионе. В ноябре 1886 г. на основании его отчета о состоянии дел было утверждено положение Комитета министров «О воспрещении прибывающим в Россию корейцам и другим из китайских и корейских пределов выходцам селиться на пограничных с Китаем и Кореею местностях»⁴⁹⁰. Подобные действия противоречили задачам эффективного освоения дальневосточных земель, но предполагали уменьшить масштабы нелегальной миграции.

Мозаику национального состава можно представить на основании выборочных данных из таблицы «Динамики изменения численности населения в Приморской области (1884 до 1914 г.)», составленной Е. И. Нестеровой на основании ежегодных «Обзоров Приморской области»⁴⁹¹.

Таблица 3.5

Численность населения в Приморской области (1884–1913 гг.)

Годы	Русские	Туземцы	Корейцы	Китайцы	Японцы	Европейцы	Всего
1884	35 000	11 700	6800	8000	—	—	61 500
1900	171 176	21 803	46 383	31 448	2282	697	273 789
1906	230 720	34 286	34 406	47 390	2953	5660	355 415
1913	449 393	14 149	57 440	52 239	3569	1224	578 014

После поражения России в Русско-японской войне отношение к миграции из азиатских стран в очередной раз приобрело негативный характер. Доклад С. Д. Меркулова «Желтая опасность. Русское дело на Дальнем Востоке» спровоцировал дискуссии по поводу слабости позиций России и необходимости ограничения численности китайцев и корейцев. По мнению Е. И. Нестеровой, в силу «отставания темпов народной колонизации от роста потребностей имперского строитель-

ства...» наблюдалось «...явное доминирование идейно-ментальных установок»⁴⁹².

Несмотря на ограничения, которые налагались на использование труда китайцев и корейцев, не имевших российского подданства, удельный вес китайских и корейских рабочих в Приморской области в 1911 г. на казенных предприятиях составлял 41,8%, а на частных — 48,7%⁴⁹³.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. условия проживания иностранцев на территории Приморья были благоприятными. Положение последних определялось действием общероссийского законодательства, в соответствии с которым они имели право на проживание и работу при сохранении иностранного подданства.

Россия и Китай никогда не находились в состоянии формально объявленной войны, и, несмотря на возникавшие кризисные ситуации, странам удавалось решать и восстанавливать стабильное равновесие посредством дипломатических переговоров. В немалой степени такому исходу способствовало наличие определенного пространства, в котором официальная граница могла изменяться под воздействием колебаний объективных и субъективных факторов. При этом государственные интересы России и Китая в отдельные периоды истории не совпадали, а иногда даже вступали в конфликт⁴⁹⁴. Но сформировавшаяся модель гибкого равновесия позволяла сохранять стабильность.

После образования КНР в 1949 г. отношения между странами развивались на принципах Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНР. Для проведения процесса делимитации и демаркации границы между странами велись пограничные переговоры, которые к концу 1960-х были прерваны в условиях ухудшения советско-китайских отношений.

На протяжении нескольких лет на страницах советских и китайских газет велась полемика на тему территориальных проблем. В марте 1969 г. дело дошло до военных столкновений на советско-китайской границе в районе о. Даманский на реке Уссури. В сентябре 1969 г. была подписана договоренность о сохранении прежнего положения на границе, а в 1992 г. граница была проведена по фарватеру реки Уссури, и остров отошел к китайской стороне⁴⁹⁵.

Советско-китайская граница представляла собой укрепленную линию, вдоль которой размещались вооруженные силы. Жителям приграничной зоны государство выплачивало дополнительные к зарплате деньги за риск, а для проезда сюда и пребывания здесь требовалось оформление специальных документов. Контакты между гражданами двух государств практически отсутствовали.

Смена политического курса в КНР в 1980-е гг. позитивно отразилась на реалистичности ее политики в пограничных вопросах. В течение нескольких лет были предприняты шаги по сближению на всех уровнях. В 1983 г. Хэйлунцзянская провинциальная торговая компания и Всесоюзная дальневосточная торговая компания (Дальинторг) возобновили поставки товаров. Торговля велась через пограничные города Суйфэньхэ и Пограничный. В 1986 г. был подписан советско-китайский протокол о возобновлении доставки грузов по пограничным рекам, который положил начало восстановлению приграничной торговли. В 1988 г. было подписано «Советско-китайское соглашение об устройстве и развитии торгово-экономических отношений между провинциями, автономными районами и городами КНР, республиками, краями, областями, соответствующими предприятиями и организациями СССР». Этот документ регулировал различные виды взаимодействия в сфере торговли, привлечения финансов и трудовых ресурсов. Власти Приморского края активизировали сотрудничество с провинцией Хэйлунцзян. Многие виды технико-экономического сотрудничества осуществлялись в форме бартерной торговли. В конечном счете дешевые потребительские товары и продовольствие из КНР позволили пережить жителям Приморского края разрыв экономических связей с европейской частью страны.

Весной 1989 г. было подписано совместное коммюнике, в котором стороны заявили о готовности решать все спорные вопросы путем мирных переговоров и не прибегать к силе или угрозе применения силы в отношении друг друга.

После подписания и ратификации «Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее восточной части от 16 мая 1991 года» началось движение к укреплению доверия между нашими странами.

Современная ситуация

Российско-китайские пограничные соглашения 1991 и 1994 гг. определили прохождение границы между двумя странами в основном в соответствии с Пекинским договором 1860 г. В ходе выполнения соглашений был проведен раздел пограничных рек — Уссури, Амура и Аргуни — и островов, которые прежде находились под российским контролем.

Демаркация российско-китайской границы, которая началась в апреле 1993 г., постепенно приобрела политический оттенок благодаря борьбе главы администрации Приморского края Е. И. Наздратенко с

федеральными властями. Борьба сопровождалась заверениями о невозможности передачи «приморской земли» Китаю и обращениями краевой думы к правительству «О недопустимости нарушения территориальной целостности Российской Федерации в Приморском крае в ходе демаркации российско-китайской границы» в феврале 1995 г. Однако несмотря на активную публичную кампанию, к ноябрю 1997 г. демаркация границы на местности была завершена. В ходе встречи глав государств в ноябре 1997 г., состоявшейся в Пекине, было объявлено о выполнении Соглашения от 16 мая 1991 г.

В 1990-е гг. происходили процессы формирования нового режима российско-китайской границы. Взаимодействие вдоль границы регулировалось соглашением «О режиме российско-китайской государственной границы», которое вступило в силу в 1995 г. В 1997 г. было подписано «Соглашение о сокращении вооруженных сил в 100-километровых зонах по обе стороны границы». Для борьбы с нарушителями границы, которые в основном были гражданами КНР, налаживалось сотрудничество служащих Федеральной пограничной службы с китайскими коллегами из Министерства обороны, общественной безопасности и государственной безопасности. При этом значительное число нарушений границы было связано с браконьерством, но в результате совместных мероприятий удалось решить эту проблему. Вместе с тем в приморских газетах летом и осенью публикуется информация о задержаниях китайских сборщиков объектов флоры и фауны в приграничных территориях.

В ходе регулярных визитов российских и китайских государственных лиц подписывались разнообразные протоколы и соглашения, в том числе «О безвизовых групповых туристских поездках» (1992), «О пунктах пропуска на российско-китайской границе» (1994), «О сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах» (1994), «О режиме российско-китайской государственной границы» (1995). В результате выполнения этих соглашений российско-китайские отношения в приграничных территориях оживились. На улицах приморских городов появились многочисленные группы китайцев, и российские граждане отправлялись в Суйфэньхэ, Муданцзян и Харбин за дешевыми товарами.

В первой половине 1990-х гг. объемы приграничной торговли значительно выросли. Но уже в 1994 г. начался спад в связи с тем, что экономическая ситуация изменилась, исчезли условия, сложившиеся в период восстановления торговых связей, когда из-за различий в экономике двух стран имел место разрыв в товарных ценах.

В ноябре 1997 г. в Пекине было подписано «Соглашение о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъек-

тов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики». В феврале 1999 г. были оформлены соответствующие договоренности между 10 парами регионов, в том числе между Приморским краем и провинцией Цзилинь. Был создан Координационный совет по приграничному сотрудничеству, в состав которого вошли заместители глав администраций шести регионов, граничащих с КНР.

Программным документом, который определяет развитие отношений в XXI в., стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанный летом 2001 г. «Договаривающиеся Стороны... преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы...» — декларировалось в одной из статей⁴⁹⁶.

Таким образом, к настоящему времени сложилась прочная правовая база добрососедских отношений и партнерства между двумя странами. Подписание пограничного соглашения между РФ и КНР, а также договоренности по островам на Амуре и Аргуни (октябрь 2004 г.) способствовали окончательному решению пограничной проблемы на официальном уровне. Дискуссии по вопросам истории формирования российско-китайской границы вышли за рамки межгосударственных отношений.

Хотя пограничные соглашения вызвали волну журналистских публикаций, проведение слушаний в Государственной думе, но в целом количество публикаций по этой теме сократилось. Однако у части политической и академической элиты, жителей приграничных территорий сохранились радикальные взгляды и оценки, касающиеся этой сложной темы.

Общие подходы к оценке глобальных процессов отразились в подписанной в 2005 г. лидерами обеих стран — президентом РФ Владимиром Путиным и председателем КНР Ху Цзиньтао Совместной декларации РФ и КНР о международном порядке в XXI в.

Экономические достижения КНР в последние десятилетия привлекают внимание мирового сообщества. После вступления КНР в ВТО в 2001 г. и осуществления концепции выхода отечественных производителей за национальные границы в стране повысилась роль рыночных форм и методов хозяйствования. Место России на мировом рынке определяется в первую очередь экспортом газа, нефти и нефтепродуктов, конкурентными видами являются также лес, черные и некоторые цветные металлы, химические удобрения и морепродукты.

С одной стороны, позитивная динамика развития китайской экономики открывает перспективу всестороннего социально-экономиче-

ского подъема Сибири и российского Дальнего Востока. При этом следует учитывать вероятное воздействие китайского фактора на закрепление топливно-сырьевой специализации России. С другой стороны, кризис развития китайской экономики может предполагать уменьшение российского экспорта в КНР, превращение «угрозы неконтролируемой китайской миграции» из мифа в реальность в случае возникновения серьезной социальной нестабильности в приграничных районах КНР.

На современном этапе существует стабильная основа для наращивания масштабов и диверсификации различных форм российско-китайского сотрудничества и взаимодействия в рамках интеграционных процессов в Восточной и Центральной Азии. После окончательного пограничного размежевания у России с Китаем не осталось территориальных претензий. Обе страны объединяет общность в отстаивании своей территориальной целостности и безопасности от покушений со стороны сепаратистов, раскольников и экстремистов.

Вместе с тем возрастающая ориентация экономических связей КНР на американский, европейский и азиатский рынки ограничивает возможности российско-китайского сотрудничества в борьбе за улучшение условий международной торговли. Конфликт интересов возможен в случае включения России в зону свободной торговли с участием Китая, что может привести к свободному перемещению товаров и рабочей силы из КНР в РФ. Очевидно, что российский рынок не будет в состоянии противостоять этому наплыву. Огромная численность китайского населения оказывает значительное влияние на соседние с КНР страны.

В последние годы отношения России и КНР развиваются на основе партнерства и сотрудничества, о чем свидетельствуют многочисленные заявления на государственном уровне⁴⁹⁷. Визит В. Путина в марте 2006 г. был частью регулярных контактов между руководителями обеих стран, которые имеют место также в форме встреч в кулуарах многосторонних форумов.

Ежегодно проводятся заседания межправительственной комиссии под руководством премьеров. Китай для России — не только значимый собеседник в международных делах, но и важный партнер в целом ряде областей. Роль этих отношений на протяжении последнего десятилетия непрерывно возрастала.

Китай последовательно стремится обеспечивать свои экономические интересы, но если Россия будет исходить из необходимости защиты своих интересов и требовать уважения своей независимости и самостоятельности, то сотрудничество будет взаимовыгодным. Численное превосходство китайского населения вдоль границ с Россией и увели-

чение масштабов китайской иммиграции в Россию не могут рассматриваться только как угроза.

Программы сотрудничества в области науки, культуры и образования, которые продолжают успешно развиваться до настоящего времени, способствуют созданию положительного образа соседей. Количество студентов, которые изучают китайский язык в Приморье, растет год от года. Многие выпускники приморских вузов работают в Китае. Проведение Года России в Китае в 2006 г. и Года Китая в России в 2007 г. может служить положительным примером такого рода. Однако круг участников этих программ расширяется слишком медленно. Жители Приморья с трудом преодолевают стереотипы, появившиеся за годы ухудшения советско-китайских отношений. Культурные различия мешают адекватному восприятию друг друга. Комплекс превосходства поддерживается общением жителей российского Дальнего Востока с неквалифицированными рабочими и торговцами из Китая в повседневной жизни.

Правила пребывания китайских граждан на российской территории определяются прежде всего российскими властями. Возможность организованного использования китайской рабочей силы на базе временных контрактов зависит от взаимодействия российских и китайских органов власти в выполнении такого рода законов и правил.

Интеграция мигрантов представляет собой сложный и многоуровневый процесс, который происходит под влиянием как принимающего государства, так и самих мигрантов. За прошедшие годы выяснилось, что большая часть китайских мигрантов не стремится к получению российского гражданства. Китайские рабочие и торговцы предпочитают сохранять собственный образ жизни в пределах своих поселений, будь то отдельный дом или группа строений.

Начиная с 1990-х гг. ослабление пограничного контроля привело к наплыву китайцев из северо-восточных провинций КНР во все южные регионы Дальнего Востока. В основном это были трудовые мигранты, занятые в торговле, прежде всего в «челночном» бизнесе, и строительстве. В последние годы растет занятость китайцев в сельском хозяйстве, они занимаются выращиванием бахчевых, овощей и картофеля в пригородных хозяйствах. Как более неприхотливые и усердные работники, они постепенно вытесняют местных рабочих.

Особое место принадлежит проблеме нелегальной миграции. Миграционные службы относят к такого рода мигрантам в основном иностранных граждан, которые не имеют регистрации по месту пребывания и жительства, нарушили сроки пребывания и виды деятельности. Па-

радокс состоит в том, что ни одно из российских ведомств не может установить точного числа китайских граждан, проживающих в нашей стране нелегально. Массовое перемещение китайцев в Приморье в начале 1990-х гг. в условиях «открытой границы» оставило впечатление экспансии. Соглашение о безвизовом обмене туристическими группами 1992 г. способствовало тому, что примерно половина приехавших оставалась на больший срок и занималась совсем не туристическим осмотром достопримечательностей. В Приморском крае в 1990-е гг. периодически устраивались показательные рейды, операции «Иностранец», которые использовались в политических целях краевыми властями. Кроме того, у карательных органов имелся источник для взимания штрафов или получения коррупционных доходов.

В последние годы численность китайцев, прибывавших в Приморье по туристическим визам, стабилизировалась. Нелегальная же миграция среди китайцев, имевших контракты на работу, была ликвидирована в результате ужесточения контроля за выполнением соответствующих правил со стороны миграционной службы.

В июне 2007 г. с целью профилактики нарушений миграционного законодательства, предотвращения экономических потерь государства от незаконной миграции на территории Приморского края сотрудниками управлений внутренних дел и Федеральной миграционной службы России по Приморскому краю были проведены четыре этапа оперативно-профилактической специальной операции «Незаконный мигрант». В ходе мероприятий были проверены 686 работодателей, использующих труд иностранных работников. Сотрудники правоохранительных органов посетили полторы тысячи мест компактного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства. В результате участники операции выявили более двух тысяч нарушителей российского законодательства. Большинство из них оказались нарушителями режима пребывания в России, 115 были выдворены из страны. Сумма наложенных административных штрафов составила более двух миллионов рублей⁴⁹⁸.

Спрос на дешевую рабочую силу рождает предложение, и вряд ли только правовые и административные барьеры смогут остановить этот процесс. Длительное как легальное, так и нелегальное пребывание большей части китайцев в Приморье носит экономический характер.

На рынке труда китайские мигранты играют ту же роль, что и мигранты из стран СНГ в регионах Центральной России. На бытовом уровне у жителей Приморья постепенно сформировалось негативное отношение к китайцам. В молодежной среде оно проявляется в конфликтах и стычках.

Расхождения в оценках численности трудовых мигрантов из Китая велики, и подход к решению проблемы во многом зависит от конъюнктурных соображений. В частности, с 15 января 2007 г. вступил в силу закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», который был призван упростить порядок регистрации и сделать ее уведомительной. Однако до тех пор, пока сохраняются условия, при которых для предпринимателей выгоднее нарушить закон, нелегальная миграция будет сохраняться.

Политика увеличения квот на использование иностранной рабочей силы обосновывается соображениями экономической целесообразности. За 2005–2006 гг. разрешения на работу в Приморье получили более 34 тыс. иностранцев. Большая часть иностранцев, в основном китайских граждан, занята в сельском хозяйстве.

В 2006 г. в ходе прокурорской проверки соблюдения правил выявлено несоблюдение соглашения между правительством России и правительством Китайской Народной Республики о временной трудовой деятельности россиян в Китае и китайских граждан в России от 3 ноября 2000 г., в соответствии с которым работник обязан покинуть принимающее государство по истечении срока действия разрешения. Кроме того, установлено, что выдача многократной рабочей визы при продлении срока пребывания иностранного гражданина на второй год осуществляется без законных оснований. По результатам проверки прокуратурой края внесено представление начальнику управления Федеральной миграционной службы по Приморскому краю об устранении нарушений законодательства⁴⁹⁹.

В условиях миграционного оттока и естественной убыли в Приморье возрастает дефицит рабочих рук. Однако в связи с этим возникает вопрос о пользе и последствиях привлечения дешевой рабочей силы из Китая. Тема временной миграции граждан КНР может рассматриваться в зависимости от целого ряда факторов. В последнее время шумиха в СМИ по поводу «заселения китайцами российского Дальнего Востока» спала, так как не получила убедительного статистического подтверждения. Предстоящие выборы в Государственную думу могут возродить этот сюжет для привлечения некоторыми политическими силами избирателей в свои ряды.

Массовая китайская миграция на Дальний Восток ограничивается южными районами, что можно объяснить географическими условиями. Например, на Чукотку сборные строительные конструкции импортируются из Канады, а их строительство ведется турецкими рабочими⁵⁰⁰. По данным Всероссийской переписи 2002 г., на Чукотке зафиксирова-

но 2 гражданина Турецкой республики и ни одного из КНР. Исторические факты также подтверждают эту тенденцию. Например, в 1914 г. в Приморской области проживало 38 779 китайцев, в Амурской — 32 787, в Камчатской — 191, в Сахалинской области — 472 человека⁵⁰¹.

Таблица 3.6

**Численность китайцев в субъектах Дальневосточного
федерального округа в 2002 г.⁵⁰²**

Регион	Население, чел.	Численность, чел.		Владение китайцами русским языком, чел.
		китайцев	граждан КНР	
Приморский край	2 071 210	3840	3476	912*
Хабаровский край	1 436 570	3815	3148	2298
Республика Саха	949 280	891	839	325
Амурская область	902 844	851	679	436
Сахалинская область	546 695	131	131	25
Камчатская область	358 801	29	6	29
Магаданская область	182 726	18	10	16
Еврейская автономная область	190 915	102	78	81
Корякский АО	2	2	0	
Чукотский АО	0	0	0	

* Здесь возникает вопрос о большой разнице в количестве китайцев, владеющих русским языком, между Приморьем и Хабаровским краем. Знание русского языка может быть показателем длительности пребывания в России, высокого уровня образования или разных критериев оценки владения языком.

Сравнительно большая численность китайцев в Приморье и Хабаровском крае является следствием относительно высокой численности населения и уровня экономического развития этих регионов.

Политика России как принимающего государства исходит из понимания важности китайского фактора для экономического развития Дальнего Востока. «Китайский» вариант интеграции региона со странами Восточной Азии вполне возможен исходя из того, что экономические потенциалы северо-восточных районов КНР и российского Дальнего Востока дополняют друг друга. Это обстоятельство может способствовать поддержанию традиционных отраслей специализации и созданию новых перспективных производств добывающей промышлен-

ленности, машиностроения, сельского хозяйства; а наличие в северо-восточных районах Китая дешевой рабочей силы могло бы способствовать подъему сельскохозяйственного производства и строительства. В перспективе произошло бы формирование единого экономического пространства Дальнего Востока и северо-восточных районов Китая. В результате в течение нескольких десятилетий в регионе может сформироваться экономическая система, органически включенная в международное разделение труда и базирующаяся на относительно свободном распределении экономических ресурсов между РФ и КНР.

Для политики китайского правительства в отношении российского Дальнего Востока и Приморья, в частности, на протяжении 1990-х гг. была характерна скорее пассивная позиция. Объем приграничной торговли колебался в пределах 10–15% общего объема российско-китайской торговли. Опыт участия в международном проекте по развитию свободной экономической зоны «Туманган» оказался поучительным. Только необходимость решения пограничной проблемы и проведения демаркации поддерживала интерес к отношениям на региональном уровне.

Для активного стимулирования экономического роста в регионе правительству необходимо сделать этот регион привлекательным как для проживания, так и для вложения инвестиций. Целенаправленная миграционная политика позволит найти оптимальное сочетание привлечения сюда трудовых ресурсов из-за рубежа и российских регионов.

В последнее время широко обсуждаются два варианта: «не пускать» или же «пускать». Если «пускать», то для того, чтобы стимулировать развитие экономики и предотвратить поглощение Китаем российского Дальнего Востока в некоем отдаленном будущем. Такой подход находит все большую поддержку среди федеральных и региональных элит в условиях осуществления проектов по ускорению развития региона. Например, предложение провести в 2012 г. саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества во Владивостоке и суммы планируемых инвестиций вызвали энтузиазм на национальном уровне, а сопротивление отдельных групп затухает по мере срастания экономических интересов представителей центральных и местных предпринимателей.

Такая ситуация принципиально не изменилась и с началом работы приграничного торгово-экономического комплекса Пограничное—Суйфэньхэ. Китайские компании вложили деньги в строительство и готовы начать производство. Но возникла проблема получения разрешения на работу для китайцев. Миграционная служба заявления при-

нимает, а разрешения на работу не выдаются. С закрытием Федеральной службы занятости в 2007 г. сбором заявок от организаций на привлечение иностранной рабочей силы занимается Отдел межведомственной координации и контроля над миграционными процессами управления по координации правоохранительной деятельности краевой администрации.

Серьезные трудности для приграничного взаимодействия создала инициированная российскими властями в конце 2006 г. политика, направленная на вытеснение иностранцев с розничных рынков. Как отметил редактор единственного на Дальнем Востоке российско-китайского коммерческого вестника «Восточный мост» Сюэ Хуэйлинь, «первоначальной реакцией китайских предпринимателей, которые торгуют на рынках, был шок» и среди китайских бизнесменов были такие, которые «сразу все распродали за копейки и ушли отсюда». Но период паники уже закончился, и большинство крупных предпринимателей перешли на работу в большие торговые центры. Всего, по словам Хуэйлиня, после вступления в силу нового законодательства с рынков ушло более половины всех китайских торговцев, а остались крупные предприниматели. Перед оставшимися в России китайцами теперь стоят две цели: наладить торговлю при существующих условиях и дожидаться возможного смягчения законодательства⁵⁰³.

Оценивая величину китайской диаспоры в Приморском крае и на Дальнем Востоке, Сюэ Хуэйлинь сказал: «Никто не представит точные цифры. Допустим, полпред Камиль Исаков назвал цифру в 350 тысяч. Нет такого количества на Дальнем Востоке. Ну а в Приморье, может, и наберется 40. Это не так уж много». По его словам, основная часть мигрантов — жители сел и городов Китая, где нет работы. «Они приезжают сюда. Зарабатывают. Деньги возят обратно в Китай, т.е. властям в каком-то смысле не надо заботиться о том, как им помогать». «Как раз по этому поводу я всегда говорю китайцам, что они должны быть благодарны России за ее терпимое отношение», — сказал Сюэ Хуэйлинь⁵⁰⁴.

Риски «китаизации» российские власти предлагают снизить за счет грамотной и контролируемой политики трудовой миграции и предотвращения нелегальной иммиграции. Полпред Президента в Дальневосточном округе Камиль Исаков в декабре 2006 г. при обсуждении ситуации на РДВ в Совете безопасности заявил, что китайские рабочие находятся под жестким контролем властей, но что без иностранцев регион не может существовать, так как россияне продолжают уезжать в более благополучные регионы России, и потому и в дальнейшем придется привле-

кать иностранную рабочую силу, в частности жителей Китая. По словам и.о. начальника паспортно-визовой службы Приморья Б. Бугаева, в 2006 г. в торговой сфере легально работали 3526 торговцев-иностранцев. Заявки на привлечение иностранцев подавали 100 организаций. В торговой сфере Приморья работают в основном вьетнамцы и китайцы⁵⁰⁵.

Постановление правительства РФ «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории РФ» относится к числу карательных мер. Согласно этому постановлению количество иностранцев на рынках не должно превышать 40% в срок до 1 апреля 2007 г., а после этого должно сократиться до нуля. По мнению В. Никонова, члена Общественной палаты, президента фонда «Политика», который на пути из КНР побывал во Владивостоке, «...такие поступки положительно не будут сказываться на отношениях России с Китаем. На мой взгляд, необходимо, принимая такой закон, учитывать особенности некоторых регионов и оставлять право на региональном уровне корректировать сроки вступления таких законов в силу»⁵⁰⁶.

Обсуждение рисков «китаизации» региона в который раз стало популярным мероприятием. Эксперты заявляют, что эта перспектива еще больше поляризует запад и восток России, осложнит и без того сложную этническую структуру, размоет российскую идентичность и создаст мощную внутреннюю базу влияния на Россию со стороны сверхдержавного Китая. Они предлагают пересмотреть политику и повернуть вспять китайскую иммиграцию.

Насколько такие рассуждения можно считать обоснованными? В абсолютных цифрах численность населения в Приморье экономически оправдана. Промышленный сектор естественно тяготеет к Приморской зоне, и его потребности могут быть удовлетворены за счет перемещения ресурсов из упадочных секторов в рентабельные. В среднесрочной перспективе проблема недостатка населения в Приморье может решаться за счет мобилизации людских ресурсов из сельского хозяйства и умирающих предприятий по всей стране и переселения этнически и культурно идентичных иммигрантов и репатриантов из СНГ. Это в первую очередь вопрос государственной политики и роста экономики, в частности строительства жилья, ипотечного кредитования и доступных транспортных услуг. В долгосрочной перспективе в экономическую миграцию можно вовлечь квалифицированных мигрантов из СНГ и дальнего зарубежья.

Выводы

Во-первых, можно говорить о том, что миграционная политика РФ носит тактический характер и порой не соответствует объективным императивам развития российского Дальнего Востока.

Во-вторых, вызовы внешней среды, влияющие на миграционную ситуацию в Приморье и на российском Дальнем Востоке, не всегда получают адекватные ответы. Проблема регулирования китайской миграции в Приморском крае до сих пор не решена, несмотря на практику усиления карательных и запретительных мер.

В-третьих, необходимо изменить политику в отношении китайской миграции с помощью создания эффективной законодательной базы. Следует, в частности, обратиться к историческому опыту создания системы управления китайской диаспорой и в то же время отказаться от пропаганды «китайской угрозы» и предубеждений в отношении иностранцев.

Можно сколько угодно рассуждать о геополитических противоречиях России и Китая, но вероятность превращения гипотетических угроз в реальность зависит от выбора стратегических приоритетов. Укрепление позиций России в Восточной Азии будет уменьшать вероятность возникновения таких угроз.

§ 6. Феномен городов-близнецов в контексте трансграничных миграционных процессов (на примере Благовещенска и Хэйхэ)

Существует немало примеров, когда приграничные города называют «близнецами»: Виндзор (Онтарио, Канада) и Детройт (Мичиган, США); Ривера (Уругвай) и Сантана ду Ливраменто (Бразилия); Сьюдад Хуарес (Мексика) и Эль-Пасо (Техас, США); Валка (Латвия) и Валга (Эстония). Использование этой аллегории имеет отнюдь не только литературные основания — близкое соседство есть эффективный рычаг для наращивания экономического потенциала приграничной, а значит, периферийной по отношению к центру своего государства территории. Благодаря тому, что в зонах городов-близнецов потоки людей и товаров легко пересекают границы государств, здесь весьма эффективно развиваются туризм, экономика и бизнес. Понимание экономических преимуществ активных взаимодействий между городами нередко способствует тому, что термин «города-близнецы» используется в тех случаях, когда взаимная социально-экономическая адапта-

ция только началась либо когда она является желаемым, а не реальным состоянием.

Как утверждается на сайте Комитета по экономике и инвестициям Правительства Ленинградской области, «Светогорск — единственный город России, имеющий уникальное географическое положение для развития предпринимательства, туризма и торговли, находясь непосредственно на границе с Финляндией и соседствуя с Иматарой. ... В связи с этим Светогорск имеет широкие перспективы для развития торговли и предпринимательства. Таким образом, будущее развитие города непосредственно связано с различными формами приграничного сотрудничества»⁵⁰⁷. Сходные мысли прослеживаются в интервью мэра Хэйхэ Чжана Цзинчуаня: «Географическое положение Благовещенска и Хэйхэ может быть главным преимуществом, ведь на протяжении всей российско-китайской границы в 4200 километров мы единственные находимся на очень близком расстоянии и обладаем полноценной инфраструктурой. Важно, что достигнуто единое мнение о концепции “два государства — один город”, или, как говорим, города-близнецы. И мы будем ее в дальнейшем развивать... Самое важное, что у нас есть совместные проекты, ориентированные на развитие преимуществ и дополнение друг друга»⁵⁰⁸.

Действительно, конфигурации Светогорск—Иматара или Благовещенск—Хэйхэ во многом уникальны. Но не стоит переоценивать пропагандируемую местной властью утилитарную «эксклюзивность», определяемую близким географическим расположением: тот же Хэйхэ **как город** существует не многим более 20 лет, количество жителей за это время увеличилось почти в двадцать раз именно потому, что возникла потребность в приграничной инфраструктуре и ее обслуживании. Аналогично Забайкальск как населенный пункт стал активно развиваться и прирастать внешним миграционным притоком благодаря наличию погранперехода и развитию «челночных» бизнес-практик. В Суйфэньхэ (и его соседе Пограничном), где, так же как в Хэйхэ, развивается зона «Хуши», построен крупный приграничный торгово-экономический комплекс, о котором уже шла речь в предыдущем параграфе. В то же время российская пара городов Кяхта—Наушки и расположенный «напротив» монгольский Алтан-Булаг, несмотря на значительные инвестиции в обустройство приграничной инфраструктуры, толчок для экономического развития и миграционного прироста не получили.

Уникальность пары городов Благовещенск—Хэйхэ как объекта научного исследования заключается не только лишь в географической близости. Оживленные социально-экономические контакты между Бла-

говещенском и Хэйхэ в последние двадцать лет, деловые повседневные практики жителей приграничья, активно мигрирующих между обеими территориями, формировали трансграничное социально-экономическое пространство, в котором происходило сближение, взаимная подстройка социального и физического пространств. Иначе говоря, за 20 лет прежде разделенные «железным занавесом» приграничные территории, их жители, имеющие мало общего в культурном или историческом плане, сумели построить трансграничные отношения и сопредельные города, которые, хотя и с некоторой натяжкой, можно назвать «близнецами». Насколько существенен миграционный обмен в контактной зоне Благовещенск—Хэйхэ, как происходило сближение территорий и какие факторы оказывали наибольшее влияние на этот процесс, — те темы, которые будут обсуждаться в контексте заявленной проблематики.

Институциональные особенности развития контактной зоны Благовещенск—Хэйхэ

После «культурной революции» 1967 г. и вооруженного конфликта 1969 г. российско-китайская граница, в том числе на интересующем нас отрезке, была «на замке». Приграничное экономическое сотрудничество между российской Амурской областью и китайской провинцией Хэйлунцзян возобновилось в 1984 г., когда оба государства имели социалистический хозяйственный уклад. СССР еще не приступил к реформам, а КНР уже в течение пяти лет проводила реформирование своей экономики.

До 1984 года граница разделяла, ограничивала свободу перемещения граждан обоих социалистических государств и никак не способствовала экономическому развитию сопредельных территорий. В 1984 г. китайское правительство осознало возможность использования потенциала приграничного сотрудничества с Россией. Хэйхэ в этом вопросе была отведена ключевая роль, поскольку только на этом отрезке китайско-российской границы существовал город, к тому же областной центр. В то же время ни о каких стратегиях использования Благовещенска в целях экономического оживления Дальнего Востока или тем более страны нам не известно — напротив, все публикации свидетельствуют, что отсутствовала стратегия развития всего макрорегиона, не говоря уже о небольшом приграничном городе.

Начало развития трансграничных контактов осуществлялось практически в институциональном вакууме: по многим вопросам не было как законодательных актов, так и деловой практики ни у одной из сторон. Это обернулось распространением неформальных, «серых» схем,

что, вероятно, не прогнозировалось ни китайским правительством, ни российским. Впрочем, китайское правительство сумело использовать их в своих целях. Основным методом стала народная торговля, т.е. продвижение товаров по туристическим каналам, с вывозом валюты в наличной форме.

В январе 1991 г. были приняты «Временные положения провинции Хэйлунцзян по китайско-российской приграничной народной торговле в зонах “Хуши”», а уже в апреле этого же года Собрание народных представителей Китая издало документ № 25, определивший приграничную народную торговлю между приграничными городами в качестве основной формы для зон «Хуши».

6 марта 1991 г. открылся торговый рынок в китайско-российской зоне «Хуши» в Хэйхэ на острове Большой Хэйхэ. Почти сразу после этого народный торговый рынок начал работать в Суйфэньхэ, а впоследствии — и в районах Тунцзян, Мишань, Дуннин и др.

С 1992 г. стала возможной официальная нелицензируемая торговля между российскими государственными и приватизированными (т.е. частными) предприятиями и китайскими организациями. Этот период характеризуется как период «легких денег» и вместе с тем как время «криминала», «беспредельщины». Как отметил в ходе сделанного нами интервью в 2003 г. российский предприниматель:

«На тот момент существовали две противоположные тенденции: желание быстро заработать и недоверие. Получалось так, что русские брали бесплатно, нередко не отдавали. Китайское государство поддерживало экспорт в окраинных регионах, т.е. не только, но в окраинных особенно, они стремились развивать свои отсталые регионы».

Для того чтобы заниматься внешнеэкономической деятельностью, перестали быть нужными лицензии. Следовательно, социальный капитал в форме знакомства с административными лицами в этот период быстро обесценивался, зато социальный капитал в виде знакомства с предпринимателями сопредельной стороны, знания языка, юридических норм и деловых традиций резко повысил свою ценность.

«Между 91-м и 92-м ВЭД стала доступна для всех, началась реальная конкуренция. ... В 1993 году я понял, что могу работать на себя. (Как Вы это поняли? — *Авт.*) Ну, у меня наработались связи... Люди, с которыми можно вести дело. Деловые связи, ну понятно, это главное, они же годами нарабатываются. Китайцы же меня как личность знали, лично. Со мной они и работали». (*Интервью с российским предпринимателем. 2004.*)

Резкому росту количества занятых в народной торговле способствовало подписание в 1992 г. соглашения о безвизовом групповом туристическом

ческом обмене: в качестве туристов ехали преимущественно торговцы и в меньшей степени работники сфер обслуживания. Многолетние наблюдения за развитием в области «челночества» позволяют сделать вывод, что для одних участников оно стало этапом в развитии бизнеса, а для других — способом (иногда временным) самозанятости, обеспечения достаточно скромных средств к существованию.

Однако в 1993–1994 гг. российское правительство осознало проблемы в сфере миграционного обмена и нелегальной миграции и издало Постановление № 1021 от 8 октября 1994 г. «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции». Региональные власти приняли аналогичные документы, которые в 1995–1996 гг. стали активно претворяться в жизнь. Других существенных действий в отношении границы и ее использования со стороны российского правительства не наблюдалось.

Таким образом, российское и китайское население и предприятия откликнулись на сигналы рынка, инициированные плановыми решениями китайского правительства. Это позволило сформировать существенную прослойку предпринимателей, способствовало наполнению продовольственных и потребительских рынков, дефицитных по большинству позиций.

После периода активного бартера наступил значительный спад во внешнеэкономическом обмене приграничных территорий. Причины понятны — разница мировых и внутренних цен стала постепенно выравниваться, рынок перестал быть «дефицитным по всем позициям», партнеры по сделкам научились вести бизнес более цивилизованно. С другой стороны, федеральный центр, оценив возникшие проблемы, связанные, например, с уходом от налогов, невыплатой таможенных пошлин, оседанием ресурсов от сбора пошлин по бартерным сделкам в регионах, ввел ряд ограничений (например, запрет на вывоз по бартеру стратегического сырья, пошлины на импорт продовольствия). Но сворачивание бартера, которое замышлялось как способ введения в цивилизованное русло торговых отношений между приграничными территориями, обернулось распространением «челночества».

В 1996 г., продолжая политику развития приграничных территорий, китайское правительство приняло Положение (№ 2 Госсовета КНР) о развитии девяти зон приграничной народной торговли между городами («Хуши»). Среди этих зон только остров Большой Хэйхэ был построен и открыт в соответствии со всеми требованиями Положения. Таким образом, китайское руководство планомерно продолжало развитие приграничной торговли, Хэйхэ выступал площадкой для отработки меха-

низмов реализации стратегии. Вообще зоны «Хуши» по замыслам китайского правительства должны были работать в обе стороны: предполагалось, что китайское население будет покупать товары для собственных нужд на специально организованных рынках в России. Этот замысел не был реализован. С российской стороны в развитии трансграничной экономики участвовали предприниматели: они продолжали развивать неформальные нормы и правила функционирования трансграничного рынка, выстраивая социальные сети и создавая специфические бизнес-структуры.

Получила распространение практика оформления сделок на подставных лиц. В частности, реальным отправителем и получателем товара (например, сои или металлолома) являлся один и тот же китайский предприниматель, но на российской территории сделка оформлялась на посредника или подставное лицо (последним мог быть и пенсионер, и малообразованный безработный). Товар, подлежащий экспорту, приобретался на средства китайской стороны, затем экспортировался с соблюдением норм и правил валютного законодательства, экспортная валютная выручка поступала в полном объеме в установленные сроки. Но затем она вывозилась обратно «на родину», а российский «коммерсант» получал вознаграждение, или «долю в доходах». Рынку понадобились посредники — люди, подыскивающие по своим сетевым контактам бизнес-партнеров, — ресурсы, помогающие переправить товар или валюту, т.е. у рынка появились не только общие сети, но и структуры, поддерживающие его функционирование.

В 1998 г. ситуация на трансграничном рынке резко изменилась. Полагаем, что основное изменение заключается не в снижении или увеличении оборота — в любом случае речь идет не о принципиально больших объемах. Самое значительное изменение заключается в последовавшем за дефолтом переделе товарных рынков и сфер влияния.

«Надо сказать, что в овощном бизнесе только русские были в 1998 году. Было примерно 3–4 крупных оператора, все русские, еще мелкие. Но русские после кризиса все ушли. Но, заметьте, никто нас не выдвинул, мы ушли сами. Нам еще в 1999-м предлагали: возьмите яблоки. Но мы уже оскомину набили на этом, не хотелось все с начала начинать... Китайцам пришлось аренду продажного места делать и самим продавать. База “Дружба” была выкуплена очень образованным китайцем, сейчас он гражданин России. Тогда... просто не знаю. Он, кстати, является, неофициальным лидером китайской диаспоры в Благовещенске. Как-то видел в китайской газете заметку о том, что губернатор провинции Хэйлунцзян и Ван И обсуждали вопросы дальнейшего развития отношений между Россией и Китаем». *(Интервью с российским предпринимателем. 2004.)*

До валютно-финансового кризиса 1998 г. основная часть товарных рынков делилась между предпринимателями двух стран или контролировалась российской стороной, либо же на товарном рынке присутствовали смешанные, китайско-российские сети. Из-за утраты доверия как по отношению друг к другу, так и по отношению к государству торговые сети стало выгоднее делать моноэтничными. И хотя это получалось и получается не всегда, нередко для нахождения партнеров, переправки грузов или в поиске других ресурсов нужны посредники, предпринимаются постоянные попытки по отделению бизнес-сети от иноэтничной среды.

Последовавшее за дефолтом оживление российской экономики отразилось и на Амурской области. В частности, были реализованы крупные инвестиционные проекты: строительство Бурейской ГЭС, автомагистрали «Амур». Впрочем, поскольку в этих проектах нет инвестиций, принадлежащих амурскому бизнесу, региональные эффекты незначительны. Получили развитие торговля и сфера общественного питания, активизировалось жилищное строительство, широко распространилась мобильная связь.

Каждая из этих экономических сфер связана с наличием и использованием ресурса границы. Первыми операторами мобильной связи в городе были китайские компании, их услугами пользовались с конца 1990-х гг. до прихода российских национальных операторов. В Благовещенске в этот период были построены 2 крупных торговых центра («Большой Хуафу» и «Малый Хуафу» — строительство вела ООО «КСК Хуафу», компания со 100%-ным иностранным капиталом). В городе на частные ресурсы ведется активное жилищное строительство, которое по темпам роста приблизилось к дореформенному периоду. Наибольшую долю на рынке Благовещенска занимает ООО «КСК Хуафу», впрочем, помимо нее функционируют и другие строительные компании с учредителями из КНР. Интересно при этом, что архитектура города вбирает некоторые черты китайской, ибо китайские компании повторяют проекты, реализованные у себя на родине. Благовещенск из-за близости границы получил развитую и недорогую сеть общественного питания, где преобладает китайская кухня.

Продолжилось и развитие китайского города: был реконструирован аэропорт, который стал принимать «Ту-154», «Боинги»; а в 2001 г. началась прокладка автодорожной магистрали государственной категории, которая должна включить Хэйхэ в единую сеть с другими автострадами страны. В городе построены здания, имеющие российские аналоги.

Китайское правительство, оценив недостаточно высокую эффективность реализации проекта торговых зон «Хуши», обратилось к новой

стратегии — развития туристической индустрии и привлечения российских туристов. В частности, предлагаются оздоровительные туры в Удалянчи, туристические маршруты на море (Бэдайхэ, Далянь и др.). Впрочем, туристические объекты строятся и в климатически малопривлекательных городах (аквапарк и сафари-парк в Харбине, лыжная база в Хэйхэ).

Реализации «туристической стратегии» способствовало и принятие «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках». Здесь интересно отметить, что подписано соглашение было 29 февраля 2000 г., а вступило в силу 9 ноября 2000 г. Однако уже 18 августа 1999 г. был введен режим безвизового пересечения границы для российских граждан в приграничной зоне народной торговли (остров Большой Хэйхэ, а затем и весь город Хэйхэ), т.е. данный эксперимент был осуществлен до принятия межправительственного соглашения.

В числе реализуемых сегодня китайским правительством стратегических задач — «переход от чисто приграничной торговли к организации на территории провинции крупных каналов торговли; переход от чистой торговли к торговле, сочетающейся с **переработкой российского сырья** (выделено нами. — *Авт.*) и инвестиционной деятельностью в России»⁵⁰⁹. 102 млн юаней было направлено властями провинции Хэйлунцзян на поддержку строительства базовой инфраструктуры в районах экспортной переработки, ориентированных на Россию, в том числе района переработки сырья «Синьсин» в г. Хэйхэ. Для целей комплексного развития базовой инфраструктуры районов экспортной переработки и для ее «вписания» в планы развития городского пространства в целом административно-финансовыми органами провинции Хэйлунцзян в виде целевой помощи были выделены ресурсы для нескольких приграничных городов, в том числе для Хэйхэ, на проведение работ по архитектурному и земельному планированию этих городов⁵¹⁰.

В таблице 3.7 выделены основные этапы институционального развития изучаемой контактной зоны с опорой на теоретическую модель развития приграничных территорий американского исследователя Оскара Мартинеса⁵¹¹.

Использование труда мигрантов

Несмотря на широко «разрекламированные» прессой, да и научными публикациями в 1990-х гг. цифры китайского присутствия на российском Дальнем Востоке⁵¹², реальное количество граждан Китая, име-

Изменение контактной функции границы и правил экономического поведения акторов трансграничной зоны Благовещенск—Хэйхэ

Основные изменения	
формальных институтов	неформальных институтов и практик
1984–1986 гг., граница «разделенная»	
<p>1983 — возобновление сотрудничества на высшем уровне. 1986 — Хэйхэ получил статус «открытого города первой категории».</p>	<p>Регионы практически не взаимодействовали, контакты на уровне людей отсутствовали.</p>
1987–1991 гг., граница «сосуществующая», контакты ограничены (начало)	
<p>1987 — соглашение о сотрудничестве между Благовещенском и Хэйхэ. 1987 — первая бартерная сделка. 1988 — принятие в КНР постановления «О развертывании работы по приграничному торгово-экономическому сотрудничеству с СССР» и 14 решений, расширявших сферу открытости районов вдоль границы. 1989 — Постановление Совмина СССР № 203 «О мерах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности». 1991 — «Временные положения... о зонах “Хуши”».</p>	<p>Практика ведения бизнеса через фирмы-посредники, имеющие лицензии на внешнеэкономическую деятельность. Несмотря на это, постоянно и быстро растет количество вовлекаемых в приграничную торговлю акторов. Сделки заключаются в «институциональном вакууме»: по большинству вопросов нет законодательных норм и практики их применения. Отсутствует практика нормальных рыночных (основанные на мировом спросе и предложении и ценах) и денежных сделок. Вместо этого — бартер по «договорным ценам» и на «договорных условиях». Открывается туристический маршрут, который становится прообразом будущих «шоп-туров». Однако и здесь отсутствует денежная форма расчета: идет обмен личных вещей граждан России и Китая. Но на китайской стороне создается и обустроивается торговый рынок для нужд граждан обоих государств. Появляются китайские «коробейники», «выставляющие» товар, раскладывая его на земле, под открытым небом.</p>
1992–1993 гг., граница «сосуществующая», контакты развиваются (анархия)	
<p>1992 — постановление Госсовета КНР о предоставлении самостоятельности, 50%-ном снижении налогов</p>	<p>Благовещенск становится привлекательным для организации экспорта товаров, произведенных в других регионах РФ. Выстраивается торговый коридор и в Китае.</p>

Основные изменения	
формальных институтов	неформальных институтов и практик
<p>и других преференциях для участников приграничной торговли.</p> <p>1992 — в РФ происходит либерализация внешнеэкономической деятельности (возможность нелицензируемой торговли).</p> <p>1992 — создание в Хэйхэ и Суйфэньхэ свободных экономических зон.</p> <p>1992 — начало безвизового группового туристического обмена.</p>	<p>В Амурской области резко возрастает количество участников внешнеэкономической деятельности из-за произведенной либерализации. Однако у большинства из них нет опыта и соответствующих знаний, а с учетом того, что нормативная база по-прежнему неполная, вырабатываются удобные для ведения бизнеса практики, которые транслируются, развиваются и адаптируются под конкретные нужды. Актуальной проблемой становится мошенничество.</p> <p>В «шоп-туризм» вовлекается все большее количество населения, с обеих сторон наблюдается маятниковая миграция. Но китайские граждане остаются в Благовещенске более продолжительное время (они приезжают продавать), чем маятниковые мигранты из Благовещенска в Хэйхэ (которые приезжают только покупать).</p>
<p>1994 г. — первая половина 1998 г. — начало формирования «взаимозависимости»</p>	
<p>В РФ вводятся запретительные и ограничительные меры (сворачивание бартера, запрет на вывоз по бартеру сырья, введение импортных пошлин). В 1996–1997 гг. происходило формирование системы валютного таможенно-банковского контроля, в том числе бартерных сделок.</p> <p>1994 — Постановление (№ 1021 РФ) «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции».</p>	<p>Перекрывается канал для реэкспорта. Формирующийся коридор в районе Благовещенска—Хэйхэ теряет свои позиции.</p> <p>Из-за введенных запретов резко уменьшается количество и объем бартерных сделок. Однако вырабатываются новые деловые схемы, направленные на уменьшение суммы официально проводимых контрактов, валюты, подлежащей обязательной продаже. Возникают проблемы неплатежей за поставленные товары/услуги и невозврата авансовых платежей.</p> <p>Появляются услуги «квази»-банковских (незаконных) операций, контрабандного ввоза/вывоза валюты. Эти «банки» обслуживают нужды как торговцев с рынка (которых становится больше), так и предпринимателей других отраслей.</p>

Основные изменения	
формальных институтов	неформальных институтов и практик
1996 — Положение (№ 2 Госсовета КНР) о развитии девяти зон приграничной народной торговли между городами («Хуши»). Четко сформулированы цели и понятия народной торговли, ее субъекты.	Происходит сближение между китайскими и российскими предпринимателями, они выстраивают единые (не разделенные по этническому признаку) сети.
Конец 1998—2000 г. — усиление «взаимозависимости», формирование асимметрии	
1999 — Закон КНР «О договоре», позволяющий любому предпринимателю быстро включаться в цепочку участников торгово-экономического оборота. «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках». Безвизовый въезд россиян в Хэйхэ начался с августа 1999 г, а соглашение вступило в силу 9 ноября 2000 г.	Из-за валютно-финансового кризиса происходит массовое невыполнение бизнес-контрактов. Мультиэтнические сети разрушаются, акторы стремятся выстроить собственные деловые схемы, с минимизацией функции контрагента. Например, китайские предприниматели стремятся к тому, чтобы самостоятельно заготавливать и переправлять древесину, минимизируя финансовые риски; аналогично — закупать на китайской стороне овощи-фрукты, завозить их в РФ, продавать и переводить валюту. Из-за того, что выстраивание этой схемы на легальной основе весьма затруднено, появляется потребность в посреднических услугах и услугах подставных лиц. В «народной торговле» осуществляется специализация бизнес-процессов: формируются услуги грузоперевозного посредничества, которое построено на маятниковой миграции.
С 2001 г. по настоящее время — развивается «асимметричная взаимозависимость»	
2004 — в Китае вступил в силу исправленный «Закон КНР о внешней торговле», в котором режим рассмотрения и утверждения права на ведение внешнеторговых операций был заменен системой регистрации.	Начинается и успешно проводится «банковский эксперимент», который уменьшает долю контрабандного вывоза валюты. Китайские предприниматели успешно занимают новые рыночные ниши, в том числе в строительстве жилья и управлении недвижимостью, развитии оптовых баз, заготовке и экспорте леса, в торговле. Все чаще юридическое оформление происходит в соответствии с нормами законодательства.

Основные изменения	
формальных институтов	неформальных институтов и практик
<p>2004 — изменения в законе РФ «О валютном регулировании и контроле» (либерализация).</p> <p>2003 — соглашение между ЦБ РФ и НБ КНР о межбанковских расчетах в национальных валютах (рублях и юанях) в рамках приграничной торговли Благовещенска—Хэйхэ.</p> <p>2006 — введение ограничений на ввоз товаров (35 кг, 1 раз в месяц).</p> <p>2007 — в РФ вводится запрет на участие иностранцев в розничной торговле в качестве продавцов.</p>	<p>Вводятся ограничения на массу провозимого багажа туристом через границу и количество ее пересечений в месяц, что влияет на «деловую схему» ввоза товара для обеспечения «народной торговли». Основным результатом для маятникового миграционного обмена является количество вовлеченных жителей: цифра «маятниковых мигрантов» резко увеличивается.</p> <p>Из-за принятия закона об ограничении торговли на рынках иностранцами формируются новые «деловые схемы», в разработку которых вовлечены не только сами предприниматели, но и местные органы власти. Это происходит, поскольку осуществляемая китайскими гражданами торговля на рынках города приносит в бюджет последнего существенные суммы.</p>

ющих миграционные цели и действительно остающихся для постоянного проживания, в том числе в Амурской области, невелико. Если обратиться к цифрам официальной статистики, то можно сделать вывод о том, что мигранты не играют на рынке труда, да и в целом в экономике области сколько-нибудь заметной роли (табл. 3.8).

Таким образом, удельный вес официально работающих граждан Китая в численности занятого населения области составлял в 2006 г. лишь 3%. Следует учитывать, что эти цифры показывают не собственно иммигрантов, а тех наемных рабочих, чей труд временно используется на предприятиях области. В середине же 1990-х этот показатель и вовсе был минимальным. Действительно, он и не мог быть действительно большим (алармистские гипотезы мы оставляем в стороне), поскольку амурские промышленные и аграрные предприятия из-за различных кризисов не предъявляли спросы на рабочую силу, а для обслуживания тех экономических ниш, которые развивают китайские предприниматели, достаточно и относительно небольшого количества наемного персонала. Именно этот персонал (строительные рабочие, рабочие на лесозаготовках, рабочие в сфере обслуживания и торговли) и сами китайские предприниматели (в том числе мелкие, так называемые народные тор-

Таблица 3.8

**Удельный вес иностранных граждан в численности
занятого населения Амурской области⁵¹³**

Показатель	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Численность занятого населения области, тыс. человек	425,5	415,8	389,7	402,0	414,6	382,0	380,4	404,4
Численность иностранных граждан, прибывших на работу в область, тыс. человек	4,0	3,8	4,2	6,4	9,2	9,1	13,0	18,5
из них из Китая	0,7	0,5	0,6	2,4	5,2	5,9	8,4	13,1
Удельный вес иностранных граждан в численности занятого населения области, %	0,9	0,9	1,1	1,6	2,2	2,4	3,4	4,6
из них из Китая	0,2	0,1	0,2	0,6	1,3	1,5	2,2	3,2

говцы) и составляют основную массу китайских мигрантов в области. Кстати, на фирмах, созданных в области китайскими предпринимателями, активно трудятся и амурчане, а граждане РФ работают обычно в сферах коммерции, обслуживания и интернет-технологий в Хэйхэ, Харбине и других китайских городах.

Конечно, экспорт рабочей силы является одной из стратегических задач китайского правительства, поскольку КНР испытывает избыток данного ресурса. По мнению китайского исследователя Ню Яньпина, «самым оптимальным способом решения проблемы нехватки трудовых ресурсов является использование китайских источников рабочей силы. С ежедневным усугублением проблемы нехватки рабочей силы руководители восточных регионов РФ, в частности ДВ, относятся к Китаю по-деловому, постепенно желают принимать квалифицированных, легаль-

ных китайских граждан, приезжающих в Россию работать. В результате формируется зависимость от китайской рабочей силы. ...Недавно Исхаков в своем отчете заявил, что согласно данным управления миграции РФ количество китайских иммигрантов на ДВ РФ достигло более 170 тыс. человек. В реальности большое количество находящихся на территории ДВ китайских граждан являются иммигрантами в неистинном значении, количество китайцев, желающих получить российское гражданство, действительно очень мало... Сейчас все большее количество россиян не могут не признавать, что только с приходом китайцев у экономики ДВ РФ появился шанс»⁵¹⁴.

Указанные китайским исследователем цифры иммигрантов не учитывают выезды по коммерческим визам и собственным паспортам. Однако между Благовещенском и Хэйхэ сложился маятниковый характер миграционного обмена. В таблице 3.9 представлена динамика пересечения государственной границы РФ на территории Амурской области. Следует учитывать, что один и тот же человек может несколько раз в течение года пересекать границу, что в действительности часто и имеет место.

Таблица 3.9

Динамика пересечения государственной границы через пункты перехода в Амурской области, тыс. чел.⁵¹⁵

Число пересечений границы	1995	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Иностранцами, бывшими в область	41,9	115	118,8	163,5	129,7	106,1	103,3	117	115,1
Российскими гражданами	107,3	109,3	138,4	129,8	118	109,5	130,9	208,6	362,5

Можно выделить несколько основных причин, которые вызывают интенсивную маятниковую миграцию граждан КНР. Во-первых, они приезжают в Амурскую область для осуществления предпринимательской деятельности по коммерческим визам с ограниченным сроком. Если работа требует более длительного нахождения в стране, то предприниматели выезжают на родину и уже, возможно, на следующий день возвращаются. Вторая причина въезда — трудоустройство на российских

предприятиях, а также на официально или неофициально функционирующих китайских фирмах. Некоторая часть из въезжающих официально регистрируется в качестве наемных работников. Но не меньшее их число въезжает по коммерческим визам, не дающим права на трудовую деятельность и вынуждающим выехать из страны и опять въезжать в Благовещенск в относительно короткий период. Третьей причиной интенсивной маятниковой миграции является обучение граждан Китая в высших учебных заведениях региона.

Активный выезд амурчан в Китай связан со следующими причинами. Во-первых, это обеспечение ввоза товаров по каналам «серого» импорта, а также вывоз наличных денег (описание основных деловых схем представлено ниже). Второй причиной частого пересечения границы амурчанами является туризм. Китайские туристические продукты более конкурентоспособны, чем турецкие, греческие или египетские из-за значительной экономии на транспортных расходах. Впрочем, амурчан привлекают не только далекие курорты Бэдайэхэ, Далянь или Хайнань, но и возможность проведения выходных в соседнем городе Хэйхэ. Третьей причиной пересечения амурчанами границы является предпринимательство и четвертой — обучение в китайских университетах.

Несколько слов о практике ввоза товаров по «серым каналам». Если китайские торговцы, продающие **дешевый ширпотреб** низкого качества, будут официально перевозить товар крупными партиями, то взимаемые таможенные сборы и пошлины сделают его неконкурентоспособным. Для того чтобы существенно снизить размер пошлины, необходимо создать видимость перевоза через границу вещей «для личного пользования», для чего нанимаются российские граждане, имеющие загранпаспорт. В среднем перевозится по 5 штук одного наименования товара. Предположим, что китайскому торговцу нужно переправить 500 единиц товара. Для этого нужно набрать сто человек, но сотню подставных лиц очень сложно контролировать: вероятно, что какая-то часть товара будет «утеряна». Именно поэтому торговцам удобнее и безопаснее работать с организованными подставными лицами, «бригадами». На российско-китайской границе они называются *«кирпичами»*, или *«кэмелами»* (аналог, употребляемый в Забайкальске, Кяхте). Каждый бригадир, «кирпич», нанимает 5–10 подставных лиц («фонарей») и несет за них полную ответственность, вкладывая свои деньги в их проезд туда-обратно, питание, при необходимости и проживание.

Именно эта группа лиц и составляет основную массу граждан, наиболее часто пересекающих границу. Необходимо отметить, что ежедневное (еженедельное) пересечение границы в настоящее время практику-

ется редко. Тому есть два объяснения. Первое действовало с самого начала развития трансграничного рынка: поскольку города разделены рекой, переход границы связан с временными и финансовыми затратами (две таможни, погрузка на корабль в летнее время или в автобус в зимнее). Второе возникло в 2006 г., с начала которого было введено ограничение для безвизового пересечения границы (1 раз в месяц), тогда как до его введения «кирпичи» могли ежедневно выезжать в Хэйхэ для реализации своих деловых практик.

Конечно, описанная схема отнюдь не исчерпывает всех вариантов экономического поведения мигрантов обоих государств. Распространенными вариантами также являются: содержание пунктов общепита (как китайскими гражданами в Благовещенске, так и россиянами в Хэйхэ), ведение сельскохозяйственных работ, заготовка леса или металлолома китайцами в Амурской области, наем россиян на должности коммерческих представителей для ведения бизнеса с фирмами РФ, трудоустройство программистов и переводчиков на китайские и международные предприятия.

Особенности выстраивания бизнес-сетей трансмигрантами

Далее реконструированы и представлены некоторые варианты начала трансграничного предпринимательства.

Вариант «самодельный», в настоящее время малораспространенный, но часто использовавшийся ранее. Для этого предприниматель должен был познакомиться с посредниками (например, с китайскими «помогающими»), представителями бизнеса, выстроить наиболее удобную логистику.

Случай Н., гражданки РФ, 55 лет. До наступления «эры свободного предпринимательства» она была учительницей в небольшом районном центре, без мужа воспитывала двух маленьких детей. Приехала в гости к брату, тот свозил ее на китайский рынок в Благовещенске, заставил купить первую партию товара. Н. выгодно продала товар в своем поселке, смогла купить детям все необходимое для школы и поняла, что не хочет возвращаться на свою основную работу. Решила, что значительно выгоднее поехать самой в Китай и там купить товар... Через несколько лет на нее работало несколько человек, в Хэйхэ и Суйфэньхэ появились постоянные поставщики.

Случай Г., гражданка КНР, 38 лет. Предоставляет услуги гида, переводчика, турагента, посредника. Начинал Г. с «помога», стоял и поджидал около гостиницы российских граждан, предлагая услуги: показать какое-либо место, организовать досуг... Постепенно обзаводился связями в России, и туристы передавали друг другу его телефон с самыми наилучшими

рекомендациями. В настоящее время у него есть небольшая фирма, офис при гостинице. Информация о ней распространяется уже и через российское турагентство (правда, неформально — через работников). Сеть постоянно расширяется, увеличивается штат наемных работников, доходы растут, бизнес крепнет. Г. старается ориентироваться уже не на «челноков», которых нужно отвезти на фабрику, а на туристов, которым можно показать парки, рестораны, боулинги и т.п.

Конечно, такой вариант более продолжителен и рискован. Предпринимательские риски значительно ниже в следующем варианте сетевой организации.

Вариант «коллективный» характерен в большей степени для маятниковых мигрантов из КНР, когда группы торговцев формируются, например, для целей выстраивания канала сбыта продукции некоторой китайской фирмы.

Случай Ч., гражданина КНР. Имеет несколько торговых точек в Благовещенске по продаже спортивных товаров. Приехал в педагогический университет в Благовещенск учиться. Основную задачу видел в том, чтобы выучить русский язык, а затем организовать свой бизнес. Вначале не планировал заниматься коммерцией во время учебы, но поступило выгодное предложение — контролировать продажу товаров одной из китайских фирм. Поскольку это не требовало вложения собственных денег, не занимало все время и позволяло изучить организацию бизнеса в России, он согласился. Нанял продавцов, арендовал несколько точек, связался с посредниками, ориентирующимися в деловых схемах ввоза товара и вывоза валюты. За время учебы смог выучить язык, освоить «науку предпринимательства», заработать первоначальный капитал.

Ясно, что этот вариант не дает его актерам возможности значительного заработка. В том случае, если предприниматель ориентирован на более высокий уровень дохода и более цивилизованный вариант бизнеса, он может обратиться к посреднику.

Вариант «через посредника», когда поиском сетевых контактов занимается постороннее лицо, имеющее подобные ресурсы. После того как посредник свел будущих актеров сети, получил какое-либо вознаграждение, он, как правило, из этих взаимодействий выбывает.

Случай А., гражданина РФ, 45 лет. В 1996 г. он, инженер-строитель по образованию, оказался без работы. В это время особо привлекательным бизнесом в области была продажа на экспорт «металлолома». Друг А., руководитель туристических китайских групп, познакомил его с супружеской парой из Хэйхэ, у которых были деньги и желание вести бизнес в России. Китайка вполне сносно разговаривала по-русски, впоследствии она представляла «свою семью» здесь, в России, а муж находился в Китае. Сев за стол переговоров, партнеры договорились о первоначальных вкладах и

распределении прибыли. Поскольку у А. капитал был весьма незначительным, то и его доля в прибыли невысока (хотя и несколько больше доли внешнего капитала, ведь А. оформлял все документы на себя). Они открыли стационарный пункт приема металлолома, где руководили процессом совместно. А. иногда сам, иногда вместе с партнершей приходил в банк и на таможню. А. никогда не задерживал поступление экспортной выручки, хотя перевод валюты для них был лишь формальностью, необходимой для создания видимости исполнения экспортных контрактов. Доля А. в доходах ежегодно возрастала, он накопил свой капитал, обновил квартиру, купил машину (старую пришлось продать, чтобы вложить деньги). Немного выучил язык (для чего специально ходил на курсы и ежедневно общался с носителями языка). Партнеры неоднократно бывали друг у друга в гостях. Затем этот бизнес в связи с введенными ограничениями прекратился, и они занимались соей, сейчас открыли небольшое совместное производство.

Вариант «служебное положение». Как и предыдущий, он помогает создавать бизнес более цивилизованного характера, что обусловлено спецификой социальных связей, социального капитала, накопленного акторами официальной внешнеэкономической деятельности. Капитал этот достаточно разнообразен: бизнес-контакты, личное знакомство с чиновниками, руководителями, в том числе и бывшими, государственных и частных предприятий, определенное знание культуры, норм, этикета, правил поведения.

Случай Б., гражданина РФ, 41 год. Образование и специальность этого информанта позволили ему в совершенстве овладеть китайским языком. Впервые в Китай он выехал еще до широкомасштабной либерализации внешнеэкономической деятельности, цель поездки — служебная командировка. Уже тогда начали закладываться будущие деловые связи, по его же собственному выражению, «широкие неформальные контакты в Китае значат все». Сейчас у него несколько видов бизнеса, в том числе экспорт техники, импорт продуктов питания (правда, в последнее время значительно сократившийся). Важным направлением его текущей деятельности является также помощь предпринимателям обоих государств в нахождении партнеров, в оформлении документов, так как за это время он изучил законодательство обеих стран.

Связи с руководителями предприятий, чиновниками позволяют получать конкурентные преимущества, крупные заказы. Знание обычаев позволяет снижать недоверие, характерное для предпринимательской деятельности. В данном случае следует также подчеркнуть, что этот вариант часто связан с наличием важнейшего коммуникационного ресурса (знание языка), столь необходимого для создания социальных связей.

«Семья... жена в 1970-е была секретарем в правительстве Хэйхэ... она сейчас всем бизнесом руководит. Бизнес, конечно, с Россией, и связи ос-

тались, и язык русский... конечно, язык, обычаи важны... Вот еще пример —...(имя), его папа — русист, он в совершенстве русский знает, поэтому бизнес намного легче вести. Вообще если ты не мешочником собрался становиться, то язык нужен, это совсем другие возможности... и китайцы это даже лучше нас понимают, кажется... Вообще-то есть масса и других китайцев, наших, которые здесь давно. Например, ... (имя), учась в Хэйхэ еще в школе, перебежал границу, остался в СССР, потом соответственно в России. Отсидел, но остался жить здесь. Поскольку китайцу в чужой стране нужен язык, то его бизнес таким и был. Он помогал вести переговоры, потом помогал делать сделки и т.д. Отдавал 80% от полученной суммы, конечно, себе остальные 20 оставлял». (*Интервью с посредником. 2002.*)

Наконец, выделяется еще один вариант, характерный как для «челночества», так и для относительно крупного бизнеса, как для китайских, так и для российских *акторов*. Этот вариант особенно важен, так как он показывает, что в процессе социализации происходит вливание «новичков» рынка, которые принимают созданные правила, нормы и практики, и таким образом последние укореняются. Этот вариант можно определить как **«круг посвященных»**. Он действует в том случае, если будущий предприниматель вначале поработал в качестве подставного лица, помощника, то есть актора-исполнителя действующей сети, а затем сам вписался в нее в качестве полноправного участника, создав свою подобную структуру. Нередко фирмы, занимающиеся переправкой груза через границу, создают бывшие наемные работники этого бизнеса. Аналогично подставной торговец на рынке, как правило, пробует себя в качестве коммерсанта, отправляясь за товаром в Китай. Останется ли он «подставным», станет ли действовать на свой страх и риск — зависит от множества обстоятельств, но вхождение в сеть облегчается его знанием неписаных законов, практик и норм поведения, а также связями, которые он получает во время «челночных» поездок.

Случай С., гражданки РФ, 43 года. Основной бизнес — продажа непродовольственных товаров. Начиная С. в 1993 г. с помощника, а потом мелкого «челнока», вместе со своей подругой ездила в шоп-туры в Хэйхэ, привозила небольшие партии товара и реализовывала их на рынке. Вначале это были самые разнообразные товары, впоследствии С. специализировалась на «детском». Со временем арендовала, а затем приобрела в собственность торговое место, обзавелась штатом торговцев, начала производить некоторые вещи в собственном цехе, часть товара стала закупать в России. Однако так же, как и прежде, С. не завозит партии товара из КНР официально, таможенную пошлину полностью не выплачивает, частично завозя товар «карго», частично прибегая к услугам «кирпичей». Естественно, что валюту своим партнерам в КНР по импортным контрактам не перечисляет.

Выводы

Таким образом, формирование трансграничья в изучаемой локальности происходило не столько благодаря «высоким» стратегиям, принимаемым на государственном уровне, сколько из-за стремления отдельных людей использовать ресурс границы. Именно трансграничные мигранты, ежедневно проживающие и в «отправляющем», и в «принимающем» сообществе, ведущие свою деятельность и в Хэйхэ, и в Благовещенске как на едином рынке, не разделенном, а объединенном границей, создают «город двух государств». Взаимное проникновение бизнеса, создание совместных по сути (но не по юридическому статусу) предприятий, инвестирование капитала в экономику сопредельного государства происходит вне зависимости от того, что незавершенными остаются формальные условия для этого. Формирование феномена «городов-близнецов», заинтересованность в котором постоянно подчеркивает руководство китайского города, происходит «снизу». Однако отсутствие целенаправленной и согласованной программы развития экономики городов, частые и резкие институциональные изменения, конечно, вносят свою лепту в дезадаптационный процесс.

Адаптационные процессы, на наш взгляд, будут продолжаться до тех пор, пока у пары городов и их жителей будет сохраняться неудовлетворенная потребность (например, в услугах казино — китайские граждане приезжали и приезжают в благовещенские игорные дома), будут действовать ограничения, отсутствующие на другой стороне. Если же предположить, что будет достигнуто полное институциональное и экономическое выравнивание, то, вероятно, включатся иные механизмы. Конкуренция ли за одинаковые рынки сбыта и ресурсы, втягивание ли одной локальности в экономику другого государства, интеграция ли на межгосударственном уровне — предположить сложно. Тем более что пока Благовещенску и Хэйхэ до этого очень далеко.

Глава 4

ВЗАИМНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

§ 1. Конъюнктура трудоустройства мигрантов в промышленных регионах (на примере Свердловской области)

Необходимость трудовой миграции, в частности международной (внешней) иммиграции, применительно к России связывается с действием трех основных факторов.

Во-первых, такая необходимость обусловлена кризисными явлениями в демографических процессах, что находит выражение в неуклонном сокращении численности населения России и его отрицательном естественном приросте (с 1995-го по настоящее время). Эксперты предсказывают, что на фоне старения населения и усиления дефицита населения в трудоспособном возрасте Россия столкнется с усиливающейся конкуренцией за рабочую силу на мировых рынках труда, к которой она не готова⁵¹⁶.

Во-вторых, такая необходимость связывается с усиливающимся дефицитом рабочих кадров для малоквалифицированных (и низкооплачиваемых) вакансий, когда именно трудовая иммиграция рассматривается в качестве условия заполнения ниши малоквалифицированных и низкооплачиваемых вакансий.

В-третьих, важную роль в данном контексте играют изменения в структуре занятости коренного населения России, проявляющиеся в неуклонном снижении доли занятых в промышленности, строительстве и на транспорте и при росте доли занятых в торговле и сфере услуг, в том числе информационных и финансовых. Структурные сдвиги в занятости привели к тому, что на рынке труда появились специфические иммигрантские ниши, которые практически невозможно заполнить за счет коренного населения.

Перечисленные факторы и определяют необходимость рассмотрения внешней (международной) трудовой иммиграции в качестве важнейшего условия, обеспечивающего экономический рост, с одной стороны, гибкость и адаптивность локальных рынков труда — с другой.

Необходимость привлечения трудовых мигрантов в Свердловской области также обусловлена действием трех основных факторов. Во-первых, речь опять-таки идет о кризисных явлениях в демографических процессах, что находит выражение в неуклонном сокращении численности населения области и его отрицательном естественном приросте начиная с 1991 г., который не компенсируется миграционным приростом. Также актуален для региона и второй фактор — усиление дефицита рабочих кадров, в первую очередь для высококвалифицированных и малоквалифицированных (и низкооплачиваемых) вакансий. С одной стороны, экономика Свердловской области специализируется на выпуске высокотехнологичной продукции машиностроительного и оборонно-промышленного комплексов, которые предъявляют спрос на высококвалифицированную рабочую силу. Следовательно, потоки внешней (иностранной) рабочей силы, обладающей высоким уровнем накопленного человеческого капитала и способной занять эти рабочие места, возможны только на легальной основе при прозрачной миграционной политике, которая должна стимулировать приток трудовых иммигрантов, не только способных, но и готовых к процессам ассимиляции и адаптации. С другой стороны, структурные сдвиги в экономике и занятости привели к появлению особых ниш на рынке труда, которые занимают иностранные рабочие-иммигранты. Например, руководитель крупной торговой сети («Купец», г. Екатеринбург) решает проблему дефицита малоквалифицированных кадров с помощью мигрантов, которые привлекаются как через специализированные агентства, так и через кадровые службы самого предприятия. По его мнению, существующая практика регулирования миграционных процессов неэффективна, так как заставляет работодателя нести высокие издержки, а сам процесс оформления мигрантов на работу — трудоемкий и длительный⁵¹⁷.

Дополнительными факторами, актуализирующими необходимость активного притока иностранной рабочей силы в Свердловскую область, а следовательно — проведения соответствующей миграционной политики, являются уменьшение объемов внутренней (межрегиональной) миграции и интенсивная миграция из сельских поселений в города.

Данные о временной регистрации иностранных граждан в Свердловской области свидетельствуют об усилении притока иностранцев в последние годы. По данным паспортно-визового управления ГУВД Свердловской области, с 2001-го по 2005 г. количество временно зарегистрированных иностранных граждан выросло более чем в 2 раза:

с 56,7 тыс. до 119,5 тыс. человек. По оценке управления по делам миграции ГУВД Свердловской области, еще около 8,5 тыс. иностранных граждан не имеют должным образом оформленной регистрации и находятся на территории области незаконно. По мнению специалистов миграционной службы, $\frac{2}{3}$ от общего числа зарегистрированных иностранцев, т.е. более 80 тыс. человек, приезжают работать. При этом официальное разрешение на право трудовой деятельности имеют только около 10 тыс. человек, или 12,5%⁵¹⁸.

О географических масштабах внешней трудовой миграции и этническом составе иммигрантов свидетельствуют следующие данные. В 2001 г. иностранная рабочая сила привлекалась из 24 стран, в том числе из 6 государств СНГ. Уже в следующем, 2002 г., такая география расширилась соответственно до 34 и 8, а к 2005 г. — до 39 и 9 стран.

Главными экспортерами иностранной рабочей силы в 2002 г. являлись государства СНГ (39%), в том числе Казахстан (9,2%), Кыргызстан (7,6%), Таджикистан (11,9%). В ряду других поставщиков легальных мигрантов фигурировали также Корея (23,4%), Китай (14,4%), страны бывшей Югославии (7,3%), Болгария (7,2%). В 2005 г. доля стран СНГ в экспорте рабочей силы в Свердловскую область увеличилась уже до 65,3% (табл. 4.1).

Отметим, что среди стран СНГ доля таких республик, как Казахстан, Молдавия и Украина, составляет всего 4,3%, государств Закавказья — 12,0% (из них Азербайджана — 6,4%, Армении — 5,0%). Основными же «поставщиками» рабочей силы в регион являются государства Средней Азии (83,6% среди стран СНГ): Таджикистан — 55%, Узбекистан — 18,8%, Кыргызстан — 9,8%.

Роль других стран в качестве экспортеров рабочей силы также заметна: их удельный вес в общем составе иностранных работников составляет 34,7%. Ведущие позиции удерживают такие страны-доноры, как Китай (68,4% среди стран, не входящих в СНГ), Турция (12,6%), КНДР (8,3%), Вьетнам (5,1%).

Таким образом, главную роль среди стран — экспортеров рабочей силы в экономике Свердловской области удерживают: Таджикистан (36,0%), Китай (23,7%), Узбекистан (12,3%), Кыргызстан (6,4%), Турция (4,4%), Азербайджан (4,2%). Следует отметить, что приведенный состав государств—экспортеров иностранной рабочей силы, привлекаемой в экономику Свердловской области, существенно отличается от среднего для России, ибо основными странами — экспортерами иностранной рабочей силы в российскую экономику (по данным Росстата) являются: Украина (32%), Китай (14%), Турция (7%) и Вьетнам (7%).

Таблица 4.1

Иностранные работники, прибывшие в Свердловскую область (2005 г.)⁵¹⁹

Страны-доноры	Число и доля работников в Свердловской области	
	всего	в %
Всего иностранных работников	26552	100,0
в том числе		
в странах СНГ и Балтии — всего	17336	65,3
Белоруссия	—	—
Казахстан	247	0,9
Молдавия	87	0,3
Украина	419	1,6
Государства Закавказья	2080	7,8
Азербайджан	1106	4,2
Армения	851	3,2
Грузия	123	0,5
В государствах Средней Азии — всего	14 503	54,6
Кыргызстан	1702	6,4
Таджикистан	9538	36,0
Туркмения	—	—
Узбекистан	3263	12,3
Прибалтийские государства	4	0,02
В других зарубежных странах	9212	34,7
Болгария	235	0,9
Вьетнам	470	1,8
Китай	6299	23,7
Корея (КНДР)	761	2,9
Турция	1165	4,4
Прочие	282	1,0

Особый этнический состав трудовых иммигрантов в Свердловской области предопределяет такие их социально-демографические и профессиональные характеристики, как уровень образования и квалификации, ориентированность на определенные сферы занятости, адапта-

ционный потенциал, способность и готовность к интеграции и ассимиляции в принимающем обществе. О сложности кросснациональных взаимодействий говорит хотя бы тот факт, что в 2005 г. против иностранных граждан было совершено 295 преступлений (в 2004 г. их было 196, что на 50,5% меньше). Самими же иностранными гражданами (и лицами без гражданства) в 2005 г. было совершено 1442 преступления, что на 24% меньше, чем в 2004 г.

За период с 2002-го по 2005 г. количество разрешений, выданных работодателям на привлечение иностранной рабочей силы, выросло в 44 раза (с 52 до 2293). Как показано в табл. 4.2, количество разрешений на работу, выданных иностранным гражданам, выросло в 19 раз (с 1023 разрешений в 2002 г. до 19 679 в 2005 г.). Темпы роста по отдельным годам показывают, что количество разрешений на работу, полученных иностранными гражданами, росло быстрыми, однако уменьшающимися темпами: в 2003 г. (по сравнению с 2002 г.) рост составил 2,8 раза, в 2004 г. — 2,7 раза, а в 2005 г. — 2,6 раза. Темпы роста количества разрешений, выданных работодателям, росли ежегодно (2002—2004 гг.) в 4 раза, в 2005 г. прирост составил (по сравнению с 2004 г.) 2,8 раза.

Таблица 4.2

Динамика притока иностранных граждан и количества выданных разрешений для работы в Свердловской области⁵²⁰

Год	Временно зарегистрированные иностранные граждане, чел.	Количество разрешений, выданных для найма иностранных граждан работодателям	Количество разрешений на работу, полученных иностранными гражданами
2002	94 940	52	1023
2003	117 985	207	2860
2004	122 469	815	7629
2005	119 749	2293	19 679

Значительный рост числа разрешений, выданных работодателям на привлечение иностранной рабочей силы, и иностранным работникам объясняется влиянием следующих факторов.

Во-первых, в ноябре 2004 г. вступили в силу поправки в Кодекс об административных нарушениях: штрафы за незаконное использование иностранной рабочей силы выросли в 100 раз (с 2000 рублей до 200 000 рублей). Кроме того, были повышены штрафы как с самих иностранных рабочих — нелегалов, так и с тех, кто предоставляет им жилье

в наем. Работодатели, незаконно использующие иностранную рабочую силу, могут быть лишены лицензии на право ведения бизнеса. После вступления в силу поправок в Кодекс об административных нарушениях работодатели в массовом порядке занялись легализацией рабочих.

Во-вторых, сотрудники миграционной службы, отделов внутренних дел Свердловской области совместно с представителями муниципальных образований, руководителями различных государственных органов проводили целенаправленную работу по информированию работодателей о правилах привлечения иностранной рабочей силы, оказывали помощь в оформлении документов, осуществляли контроль и привлекали правонарушителей к административной ответственности. В 2005 г. из общего количества административных правонарушений миграционного законодательства РФ (28 336) нарушения правил регистрационного учета иностранными гражданами составили 86,6% (24 531 правонарушение).

В-третьих, в мае — октябре 2005 г. на территории Свердловской области осуществлялся проект информационной кампании представительства Международной организации по миграции (МОМ) в России и ГУВД Свердловской области. В рамках проекта были подготовлены и распространены: памятка для работодателей и иностранных граждан по порядку оформления разрешений на работу; плакаты, призывающие иностранцев получать такие разрешения, которые расклеивались в транспорте, на стройках и в местах массового проживания и работы иностранных граждан. Была организована телефонная справочная линия, по которой любой желающий мог позвонить по вопросам миграционного законодательства и получить квалифицированный ответ специалистов.

В-четвертых, Свердловская область в ноябре—декабре 2005 г. участвовала в пилотном проекте по легализации трудовых мигрантов из стран СНГ, въехавших в Россию в порядке, не требующем получения визы. Перед началом эксперимента была проведена активная информационная кампания в СМИ с разъяснением целей, задач и ожидаемых результатов. Был выработан механизм взаимодействия всех административных органов, участвовавших в регулировании миграционных процессов в Свердловской области (Управление федеральной государственной службы занятости населения, Управление по делам мигрантов, паспортно-визовое управление ГУВД), а также предприятий, задействованных в процессах миграции (государственное унитарное предприятие Свердловской области «Свердловский областной миграционный центр»). За период пилотного проекта в Управление федеральной государственной службы занятости населения обратились 207 работода-

лей для получения заключений о целесообразности привлечения иностранной рабочей силы. В связи с тем, что документы от них поступали в начале декабря⁵²¹, т.е. в последние дни эксперимента, соответствующие заключения получили 195 работодателей (94%). Из общего количества последних 176 (90,0%) получили разрешения на привлечение иностранной рабочей силы и на работу иностранным работникам. В результате было легализовано 1519 иностранных работников, выдано 399 дубликатов миграционных карт, оказано содействие в регистрации по месту пребывания 149 иностранным работникам.

Всего в 2005 г. на территории Свердловской области осуществляли трудовую деятельность на основании разрешений на работу 26 552 иностранных гражданина (с учетом разрешений, выданных в 2004 г.)⁵²², что составляет 1,3% от всех занятых в экономике региона.

Гендерная структура занятых иностранных работников характеризуется следующими данными: 87,4% составляют мужчины и 12,6% — женщины. Количество мужчин-мигрантов в составе иностранных работников превышает количество женщин-мигрантов в 7 раз. Другие экспертные оценки гендерного состава мигрантов также свидетельствуют о преобладании в их составе мужчин, при этом указывается, что среди мигрантов-таджиков это соотношение составляет 5:1.

Структура иностранных работников по возрасту представлена следующими группами (на 2005 г.): 36,6% — в возрасте от 18 до 29 лет, 33,2% — от 30 до 39 лет, 24,6% — от 40 до 49 лет, 4,5% — от 50 до 54 лет, 1,1% — старше 55 лет⁵²³.

Основными сферами применения труда иностранных рабочих являются оптовая и розничная торговля, общественное питание, строительство, промышленность, транспорт и связь. О существенных изменениях в структуре занятости иностранных рабочих за период с 2002-го по 2005 г. свидетельствуют данные табл. 4.3.

Если в 2002 г. более 1/3 иностранных работников было занято в строительстве (37,8%), второе место по количеству занятых принадлежало отраслям промышленности (28,1%), а на третьем месте были предприятия оптовой и розничной торговли, общественного питания, то в 2005 г. более половины иностранных работников было занято в сфере оптовой, розничной торговли и общественного питания (52%), в строительстве — 30,0% иностранной рабочей силы⁵²⁴, в отраслях промышленности — 7,0%.

Столь сильное снижение доли иностранных работников, занятых на промышленных объектах Свердловской области (с 28,1 до 7,0%), объясняется, с одной стороны, ростом уровня заработной платы на

Таблица 4.3

Структура занятости иностранных трудовых мигрантов в Свердловской области, %

Отрасль	2002 г. ⁵²⁵	2004 г. ⁵²⁶	2005 г. ⁵²⁷
Промышленность	28,1	7,5	7,0
Сельское хозяйство	4,6	—	0,6
Строительство	37,8	32,0	30,0
Транспорт и связь	2,5	—	3,7
Жилищно-коммунальное хозяйство	1,6	—	5,5
Общественное питание и торговля	22,5	48,4	52,0
Культура	1,7	—	—
Другие отрасли	1,2	—	1,2

предприятиях промышленности и повышением привлекательности рабочих мест для местного населения, а с другой — предпочтениями промышленных предприятий в найме рабочей силы.

За рассматриваемый период резко сократился удельный вес занятых в сельском хозяйстве (с 4,6 до 0,6%); напротив, заметно увеличилась доля занятых в секторе жилищно-коммунального хозяйства (с 1,6 до 5,5%), на транспорте и предприятиях связи (с 2,5 до 3,7%).

Наметилась тенденция к увеличению оформления привлекаемой иностранной рабочей силы физическими лицами. Если в 2004 г. только 90 физических лиц оформили разрешения на привлечение иностранных работников, то в 2005 г. их было уже 874, или почти в 10 раз больше.

Информацию о спросе на иностранную рабочую силу дают заявки на ее привлечение, поданные работодателями в межведомственную комиссию при правительстве Свердловской области по вопросам привлечения и использования иностранных работников. Нами были изучены заявки, поданные потенциальными работодателями в 2005 и 2006 гг. на привлечение иностранных работников. Всего было рассмотрено заявок на привлечение 16 849 иностранных работников в 2005 г. и на привлечение 6312 иностранных работников — в первом полугодии 2006 г.

Анализ был сфокусирован на оценке структуры спроса в аспекте требуемых навыков и умений, с одной стороны, и предлагаемых параметров заработной платы для каждой когорты работников по соответствующему уровню квалификации — с другой (табл. 4.4).

В группу «руководители и главные специалисты» были включены такие позиции, как начальники подразделений и их заместители (на-

пример, главный инженер, начальник цеха, начальник смены, заместитель главного бухгалтера), всего 119 заявок в 2005 г. и 31 заявка в первом полугодии 2006 г.

Таблица 4.4

Структура спроса на иностранных работников, %⁵²⁸

Категория работников	2005 г.	2006 г.	Зароботная плата		Минимальный потребительский бюджет (руб.) ⁵³⁰
			предлагаемая (тыс. руб.)	средняя (руб.) ⁵²⁹	
Руководители, главные специалисты	0,7	0,5	7,0–15,0		
Менеджеры	6,8	1,7	3,0–10,0		
Специалисты	18,8	15,1	3,0–10,0	8737,5	3118
Квалифицированные рабочие	22,3	25,2	1,0–8,0		
Неквалифицированные рабочие	51,4	57,5	1,0–3,0		

В группу «менеджеры» вошли инженеры-технологи, менеджеры по продажам, по логистике, маркетологи, юрисконсульты, торговые представители. Всего было подано 1135 заявок в 2005 г. и 112 — за первые 6 месяцев 2006 г.

В группу «специалисты» вошли представители таких позиций, как фармацевт, товаровед, переводчик, технолог, врач, инженер и др., требующие подобного уровня квалификации. В 2005 г. было подано 3165 такого рода заявок, за первую половину 2006 г. — 951.

Группа «квалифицированные рабочие» включает такие профессии, как машинист крана, экскаваторщик, электрогазосварщик, повар, сборщик мебели, мастер по пошиву верхней одежды и др. Работодатели подали 3165 заявок в 2005 г. и 1588 — за первую половину 2006 г.

В группу «неквалифицированные рабочие» вошли: бетонщик, дворник, подсобный рабочий, грузчик, сторож. Потребность в этих специальностях отражена в 8676 заявках за 2005 г. и в 3630 за 1-е полугодие 2006 г.

Данные таблицы показывают структурные изменения в спросе на иностранную рабочую силу. Так, удельный вес потребности на руково-

дителей и главных специалистов в общей структуре спроса на иностранную рабочую силу в 2005 и 2006 гг. оставался практически на одном уровне. Доля заявок на привлечение иностранных работников на позиции менеджеров за тот же период снизилась значительно: с 6,8 до 1,7%. Доля спроса на специалистов — инженеров, механиков, технологов, бухгалтеров — также уменьшилась с 18,8 до 15,1%. В то же время в структуре спроса на иностранных работников выросла доля, представленная спросом на квалифицированных рабочих, — с 22,3 до 25,2%, практически на столько же, на сколько уменьшилась доля спроса на специалистов. Значительно выросла также доля спроса на неквалифицированных рабочих — с 5,4 до 57,5%.

В таблице 4.4 представлены данные об уровне предлагаемых заработных плат для каждой рассматриваемой группы работников. Обращает на себя внимание, во-первых, достаточно сильный разброс предлагаемых уровней заработной платы для работников одной и той же группы. Так, например, разница в уровне предлагаемой зарплаты для руководителей и главных специалистов составляет 2,1:1, в группе менеджеров эта разница еще выше — 3,33:1. Наиболее высок уровень различий в предлагаемой заработной плате в группе квалифицированных рабочих, где он составляет 8:1. Разница между самой высокой и самой низкой заработной платой для группы неквалифицированных рабочих составляет 3:1.

Данные, приведенные в табл. 4.4, также показывают, что практически нет каких-либо различий в уровнях предлагаемых заработных плат для таких групп, как менеджеры и специалисты (в той и другой группе уровень предлагаемой заработной платы варьируется от 3 до 10 тыс. руб.). Думается, что эти совокупности работников можно отнести к частично конкурентным группам, что подразумевает ситуацию, когда работники могут в известных масштабах переходить из одной группы в другую. В этом случае заработная плата в большей степени зависит от соотношения спроса на труд и предложения труда, что приводит (в случае конкурентных или частично конкурентных групп) к ее выравниванию.

Следует также учесть, что предлагаемые уровни заработной платы сопоставимы со средней заработной платой по Свердловской области, главным образом для такой группы работников, как руководители и главные специалисты. Что касается менеджеров и специалистов, то среднее значение предлагаемой заработной платы для этих групп работников ниже, чем средняя заработная плата. Этот же вывод может быть сделан в отношении группы квалифицированных рабочих.

Уровни предлагаемой заработной платы для неквалифицированных иностранных рабочих не достигают минимального потребительского

бюджета в расчете на душу населения, установленного правительством Свердловской области для трудоспособного населения на I квартал 2006 г. Так, максимальный уровень предлагаемой заработной платы для неквалифицированных иностранных рабочих составляет 3000 руб., а величина минимального потребительского бюджета для трудоспособного населения — 3118 руб.

Наконец, данные таблицы показывают, что разрыв в уровне оплаты труда двух крайних групп — руководителей и главных специалистов, с одной стороны, и неквалифицированных работников — с другой, составляет от 7 до 5 раз (соответственно минимальные и максимальные значения уровня оплаты). Разрыв в уровне оплаты ближайших по уровню квалификации групп — руководителей и менеджеров, соответственно 2,3 и 1,5 раза.

Таким образом, есть все основания говорить как о наличии существенных различий в оплате труда иностранной рабочей силы по сравнению с оплатой труда национальной рабочей силы и о значительной разнице в уровнях заработной платы иностранных работников одинакового уровня квалификации, так и о серьезных разрывах в уровнях оплаты труда работников, принадлежащих к различным по уровню квалификации группам.

В заключение отметим, что среда трудовых иммигрантов неоднородна не только по национальному составу, но и по отношению к пребыванию в России. Трудовые иммигранты представляют собой особую группу, большинство членов которой приезжает только ради заработков и воспринимает проживание в России как временное.

Свердловская область принимает рабочую силу главным образом из стран Средней Азии (почти 55%), при этом на долю Таджикистана и Кыргызстана приходится 40,4% всех иностранных работников, занятых в экономике региона. Такой состав иностранной рабочей силы предопределяет адаптационный потенциал трудовых мигрантов, уровень их способностей и готовность интегрироваться в принимающую их экономику. Прибывающие трудовые мигранты отличаются низким уровнем урбанизации, для них характерен так называемый аграрный тип культуры, в котором значимы общинные (клановые) формы организации и солидарности. Именно общность и связи друг с другом являются тем ресурсом, который помогает, оберегает и снижает издержки миграции.

Рынки труда иностранных трудовых иммигрантов формируются как относительно обособленные локальные рынки, для которых характерны свойственные им уровни заработной платы, условия занятости, поис-

ка работы, стратегии поведения для работодателей и работников. В то же время эти рынки труда должны рассматриваться как составная часть региональных рынков труда, обеспечивающая их гибкость и выравнивание спроса и предложения.

Формирование комплементарных рынков труда иммигрантов должно быть поддержано адекватной государственной политикой, фокус которой — увязка интересов всех экономических агентов, различных групп населения, с одной стороны, и интересов трудовых иммигрантов — с другой.

§ 2. Мигранты и «этнические» рынки (на примере «китайского» рынка «Шанхай» в Иркутске)

Городскую жизнь России эпохи бурных перемен конца XX — начала XXI в. трудно представить без невероятно разросшейся системы мелкооптовых и оптово-розничных рынков. Они стали не просто ключевыми элементами формирующейся рыночной системы снабжения, а значит, и жизнеобеспечения низших и средних слоев населения страны, но и площадкой, полигоном, на котором происходило формирование слоя массового мелкого предпринимательства. Сюда сходились огромные товарные и денежные потоки, концентрировались самые разнообразные интересы. Здесь происходила стыковка формальной и неформальной экономик. В конце концов, без регулярных походов на такие рынки трудно представить себе стратегию экономического выживания основной массы горожан⁵³¹.

Рынки были не просто торговыми площадками — иногда небольшими, иногда огромными территориями, заставленными прилавками, навесами, ларьками, киосками, контейнерами, ангарами. Сюда стекались огромные потоки покупателей, здесь работали продавцы, грузчики, охранники, разносчики еды, карманники, представители массы других профессий. Вокруг них формировалась разветвленная инфраструктура поставщиков, посредников, продавцов самых разнообразных услуг — от предприятий общественного питания до казино, от различных форм охраны и покровительства до транспортировки и хранения товаров. Это были, как правило, процветавшие хозяйствующие субъекты, за контроль над которыми часто шла ожесточенная борьба.

Рынки стали (по традиции, заложенной еще в советские времена) и притягательным центром для постоянно растущего потока мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Сейчас это не только рабочее место, площадка для реализации экономических амбиций трудовых мигран-

тов. В качестве формы деловой активности и деловой культуры мигрантов они представляют собой социальный организм, сгусток сетей социальных связей, инструмент самоорганизации и социального контроля. Став основным «местом встречи», они превратились в механизм и инструмент взаимной адаптации принимающего общества и мигрантов: там происходит привыкание к совместной экономической и социальной деятельности, персонификация, осознание взаимной зависимости. Конфликтные ситуации во многом были проявлением и формой интеграционного процесса.

Концентрация мигрантов и их деловой активности на многих рынках сделала их в глазах окружающих «этническими» — «китайскими», «азербайджанскими», «кавказскими» или «среднеазиатскими». И в этом своем качестве они из хозяйствующего субъекта и снабженческой структуры превращаются в важный элемент общественной жизни, предмет общественно-политических дискуссий и инструмент политического манипулирования. Нет никаких сомнений, что хрестоматийными в этом качестве станут правительственные меры 2007 г. по изгнанию с рынков иностранных граждан. Меры эти, кстати, в деталях повторяют стремительно обанкротившиеся кампании по «африканизации», прокатившиеся по большинству стран Африки в 1960–1970-х гг.⁵³²

Насколько и чем этничны «этнические рынки» — вопрос, требующий дальнейшего теоретического осмысления и анализа конкретных ситуаций. Того же требует и более общая проблема этничности «этнической экономики»⁵³³. Очень важно на конкретных проблемах выяснить, какова роль этничности в формировании отношений на рынках, в деловых практиках отдельных торговцев и их сообществ. Не аксиоматичен и вопрос о том, существуют ли такие сообщества, — не исключено, что мы зачастую расцениваем в качестве таковых простые совокупности. Если же существуют — насколько в их основе лежит фактор этнического происхождения, этнического самосознания, связей на этнической основе.

Для данного параграфа принципиально важен вопрос — насколько и почему является китайским «китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске. С одной стороны, в последний период его деятельности китайцы составляли чуть больше половины всех продавцов рынка, большинство из которых юридически были независимыми друг от друга хозяевами. Позиции же в администрации и управленческом персонале комплектовались преимущественно из русских. Однако структура рынка с самого начала была организована на этнической основе (китайские, вьетнамские, киргизские, кавказские, русские ряды) — причем это сложилось

само собой, а не в результате решений администрации. В данном случае можно говорить об этническом разделении труда. Самим названием «Шанхай», или «шанхайка», рынок четко маркирован как китайский и безоговорочно является таковым в общественном мнении иркутян. Характерно, что это официальное в дальнейшем название первоначально было вполне неофициальным. Самое главное, есть много оснований предполагать, что рынок превратился из площадки для торговли в сложный социальный организм, узел социальных связей и сетей, в том числе и на этнической основе. Здесь сформировался и эффективно функционирует очаг, ядро социальной деятельности мигрантов, их общинной инфраструктуры, механизмов контроля и управления.

Все это и является предметом описания и анализа данной статьи. Совершенно сознательно она выстроена как *case study*, а по жанру мы бы отнесли ее к «физиологическим очеркам», популярным в конце XIX в.

Причина выбора в качестве объекта для изучения именно иркутского рынка проста — автор раздела целенаправленно наблюдает за ним с первых месяцев его существования, т.е. в течение уже тринадцати лет. Некоторые результаты этих наблюдений опубликованы⁵³⁴. К большому сожалению, автору неизвестно об аналогичных исследованиях по другим городам страны. Редкие исключения в этом смысле — два небольших, но насыщенных очерка о китайском рынке в Уссурийске⁵³⁵. Можно предполагать, что ситуация там типична и отражает общие для страны процессы, хотя с полной уверенностью говорить об этом можно будет только после проведения соответствующих исследований в других городах и регионах.

Изучение китайского рынка в современном российском городе имеет и самостоятельное значение. Как ни странно, но при всей огромной роли мелкооптовых рынков вообще и этнически маркированных в частности для повседневной жизни горожан 1990-х — начала 2000-х гг. объектом исследовательского интереса они практически не стали. С общей динамикой социально-экономической ситуации в стране роль таких рынков радикально меняется, что дает основание говорить об «уходящей натуре», о феномене, который вскоре (а по многим параметрам — уже сейчас) придется не описывать, а реконструировать.

Итак, китайский рынок в Иркутске известен под названием «Шанхай», или «шанхайка». Возникнув незаметно, как результат технических мер городских властей по упорядочению уличной торговли, рынок быстро стал гораздо большим явлением, чем обычная торговая площадка. Это не просто мелкооптовый рынок, каких в городе много. Через «шанхайку» в Иркутск вошел Китай. Вошел в его обыденность и по-

вседневность, стал неотъемлемой составной частью экономической жизни, быта, общественного сознания. Он стал местом встречи цивилизаций и культур, местом и механизмом их взаимного узнавания и привыкания. Одновременно это предмет головной боли городских властей, их тяжелейшая управленческая задача. К «шанхайке» обращено постоянное пристальное и часто не очень доброжелательное внимание иркутской прессы. Это излюбленный объект риторики многих местных политиков, видящих в «шанхайке» символ «китайской экспансии» и «желтой опасности».

Писать о нем трудно: современный российский бизнес и мигрантские сообщества — чрезвычайно закрытые миры. Оттуда поступает мало информации, она обрывочна и противоречива. О многих процессах и явлениях приходится строить предположения, основывая их на шаткой фактической основе. Однако жизнь рынка протекала негладко, внутренние противоречия нередко выливались в открытые конфликты, а это способствует информационным «выбросам». Проблема обсуждается во властных структурах, общественных организациях, в том числе китайских. За жизнью рынка пристально наблюдает иркутская пресса — одновременно и носитель информации, и зеркало общественных настроений, и инструмент их формирования.

Немного о самом рынке, его истории и месте в жизни города. В начале 1990-х гг. могло показаться, что центр Иркутска заполнили (по выражению некоторых журналистов — оккупировали) китайские коробейники. Они бросались в глаза внешним видом и манерой поведения, заслоняя собой многочисленных конкурентов из числа иркутян и мигрантов с Кавказа. Массовая торговля с рук на не предназначенных для этого улицах создавала жуткую толчею и антисанитарию. Ни о каком лицензировании и взимании налогов не могло быть и речи. Процветали рэкет, мошенничество, были нередки конфликты. Бурно протестовала общественность, не оставалась в стороне пресса, публикуя саркастические или гневные заметки⁵³⁶.

После периода некоторой растерянности городские власти решили выдвинуть уличную торговлю на специально отведенное место. Собственно, выбор этого места и предопределил успех дела. Под новый рынок отводилась территория разорившейся фабрики в исторически сложившемся торговом центре города, рядом с Центральным рынком. Здесь сходятся большинство транспортных маршрутов. Сюда поколениями приезжают за покупками. Здесь торговцы смогли расширить свою клиентуру.

Рынок был создан в ноябре 1992 г., а уже к лету на нем постоянно работали 500–600 продавцов. Их среднемесячная выручка (по расчетам Облстатуправления) равнялась месячному товарообороту всех офици-

ально зарегистрированных торговых предприятий центрального торгового района Иркутска. Вначале рынок выглядел вполне первозданно: огороженная забором и засыпанная гравием площадка, прямо на которой и раскладывались нехитрые товары. Вскоре возникла некоторая инфраструктура: ряды прилавков, навесы над ними, примитивные туалеты, камера хранения. В 2000 г. на территории 0,92 га располагалось уже 2500 торговых мест. В 2002 г. по требованию пожарных властей была произведена реорганизация, при которой число мест сократилось до 1300, а часть открытых прилавков была заменена на 982 «металлических павильона закрытого типа», в просторечии — контейнера. Реорганизация шла медленно, так как контейнер стоимостью 20 тыс. руб. устанавливался за счет арендаторов, многие из которых не могли или не хотели тратить такие большие деньги⁵³⁷. Сокращение числа мест затрагивало интересы многих и сопровождалось серьезными конфликтами.

Рынок функционирует как розничный и мелкооптовый. По пятницам и субботам со всей области (вплоть до далеких северных Братска и Усть-Илимска) и даже из Улан-Удэ и Читы сюда съезжаются на автобусах предприниматели для закупки товаров партиями. О масштабах закупок косвенно свидетельствуют данные криминальной статистики — бывали случаи, когда карманникам доставались суммы в десятки тысяч рублей и тысячи долларов⁵³⁸. Одновременно здесь могут находиться 20 тыс. человек, а дневная посещаемость его колеблется, в зависимости от сезона и дня недели, от 10 до 30 тыс. человек⁵³⁹. Больше ни один рынок Иркутской области такой пропускной способностью не обладает.

«Шанхай» принадлежит городу и обладает статусом муниципально-го учреждения. Торговые места сдаются в аренду на день, месяц или год. С февраля 2002 г. дневная стоимость торгового места на открытом прилавке была повышена с 65 до 80 руб. (при оплате вперед и сроком на месяц), однодневная же оплата составляла 100 руб. Место в контейнере оценивается в 240 руб. Поступления в городской бюджет от арендной платы достигли к 2004 г. 80 млн руб., еще 40 млн руб. стал приносить налог на вмененный доход⁵⁴⁰.

За эти годы на рынке и вокруг него сложилась развитая обслуживающая инфраструктура. Безопасность обеспечивают милицейский пункт и частное охранное агентство. За чистотой следят 22 дворника. Функционирует камера хранения, есть несколько платных общественных туалетов. В соседних с рынком домах и усадьбах открыта масса незарегистрированных частных столовых, кафе, общественных туалетов. Их регулярно закрывают санитарные власти, но они так же регулярно возрождаются. Имеются парикмахерская, фотография, платный переговорный пункт, открыт стоматологический кабинет. Есть бильярдная,

залы игровых автоматов. Регулярно организуются собачьи бои. Функционирует нелегальное казино, с которым безуспешно борются милиция и налоговые органы. По сообщениям иркутских газет, оно прекрасно оборудовано, и доходы его могут доходить до сотен тысяч рублей в день⁵⁴¹. В марте 2004 г. правоохранные органы раскрыли подпольное предприятие по изготовлению поддельных документов. Тогда же была обнаружена нелегально действовавшая швейная мастерская. При этом, однако, до сих пор на рынке нет медпункта, а самое главное — системы канализации и водопровода⁵⁴².

Вокруг рынка сложилась большая сфера обслуживания, где занято много иркутян. Помимо не очень значительного штата, это — нанятые местные продавцы, персонал столовых, кафе, хозяева помещений, сдаваемых под склады и жилье, хозяева и водители автотранспорта, грузчики, охранники и т.д. В основном, конечно, это «серая» занятость, не фиксируемая властями и не облагаемая налогами. Есть и «черная» — многочисленные карманники, рэкетеры, нечистые на руку чиновники, представители правоохранных органов и т.д. О масштабах заработков и доходов в «сером» и «черном» секторах остается только строить предположения. Не стоит забывать о массе мелких розничных торговцев в Иркутске и за его пределами, регулярно делающих оптовые закупки на «Шанхае».

В общем, «Шанхай» — крупный, прибыльный, процветающий хозяйствующий субъект, один из флагманов формирующейся рыночной экономики города, источник стабильных доходов для городской казны, создатель дополнительных рабочих мест, место работы и получения доходов для многих иркутян. Но вряд ли верно определять его значение только этим. В конце концов, только рядом с ним находятся еще девять мелкооптовых рынков, пусть и не таких больших. Всего же в Иркутске функционирует около 40 рынков и более 2000 магазинов, киосков и павильонов⁵⁴³.

«Шанхайка» — не просто торговая площадка, не только один из многочисленных мелкооптовых рынков, пусть и крупный. Это ключевой центр всей системы снабжения региона, его жизнеобеспечения. Таким положением он обязан нескольким факторам: массовым дешевым китайским товарам, дешевому и эффективному труду китайских торговцев, разветвленной и прочной «грибнице» связей и деловым взаимоотношениям, стратегически выгодному месту, устойчивым привычкам потребителей.

Роль рынка отчетливо выявилась в кризисный момент дефолта 1998 г. Он привел к резкому спаду экономической деятельности вообще, к тому, что «Шанхай» заметно опустел, многие торговцы разори-

лись, начались перебои с поставками товаров, выросли цены, сократился спрос. Это был настоящий шок, экономическая деятельность китайских торговцев замерла. Но шок не перерос в обвал. Уже через две-три недели торговля начала оживать, хотя долго не могла достичь доавгустовских масштабов по обороту, ассортименту товаров, численности торговцев и покупателей⁵⁴⁴.

Однако дешевизна товаров и эффективность торговцев вызывают сложное отношение у местного делового сообщества. Часть его получает от этого несомненные выгоды и осознает это. Но для большинства «шанхайка» и его обитатели — это конкурент, причем конкурент сильный и опасный. Вряд ли случайны соответствующие регулярные кампании в прессе, не менее регулярные попытки закрыть рынок. Есть обратная сторона медали и у крайне выгодного места расположения рынка. Это транспортные пробки и проблема транспортной безопасности на окрестных улицах. Каждый квадратный метр площади в этом районе города дорог и крайне дефицитен. Поэтому динамично растущий рынок не может расширяться. Отсюда скученность, чрезмерная нагрузка на каждый клочок земли, тесные проходы между прилавками. Пожар или террористический акт, просто паника могут привести к большим жертвам. Территория рынка плохо обустроена — нет обычной и ливневой канализации, водопровода. Площадка не заасфальтирована. Отсюда антисанитария — грязь под ногами во время дождей, убогие, но платные туалеты. Санитарные власти неоднократно выносили постановления о закрытии рынка, но после соответствующих обещаний администрации отзывали эти запреты⁵⁴⁵.

Прямо на территории, в вагончиках, в прилегающих домах действует много столовых, кухонь, кафе, закусочных. Точное их количество не знает, видимо, никто. Они не испытывают недостатка в клиентах — их продукция дешева, ориентирована на разные вкусы (есть китайская, узбекская, корейская, вьетнамская и т.д. кухня). Большинство из них действует подпольно и потому налогов не платит. Санитарные врачи с ужасом описывают, в каких антисанитарных условиях, с нарушением всех мыслимых норм готовится там пища. Все попытки пресечь деятельность таких заведений, а тем более ввести их в легальное русло заканчивались неудачей⁵⁴⁶.

Рынок интенсивно втягивает в свою орбиту прилегающие дома, превращая их в склады товаров, ночлежки, подпольные забегаловки и притоны, а их усадьбы — в свалки мусора. Некоторые предприимчивые жильцы выстроили здесь примитивные платные туалеты для посетителей рынка. И до создания «шанхайки» этот район был трущобным, теперь же жизнь его обитателей стала невыносимой. В прилегающих к

рынку домах регулярно вспыхивают пожары. И жители домов, и иркутские СМИ единодушны в том, что это форма борьбы за захват (возможно, уже передел) городской земли, которая при самых небольших вложениях обещает стать настоящей «золотой жилой».

Рынок давно стал источником повышенной криминальной опасности для города. Это, в общем, естественно и неизбежно для места, где концентрируются огромные финансовые и товарные потоки и где на небольшом пятачке ежедневно встречаются тысячи людей. «Шанхайка» — излюбленное поле деятельности карманников. Здесь процветает мошенничество в самых разных формах. Отдельная тема — рэкет. Становление мелкого и среднего бизнеса в России вообще невозможно представить вне этого фактора⁵⁴⁷. Однако, по понятным причинам, реальной информации очень мало. Судя по отрывочным данным и оценкам экспертов, на первых порах это происходило в форме простого вымогательства, затем постепенно переросло в некую упорядоченную систему. По словам заместителя президента Иркутской ассоциации по защите китайских граждан Михаила Ли, «раньше моих земляков крышевали. Хотя это выглядело как обычное вымогательство. Когда предприниматель приезжал из Китая со своим товаром, с него брали мзду — за каждый баул по 50 долларов. Сейчас такое тоже есть, но проявляется уже не так активно, как раньше»⁵⁴⁸.

По оценкам специалистов из наиболее заинтересованных ведомств, вслед за первыми «челноками» в Иркутск потянулись и криминальные элементы. Со временем их деятельность приобретает организованный характер — от простого грабежа соотечественников к контролю и регулированию. Уже в 1995 г. представители правоохранительных органов констатировали, что «шанхайку» контролируют три преступные группировки, состоящие из монголов и китайцев. Они постепенно сражаются с местным криминалом. Процесс этот протекал скрыто, прорываясь иногда инцидентами, подобными тому, что произошел в феврале 2003 г. Тогда был застрелен крупный китайский бизнесмен, начавший свою деятельность в Иркутске в 1998 г. Он вел крупные операции с лесом и металлом, владел несколькими торговыми павильонами на рынке. Представители правоохранительных органов, сообщив, что он имел несколько судимостей в Китае, назвали его лидером организованной преступной группировки. По их оценке, он облагал данью всех китайских торговцев города. Основная версия причины заказного убийства — передел сфер влияния на «шанхайке»⁵⁴⁹.

Значительная, а возможно, и большая часть финансовых потоков на рынке находится вне контроля властей. Фискальные службы постоянно жалуются на огромные потери от массовой неуплаты налогов тор-

говцами. По данным налоговой полиции, более 70% из них недоплачивают налоги или не платят вовсе. Результаты очевидны — большие финансовые потери государства, получение китайским бизнесом нечестных конкурентных преимуществ, дискредитация налоговых и правоохранительных органов.

Такая ситуация провоцирует формирование системы теневых поборов. Тема эта деликатная, сложная для обсуждения и анализа. Информации по данной проблеме очень мало. И только в ситуациях острых и открытых конфликтов проблема становилась предметом общественного рассмотрения. В 1999 г., когда было сокращено количество торговых мест, это вызвало массовый митинг и пикетирование здания администрации рынка. Протестующие торговцы заявляли, что их лишили мест, за которые они заплатили по 1,5–5 тыс. долл., а теперь за возобновление права на аренду места с них требовали по 5–15 тыс. руб. Представители администрации рынка категорически опровергли саму возможность подобных поборов. Они предположили, что сами китайские торговцы перепродают друг другу право на аренду торговых мест, причем контролирует этот процесс «китайская мафия»⁵⁵⁰.

В ноябре 2001 г. произошла недельная забастовка торговцев, вылившаяся уже в несанкционированный митинг у здания областной администрации. По словам чиновника мэрии, митингующие возмущались непомерной платой. «Правда, за что они платят, кому и чем конкретно недовольны, понять так и не удалось. Моя задача заключалась в том, чтобы разъяснить порядок проведения митинга, т.е. ввести все действия в законное русло». Журналистам же бастующие говорили, что помимо официальной арендной платы с них требуют еще по 800 долл. в год за место. Администрация рынка вновь саму возможность этого категорически отвергала и считала причиной беспорядков «нервозность» тех торговцев, у которых при очередном перезаключении договоров выявилось «шаткое визовое положение»⁵⁵¹.

О масштабах теневых поборов в Иркутске ходят самые фантастические слухи. Одна из газет писала: «О баснословных доходах торговцев говорит такой факт: чтобы получить торговое место на “Шанхае”, необходимо заплатить 18 тысяч долларов». Цифра, конечно, запредельная, но само явление властями признается. «Что касается других рынков, — комментирует журналист, — то представители муниципалитета заявляют как общеизвестный факт наличие неофициальной арендной платы наряду с официальной. Т.е. дополнительные суммы берут с предпринимателей “черным налогом”»⁵⁵².

Актуальна проблема милицейского произвола и вымогательства. По мнению большинства китайских респондентов, иркутские милиционеры считают их людьми второго сорта и «дойной коровой», стабильным

источником доходов. Еще совсем недавно любой служащий МВД в униформе мог отправиться проверять документы у китайских торговцев на рынке и собирать штрафы; естественно, без квитанции. Бывали случаи, когда сотрудники ГИБДД снимали бляхи и шли на рынок «подзаработать». Уникальным событием стал приговор Иркутского областного суда в отношении капитана налоговой полиции, обвиненного в грабеже, взяточничестве, вымогательстве и избиении китайских торговцев «шанхайки». Полицейский, прозванный торговцами за свой нрав «Эдиком-собакой», был осужден на восемь лет с конфискацией имущества⁵⁵³.

И наконец, далеко выходящая за пределы «шанхайки» проблема нелегальной миграции. О ее масштабах можно только строить предположения. Теоретически нелегальных торговцев не должно быть вовсе: арендовать место можно только при верно оформленных документах (с временной регистрацией, визой и свидетельством о предпринимательской деятельности). Практика показывает иное. Сами администраторы рынка иногда признают, что часть арендаторов обладает весьма сомнительным правовым статусом. Об этом недвусмысленно говорят и результаты регулярных проверок паспортно-визовой и миграционной служб.

Внимательный посетитель рынка быстро замечал, что в этом огромном скопище народа есть система. По словам директора, «на нашем рынке существует строгое распределение по видам товара... И мы, администрация рынка, не имеем к этому никакого отношения. Это уже неведомые нам силы расставляют торговцев на рынке. Есть разделение по национальному признаку, в специализации на определенном виде товара»⁵⁵⁴. Последнее обстоятельство делает неизбежным вопрос — а насколько китайским является «китайский рынок»? Уже в 1994 г. журналистка отмечала, что «здесь, как на Ноевом ковчеге, “каждой твари по паре”...Промышляют тут торговцы разных национальностей: корейцы, китайцы, вьетнамцы, лаотяне, монголы, африканцы, арабы, афганцы, кавказцы, русские»⁵⁵⁵.

Накануне дефолта китайцы арендовали три четверти торговых мест. К 2002 г. соотношение было таково: более тысячи китайцев и корейцев, около трехсот вьетнамцев, полторы сотни кавказцев, шестьсот с небольшим русских, две сотни представителей других национальностей. После реорганизации, когда число мест на рынке сократилось с 2500 до 1300, на рынке осталось 495 китайских и 485 русских торговцев. Все эти цифры давали в разное время представители администрации рынка⁵⁵⁶. Можно предположить, что доля китайцев выше за счет практики найма местных продавщиц, которые оформляются как самостоятельные арендаторы.

Таким образом, китайцы преобладают количественно. Еще важнее то, что «шанхайка» — это ключевой распределительный узел именно китайских товаров. Китайские товары, труд китайских торговцев, «ки-

тайские» цены — все это определяет общую атмосферу на рынке и твердую репутацию его как китайского у иркутян. Эта репутация — залог высокой конкурентоспособности «шанхайки». Директор рынка заметил по этому поводу: «Показательный момент на тему “кто есть кто на рынке”: когда во время недавней забастовки китайцы не работали, рынок опустел. Покупатели не воспринимают “Шанхай” без китайцев»⁵⁵⁷.

Уже отмечалось, что видимое структурирование рынка — ряды по группам товаров и национальные блоки — сложилось не по инициативе администрации. По крайней мере, по ее утверждениям. Не в состоянии она удерживать и монополию на распределение мест. Следовательно, есть и другие силы, обладающие властью и влиянием. В СМИ промелькнуло глухое упоминание о совете предпринимателей рынка⁵⁵⁸, но, судя по всему, орган этот вряд ли обладает реальным влиянием.

Видимо, такой властью являются неформальные лидеры — «капитаны», по распространенному определению иркутской прессы. Как правило, они хорошо владеют русским языком и имеют опыт общения с властями. В их обязанности входят сбор денег с рядовых торговцев для уплаты налогов и отчет в государственных налоговых органах. Таким образом, «капитаны» аккумулируют в своих руках средства с оборота китайских торговцев, представляют интересы коммерсантов-соотечественников и берут на себя функцию защиты этих интересов. Они оказывают также разнообразные услуги новичкам, помогая им освоиться в чужом и незнакомом обществе.

Характерно, что представители официальной администрации рынка, комментируя конфликтные ситуации, связанные с распределением и перераспределением мест, часто подчеркивали, что принимают решения совместно с представителями китайских ассоциаций, обществ, которые они тут же называют иногда мафиями. Из их интервью видно, что это реальные игроки, с которыми необходимо считаться. Они могут делать предложения, от которых трудно отказаться⁵⁵⁹.

Круг этих «капитанов» и их типы достоверно описать трудно. На поверхности — активность трех зарегистрированных в Иркутске китайских национально-культурных обществ. Истории их возникновения, деятельность, роль в городе — предмет особого анализа. Здесь же необходимо отметить, что все они активно работают на рынке, отстаивая интересы своих кланов, вступая при этом в жесткие конфликты друг с другом. Они ориентируются на разные группы соотечественников, обладают различными ресурсами (такими, как связи с властями КНР, например).

По словам лидера «Китайского общества», «мы хотим привить китайцам-предпринимателям навыки цивилизованной торговли, познакомить их с

российским законодательством. Наша главная задача — научить наших соотечественников жить и торговать по российским законам»⁵⁶⁰.

На практике — это оказание консультационно-посреднических услуг, урегулирование постоянно возникающих проблем с властями, особенно налоговыми органами, неофициальное представительство консульства КНР.

Совершенно откровенно аналогичный набор задач зафиксирован в записи на членском билете Ассоциации «Азия» (2006 г.): «Все вопросы, касающиеся: истребования документов (ст. 93 НК РФ), выемки документов и предметов (ст. 92 НК РФ), а также недопустимости причинения неправомерного вреда при проведении налогового контроля (ст. 103 НК РФ), рассматриваются в соответствующей организации, членом которой является данный гражданин КНР»⁵⁶¹.

При необходимости эти общества используют такой мощный ресурс, как официальный статус и возможность прямого обращения к властям. Характерна стилистика коллективной жалобы на имя мэра Иркутска: «Мы, члены Иркутской общественной некоммерческой организации “Китайское общество”, от имени китайских торговцев с “Шанхайского рынка” и от имени всей многочисленной китайской диаспоры в России просим навести законный порядок на “Шанхайском рынке”, официально именуемом “Торговая площадь”». Суть жалобы — незаконные поборы администрации рынка при регулярном перераспределении торговых мест. Общество требует согласовывать с ним все реорганизации, прекратить практику незаконных поборов, выделить китайским торговцам места, которые они сами делили бы между собой»⁵⁶².

Общества — это реальная сила, но вряд ли единственная и, возможно, не преобладающая. Куда большим влиянием могут обладать крупные дельцы — настоящие хозяева рабочих мест, товаров, финансовых ресурсов. На них работают или от них зависят мелкие торговцы. Они обеспечивают реальное покровительство, формируя сети «патрон—клиент». Их экономическая мощь может дополняться криминальным влиянием, как это было в случае с убитым «авторитетом».

Влияние таких людей на основную массу торговцев огромно. Рядовые торговцы — это уже люди другого типа: из низов, не очень образованные, без капиталов и связей. Они готовы терпеть всяческие лишения, много и тяжело работать, довольствоваться небольшими заработками. Конечно, по сравнению с началом 1990-х гг. и в их среде наблюдается некоторый прогресс. Постепенно исчезает преобладавший ранее тип неуверенного, плохо одетого чужака явно крестьянского типа. Ушли в прошлое сцены на «Шанхае», когда продавцы и покупатели торговались, записывая и перечеркивая цифры на бумажке. Большинство мо-

жет общаться с покупателями по-русски, некоторые выучили язык довольно хорошо.

Пример того, как функционирует система отношений «патрон—клиент», был продемонстрирован во время суда над налоговым полицейским. Когда «Эдик-собака» отобрал у торговца выручку, тот обратился к старшему своей группы. Затем еще десять торговцев пожаловались ему, что полицейский отобрал у них документы и вещи. При попытке договориться старший группы был избит. После этого, как написано в судебной хронике, «*передал свои полномочия более опытному товарищу*»⁵⁶³. Видимо, этот уровень оказался достаточным для решения проблемы — документы и вещи были возвращены владельцам в обмен на 5000 руб. и меховую куртку. Давая показания в суде, «*более опытный товарищ*» рассказал, что регулярно посредничал при оплате налогов торговцами. Во всем этом видна отлаженная система отношений, строгая иерархия.

Конечно, о действенности этого механизма можно судить по косвенным признакам. Поэтому так важно описать и проанализировать уже сложившуюся практику коллективных действий. Уже несколько раз упоминалось, что острые конфликты на рынке и вокруг него выливались в забастовки торговцев, пикетирование ими администрации рынка, блокирование прилегающей улицы (одной из основных транспортных артерий города) и — как апофеоз — в массовое пикетирование зданий областной и городской администраций. Для китайцев — иностранных граждан, занимающихся бизнесом на весьма сомнительных правовых основаниях, а часто и пребывающих в городе «на птичьих правах», — участие в «харталах» и пикетировании сопряжено с немалым риском. Особенно это касается несанкционированных демонстраций и пикетирования органов власти: ведь фактически речь идет об акциях политического характера, осознали это или нет ее участники. Санкции в данном случае могли быть самыми болезненными. На таком фоне даже огромные финансовые потери от каждого дня простоя рынка кажутся мелочью. Поэтому массовое участие предполагает, помимо мощной мотивации, высокую степень готовности и способности к самоорганизации, жесткой групповой дисциплине, наличие авторитетных лидеров, санкций за неподчинение и т.д.

С первых же дней существования рынка было объявлено о его временности. Об этом постоянно заявляли представители городских и областных властей, руководители пожарных, правоохранительных, санитарных служб. Обсуждение любой проблемы, связанной с «шанхайкой», начиналось и заканчивалось утверждением, что рынок вскоре закроют, а на его месте, согласно генеральному плану развития города, откроют многоэтажную платную автостоянку. От властей требовали закрыть «эту клоаку», а те охотно обещали это сделать.

Тем не менее рынок эффективно функционировал тринадцать лет, пережив даже эпидемию атипичной пневмонии в 2003 г., которая создала прекрасный повод для атаки на рынок. В очередной раз заявили о необходимости радикально решить проблему депутаты Городской думы. Два вице-губернатора жестко потребовали от мэрии закрыть рынок по соображениям санитарии, а также безопасности и общественного порядка. Заместитель мэра, проинформировав, что стратегическое решение о переносе «шанхайки» принято еще в 2002 г., заявил, однако, что дело это не простое и не быстрое. Рынок дает горожанам 1,5 тыс. рабочих мест и миллионы рублей в городской бюджет. «Популизм, — заявил он, — не метод решения проблем “Шанхая”»⁵⁶⁴. Фактически это был решительный и жесткий отказ.

Однако в сентябре 2006 г. городская администрация ликвидировала рынок. Это решение встретило отчаянное сопротивление торговцев: подавались иски в арбитражный суд, проводились публичные акции (пикеты, перекрытие улиц), подписывались коллективные обращения, распространялись листовки, был организован профсоюз работников рынка, его представители встречались с мэром. Дело дошло до телеграммы президенту страны. Однако городские власти оказались непреклонными. На организованное сопротивление они ответили жесткой конфронтационной риторикой, обычно им не свойственной. Единственной уступкой стала отсрочка закрытия рынка до начала 2007 г.

Не исключено, что такой причиной решительности и непреклонности при проведении меры, заведомо чреватой большими экономическими и социальными издержками, стало то, что, как пронизательно заметила журналистка, «рынок “Шанхай” стал символом целой эпохи. Однако эпоха не уходит без боя»⁵⁶⁵. Проблема «шанхайки» переместилась в символическую плоскость: ни об одном рынке города не писали, не спорили так много. Он олицетворял многое: «*китайскость*», трущобность («клоака»), неприкрытую бедность («рынок для бедных»), огромные финансовые потоки и подозрения в том, что городские чиновники используют их не по назначению. Для муниципальной власти рынок был не только источником растущих доходов, но и постоянной головной болью. Самое интересное, что фактически «шанхайка» является только частью единой торговой площади, на которой расположены еще восемь частных рынков, создающих абсолютно такие же проблемы для города. Та же трущобность, антисанитария, скученность, транспортные проблемы, запутанные финансовые и налоговые отношения, те же китайцы (по некоторым оценкам, до трех тысяч человек)⁵⁶⁶. Но об их закрытии речь не идет.

«Шанхай» ликвидирован как хозяйствующий субъект, ушел в прошлое как торговая площадь. Означает ли это прекращение деятельности *китайского рынка* в городе? Показательна в этой связи реакция на события китайских торговцев. Чрезвычайно активные, боевитые, организованные, способные на риск во время борьбы за передел ресурсов рынка, они полностью отстранились от борьбы за его спасение. Это выявилось еще на стадии подспудной борьбы в администрации города, в ходе которой и было принято решение о закрытии. Тогда, в ноябре 2004 г., произошло уникальное для России событие — была создана газета под характерным названием «Восточно-Сибирский “Шанхай”». В разговоре с автором его основатели и журналисты подчеркивали, что инициатива и ресурсы исходили от русских торговцев и что главная задача газеты — воздействовать на общественное мнение иркутян с целью предотвращения закрытия рынка. Газета выходила до лета 2005 г. (вышло около десяти выпусков) двадцатитысячным тиражом и довольно умело и профессионально боролась за жизнь рынка. Осенью 2006 г. в арьергардных боях также участвовали только русские торговцы.

Показательна динамика их риторики. Первый номер газеты начался с обращения «интернационального коллектива предпринимателей рынка». Подчеркивалось, что его отличительная черта — «интернациональность. Русские, таджики, узбеки, вьетнамцы, киргизы, корейцы, китайцы (всего 27 национальностей) — выбирайте продавца и добро пожаловать!»⁵⁶⁷. Осенью 2006 г. упор делался на то, что от закрытия «Шанхая» пострадают торговцы-иркутяне, а «*нелегальные и не платящие налогов*» китайцы уже перебрались на соседние рынки, где их никто не трогает и где им (конечно, не бескорыстно) покровительствуют чиновники⁵⁶⁸.

В этом сказалось, конечно, стремление использовать политическую конъюнктуру в стране, прежде всего решения федеральных властей о вытеснении иностранных граждан с розничных рынков. Однако и ситуация в Иркутске также к этому подталкивала. Китайский рынок перерос границы официального «Шанхая», соответствующая инфраструктура переместилась на другие торговые площадки города, особенно соседние. Фактически сформировался «Большой Шанхай». И решение городских властей обрушилось только на символ китайского рынка. В общем: «Шанхай» умер! Да здравствует «Шанхай»!

Выводы

За тринадцать лет существования рынок превратился из торговой площадки в сложный, саморазвивающийся и саморегулирующийся организм, во многом живущий по собственным законам и правилам.

Одновременно он стал интегральной частью иркутской экономической и общественной жизни. Его жизнедеятельность регулировалась не только (и не столько) официальными нормами и инструкциями, сколько сводом неписанных (и потому действенных) правил, обычаев, законов. Помимо официальной администрации, эффективно функционировали различного рода неофициальные управленческие структуры, лидеры, хозяева. Люди, так или иначе занятые на рынке, — это не конгломерат, неоформленное скопление торговцев и обслуживающих их работу охранников, уборщиков, разносчиков еды, таксистов и т.д. Они жестко организованы, структурированы, связаны сложной системой взаимных обязательств и ответственности, поэтому они способны на массовые коллективные действия, требующие высокого уровня организации, жесткой внутренней дисциплины, эффективного руководства.

Эта структура многофункциональна: помимо собственно торговой деятельности там сложился комплекс сервисных и развлекательных услуг (от нелегального казино и собачьих бегов до подпольной мастерской по изготовлению подпольных документов, от сети кафе и столовых до охранной, транспортной, консалтинговой инфраструктуры).

Далеко не все китайские мигранты Иркутска работают на «Шанхае», видимо, даже не большинство. И уж тем более они не живут там. Но к рынку стягиваются нити отношений и связей, там находится нервный центр формирующегося китайского сообщества города. И закрытие первоначального ядра китайского рынка вряд ли что принципиально изменит.

В чем причины такой живучести? Если шире — почему так стремительно сформировались общинные структуры и за счет чего они так сильны и эффективны? Является ли это следствием «национального характера» китайцев (и тогда неизбежен вопрос: а что это такое вообще — «национальный характер»?) или это результат тех проблем, с которыми приходится сталкиваться всем мигрантам? Иначе говоря: китайские мигранты создают общинные структуры потому, что они китайцы, или потому, что они мигранты? Это результат естественного стремления к взаимодействию с людьми своей культуры, своего языка, выходцами из своей страны — и/или это особый тип организации общества, специфический механизм социального контроля и власти?

Оставлю за скобками «национальный характер» в силу очевидной априорности, неопределенности и низкой инструментарности этой категории. Обратимся к ситуации мигранта. Его успех во многом зависит от уровня и характера удовлетворения адаптационных потребностей. В принимающем обществе мигрант остро нуждается в статусе (гражданство, вид на жительство, пребывание-проживание, прописка-реги-

страция, разрешение на работу и т.д.); безопасности; связях (вхождение в сложную паутину связей, сетей и отношений в принимающем обществе — неперенный залог делового успеха и завоевания социального статуса); информации. Удовлетворение данных потребностей необходимо для обеспечения миграционного трафика (от принятия решения ехать до обустройства на новом месте); создания условий для эффективной экономической деятельности; поддержания отношений с исторической родиной (от переводов и поддержки семей до возможности быть погребенным в родной земле); обеспечения социокультурных и бытовых проблем (от необходимости освоить язык, нравы, обычаи, нормы, манеры поведения, стиль одежды и т.д. принимающего общества до сохранения и поддержания собственной идентичности, сохранения родного языка, обычаев, норм, манер).

Опыт показал, что добиться решения этих сложнейших задач индивидуальными усилиями мигранта невозможно. Формальные и неформальные мигрантские сети и сообщества помогают им осваиваться в социальном пространстве российских городов, удовлетворяют спрос мигрантов на их базовые потребности в чужом обществе: безопасность, информацию, связи, инфраструктуру обеспечения проживания и деятельности.

Вся описанная система функционирует в рамках рыночных отношений, является ее интегральной частью. Поэтому оказываемые в ее рамках услуги стоят денег. Но это не единственная цена. Основная плата — подчинение, вхождение в систему непреложных обязательств, клиентельной зависимости.

Результатом является формирование общинного ядра, не только и столько среды людей одного языка и культуры, сколько механизма социального господства, контроля и подчинения со своими законами, механизмами их выполнения и системой санкций. Община и общинная солидарность могут функционировать и как механизм взаимной поддержки и контроля, и как оружие в борьбе за ресурсы в принимающем обществе. Они обладают огромным мобилизационным потенциалом.

Такую стратегию адаптации мигрантов можно уверенно оценить как вполне успешную и эффективную. Но в ней же заключается источник уже формирующихся проблем и конфликтных ситуаций. В ее результате возможно формирование неких твердых «ядер», непроницаемых для посторонних. Возникает предпосылка для «закукливания» мигрантов в рамках своих общностей, что явно может понизить их стремление к социокультурной интеграции в принимающее общество. Пример «чайна-таунов» в данном случае яркий и самый распространенный. Напрашивается гипотеза о том, что такое **общинное образо-**

вание закрыто от принимающего общества не только социокультурной и этнической чужеродностью, но и принципиально иным типом социальных связей, регулирования и власти. Неизбежное и далеко идущее следствие формирования ядра общинности в атомизированном, индивидуалистическом обществе — постоянный контакт и взаимодействие двух разных, возможно, несовместимых типов социальной организации, разнотипных механизмов регулирования человеческого поведения. И если в дореволюционной России или, скажем, в современной Индонезии, где и принимающее общество во многом было или является общинным, такое общинное образование органично встраивалось в общинное же общество (модель—гетто), то в современной России неизбежны отторжение и конфликт.

Современное рыночное, индустриальное, индивидуалистическое общество, не просто готовое мириться с этническим и культурным разнообразием, но и часто способное в рамках стратегии мультикультурализма поддерживать и развивать это многообразие, общинный тип организации, власти и регулирования человеческого поведения принять и интегрировать вряд ли сможет. И это заставляет уже сейчас задумываться над тем, что может означать возможное появление «чайна-таунов» для китайских мигрантов и их потомков, с одной стороны, и для принимающего общества и властей России — с другой.

§ 3. Попытки создания компактных поселений (на примере корейских мигрантов в Приморском крае)

Огромные расстояния и местоположение региона на перекрестке мировых культур оказали значительное влияние на отношение административных властей к зарубежным мигрантам. Колонизация дальневосточных земель происходила в ходе миграции подданных Российской империи и иностранцев.

Переселение корейцев на Дальний Восток началось во второй половине XIX в. Иммиграция носила стихийный характер, так как корейские крестьяне уходили в первую очередь от контроля властей. Отсутствие официальных договорных отношений между странами до 1884 г. провоцировало рост нелегальной миграции из Кореи.

По мнению А.И. Петрова, «главной причиной корейской иммиграции и в особенности *первой группы корейских семей* явилось стремление улучшить свое материальное положение за счет того, что в России им не надо было в течение 20 лет платить никаких налогов»⁵⁶⁹.

На протяжении последующих лет масштабы корейской иммиграции увеличивались. На конец 1923 г. в Приморской губернии проживало 124 тыс. корейцев, из которых только 27,2% являлись советскими гражданами, имелось 475 корейских населенных пунктов, на территории которых было образовано 70 корейских сельских советов⁵⁷⁰.

В 1930-е гг. иммиграция практически прекратилась. После принятия в августе 1937 г. постановления Совета народных комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» в Казахстан и Узбекскую ССР около 170 тыс. человек были депортированы.

Политика дальневосточных властей в отношении корейских иммигрантов формировалась под влиянием экономических задач и идеологических установок. Периоды открытости и благоприятствования деятельности и присутствию корейцев в регионе сменялись десятилетиями, в течение которых Дальний Восток страны находился в состоянии изоляции от внешнего мира и ограничения на проживание корейцев.

Согласно «Директиве Министерства внутренних дел Союза ССР от 2 августа 1946 года», «въезд корейцам в Дальневосточные районы (Бурят-Монгольская АССР, Читинская область, Хабаровский и Приморский край) по-прежнему без особого разрешения МВД СССР воспрещался»⁵⁷¹.

Но в условиях хронической нехватки рабочей силы советское правительство приняло решение о привлечении рабочей силы из Кореи. В марте 1947 г. Министерству рыбной промышленности восточных районов СССР было разрешено «...завербовать в Корею в 1947 г. 22 тысячи человек для работы на предприятиях рыбной промышленности Дальнего Востока»⁵⁷².

Начиная с середины 1950-х гг. в Приморье из Узбекистана и Казахстана стали возвращаться корейские семьи, которые имели финансовые возможности для самостоятельного переселения.

По данным Приморского государственного комитета государственной статистики, в Приморье в 1959 г. корейцев было 6597, в 1970 г. — 8003, в 1989 г. — 8125, в 2002 г. — 17 899 человек⁵⁷³. Относительная стабильность численности корейцев на протяжении трех десятков лет была связана с «закрытостью» Владивостока и пограничных районов края.

Однако данные о численности корейцев расходятся. Например, Л. В. Забровская утверждает, что в 1996 г. в Приморье проживало свыше 18 тыс., а в 1997 г. — 26 тыс. корейцев⁵⁷⁴. Н. Ф. Бугай и Сим Хон Енг пишут, что к началу 2001 г. численность корейцев в Приморском крае составляла 40 тыс. человек⁵⁷⁵.

Отмеченные расхождения в данных о численности корейцев в Приморском крае могут послужить основанием для выводов о существую-

щих бюрократических препонах для получения ими гражданства РФ, оформления временной регистрации, получения вида на жительство и т.д. Например, на семинаре по вопросам миграционной политики и гражданства, организованном по инициативе Центра национальной корейской культуры в Артеме, говорилось, что в Приморье более 11 тыс. человек не могут получить российское гражданство⁵⁷⁶. Даже если предположить, что в это число входят представители других этносов, то все равно корейцы составляют большинство.

Становление и определение задач государственной миграционной политики началось в 1990-е гг. и продолжается до настоящего времени. В Приморском крае Федеральная миграционная служба была создана в 1995 г. В сентябре 2000 г. она была преобразована в территориальный орган Министерства по делам Федерации и миграционной политики Приморского края.

Население Приморского края с начала 1990-х гг. сокращается. По данным Приморского краевого комитета статистики, в 1995 г. Приморье покинули 9400 человек, в 1999 г. — 11 600, в 2001 г. — 20 600 человек⁵⁷⁷.

Положения Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» и Постановления Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев» создали юридическую основу для восстановления прав и предоставления льгот реабилитированным корейцам. Весной 1993 г. администрация Приморского края разработала план мероприятий по выполнению Постановления Верховного Совета РФ, который предполагал оказание помощи по обустройству переселенцев, предоставление льготных кредитов, выделение в аренду земельных участков для строительства и ведения хозяйства, а также возрождение культурных традиций российских корейцев.

Для выполнения этого плана требовалось сотрудничество районных администраций, но возможности их оказались весьма ограниченными. В Пограничном и Черниговском районах 30 семьям были выделены земли для создания фермерских хозяйств. Кроме того, в селах возникали конфликты из-за несоблюдения местными администрациями условий оплаты и предоставления жилья. В Спасском районе корейские переселенцы не только сумели организовать выращивание овощей, но и предоставили местным жителям рабочие места⁵⁷⁸. В настоящее время местом компактного проживания российских корейцев является Уссурийск, в котором живут около 15 тыс. человек⁵⁷⁹. Однако краевые власти не могли в полной мере обеспечить выполнение постановлений федерального правительства по предоставлению жилья и работы всем вернувшимся корейцам из-за отсутствия достаточных финансовых средств.

Одним из вариантов решения проблемы российских корейцев стало участие правительственных и общественных организаций Южной Кореи в оказании им разнообразной помощи. Поддержка сохранения и развития культурного, языкового, информационного пространства как фактора присутствия в зарубежных странах рассматривается правительством Республики Корея в качестве важной внешнеполитической задачи.

После установления и нормализации дипломатических отношений между двумя странами в сентябре 1990 г. на российском Дальнем Востоке налачился интенсивный обмен в политической, экономической и культурной областях. В 1992 г. во Владивостоке открылось Генеральное консульство Республики Корея (РК). Владивостокское представительство Корейского агентства по развитию торговли и инвестиций (КОТРА) с февраля 1992 г. занялось продвижением южнокорейских товаров и инвестиций на российском Дальнем Востоке.

В марте 1995 г. Министерство образования РК при участии Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) открыло во Владивостоке Центр Просвещения для жителей Приморья, которые хотели бы изучать корейский язык и культуру. В сентябре 1995 г. факультет корееведения ДВГУ получил новое здание и статус Высшего колледжа корееведения (ВКК). По словам ректора ДВГУ В.И. Курилова, в ВКК учится больше студентов-корееведов, чем в институтах Москвы и Санкт-Петербурга, вместе взятых⁵⁸⁰. За заслуги в развитии образовательных корееведческих программ ректор ДВГУ имеет награды правительств РК и КНДР.

Общественные объединения советских корейцев стали формироваться в конце 1980-х — начале 1990-х гг. В первой половине этого периода в стране существовало более 70 тыс. общественных организаций российских корейцев. После принятия в июне 1996 г. Закона РФ «О национально-культурной автономии» началось создание новых форм объединений российских корейцев. В настоящее время большая часть организаций входит в Федеральную национально-культурную автономию корейцев России (ФНКА). Кроме того, имеются еще две общественные корейские организации федерального уровня: Общественное объединение корейцев (ОКК), Общественная корейская организация «Бомминрен» («Всенародное единение»). «Безусловно, отсутствие единства в корейском российском движении (раздельная деятельность национально-культурных автономий, общественных объединений, центров, отмечающееся постоянное стремление к изолированности в работе тех и других) затрудняет в определенной степени возможность четкой ориентации в них...»⁵⁸¹.

В Приморском крае действуют национально-культурная автономия корейцев (НКА) Приморского края. НКА г. Владивостока, НКА г. Уссурийска входят в ФНКА. НКА корейцев г. Уссурийска является учредительницей газеты «Коре синмун», которая выходит при поддержке общественной организации из РК «Движение за мир в Северо-Восточной Азии». В ООК же входят краевой фонд приморских корейцев «Возрождение», Ассоциация корейцев г. Артема, Находкинская корейская ассоциация «Дружба», Ассоциация корейцев г. Партизанска «Су-Чан» и Ассоциация корейцев г. Уссурийска.

В последние годы все эти организации вошли в Ассоциацию корейских организаций Приморья, которая проводит совместные мероприятия в Центре национальной корейской культуры, расположенном в Артеме. По инициативе председателя Ассоциации корейских организаций Приморья В. П. Пака в течение 2006 и 2007 гг. в этом Центре проводятся Ассамблеи, посвященные годовщинам подписания в 2000 г. совместной декларации между лидерами двух корейских государств. Участниками Ассамблеи были генеральные консулы КНДР и РК, представители администрации края и города, общественных организаций, ученые и артисты⁵⁸².

По распоряжению правительства РФ в 2004 г. в Приморском крае были организованы торжества по случаю празднования 140-летия добровольного переселения корейцев в Россию. По инициативе общественных организаций во Владивостоке, Посыетском и Михайловском районах было установлено несколько памятников, посвященных этому событию. В Высшем колледже корееведения ДВГУ по инициативе Корейского общества славистов и при поддержке Корейского фонда состоялась конференция ученых РК и России.

В течение последних нескольких лет ситуация в Приморском крае изменилась. Но планы создания мест компактного проживания корейцев не получили позитивного развития.

Восстановление национального достоинства этнических корейцев России и обеспечение российским корейцам равных с другими народами возможностей в осуществлении своих политических прав потребовали выработки новых подходов. Одним из показательных примеров этого процесса стало предложение о массовом возвращении корейцев в Приморский край и создании корейской экономической зоны, которая в перспективе смогла бы получить статус Корейского национального района.

Одним из инициаторов этой идеи была С. Г. Нам, которая на основании изучения исторических документов пришла к выводу о том, что «реабилитация корейского народа Союза должна означать восстано-

ление всех нарушенных его гражданских и политических прав, включая права на восстановление Корейского национального района и национальных сельсоветов»⁵⁸³.

В Приморье эта идея обсуждалась в газетах и в феврале 1991 г. на совещании в Совете народных депутатов Приморского края. Однако предложение о создании корейской национальной автономии не получило поддержки не только краевых властей, но и лидеров корейских организаций. В условиях экономического кризиса, который переживал Приморский край, проблемы российских корейцев требовали других решений.

Для преодоления экономического кризиса, в котором находилось Приморье в начале 1990-х гг., представители общественных организаций российских корейцев предлагали создать в крае специальную экономическую зону. Предполагалось, что в ней будут сосредоточены предприятия по лесопереработке, рыболовству и добыче полезных ископаемых с рабочими местами для корейских переселенцев. Основным источником инвестиций стали бы южнокорейские компании. По достижении корейцами численности 100–150 тыс. человек можно было бы учредить национальный район с соответствующими управленческими структурами.

Инициатором проекта компактного расселения переселенцев стал краевой фонд приморских корейцев «Возрождение». Летом 1996 г. было получено согласие командования Дальневосточного округа на передачу освободившихся военных городков в муниципальную собственность. Районные власти и краевая администрация не возражали против заселения их российскими корейцами⁵⁸⁴. А в январе 1998 г. вышло распоряжение губернатора Приморского края Е. И. Наздратенко «О передаче высвобожденных военных городков, расположенных на территории Приморского края, в безвозмездное пользование краевого фонда “Возрождение”».

На территории площадью около 50 тыс. гектаров с 1998 г. в течение пяти лет планировалось наладить сельскохозяйственное производство. Объем государственного финансирования планировался в пределах 20 млн руб. и 200 млн руб. предполагалось вложить за счет частных инвесторов⁵⁸⁵.

Однако условия предоставления земли в аренду не гарантировали соблюдения договоров на длительный срок. Кроме того, имелось огромное количество бюрократических препон. Для восстановления полуразрушенных зданий и создания сельскохозяйственных предприятий было получено около 200 тыс. долл. от южнокорейских общественных организаций и частных лиц. В настоящее время всего около 250 корейских семей проживают в восстановленных зданиях городков⁵⁸⁶. Остальные казармы местные жители разобрали на кирпичи, а железные детали сдали в пункты приема металлолома.

В июле 1996 г. в газете «Коммерсант» был опубликован материал под заголовком «Генерала беспокоят корейцы, а губернатора — китайцы», в котором приводилась служебная записка начальника Управления внутренних дел Приморского края А. Васильева губернатору Приморского края Е. Наздратенко, депутатам Думы и представителю президента в Приморском крае⁵⁸⁷. В этом документе предлагалось ограничить въезд и ужесточить правила пребывания иностранных граждан, в частности в связи с намерениями религиозных организаций из Южной Кореи «взять в аренду пустующие плодородные земли в Приморском крае для создания на них религиозных трудовых поселений». Представители корейских общественных организаций обратились в краевую администрацию с просьбами о разъяснении позиции в отношении российских корейцев. Вице-губернатор Н. Садомский заверил, что позиция руководителя Приморского МВД не направлена против деятельности корейских общественных организаций⁵⁸⁸.

«Антикорейские» настроения были во многом обусловлены реакцией людей со средним или ниже среднего уровнем жизни и гражданской культуры на изменение этнического состава населения региона. Буквально за несколько лет в Приморье появилось множество новых жителей с другими традициями и нормами поведения, которые имели общие корни с населением зарубежных стран. Для значительной части местного населения характерно негативное отношение к появлению в крае большого числа азиатов, прежде всего китайцев. Разжиганию националистических настроений способствуют речи политиков и публикации журналистов о «вымирании русских» и наступлении «желтой опасности».

Возвращение российских корейцев в начале 1990-х гг. совпало с увеличением потока китайских торговцев и рабочих в регионе. На фоне того кризиса, который переживало Приморье, произошел всплеск ксенофобии, который был использован местными политиками для давления на федеральный центр с целью получения от него большей самостоятельности и контроля над финансовыми потоками.

В конце 1990-х гг. администрация Приморского края предприняла усилия по стабилизации социально-экономического положения. В условиях снижения межэтнической напряженности и возрастающей адаптации российских корейцев к новым условиям произошел определенный сдвиг в сторону продвижения конкретных экономических проектов.

Южнокорейская «Ассоциация малых строительных организаций» и ряд других организаций решили построить в Михайловском районе современный поселок для корейских переселенцев, которому было дано символическое название «Дружба».

Краевая администрация разрешила арендовать земельный участок и предложила в качестве генерального подрядчика местную компанию «Востокинвестстрой». По проекту, реализация которого началась в 2000 г., планировалось построить 460 домов с приусадебными участками, школу, детские сады, культурный центр и цех по переработке овощей. По мере осуществления проекта возникали многочисленные проблемы, и в итоге, «когда на треть домов по плану первой очереди ушло в 2,5 раза больше денег на бюрократов и взяточников, чем реально на строительство, корейцы решили проект “законсервировать”»⁵⁸⁹.

Официально деревня «Дружба» получила статус административной единицы только в начале 2004 г. В процессе оформления документов пришлось собрать более 2 тыс. подписей чиновников различного уровня. Большая часть построенных на средства южнокорейских компаний домов для российских корейцев находится в муниципальной собственности. Жители были вынуждены пойти на такой шаг в связи с высокими налогами на недвижимость. К 2007 г. удалось построить и заселить лишь 31 дом. В 8 домах поселились местные жители, которые не имели жилья и работали в государственных учреждениях.

Южнокорейские предприниматели продолжают помогать жителям деревни. В октябре 2004 г. на территории деревни были созданы мемориальный комплекс и парк русско-корейской дружбы. Было также построено здание «Сельхозцентра», в котором для желающих проводят семинары специалисты из Южной Кореи. Отдельные семьи получили на льготных условиях оборудование и семена для выращивания экологически чистой продукции.

Опыт создания «корейской деревни» заставил инвесторов использовать другие формы помощи корейским переселенцам. Для них покупаются дома в сельских районах края, цены на которые гораздо ниже⁵⁹⁰.

«Для прошедших отбор покупаем дом и предоставляем беспроцентный кредит на три года в размере 3 тыс. долл.», — рассказал генеральный директор Фонда содействия миру в Северо-Восточной Азии Николай Канн⁵⁹¹. Он рассказал также о готовности помогать в переселении не только этническим корейцам, а всем желающим, независимо от национальности. Для участия в проекте необходимо пройти собеседование с руководством Фонда содействия миру в Северо-Восточной Азии, затем — с южнокорейскими специалистами и потом — с одним из лидеров организации российских корейцев. Кредит выдается не сразу, а частями, «чтобы тут же не пропили». Только после инспекции, убедившись, что выданные средства пошли по назначению, фонд выдает следующую порцию средств.

Эта программа рассчитана на три этапа. На первом, который начался в 2004 г. и заканчивается в 2007 г., 20 семей поселились в деревне Осиновка Михайловского района. В течение 2007 г. планируется оказать помощь еще примерно 100 семьям, а в 2008 г. — 500 семьям. По словам главного специалиста администрации Михайловского района Галины Никитиной, власти района поддерживают эту программу⁵⁹².

Переселенцам помогают в оформлении документов на получение гражданства, выделяются земельные участки. Этот опыт по переселению планируется включить в разрабатываемую администрацией Приморского края программу по переселению соотечественников из стран СНГ.

Выводы

Анализ миграционной политики в отношении корейцев на протяжении второй половины XIX—XX в. позволяет утверждать, что противоречия между целями и приоритетами государственной миграционной политики центральных и региональных властей приводят к предсказуемым результатам.

Для региональных властей основной целью миграционной политики было достижение социально-политической и экономической стабильности здесь и сейчас. В первой половине XIX — начале XX в. политика в отношении корейских иммигрантов формировалась в зависимости от конкретных задач колонизации. Несмотря на ряд ограничений и призывов борьбы с «желтой опасностью», корейцы участвовали в политической и экономической жизни региона.

Попытки получения российскими корейцами особого политического статуса в начале 1990-х гг. вызвали рост напряженности в межэтнических отношениях в Приморском крае. Источником конфликта стал тот факт, что местное население вынуждали «потесниться», а корейские переселенцы, численность которых резко возросла, заявили о потребности укрепить свой статус.

В конце 1990-х гг. по мере развития рыночных отношений, расширения сфер предпринимательства, вовлечения в частный бизнес все более широких слоев сформировалась атмосфера межэтнической терпимости, которая позволила продвинуться по пути претворения в жизнь проекта создания «корейской деревни».

Не использованный в полной мере потенциал, который содержит в себе применение исторического опыта участия корейцев в освоении Приморья, развитие коммерческих, инвестиционных и других форм экономического сотрудничества, приводит ко все еще низкому уровню экономических достижений.

§ 4. Бизнес-посредничество в процессе адаптации (на примере трансграничного рынка Благовещенск—Хэйхэ)

Определим некоторые, наиболее значимые для настоящей проблемы контексты. Социальные модели поведения мигрантов, которые призывают **жить**, а не только работать, принципиально отличаются от моделей поведения тех, кто ориентирован просто на **работу**. Качественное отличие заключается в том, что для тех, кто едет зарабатывать (обозначим их как «гастарбайтеры»), принимающая среда — экономический ресурс, который нужно использовать, т.е. место работы, а не место проживания. Следовательно, они стремятся сохранить традиционные для себя условия жизни и не ориентированы на «адаптацию» или «интеграцию». Мигранты, изначально ориентированные на оседание в стране или сформировавшие такую установку через несколько лет пребывания (т.е. собственно иммигранты), имеют принципиально иной адаптационный потенциал⁵⁹³.

Впрочем, нужно выделить и третий «тип» мигрантов — тех, кто одновременно проживает и в отправляющем, и в принимающем сообществе и вынужден использовать в каждом из сообществ актуальные для него модели поведения, иными словами, интегрирован в два или более сообщества. Эти люди могут быть, как правило, «найденны» на границах национальных государств и в соответствии с теориями транснационализма⁵⁹⁴ названы трансмигрантами.

Второй момент, который важно подчеркнуть, связан с объектом исследования — трансграничным рынком Благовещенск—Хэйхэ, т.е. речь идет о российско-китайской границе и соответственно в основном о китайских мигрантах в Благовещенске. Опубликовано достаточно работ, в том числе китайских исследователей⁵⁹⁵, в которых доказывается, что большая часть китайцев едет в Россию не жить и не работать, а заниматься предпринимательством: относительно крупным — в строительной, лесозаготовительной, аграрной и других отраслях — или мелким, таким как «народная торговля», общественное питание или сфера услуг.

И все-таки большая часть китайских мигрантов — это людской поток, обслуживающий поток товарный⁵⁹⁶. Предпринимательство мигрантов, китайцев особенно⁵⁹⁷, — тема, достаточно разработанная в научной литературе, при этом нередко используется конструкт «этнического предпринимательства». Исследователи, говоря об «этническом предпринимательстве»⁵⁹⁸, подчеркивают, что оно выступает средством **адаптации** в принимающем сообществе. Однако предпринимательство мигрантов из КНР — цель, а не средство адаптации.

Поэтому исследование адаптации китайских мигрантов в Благовещенске — это прежде всего вопрос изучения их бизнес-адаптации — того, как выбираются партнеры, заключаются сделки, выстраиваются деловые сети, как работают «схемы их бизнеса». Это не означает, что совершенно не нужно изучать адаптацию социальную, т.е. особенности проживания, социальных контактов, брачных стратегий, практик взаимодействия с властными структурами и т.п. Все эти моменты в жизни китайского мигранта в Амурской области также возникают, но они являются во многом второстепенными по отношению к бизнес-задаче и зависят от успешности ее решения.

Важность изучения социальной адаптации китайцев для российского Дальнего Востока связана также с тем, что уже сейчас есть и другие мигранты: например, студенты и аспиранты вузов или наемные работники. Здесь мы имеем в виду тех наемных работников, которые обладают относительно высокой квалификацией и приезжают на сравнительно продолжительный период. Гастарбайтеры (неквалифицированные или низкоквалифицированные рабочие) по большей части не имеют вовсе никаких контактов с местным сообществом, и вопросы их адаптации фактически не стоят, на повестке дня — вопросы дискриминационных практик. Количество же «других», по мнению многих экспертов, будет увеличиваться, поскольку экономика России вообще и Дальнего Востока в частности все в большей степени будет испытывать неудовлетворенную потребность в трудовых ресурсах.

Таким образом, ключевой тезис данного параграфа состоит в следующем: основным механизмом адаптации китайских мигрантов служит институт неформального бизнес-посредничества. Построенный на доверии и взаимных связях, организованный выехавшими ранее соотечественниками (трансмигрантами или иммигрантами) или давно включенными в бизнес-сети представителями «принимающего сообщества» (также трансмигрантами), этот институт предлагает китайским предпринимателям решение большинства жизненно важных вопросов: организации и ведения бизнеса, проживания в стране и взаимодействия с различными, в том числе силовыми, структурами. Китайские граждане, ориентированные на ведение бизнеса в России и планирующие приехать «работать» или «жить», включаются в сложившуюся систему отношений, где посредники заменяют формальные институты или смягчают взаимодействие с ними. Иначе говоря, посредничество является также механизмом исключения китайских мигрантов из других социальных связей.

Особенности функционирования трансграничного рынка Благовещенск—Хэйхэ

При определении термина «трансграничный рынок»⁵⁹⁹ мы отталкиваемся от двух теоретических схем: а) институционального подхода к определению рынка в **экономической социологии** и б) современных **концепций транснационализма**.

Первая теоретическая рамка позволяет учитывать, что любое экономическое действие укоренено в социальных институтах. Соответственно институты — это правила игры и контроля, которые разделяются рыночными игроками. Для понимания современной экономической ситуации в России вообще и в исследуемом регионе в частности важно то, что правила могут быть как формальными, так и неформальными, вне- или нелегальными, при том что методология экономической социологии нацелена на изучение реальной (в том числе неформальной) экономики, а не ее «модельного» или «статистически учитываемого» отражения. Таким образом, рынок для нас — это организационное поле, или «совокупность организаций, которые образуют явно очерченную институциональную область: ключевые поставщики, потребители ресурсов и готовых продуктов, регулирующие агентства и другие организации, производящие сходные продукты и услуги»⁶⁰⁰.

Вторая теоретическая рамка предлагает инструментарий для изучения особенностей развития приграничных территорий. Транснациональные концепции обращают внимание на то, что экономическая деятельность на границах государств часто ориентирована на «иностранных соседей» и, более того, может иметь взаимодополняемый характер⁶⁰¹.

Важнейшей особенностью теорий транснационализма является их пристальный интерес к роли мигрантов в создании изучаемых ими феноменов⁶⁰². Не меньшее внимание теоретиков транснационализма направлено на деятельность международных, транснациональных фирм и организаций⁶⁰³.

Итак, под **трансграничным рынком** в настоящем случае понимается институционально оформленное пространство, структуру которого составляют транснациональные организации и трансмигранты, их устойчивые связи, а также используемые ими ресурсы и организационное поле которого формируется формальными и неформальными институтами (правилами и игры, и контроля), применяемыми этими организациями и мигрантами.

В третьей главе уже говорилось о том, что между городами Благовещенск и Хэйхэ формируется асимметричная взаимозависимость, что происходит во многом благодаря активной приграничной торговле и неформальным практикам, связанным с ее обслуживанием. Вместе с тем следует учитывать, что все активнее развиваются и другие сферы

экономической деятельности (сельское хозяйство, строительство, туризм, добыча природных ресурсов). В таблице 4.5 перечислены основные виды экономической деятельности, ориентированной на соседей — соответственно китайскую и российскую стороны.

Таблица 4.5

Экономическая активность предприятий трансграничного рынка

Отрасль (вид деятельности)	Сущность экономических связей с приграничными соседями
Китайская сторона (провинция Хэйлуцзян; г. Хэйхэ)	
Производство и продажа товаров широкого потребления (швейных, трикотажных изделий, обуви, кожгалантереи)	Ориентация на сбыт товаров в Амурской области и других регионах РФ. Часть продукции производится непосредственно в Хэйхэ, часть ввозится через таможенный переход
Переработка сырья (химического, лесного, металлолома)	Заготовка леса, закупка полезных ископаемых в Амурской области. Заготовка осуществляется в том числе непосредственно китайскими предприятиями. Предприятия по переработке организованы в Хэйхэ, Харбине, Дацине, Цицикаре, Муданьцзяне, Дуннине, Суйфэньхэ. Экспорт ресурсов осуществляется преимущественно через таможенные переходы Суйфэньхэ и Дуннина, в меньшей степени через Хэйхэ. Существует несколько проектов, ориентированных на экспорт через Хэйхэ
Сельскохозяйственное производство	Ориентация на сбыт продукции в Амурской области и далее. Производство организовано в провинции Хэйлуцзян и в Амурской области китайскими предпринимателями
Продажа машиностроительной продукции	Машиностроительная продукция экспортируется через Хэйхэ, а производится преимущественно в других провинциях
Строительство	Строительные работы ведутся в Благовещенске китайскими компаниями, также в Амурскую область ввозятся строительные материалы
Туристская отрасль	Услуги турагентов и туроператоров по созданию и/или продвижению туристских продуктов, локализованных в провинции Хэйлуцзян и в других районах КНР. Привлечение в Хэйхэ, Харбин туристов, ориентированных на шопинг и проведение уик-эндов

Отрасль (вид деятельности)	Сущность экономических связей с приграничными соседями
Трудовые ресурсы	Рекрутинг, обучение китайской рабочей силы с дальнейшим ее трудоустройством в Амурской области и за ее пределами
Российская сторона (Амурская область; г. Благовещенск)	
Электроэнергетика	В Амурской области действуют 2 линии электропередачи по 110 кВт — в городах Хэйхэ и Шипачжань
Лесозаготовки	Основной рынок сбыта для заготовленной в Амурской области древесины — провинция Хэйлунцзян
Заготовка и экспорт металлолома	Заготовка и экспорт металлического лома для провинции Хэйлунцзян
Услуги по аренде, гостиничные услуги и проч.	Услуги, оказываемые предпринимателям из КНР, по размещению, транспортировке, складированию и проч.

Экономика провинции Хэйлунцзян демонстрирует значительно большую диверсификацию в использовании ресурса границы. При этом Амурская область, имея небольшой внешнеторговый оборот среди других регионов российского Дальнего Востока, почти полностью зависима во внешней открытости от Китая: в 1993 г. приходившаяся на КНР доля ее внешнеторгового оборота составляла 92%, в 2005–2006 гг. — более 80%. При этом следует иметь в виду, что данные официальной статистики не учитывают «народную торговлю» в принципе. Если оценить весь поток, не учитываемый российской статистикой, то зависимость окажется значительно выше. Рассмотрим вначале данные о торговом обороте провинции Хэйлунцзян и ДФО (табл. 4.6).

Приведенные данные по экспорту из России и импорту в Китай не совпадают на 10–20%, а встречные потоки отличаются более чем в три раза⁶⁰⁴. Эти «несоответствия» — результат деятельности «народных» («челночных» — в российском дискурсе) торговцев.

В таблице 4.7 представлены данные об обороте между Благовещенском и Хэйхэ⁶⁰⁵. Из нее видно, что обороты по счетам физических лиц нерезидентов, которые, по сути, являются не учтенными в России доходами от «народной торговли», значительно больше, чем официальный торговый оборот. Более того, на территорию Китая перечисляется не весь полученный доход: часть средств остается в Амурской области,

Таблица 4.6

Оборот торговли между Дальневосточным федеральным округом и КНР, а также провинцией Хэйлунцзян и РФ, млрд долл.⁶⁰⁶

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
Дальневосточный федеральный округ и КНР, по данным РФ				
2004	1,39	0,66	2,05	+0,74
2005	2,04	1,19	3,22	+0,85
Провинция Хэйлунцзян и РФ, по данным КНР				
2004	2,15	1,67	3,82	+0,48
2005	3,84	1,84	5,68	+2,00

что уже является, на наш взгляд, подтверждением того, что китайские предприниматели занимаются не только торговлей, но и другими видами экономической деятельности.

Таблица 4.7

Торговый оборот и оборот денежных средств в зоне Благовещенск—Хэйхэ⁶⁰⁷

Показатель	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Обороты по счетам нерезидентов, млн долл.	310,09	410,11	484,66	464,95	642,80
Всего перечислено в Китай по корсчетам, млн долл.	140,89	206,72	308,99	381,77	589,08
Денежные средства, не переведенные в КНР, млн долл.	179,70	216,37	197,77	116,08	124,42
Официальный торговый оборот, млн долл.	71,5	79,0	116,1	222,0	231,7
Доля в ВРП Амурской области официального внешнеторгового оборота, %	4,85	4,58	5,06	7,83	6,88
Доля в ВРП внешнеторгового оборота с учетом счетов нерезидентов, %	25,87	28,34	26,16	24,24	25,97

Таким образом, административные барьеры, устанавливаемые и изменяемые российской стороной, о которых говорилось в седьмом параграфе третьей главы, не столько перекрывали возможности для проникновения китайского бизнеса в экономику области, сколько способ-

ствовали криминализации, распространению «серых» деловых схем и практик. Известно, что в случае несовершенства работы рыночного механизма в условиях институциональной неопределенности и чрезмерной государственной зарегулированности возникает потребность в дополнительных «подпорках»⁶⁰⁸.

Без посредников транзакционные затраты на выполнение тех или иных стандартных в общем-то для обычного рынка процедур (регистрация, перевод выручки для закупки товаров, материалов и т.п.) оказываются для участников трансграничного рынка за пределами высокими. В некоторых же случаях ведение бизнеса трансмигрантами без посредников (нахождение партнеров, юридическое сопровождение, решение вопросов в коррумпированных органах и др.) и вовсе невозможно.

Посреднические практики в процессе бизнес-адаптации

Самым распространенным «случаем» посреднических услуг на рассматриваемом рынке является упомянутая практика перевоза товаров по организованным «квазитуристским» каналам (см. гл. 3, § 7). Не повторяя ее описание здесь, подчеркнем, что такая же практика действует на других российско-китайских пограничных переходах: «Кэмэл ничего не делает, все, что ему нужно, — это присутствовать на “растаможке”, заполнить декларацию о выезде-въезде и более-менее уверенно отвечать таможеннику, если он будет задавать вопросы. Всю работу выполняют руководители или старшие кэмэлы, зарплата у них выше, но работы намного больше, а главное — ответственности. Руководитель им упакует весь товар (с помощью китайцев-“помогаев”), объяснит, как лучше пройти таможенный досмотр, покажет, как удобнее нести сумки (если кэмэлы приехали в автобусе, а не в автомашине). ...Функциональные обязанности руководителя разнообразны: он должен найти клиента, организовать работу кэмэлов, нанять водителя (если на машине), **договориться с таможеней** (выделено нами), в случае неудачи — именно он несет полную материальную ответственность»⁶⁰⁹.

Акцентируем внимание на том, что доставка товара по этому каналу без наличия коррумпированного таможенника и посредника («кэмэла», или «кирпича»), владеющего необходимыми информацией и связями (к кому, когда и как подойти, сколько дать), вообще невозможна. Кстати, эти посреднические функции выполняют только российские граждане — ведь барьеры для пересечения товара действуют на российской стороне. Но у «нового» китайского торговца нет необходимости выстраивать свои собственные каналы товародвижения — его обязательно проконсультируют, обучат и включают в соответствующие сети.

Другой случай из практики посреднических услуг. Амурский предприниматель, владеющий какой-либо коммерческой недвижимостью или другими рыночными активами, хочет их продать. Если он будет продавать недвижимость (станки, лицензии и проч.) своим же соотечественникам, то ее стоимость будет оценена скорее всего как стоимость отдельных активов. Если же ему удастся найти покупателя из-за рубежа, то можно говорить о продаже бизнеса. При этом номинальным владельцем может остаться россиянин — а китайцы заплатят не только за станки и здания, но и за связи в администрации, за наличие налаженной системы поставщиков, расчетного счета, кредитную историю, принципиальную минимизацию затрат на взятках. В этой ситуации посреднические функции выполняются, как минимум, дважды. Во-первых, поиском китайского покупателя будет заниматься посредник, на нем будет лежать ответственность за качество сделки, честность обеих сторон. Во-вторых, посредником при условии покупки бизнеса станет его продавец: он будет ответственным за взаимоотношения с силовыми структурами и органами власти, партнерами.

Интересным случаем посреднических услуг является информация двуязычной газеты «Восточный курьер». Последняя выполняет сразу несколько посреднических функций, концентрируя такую информацию, предлагая рекламные услуги, а также услуги по поиску, подбору партнеров и даже сведению их друг с другом. Прокомментируем некоторые рекламные сообщения одного из номеров⁶¹⁰. На странице 2 размещено объявление на русском и китайском языках о продаже работающего деревообрабатывающего комбината площадью 2,5 га, расположенного в Амурской области. Помимо перечисления объектов движимого и недвижимого имущества указано, что *«налажены связи в администрациях и лесхозах Благовещенска, Свободного, Серышево...»*, а также сообщено, что податель объявления гарантирует *«помощь в первоначальном ведении бизнеса на условиях зарплат»*.

Помимо информации о продаже деревообрабатывающего комбината в газете есть предложения (на русском и китайском языках) о продаже парикмахерского бизнеса в Благовещенске и базы в Белогорске (склад, гаражи, земельный участок). Также несколько двуязычных объявлений предлагают помещения в аренду.

Появляются и объявления китайских фирм, целевой аудиторией которых являются преимущественно российские предприниматели: рекламная компания «Фу кэ да» (г. Хэйхэ) предлагает широкоформатную печать баннеров, растяжек и прочей наружной рекламы; ООО «Гидроизоляция» — «Лумин» (г. Хэйхэ) продает гидроизоляционные мате-

риалы и предлагает услуги по гидроизоляции помещений; ООО «Хай да цай ган» (г. Хэйхэ) продает строительные материалы. Также есть объявления без упоминания названий фирм и мест их расположения, но с русскими и китайскими номерами телефонов, в которых предлагаются пиломатериалы, строительная и сельхозтехника и т.п.

Еще одним заслуживающим внимания в рассматриваемом контексте случаем является ситуация на розничных рынках, где основными арендаторами уже много лет являлись китайские торговцы⁶¹¹, что продолжалось вплоть до принятия Постановления Правительства РФ от 15 ноября 2006 г. № 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации». Обеспокоенность тем, как будет развиваться розничная торговля в Благовещенске без китайских торговцев, высказывалась с конца 2006 г., тогда же появились и идеи по поводу того, каким образом адаптироваться к новым формальным правилам игры. Спектр идей был не очень разнообразным: от уже известных по предыдущим изменениям законодательства вариантов найма российских продавцов до предоставления китайским торговцам мест в торговых центрах. Самым же «радикальным» способом была банальная «смена вывески». Впрочем, важно даже не то, какие схемы предлагались, сколько то, кто их предлагал и что реально было сделано.

По словам начальника управления торговли департамента экономического развития и внешних связей, «иностранцам не запрещается заниматься торговлей в магазинах, у нас торговые центры, в которых за прилавками стоят китайцы, уже есть. И цены там не выше, чем на рынках. Поэтому бояться нововведений простым гражданам не стоит»⁶¹². Начальник управления по развитию потребительского рынка и услуг областного центра заявлял следующее: «На ул. Пионерской, куда с центрального рынка Благовещенска временно перенесли китайские ряды, расставляют павильоны. В них иностранные граждане торговать могут — это не противоречит законодательству. А сам рынок на днях получил сертификат согласно ГОСТу “Термины и определения”, теперь он называется торговый центр “Центральный”»⁶¹³. Вице-мэр: «Благодаря тому что ГСТК (городской сервисно-торговый комплекс. — *Авт.*) своевременно переформил документы, нам удалось избежать социального взрыва... Ведь одеваются и обуваются у китайцев в основном сельские жители. Кроме того, вопрос решился выгодно и в геополитическом плане». Вице-губернатор: «Благовещенский центральный рынок с 10 марта стал торговым комплексом, и... с юридической точки зрения все чисто»⁶¹⁴.

Таким образом, муниципальные и региональные власти, заинтересованные в бюджетных доходах, были ориентированы на то, чтобы помочь адаптировать бизнес-схемы китайских торговцев к требованиям федерального законодательства. Даже в приведенных цитатах явно прослеживается соответствующая риторика *формального* соответствия этих бизнес-схем юридическим нормам — иначе говоря, муниципальные власти участвуют в деформации правил ведения бизнеса. Второй, не менее заинтересованной стороной в успешной подстройке правил являются муниципальные предприятия (рынки), а точнее, их руководство. Третья заинтересованная сторона — сами торговцы. Однако совершенно очевидно, что без посредничества властных структур решить свою проблему они не смогли бы.

Есть среди круга заинтересованных лиц еще и четвертая сторона — китайские власти, которые также принимали участие в решении вопроса о подстройке федеральных правил под сложившиеся в приграничных регионах практики ведения бизнеса: «С 1 апреля 2007 г. официально вступил в силу закон о запрещении иностранцам заниматься розничной торговлей в России. В последнее время в городах Дуннин, Суйфэнхэ, Хэйхэ, Мишань и других пограничных населенных пунктах провинции Хэйлунцзян китайские власти активно принимали ряд сдерживающих мер, чтобы коммерсанты по крайней мере уменьшили свои убытки. Правительство Хэйхэ совместно с администрацией Благовещенска организовало совещание, чтобы договориться о льготах. На сегодняшний день в Благовещенске уже выданы лицензии на продолжение деятельности некоторым китайским бизнесменам, а также продлен срок их торговли на территории России. Российская сторона пообещала ускорить оформление и легализовать хозяйство китайцев, чтобы они благополучно перешли с открытого рынка в магазины и торговые центры»⁶¹⁵.

Несмотря на достигнутое в апреле соглашение, в июне 2007 г., после того как китайцы заплатили за установку ларьков и контрольно-кассовых машин, история повторилась. Прокуратура вынесла решение закрыть «чайна-таун»⁶¹⁶, торговые павильоны, которые за свои деньги⁶¹⁷ обустроили китайские торговцы, стоят закрытыми и опечатанными. Китайцы со своим товаром расположились на улице, разложив товар на земле и распродавая его по ценам в несколько раз ниже обычных.

По мнению экспертов розничного рынка, изменения, происходившие в российском регулировании китайской торговли, привели к тому, что сейчас в Благовещенске резко снижается количество мелких китайских предпринимателей, работающих на себя и не включенных в неформальные альянсы. Торговцы не в состоянии в одиночку противостоять постоянным институциональным изменениям и росту конкуренции (кстати, в

городе упорно циркулируют слухи, что очередные гонения на китайцев начались из-за жалобы их российских конкурентов в прокуратуру). Поэтому они либо прибегают к помощи посредника, передавая ему функции переговоров с различными инстанциями, либо, отказываясь от собственного бизнеса, становятся наемными торговцами у более крупных предпринимателей.

Выбор описанных случаев определяется тем, что они хорошо показывают неформальный характер деятельности китайских мигрантов, обусловленный постоянными изменениями институциональных правил. Эти случаи показывают, к чему при помощи посредников адаптируются предприниматели и торговцы, коих среди прочих мигрантов большинство. Конечно, спектр посреднических услуг, предлагаемых на изучаемом трансграничном рынке, существенно шире. Их можно классифицировать по различным основаниям.

По уровню институционализации⁶¹⁸:

- Государственные, административные посреднические организации. Например, Народное правительство Хэйхэ ставит перед корпорацией «Хуафу» задачу вывести на строительный рынок России других китайских строительных подрядчиков⁶¹⁹.
- Альтернативные посреднические фирмы. Например, агентство недвижимости «Окно в Китай», предлагающее амурчанам покупке квартир в любом районе Китая.
- Индивидуальные посредники. Например, многочисленные китайские «помогаи», предлагающие амурчанам в Хэйхэ поиск гостиницы, товаров, услуг, или российские частные лица, берущиеся решить проблему в миграционной службе, и т.п.

По выполняемым функциям:

- Сбор информации. Например, о стоимости товаров, услуг, репутации клиента, его слабых и сильных сторонах. Поиск осуществляется через различные каналы разными структурами — от частных до государственных. Гражданская, а тем более этническая принадлежность посредника в этом случае не играет существенной роли, поскольку информация, как правило, собирается из различных источников.
- Рекламирование деятельности. До начала 2000-х гг. оно осуществлялось только через каналы личной коммуникации, распространение листовок и участие в выставках. Понятно, что потенциальный круг охваченных рекламой был весьма узким. Но в начале 2000-х в процесс рекламирования включились средства

массовой информации, и на рынке появились открытые рекламные агентства, осуществляющие свою деятельность одновременно в Китае и в России. При выполнении этой функции представители разных государств нередко объединяются в совместные предприятия (хотя стоит отметить, что юридически СП оформляется исключительно редко — представители одной из сторон просто фактически действуют на сопредельной территории).

- Подбор и поиск потенциальных контрагентов, а также сведение потенциальных контрагентов друг с другом. Например, китайский предприниматель, заинтересованный в покупке бизнеса (лесоперерабатывающего комплекса, угольной шахты и т.п. — такие случаи достаточно распространены), обращается в соответствующую структуру (ею могут быть бюро переводов, бывшие партнеры, китайские предприниматели, имеющие большой социальный капитал, и т.п.). Другой пример. Фирма-нерезидент желает получить кредит в коммерческом российском банке, который требует предоставления бизнес-плана. Китайские (кстати, и амурские) фирмы далеко не всегда могут оформить этот документ в соответствии с предъявляемыми требованиями. В качестве посредника по поиску финансового консультанта в этом случае может выступить сотрудник банка. Эта функция, пожалуй, до сих пор является самой важной и востребованной, причем на рынке услуг присутствуют как российские, так и китайские посреднические структуры. Наиболее значимым ресурсом является доверие к самому посреднику, поскольку случаи обмана, мошенничества до сих пор нередки. Не менее значимым ресурсом выступает знание языка, законов, норм коммерческого поведения и т.п.
- Заключение сделок от имени клиента, от своего имени, контроль за выполнением контрактов. Эти функции также являются относительно распространенными. Но если предыдущая функция может выполняться и российским гражданином (фирмой) в интересах китайского предпринимателя (фирмы), то функция заключения сделок и контроля остается прерогативой представитель одного государства.

Также посреднические услуги можно классифицировать **по степени легальности, «прозрачности» предоставляемых услуг** — от абсолютно легальных, формальных до откровенно криминальных. Характерно, что легальные посредники могут предлагать и «серые» услуги: например, амурские банки до принятия соответствующих нормативных актов разрабатывали и применяли схемы перевода валюты, заработанной ки-

тайскими торговцами на амурских рынках, по форме укладываемые в действующее законодательство, но по содержанию его обходящие. А нелегальные посредники могут предлагать услуги, которые с точки зрения здравого смысла являются абсолютно прозрачными, но нелегальными по действующему законодательству. Например, многие благовещенцы, покупая для себя мебель в Хэйхэ, в свободной торговой зоне «Хуши», вынуждены прибегать к каналам, используемым для коммерческого «серого» импорта.

Наконец, посреднические услуги можно разделить **по степени открытости информации о них**:

- Открытые и широко известные. Например, агентство «Окно в Китай» регулярно рекламирует свои услуги в СМИ⁶²⁰, имеет сайт и т.п.
- Открытые, но малоизвестные. Данные структуры не скрывают информации о своем существовании, но распространяют ее в основном лишь через действующую клиентуру. Утечка информации о существовании организации не является проблемой для дальнейшего ее функционирования.
- Закрытые, скрывающие информацию о своем существовании.

§ 5. Идентичность мигрантов в модернизирующемся обществе (на примере регионов Северного Кавказа)

Современные этноконфессиональные процессы не только в России, но и в мире характеризуются резкой эскалацией напряженности и конфликтности, что в условиях глобализации превращает этнический фактор в мощнейшую силу, способную задавать вектор развития как отдельным регионам, так и мировой цивилизации в целом. Одним из факторов подобной динамики являются миграционные процессы, которые на рубеже столетий приобрели характер массовых «антропотоков» со свойственными им стрессовостью и повышенной взрывоопасностью. Этническая окраска миграционных процессов зачастую лишь увеличивает уровень конфликтности, что находит выражение как на межличностном уровне, так и на макроуровне.

В современной Европе мигранты составляют до 10% населения, т.е. около 50 млн человек. Наверное, не меньше будет людей с мигрантским фоном во втором-третьем поколении: от переселенцев послевоенного времени до беженцев — жертв современных этнических конфликтов. На три четверти рост населения Евросоюза осуществляется за счет мигрантских семей, в 2003 г. он составил 1,7 млн человек. К мигрантам

мы относим не только переселенцев из неевропейских стран, но также коренных европейцев, не живущих в стране своего рождения, т.е. всех людей, оторванных от родного очага в той или иной степени.

Не менее острой является ситуация и в России, в частности, на юге страны, который на протяжении 90-х гг. прошлого и в начале этого столетия столкнулся с массовым притоком мигрантов. Так, анализ миграционных потоков в Ростовскую область показывает, что в среднем в течение года участок государственной границы региона пересекается около 3 млн раз, в том числе иностранными гражданами и лицами без гражданства 1–1,2 млн раз.

О причинах, факторах и направлениях миграционных потоков за последнее десятилетие сказано уже много. Несмотря на то что целый ряд вопросов остается открытым, спор в данной области зачастую носит сугубо эмпирический характер. В то же время целый ряд проблем в изучении миграций все еще остается открытым. Одним из таких вопросов является кризис миграционной идентичности, который, являясь частью процесса адаптации мигрантов, формирует темпы, направления и динамику «вживания» вновь прибывших.

Все чаще исследователи используют понятие «мигрантофобия», отражающее весь комплекс проблем как личностной адаптации, так и группового взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества. Причем попытки увязать степень конфликтности и количество приезжих все же не учитывают социокультурных особенностей обществ — как мигрирующих, так и принимающих. Мнение В. И. Козлова о том, что существует «почти повсеместно проявляющаяся психологическая закономерность: люди относятся более или менее терпимо к попавшим в их среду “чужакам” лишь до тех пор, пока абсолютная или относительная численность последних не достигает какого-то предела (нередко его определяют в 10–15%), после которого терпимость обычно сменяется тенденциями отторжения»⁶²¹, хотя и поддерживается многими учеными, не является все же безусловно правильным.

Динамика и направления взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества обусловлены скорее не количественными, а качественными показателями, причем исходя из того, что структура миграционного процесса в целом включает три основных субъекта — отпускающее сообщество, принимающий социум и самих мигрантов. Важными представляются внутренние процессы развития, включая бытующие мифологемы, которые существуют во всех упомянутых субъектах.

Результат этого взаимодействия часто фиксируется в терминах «конфликтность», «мигрантофобия», «кризис идентичности». Закономерность такого результата обусловлена тем, что в результате переселения

идет процесс этнической эрозии локальных социумов, что приводит к напряжению в отношениях между местным населением и мигрантами, которые по этническим, расовым, конфессиональным, социальным, культурным параметрам могут существенно отличаться от «аборигенов». Эти напряжения, фиксируемые во всем мире, особенно опасны для тех регионов, которые в силу нестабильности общественной обстановки не выработали достаточно эффективных механизмов регулирования мигрантской адаптации. Особенно это относится к многонациональной России, в истории которой можно найти не только позитивные, но и негативные примеры межэтнических взаимодействий.

Взаимоотношения между принимающими социумами и мигрантскими меньшинствами в значительной степени связаны с кризисом идентичности, который переживают как мигранты, так и принимающий социум. Его результатом в свою очередь становятся обострение проблемы безопасности и необходимость поиска выхода из сложившейся ситуации. В этой связи изучению, очевидно, должны подвергаться не только социальные и экономические аспекты миграционных процессов, но и их восприятие в сознании как мигрантов, так и принимающей стороны. Думается, что значительные эвристические возможности в рассматриваемом контексте несет категория «идентичность», а также связанное с ней понятие «кризис идентичности», которые способны принести новые аналитические приемы в изучение многих исторических и социальных явлений, в том числе и процессов миграции.

Понятие идентичности, наибольший вклад в разработку которого внес американец датского происхождения Э. Эрикссон, несмотря на порой чрезвычайно широкую его трактовку, обозначает «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем многообразии личности по отношению к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным “я”, независимо от изменения “я” и ситуаций»⁶²². Возникший в психологии термин «идентичность» уже в 1960–1970-х гг. перекочевал и в социальные науки, породив целый ряд интересных исследований, выполненных на стыке исторической психологии, психосоциологии и истории.

Использование этого концепта в социальных науках стало возможным потому, что идентичность, будучи комплексным понятием, как бы интегрирует различные отношения «Я» к окружающему миру и определяется их связанностью и определенной степенью соотнесенности. В этом смысле идентичность является категорией междисциплинарной.

Йорн Рюзен выделяет два типа идентичности — синхронную и диахронную. В синхронном измерении идентичность интегрирует различные «Я» по отношению к другим, формируя внутреннее единство в раз-

личии его многообразных отношений к окружающему миру. Это своего рода горизонтальная идентичность. В диахронном измерении эта само-рефлексия фиксирует изменение самой себя и своего отношения к другим в ходе времени⁶²³. Однако и в первом и во втором случае, идентичность связана с исторической памятью и историческим сознанием, а потому представляет собой довольно консервативное понятие, с трудом поддающееся разрушению. Одновременно это порожаемое историческим сознанием единство во времени коллективного «Я» представляет собой синтез опыта прошлого и ожиданий будущего⁶²⁴. В этой связи все попытки разрушить идентичность чреваты социальными потрясениями, особенно в том случае, когда речь идет об идентичности этнической или национальной. Фактором же, несущим такого рода опасность, является некое событие, приобретающее в сознании людей образ «травмы». Миграция представляет собой именно такое явление.

Несмотря на заметные концептуальные и терминологические различия в подходах к определению идентичности и ее исторических и социальных трансформаций, все теории имеют важную общую характеристику: главным предметом социальной реальности они считают не событие, а память об этом событии и ее трансформацию, реконструкцию, осуществляемую нынешними и последующими поколениями. В этом смысле, как подчеркивает Л. П. Репина, «вопрос о том, считать ли нам эту память исторически достоверной, оказывается менее важным, чем вопрос о том, считали ли они эту память верной»⁶²⁵. Иначе говоря, смысловой акцент переносится на человеческие чувства, переживания и восприятия, а также факторы их изменений.

Думается, что одним из ценных открытий данного направления для развития междисциплинарных исследований стало введение категорий «кризис идентичности» и «смешение идентичности», которые впервые были использованы в годы Второй мировой войны в психиатрической клинике реабилитации ветеранов на горе Сион⁶²⁶, а уже вскоре после этого получили широкое применение и в медицинской практике, и в области изучения социальной психологии.

Сам термин «кризис» в области исторического сознания не представляет собой ничего специфического или особенного. Напротив, по мнению Й. Рюзена, он «конституирует историческое сознание, поэтому можно сказать, что без кризиса нет исторического сознания»⁶²⁷.

Кризис — это особое состояние, связанное с переживанием времени и прошлого, посредством которого реализуется современная идентичность. Однако такое переживание прошлого обостряется, как уже было сказано, в связи с каким-то событием, противоречащим традици-

онной исторической идентичности. Событие, или, употребляя категорию Й. Рюзена, случайность, лежит в основе кризиса идентичности.

С этой точки зрения массовое переселение квалифицированных кадров — представителей славянских урбанизированных народов — в период сталинской модернизации в 1926–1937 гг. на Северный Кавказ в целях строительства крупных промышленных предприятий неизбежно должно было вызвать кризис идентичности. Дело в том, что местное население в основном было представлено аграрными народами, составляло незначительный процент городского населения и еще менее было представлено в промышленности, в то время как русское (славянское) население заняло особую «социальную нишу»: оно было представлено высококвалифицированными инженерно-техническими и рабочими кадрами, имело более высокий уровень жизни, компактно проживало в специально построенных домах. В результате уже в довоенный период на Северном Кавказе стала складываться система того, что Л. Л. Хоперская называет «параллельной социально-культурной жизнью»⁶²⁸, которая, очевидно, не могла не спровоцировать переоценки как приезжими, так и местным населением своей «культурной зоны», что и составило в итоге основу кризиса идентичности.

Столкновение повседневных реалий с традиционным, в том числе и историческим, сознанием одновременно выдвигало задачу пересмотра представлений о собственном историческом прошлом и социальном настоящем, что неизбежно должно было объяснить современную реальность, но также и конструировать этнические стереотипы. Стереотип, как неперенный структурный элемент идентичности, аккумулирует определенный жизненный опыт и трансформирует его согласно той ситуации, в которой он реализуется. Вряд ли можно согласиться с И. Коном, который делит стереотипы на истинные и ложные⁶²⁹, — стереотип всегда истинен в той степени, в какой он фиксируется человеческим сознанием как некий факт или явление.

Однако, как отмечает целый ряд авторов, межэтнические установки содержат не только эмоционально-оценочное отношение к различным этническим группам и характеризуют уровень готовности к соответствующему поведению в межэтническом общении, но и выполняют ведущую роль в интерпретации межэтнического взаимодействия⁶³⁰. Характерно, что в любом обществе, переживающем транзитное состояние, стереотип превращается в предубеждение, которое согласно выпущенному ЮНЕСКО «Словарию общественных наук» можно определить как «негативную, неблагоприятную установку к группе или ее индивидуальным членам; она характеризуется стереотипными убеждениями; уста-

новка вытекает больше из внутренних процессов своего носителя, чем из фактической проверки свойств группы, о которой идет речь».

Если при конструировании идентичности первостепенную роль играют представления о прошлом, основанные на его частичной мифологизации, то, переживая новый исторический опыт, общество сталкивается с необходимостью «создания» и нового образа «себя» в связи с этим событием. В этом смысле идентичность выступает как одна из форм исторического сознания, — возможно, главнейшая, — поскольку посредством ее формируется представление о месте общественного организма в окружающем социокультурном пространстве. Важным представляется и то, что идентичность является концептом собственной цельности в отношении как к другим, так и к самому себе⁶³¹.

Строго говоря, основу идентичности в значительной мере составляет мифологизированное представление о прошлом, со временем обретшее статус исторического знания. Отчасти вызванная недостаточностью источников, мифологизация прошлого была средством преодоления кризиса исторического сознания и одновременно конституировала новое знание о прошлом. Иными словами, историческое событие представляет собой синтез фактичности, основанной на опыте и причинности, с одной стороны, и интенциональности, которую сегодня принято называть «вымыслом», основанной на ценностях, нормах и творческих силах человеческой мысли, — с другой⁶³². Социально опасные феномены могли реализовываться там, где это мифологизированное представление о прошлом сталкивалось с современной действительностью, которая не укладывалась в рамки сложившейся идентичности. Стремление преодолеть это противоречие часто выливается в конфликты, в основе которых лежит представление о собственном этническом «Я», на которое посягают чужие «Они».

Как уже отмечено, и историческое сознание в целом, и идентичность как одна из его форм являются относительно консервативными проявлениями общественного развития. Вместе с тем исторический процесс, особенно в эпоху Нового времени, в период модернизации, эволюционирует гораздо более быстрыми темпами, порой даже скачкообразно. Неизбежным следствием этого становилось столкновение идентичности с реальностью, которое не укладывалось в рамки традиционного исторического сознания, что ставило под угрозу сложившиеся основания и принципы идентичности. Следствием этого столкновения и становился кризис.

Гуманитарии уже давно отошли от традиции рассматривать кризис как нечто фатальное и неизменно предшествующее гибели обществен-

ного организма. Скорее наоборот, кризис знаменует перерождение, переход в новое качество, а зачастую и обретение новой формы.

В поисках выхода из кризиса, порожденного столкновением реальной действительности и исторического мифа, который лежит в основе всякой идентичности, общество создает некий новый нарратив, целью которого становится изменение исторического сознания. Будучи средством преодоления кризиса и придания определенной целостности неким событиям прошлого и настоящего, он в первую очередь апеллирует к прошлому, стремясь объяснить его исходя из событий настоящего. В этом смысле зависимость настоящего от прошлого является столь же очевидной, как и зависимость прошлого от настоящего.

Особое значение изучение кризиса идентичности имеет для времени, когда бурными темпами идет процесс модернизации, происходит ломка традиционных институтов общества и формирование новых связей, в том числе претерпевает изменения и межэтническая коммуникация. Используя термин «модернизация», справедливо описывать ее как целый комплекс изменений во всех сферах человеческой деятельности — экономической, социальной, культурной, политической, в области отношений человека с окружающей средой, — связанных с разложением аграрного общества и переходом к индустриальному. Не единожды делались уже попытки определения характера этих изменений и анализа механизма такой трансформации. Вместе с тем давались и определения индустриального общества, среди признаков которого назывались и занятость большей части общества в промышленности, и более высокая производительность индустриального сектора по сравнению с аграрным, и изменение взаимоотношений между людьми, когда исчезает «мелкомасштабность коммунального общежития». Наряду с этим формируется представление о равенстве всех граждан перед законом, о суверенитете народа в целом, о нации и национальном⁶³³.

Не менее важным представляется и другой аспект модернизации. Возникшее в ее ходе представление о суверенитете народа означало не что иное, как убеждение в принадлежности государственной власти не одному лицу, а всему народу. В результате модернизации народ стал мыслиться, с одной стороны, как нечто целое, объединенное общностью истории и культуры, а с другой — как единственный носитель власти, способный определять свою судьбу и реализовывать свою цельность, в том числе и в культурной сфере. В этом смысле исторически логичным выглядит то, что на смену бюрократическим абсолютистским европейским государствам приходит национализм как основа истинной автономии политического сообщества⁶³⁴.

Современная модернизация, изменяющая порой сам характер взаимоотношений между людьми, обостряет и проблему национальной идентичности. Национализм является таким же продуктом модернизации, как и само индустриальное общество. Кризис идентичности, свойственный эпохе модернизации, воплощается зачастую как в поиск «национальной идеи», способной определить место социума в окружающей социокультурной и геополитической среде, так и в ксенофобские настроения, которые дают возможность противопоставить свое собственное «Мы» чужому «Они». Антимигрантские настроения базируются на представлении о приезжих как чуждых, иных. Фиксируемые социологами ксенофобии направлены в первую очередь на этнических «иных», независимо от их гражданства, от того, являются ли они временными трудовыми мигрантами, переселяются на постоянное место жительства в пределах России или из-за ее пределов.

Соответственно этим процессам меняется сознание и трансформируется историческая память, что в свою очередь приводит к разрушению идентификации с одними общественными группами и формированию новых связей. В исторической ретроспективе модернизация эпохи Нового времени привела к зарождению наций и национализма, составив тем самым основу европейского кризиса идентичности⁶³⁵. Таким образом, даже безотносительно к миграционным изменениям, модернизации — и в исторической ретроспективе и в современности — свойственно обострение проблемы нации и национального.

Модернизация имеет и другую сторону, непосредственно оказывающую влияние на развитие «антропотоков». Сегодня специалистами уже доказано, что ускорение экономического развития на определенном этапе приводит к увеличению миграционного оттока из страны, а не наоборот, как считалось долгие годы⁶³⁶.

Не единожды уже подчеркивалось, что становление современной рыночной цивилизации разрушает экономические и социальные связи, характерные для прежнего общества. В ходе преобразований были уничтожены те общественные механизмы, которые основаны на принципах общественного владения землей и социальном коллективизме с преобладанием родовой солидарности и корпоративной идентичности. Рыночный принцип хозяйствования разрушал коллективистские идентичности, утверждая основания индивидуализма и свободы.

Вместе с тем шел и неизбежный в период модернизации процесс маргинализации, который сделал многих сельских жителей безземельными, а значит, лишенными привычных средств к существованию. Те процессы, которые происходили в бывших республиках Северного Кавказа в постсоветский период (начиная с 1991 г.), были связаны с быст-

рым и радикальным изменением социальной и политической структуры общества, направленным на формирование класса собственников. Этот процесс движения собственности повсеместно являлся одной из составляющих модернизации. В таких условиях, как справедливо замечают исследователи, естественно возникал вопрос о том, кто на данной территории имеет право на власть и собственность, а этнический ресурс экономической и политической конкуренции становился важнейшим и выступал основной причиной межэтнических конфликтов и вынужденных миграций⁶³⁷.

Особенно очевидно эти процессы происходят в условиях современного глобализирующегося постиндустриального общества, когда, с одной стороны, структурная трансформация, проникновение новых капиталоемких методов производства в традиционные общества происходят очень быстрыми темпами, а с другой — глобальные сети средств массовой информации обеспечивают быстрое и широкое распространение информации о возможностях и уровне жизни в других странах мира.

Еще Эрнест Геллнер обратил внимание на одну важную черту индустриального общества — в нем изменился сам характер разделения труда, и в результате люди сегодня в первую очередь различаются как представители общей высокой культуры (или единой нации) и лишь во вторую — как члены какой-то гильдии или касты. Поэтому хотя отделение военного ремесла от других, гражданских, и имеет место, оно не приводит к появлению никакой особой касты или сословия и профессия военного в принципе мало чем отличается, например, от профессии фермера. Именно этим качеством разделения труда объясняется то, что политические элиты в современном обществе не получают несоразмерно большого в сравнении с другими гражданами вознаграждения, а, наоборот, выполняют свои обязанности за довольно скромную плату, которая не слишком отличается от средних доходов обычных граждан⁶³⁸. Подобная ситуация была особенно важна там, где в рамках традиционного общества культивировался эгалитаристский миф и представления о равенстве были залогом жизнеспособности социальных общностей.

Все эти процессы были жизненно важны для модернизирующихся социальных организмов, но они неизменно порождали кризис идентичности, связанный как с социально-экономическими процессами, так и с идейными дискуссиями. Иными словами, любое модернизационное общество является обществом кризисным, в котором равновесие и стабильность — крайне условные понятия, легко подверженные внешнему влиянию.

Таким образом, очевидно, что модернизирующееся общество, являющееся одним из компонентов миграции, само по себе — социум кризисный, и, будучи принимающим социальным организмом или, наоборот, выталкивая мигрантов, оно составляет одну из детерминант кризиса идентичности.

Однако для рубежа XX—XXI вв. проблема заключается еще и в том, что во всем мире и в России, особенно на юге, кризис идентичности все настойчивее ассоциируется именно с миграционными изменениями. Проблема связанного с миграционными потоками кризиса идентичности приобретает особое значение, потому что, во-первых, современные средства коммуникации сделали ее решение более доступным, а во-вторых, процесс глобализации, формирующий единое экономическое и политическое пространство, имеет и обратную сторону — локализацию. Для мигрантских сообществ характерно стремление не просто выжить в новых условиях, но и сохранить собственную духовную традицию, составляющую основу идентичности.

Описывая модернизацию как комплексный процесс обновления всех сторон жизни общества, нельзя не упомянуть еще одну ее важную черту: модернизация коренным образом меняет идентичность, перемешивая мифы о золотом веке и кульги прошлого с социальной необходимостью и трансформационными процессами современности. Особенностью конфликтов, связанных с миграциями периода модернизации, является еще и то, что отношения между местным населением и мигрантами накладываются на кризис идентичности самого коренного населения (резидентов), также спровоцированный модернизацией. В результате образуется сложный клубок экономических, социальных, духовных противоречий, разрешить которые не удастся ни федеральной, ни местной власти.

Для объяснения причин конфликтного взаимодействия в сфере миграции в период модернизационных процессов исследователи используют концепцию депривации⁶³⁹. Депривация — состояние, возникающее при явном расхождении между ожиданиями людей и возможностями их удовлетворения. Очевидно, что с течением времени депривация, не оставаясь стабильным свойством, может усиливаться, уменьшаться или оставаться неизменной в зависимости от динамики и направления эволюции самого общества. Однако, как справедливо замечают многие исследователи, решающим фактором изменения депривации является то, в каком отношении находятся ожидания, с одной стороны, и порождаемые обществом возможности их удовлетворения — с другой. Иными словами, очевидна связь между социальным контек-

стом и текстом, конструируемым сознанием принимающего общества и мигрантов, т.е. идентичностью, трансформирующейся в определенных социальных условиях. Очевидно, что увеличение разрыва между ожиданиями и реальностью, т.е. рост депривации, повышает вероятность конфликта. В данном случае уровень модернизации является решающим фактором, поскольку, во-первых, при уменьшении средств для удовлетворения уже сформировавшихся запросов (что наблюдается в частности в ситуации ломки устоявшихся экономических отношений и «пробуксовывающей» модернизации) ожидания многих определяются скромной формулой сохранения status quo — «лишь бы хуже не стало». Во-вторых, в ситуации, когда ожидания и запросы растут значительно быстрее, чем возможности их удовлетворения (что характерно для успешной модернизации), уровень депривации также увеличивается; следовательно, повышается и уровень конфликтности.

Усиление депривации порождает агрессивные реакции, которые обычно воплощаются в выступлениях, направленных против источников разочарования — подлинных или придуманных виновников бедственного положения. Это может реализовываться в поисках новых виновных, которыми в одних случаях становятся мигранты, в других — лица, получающие «несправедливо много» за свой труд, в третьих — органы власти и управления, чиновники. Иными словами, усиление депривации способствует росту напряженности и вероятности возникновения открытых социальных, политических и этнических конфликтов с участием мигрантов⁶⁴⁰.

Как правило, мигранты не удовлетворены тем приемом, который им оказывается на новом месте поселения. Резиденты же в свою очередь считают, что приезжие претендуют на их и без того урезанные процессом модернизации права, льготы, другие социальные блага.

Вместе с тем сохранение стабильного уровня депривации или снижение его ведет к созданию психологических условий, способствующих стабилизации морально-психологической атмосферы в обществе, ослаблению напряженности. Однако этот процесс становится возможным тогда, когда модернизация достигает высокого уровня.

Другая сторона процесса модернизации заключается в том, что он приводит к увеличению количества рабочих мест, результатом чего становится приток мигрантов (не всегда легальных) из соседних территорий, что составляет основу трудовой миграции. В частности, анализ экспертных оценок масштабов незаконной миграции (в том числе нелегальной иностранной рабочей силы) на территории Ростовской области показывает, что в 2003 г. численность пребывающих на территории области незаконных мигрантов составляла в зависимости от времени

года 10–11 тыс. человек. В 2006 г. она возросла уже до 16–17 тыс. человек, т.е. примерно в 1,5 раза. Этому способствовали ускоренное развитие экономики области, постоянный дефицит рабочих рук на рынке труда, а также значительный спрос на низкооплачиваемую рабочую силу, готовую выполнять непрестижную работу и трудиться в сложных условиях. По отраслям экономики, как сказано в составленном Федеральной миграционной службой отчете «О миграционной обстановке в Карачаево-Черкесской республике и работе за 2001 г.», иностранная рабочая сила использовалась в основном в разведке недр, преподавательской деятельности, сельском хозяйстве и строительстве.

Характерно, что наблюдается прямая зависимость между ускорением темпов экономического развития и общим притоком мигрантов: экономически более развитые регионы являются наиболее привлекательными для их расселения. В частности ускорение темпов роста экономики Ростовской области привело к тому, что на ее территорию за первую половину 2007 г. прибыло на 50% больше иностранных граждан, чем за предшествующие 6 месяцев.

Основными «странами-поставщиками» незаконной миграции на территорию области являются: Украина (4,4 тыс. человек), Азербайджан (2,6 тыс.), Армения (2,2 тыс.), Таджикистан (2,1 тыс.), КНР (2 тыс.), Грузия (1,6 тыс.), Узбекистан (1,2 тыс.) и Северный Вьетнам (0,7 тыс. человек). Число незаконных мигрантов из стран СНГ на территории области составляет 13–14 тыс. человек, или 80%.

При этом, как замечает И. В. Ивахнюк, ответ на вопрос о причинах и механизме миграции не столь прост, как кажется на первый взгляд⁶⁴¹. Среди факторов, способствующих массовым «антропотокам», он выделяет неудовлетворенность своим положением, работой, материальным уровнем, образованием, перспективой карьеры и т.д. Все эти проблемы, способные вызвать именно массовые миграции, особенно характерны для модернизирующихся обществ. В таком случае стимулом к миграции выступает желание найти такое место в мире, где, как надеются мигранты, они смогут обрести лучшие условия жизни.

Люди с мигрантским фоном концентрируются прежде всего в мегаполисах и других крупных городах. Здесь интенсивно создается мультикультурная среда, в которой мигрантским общинам проще найти себя в процессе хозяйственной интеграции в действующую систему общественного производства. В эпоху постиндустриальной экономики услуг, дающих в развитых странах до 60–70% ВВП, мигранты оказываются во многих отношениях «привилегированной группой», поскольку в гораздо большей степени готовы к перемене места жительства из-за работы, чем автохтонное население, которое удерживается дома в немалой степени

привычным образом жизни и устоявшимися традициями. В этой связи крупные города, особенно там, где пересекаются культурные пути и процессы, становятся благодатной сферой для этнических конфликтов и противостояний. Очевидна, в частности, большая подверженность этнофобиям молодежи: в среде московской молодежи, например, негативное отношение ко всем этническим группам выше, чем у москвичей в среднем. Молодежь демонстрирует сегодня более высокий уровень интолерантности, чем пожилые люди. Такое положение отличается от ситуации 1990-х гг., когда на фоне этнических фобий старшего поколения молодые были более терпимы к представителям разных этнических групп⁶⁴².

Одной из острейших проблем, таким образом, становится вопрос как хозяйственной, так и культурной адаптации мигрантов. Однако ее механизм понимается по-разному местным и приезжим населением.

Миграция периода модернизации имеет и другую сторону, которую можно наглядно продемонстрировать на примерах кавказских республик бывшего СССР. С началом «перестроечной модернизации» в бывших советских республиках сокращается относительная численность русского населения. Регионами такого «исхода» являются государства Южного Кавказа (Грузия, Армения, Азербайджан), республики Северного Кавказа, а также приграничные с ними районы Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей. Одним из факторов изменения соотношения населения по этническому составу является кризис идентичности, связанный с новыми конфессиональными процессами, ставшими реальностью на современном Кавказе, который во многих отношениях является иллюстрацией хантингтоновского «столкновения цивилизаций». Северный Кавказ сегодня — особый геополитический и этнокультурный регион, в котором сосуществуют две цивилизации — славянско-христианская (православная) и горско-исламская (мусульманская)⁶⁴³. И хотя можно, наверное, спорить по поводу количества и названий цивилизаций на Северном Кавказе, тот факт, что религиозный вопрос является одним из острейших, определяющих этноидентификационные процессы в этом регионе, является бесспорным. В условиях разрушения той системы отношений, которая сложилась и просуществовала на протяжении XX в., уровень взаимодействия и условия сосуществования народов, носителей различных религий, а также процессы складывания новых идентичностей определяются тем, насколько они готовы к совместному диалогу, формированию и воспитанию толерантного сознания.

Для народов, проживавших на Кавказе, где модернизация приобрела не только характер социально-экономической ломки, но и религиозной диверсификации, проблема осложняется еще и тем, что сам

ислам, являющийся одной из основных политических сил, не представляет собой единства. Целый ряд общественно-политических субъектов имеет исламскую религиозно-политическую окраску лишь номинально; тогда как сфера фактических интересов лежит в плоскости конкуренции региональных субэлитных групп, сформировавшихся в результате крушения отношений в рамках советского общества. Эти группировки по-разному видят и судьбу кавказской идентичности. Если сторонники традиционного ислама на первое место ставят сложившуюся на общероссийском пространстве северокавказскую идентичность, в рамках которой ислам — лишь один из компонентов местной традиции, то возникающие и активизирующиеся, часто под воздействием извне, новые течения ислама требуют от северокавказских мусульман ощутить себя легитимной частью исламской уммы мира, приобщиться к строительству халифата⁶⁴⁴. В результате на Северном Кавказе разворачивается борьба за право влиять на постсоветскую идентичность и, как следствие, формируются нормы взаимоотношений с теми, кто не является адептом ислама. Порой это выражается в повышенной конфликтности, провоцирующей вынужденные миграции.

Другая сторона современной модернизации на Северном Кавказе заключается в том, что регион покидают представители кавказских этносов, оседающие на территории России. Отношения между ними и местным принимающим населением зависят от множества факторов культурного и социального порядка. Идентичность местного и приезжего населения оказывается напрямую связана с процессом социальной ассимиляции мигрантов.

На юге России основная масса этнических приезжих представлена неквалифицированными работниками, носителями ценностей традиционных сельских культур. Это в значительной степени определяет возможности их социальной адаптации в принимающем обществе, которая определяется главным образом уровнем развитости модернизационных процессов. В условиях модернизации целый ряд отраслей хозяйства оказывается «выключен» из активного развития, и мигранты способны заполнить их, тем самым реализуя «феномен этнического предпринимательства».

Согласно отчету Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации, в Ставропольском крае в 2001 г. из общего числа зарегистрированных вынужденных переселенцев 46,9% находились в трудоспособном возрасте. Положение на рынке труда было крайне сложным: почти в 3 раза сократился спрос на рабочую силу, что привело к росту общего уровня безработицы с 5,3% в 1997 г. до 15,3% в 1999 г. Около 1800 тыс. человек не имели постоянной

работы, но активно ее искали и в соответствии с методологией Международной организации труда классифицировались как безработные. В 2001 г. в крае дополнительно требовалось 154 тыс. рабочих мест, а с учетом демографического роста к 2005 г. — уже 188,5 тыс. мест. Поэтому существовала настоятельная необходимость более активно решать вопросы по поддержанию занятости населения. В 2000 г. численность людей, занятых в экономике края, составила 994,8 тыс. человек. При этом экономически активное население края, по данным Минтруда РФ, достигло 1261,0 тыс. человек. Общий уровень безработицы возрос с 14% в 1999 г. до 15,1% в 2000 г., количество же официально зарегистрированных безработных — с 11,1 тыс. человек до 9,3 тыс. В связи с этим приток мигрантов, среди которых значительную часть составляли нелегальные, не мог не провоцировать напряженности.

В соседствующей со Ставрополем Ростовской области количество незаконных иностранных работников из общего числа нелегальных мигрантов оценивается примерно в 12–13 тыс. человек, т.е. 75–80% от общего количества всей массы незаконной миграции.

Термин «этническое предпринимательство» — достаточно новый для современной социологической науки. Им принято обозначать концентрацию представителей отдельных этнических групп (как правило, составляющих этническое меньшинство в социуме) в определенных секторах экономики и профессиональных видах деятельности. При этом этнические предприниматели отличаются социокультурной и этнической чужеродностью по отношению к той территории, где они функционируют, и групповой солидарностью членов этногруппы в сфере экономической активности, в отдельных экономических нишах. В частности, с целью сезонной работы на сельскохозяйственных предприятиях Ростовской области и Краснодарского края, а также для поиска работы в сфере строительства с востока и юга туда въезжают граждане Узбекистана и Таджикистана. Граждане Армении на юге России стремятся к занятости в строительных работах, граждане Азербайджана занимаются перепродажей сельскохозяйственной продукции. На промтоварных рынках работают в основном китайские и вьетнамские граждане.

Этническое предпринимательство, с одной стороны, является производным от модернизации, поскольку специализация по отдельным производственным отраслям представляет собой средство преодоления модернизационной нестабильности в условиях кризиса. С другой стороны, оно оказывает непосредственное влияние на темпы и степень адаптации вновь прибывших. Проблема этнического предпринимательства теснейшим образом связана с вопросом трудовой миграции, и это в свою очередь обуславливает темпы адаптации мигрантов в социуме.

Нелегалы тяготеют к занятости в основном в рамках неформального рынка труда, обслуживающего сферу теневой экономики. Последняя не требует от них легализации статуса и, следовательно, препятствует адаптации, предоставляя в то же время широкие возможности для быстрого достижения материального благополучия, ибо позволяет уйти от уплаты налогов.

Анализ современных научных исследований выявил два базовых подхода к трактовке природы и сущности феномена этнического предпринимательства: культурно-исторический и экономический.

Культурно-исторический подход включает теорию исторически сформированного этнопредпринимательства и теорию традиционного этнопредпринимательства. Первая связывает его развитие с функционированием этнических диаспор, когда живущие в течение многих сотен лет вне основного ареала расселения своего народа представители этногрупп выработали особые формы защиты своей этнической специфики, «особости», в том числе и при помощи мер экономического характера. История знает немало примеров, когда эти факторы являлись решающими в выборе видов деятельности.

В теории традиционного этнопредпринимательства хозяйственная активность этномигрантов рассматривается с позиций отражения специфики функционирования национальной экономики. Трудовые навыки, привычки, особенности поведения этномигрантов обуславливаются природно-климатической средой традиционной территории проживания этноса.

Экономический (или реактивный) подход приписывает первостепенное значение в развитии этнопредпринимательства общественно-экономической среде, в которую попадает мигрант. Если его положение крайне невыгодное, в том числе и на рынке труда, то это ущемленное положение вытесняет его в свободные экономические ниши и побуждает заниматься предпринимательством.

В целом можно выделить три стадии развития (а следовательно, и взаимодействия со средой) этнопредпринимательства.

Первая стадия — маргинализация мигрантов. Она характеризуется максимальной степенью консолидации в пределах этнической группы. Община часто скрепляется родственными и клановыми связями, а взаимоотношения с соотечественниками и связи с этнической родиной достаточно крепки. На эту стадию развития этнопредпринимательства определенное воздействие (направляющее или корректирующее) или противодействие оказывают внешние факторы в виде миграционной политики властей и восприятия коренного населения. Важным фактором в сплочении этнической группы и успешной реализации стратегии

этнического предпринимательства является доверие внутри мигрантской общины, основанное на этнической идентичности. Доверие позволяет сформировать «этнические» социально-экономические сети — стабильные модели непосредственного взаимодействия между представителями одной этнической группы в сфере экономической деятельности и социального обустройства.

Вторая стадия — «расцвет этнического предпринимательства» — наступает тогда, когда этнические мигранты определяют сферу (или сферы) своей деятельности, которая обычно представлена слабозащищенными или свободными рыночными нишами. Эти сферы предпринимательской активности не всегда престижные или высокодоходные, но в условиях резко возросшей по сравнению с первым этапом деловой активностью этнического меньшинства создается эффект «захвата» экономического пространства мигрантами, что приводит к конфликтам, особенно в тех регионах, в которых социальные и экономические проблемы наиболее обострены.

Третья стадия развития этнического предпринимательства, характеризующаяся снижением конфликтности, — стадия «стабилизации» положения этнических предпринимателей, которую можно назвать эффектом «привыкания» коренного населения к вчерашним мигрантам.

Однако вскоре возникает проблема так называемого этнического парадокса, заключающаяся в следующем: экономическая стабилизация мигрантской этногруппы посредством этнического предпринимательства и этнической солидарности мигрантов ведет к их политизации и повышению уровня социально-политической напряженности в социуме.

Мировой и российский опыт демонстрирует, что пока количество мигрантов — носителей других культурных традиций и стереотипов — относительно невелико и они являются добровольными переселенцами, они достаточно быстро ассимилируются принимающим обществом, серьезных межэтнических противоречий не возникает и трансформация идентичности проходит более быстро и безболезненно.

Когда же абсолютное число вынужденных мигрантов становится значительным, а главное, темпы его увеличения очень высоки, происходит образование более или менее компактных социокультурных анклавов (этнических диаспор)⁶⁴⁵.

Одним из решающих факторов преодоления кризиса идентичности является наличие либо отсутствие таких диаспорных групп соответствующих этносов в принимающем социуме. Основываясь на этом критерии, можно выделить следующую типологию мигрантов:

- имеющие на территории вселения давно существующую диаспоральную группу с достаточно высокими социальными пози-

циями в обществе, эффективно с ним взаимодействующую (т.е. совершившую процесс аккультурации);

- имеющие на территории вселения диаспоральную (общинную) группу, продолжительность существования которой небольшая, а социальные позиции в обществе невысокие;
- не имеющие на территории вселения сложившейся общины. Наличием или отсутствием диаспоральной группы и временем ее существования определяются направления экономической активности мигрантов, их социальный статус в обществе, уровень поддержки со стороны группы, восприятие в общественном мнении и т.д., т.е. процесс конструирования мигрантской идентичности.

Мигранты, с массовым притоком которых столкнулись сегодня многие регионы России, чаще всего относятся к третьей группе. Это значительно ослабляет процесс их интеграции в принимающее сообщество, а кризис их идентичности накладывается на зачастую «размытую» постсоветскую идентичность принимающего сообщества.

Однако, по мнению ряда специалистов, в случае существования диаспорных групп адаптационные и интеграционные процессы замедляются, как правило, возникают межэтнические конфликты, остроту которых усиливают объективно существующее экономическое и социальное неравенство «местного» и «пришлого» населения, конкуренция «своих» и «чужих» на рынках труда и жилья. Добровольная сегрегация общин этнических мигрантов, или, по терминологии М. Саввы, «капсулирование», — чаще всего осознанная стратегия адаптации к принимающему обществу, обусловленная низким уровнем готовности мигрантской общины к интеграции с местным сообществом⁶⁴⁶. Создание «буферной среды», воспроизводящей социальные связи и сети, традиционную культурную среду, наиболее характерно для тех этнических общин, традиции, культура, сложившиеся нормы поведения которых существенно отличаются от бытующих у местного населения. С одной стороны, сегрегация — стратегия общины, с другой — результат политики принимающего общества. Как отмечает В. И. Мукомель, дело не только в бытовых, чаще всего не складывающихся отношениях между представителями общины и местным населением. Огромное значение приобретает действенность социальных, экономических, культурных институтов, призванных обеспечивать социализацию населения⁶⁴⁷. Однако в модернизирующихся обществах еще не созданы механизмы, способствовавшие бы социализации мигрантов.

Большинство факторов, сдерживающих такую социализацию, связано с теми же процессами модернизации, перехода от традиционного

общества к современному, которые переживают мигрантские сообщества. Стремление сохранить патриархальные институты традиционного общества чрезвычайно сильно у тех, кто вынужден покинуть родину. Иными словами, таджики, приезжающие в Россию, являются «большими таджиками», чем те, которые остались на родине. Патриархальная структура с ее сильно развитыми родовыми институтами и патронажными практиками воспроизводится и в принимающем обществе. Обратной стороной опоры на традиционные структуры является отсутствие опыта социализации принимающего общества, адаптации к городской среде.

В известной мере вынужденная сегрегация тех или иных этнических общин в общественном мнении россиян трансформируется в подозрительность, обвинения в клановости, мафиозности, замкнутости. Эти настроения тем явственнее, чем более значима этнокультурная дистанция между этнической группой и местным населением. Отсутствие транспарентности взаимоотношений внутри этнической общины подпитывает подозрительность и отторжение со стороны принимающего общества. Частота контактов местных жителей и вновь прибывших позитивно влияет на их взаимоотношения. Но для этого требуются годы и опыт многих поколений — по крайней мере, в местах компактного расселения этнических общин.

Опыт показывает, что, особенно в первое время, использование новой ситуации, создавшейся в результате миграции, осуществляется как вынужденными мигрантами, так и местными жителями по-разному, что не позволяет говорить о детерминированных миграцией стереотипах коллективного поведения. В результате большинство ожиданий вынужденных мигрантов при их перемещении на новое место жительства не подтверждается и процесс «вживания» мигрантов в новые условия сопровождается проблемами и противоречиями, которые определяются снижением уровня жизни, социального статуса семьи и т.д.⁶⁴⁸.

Особое значение приобретает фактор разницы «урбанизационных потенциалов» территорий выхода и вселения мигрантских этнических общин. Сложно адаптироваться к российским условиям не только таджикам, но и выходцам из сельской местности других государств Средней Азии, Азербайджана, республик Северного Кавказа. Важно и качество городской среды: традиции и нормы поведения, сложившиеся даже в больших городах Средней Азии, несут печать традиционного общества и кардинально отличаются от российских. Не меньшее значение имеет и опыт этнокультурных контактов принимающего населения, тесно связанный с урбанизированностью территории. Неспроста наиболее сложная ситуация в сфере межэтнических отношений сегодня скла-

дывается в наименее урбанизированных регионах Северного Кавказа, в частности Краснодарском и Ставропольском краях.

Мигрантофобии и этнофобии, перефразируя С. Хантингтона, являются порождением столкновения цивилизаций: городской цивилизации с развитыми социальными коммуникациями, высокой социальной мобильностью, выраженным индивидуализмом, не замыкающимся в рамках группы, и сельской — с патриархальным, клановым, коллективистским образом жизни.

Интолерантность к мигрантам есть результирующая реакция на целый комплекс наложившихся проблем, связанных с появлением культурно различающихся новообразований в локальной социальной среде. Такая ситуация неизбежна при массовом притоке мигрантов в ту или иную местность, преобладании в миграционных потоках представителей неурбанизированной среды, не адаптированных к высокоурбанизированной среде, тем более — к существованию в условиях мегаполисов. Это может привести к перенесению негативных стереотипов на целые антропологические группы — «кавказцев», «азиатов» и т.п. Кроме того, психологическая неготовность людей, социализировавшихся в традиционных условиях к жизни в постоянно модернизирующемся обществе, может вылиться в агрессию по отношению к принимающему обществу, что в свою очередь может быть использовано в любых политических целях, в том числе экстремистами и террористами⁶⁴⁹.

Неготовность людей к активной адаптации может быть объяснена многими факторами как социального, так и собственно психологического порядка. Люди, вынужденно покинувшие места прежнего обитания, или беженцы, долго переживают беды, случившиеся с ними в прежнем месте проживания. К закономерным следствиям экстремальных условий, в которых они оказались, относится возрастание межличностной напряженности, неоптимальные формы поведения в целом и неконструктивные приемы разрешения возникающих конфликтов в частности, неадекватное восприятие и оценка других людей, а также неверное представление о себе и своих возможностях, низкий уровень толерантности по отношению к окружающим и др. Особенно ранимы беженцы из «горячих точек», которые своими переживаниями хотят поделиться не только с такими же несчастными, как они, но и зачастую с незнакомыми людьми.

В новых условиях мигранты и перемещенные лица сталкиваются с последствиями пережитого повсюду и видят его в самых разных проявлениях действительности. Зачастую вынужденный мигрант по сути начинает новую жизнь. Он вырабатывает совершенно другое отношение и к себе, к своему внутреннему «Я», и к окружающему миру. Иными

словами, проблема переносится в сферу психологии. Поведение такого человека, переселившегося в чужеродную и часто отнюдь не дружественную среду, отличается повышенной возбудимостью, агрессивной реакцией на раздражители, трудностью в налаживании контактов.

Полноценное развитие и обустройство этих граждан на новом месте может происходить только во взаимоотношениях с обществом. Требование предоставления необходимых преобразований должно, таким образом, предъявляться и обществу, его коллективному сознанию, а также отдельным гражданам⁶⁵⁰. Однако в условиях, когда само принимающее общество состоит из граждан с размытой идентичностью, столкнувшихся со множеством социальных проблем, вызванных модернизацией и ломкой устоявшихся стереотипов сознания и поведения, толерантность по отношению к приезжим очень часто не является доминантой. Это становится фактором роста антимиграционных настроений и в свою очередь провоцирует меры по ограничению притока мигрантов.

Процессы притока этнически и культурно чужеродного населения, протекающие на фоне модернизации с ее экономическими и социальными катаклизмами и, как результат, обострившие кризис идентичности, приводят к тому, что любое внешнее вмешательство воспринимается как желание насадить чужеродные нормы и повлиять на процесс конструирования собственного смыслового пространства культуры. Протест против такого «вмешательства» и нетерпимость в целом может принимать различные формы вплоть до физического насилия. Однако если громкие случаи насилия привлекают внимание общества, то ползучая дискриминация меньшинств, столь характерная для многих современных сообществ и представляющая не меньшую угрозу социальной стабильности, игнорируется и СМИ, и российским социумом. При этом опрошенные подростки четко фиксируют дискриминацию меньшинств: отвечая на вопрос, каково отношение в современной России к национальным, этническим, религиозным или языковым меньшинствам, школьники на первое место поставили национализм (18,6%), затем расизм (17,1%), дискриминацию (16,4%)⁶⁵¹.

Для южных районов России, столкнувшихся с массовым притоком беженцев из республик бывшего СССР, эта проблема является одной из наиболее актуальных. Резкое увеличение потока вынужденных переселенцев совпало с тем, что донское казачество, переживая постсоветское возрождение, столкнулось с проблемой этнической мобилизации, которая, по мнению лидеров казаков, должна обеспечить защиту «интересов славянского населения, угроза которому исходит от многочисленных мигрантов». В результате было учреждено новое общественное объе-

динение — «Южно-Российская Ассамблея “Славянский Мир”» с целью предотвратить ущемление славянского населения во всех сферах жизнедеятельности — культурной, политической и экономической. Появилось и постановление Малого Войскового Круга от 13 апреля 2002 г., суть которого — в провозглашении нарушения «этнического баланса области, в неконтролируемом лавинообразном наплыве мигрантов всех мастей на нашу землю», что равнозначно, по мнению авторов манифеста, «этнической агрессии». «В Азовском районе, — указано в воззвании, — уже действуют “национальные” школы, в них не только изучают турецкий язык, но и осторожно проповедают мысль о возврате земель Приазовья в состав “Великой Турции”: дескать, Приазовский край был насильно отнят у бедных турок казаками в XVIII в. Налицо опасная идея исторического реванша... Но даже если бы не было ничего вышеуказанного, то и тогда жизнь дончан бок о бок с мигрантами становится невыносимой». В заключении манифеста выдвигается требование «срочного введения нового закона, расширяющего юридические права и возможности применения средств защиты для муниципальных казачьих дружин. Требуем увеличения численности дружинников».

Даже поверхностный взгляд на манифест показывает, что казачество видит угрозу собственной идентичности, провозглашая невозможность сосуществования донского населения и мигрантов. Таким образом, в конструировании идентичности используется мифологема о «славянском казачестве», противостоящем мусульманам. При этом в качестве решающих выдвигаются экономические и социальные аргументы.

Хотя факторы роста этно- и мигрантофобий не могут быть объяснены однозначно, можно с уверенностью говорить о том, что они, как и все фобии, производны от страхов утраты ресурсов и собственной идентичности⁶⁵². Среди факторов, осложняющих социализацию мигрантов на новом месте, как правило, выделяют несколько: сложную ситуацию на рынке труда, националистические предрассудки, религиозную дистанцию и целый ряд других. Думается, что все эти факторы могут быть сведены к двум группам идеологического и социально-экономического порядка. Разделить их подчас очень сложно, а порой вообще невозможно: часто случается, например, так, что социально-экономические претензии к мигрантам облекаются в форму националистических лозунгов и маскируются социокультурной риторикой. Как бы то ни было, исследователи отмечают, что согласно соцопросам отношение к мигрантам как социальной категории у большинства жителей юга России резко отрицательное, однако при этом наблюдается существенное различие, связанное с этнической принадлежностью приезжих⁶⁵³.

На формирование негативных установок по отношению к другим этносам косвенное влияние оказывают и такие факторы, как национальный состав населения, тип поселения, возраст, социальное положение, уровень образования и политические убеждения. Значение всех этих категорий обостряется в обществах «переходного периода», где крайне актуальной является борьба за влияние и возникают новые типы неравенства. В этом плане интересна теория общественного замыкания, суть которой сформулировал Ф. Паркинс. Он отмечал, что «монополизация шансов» становится средством, с помощью которого каждая общественная группа желает защититься от других, несмотря на место, занимаемое на иерархической лестнице⁶⁵⁴.

Особым фактором, оказывающим непосредственное влияние на идентичность, связанную с миграционными процессами, является тесная обусловленность проблем идентичности с состоянием безопасности в регионе. Другими словами, ощущение внешней угрозы является важнейшим фактором, влияющим на конструирование идентичности. Вновь прибывшие мигранты зачастую рассматриваются как потенциальная угроза безопасности коренного населения.

В условиях модернизационной ломки и общего, подчас системного кризиса возникает большой соблазн увязать настроения неуверенности и нестабильности с ростом мигрантского населения. В отчете УФМС по Ростовской области хотя и отмечается, что иностранными гражданами и лицами без гражданства в 2006 г. совершено 1003 преступления, что на 14,1% больше количества преступлений, совершенных за предшествующий год (879 преступлений), из них более всего совершено преступлений средней и небольшой тяжести — 658 (в 2005 г. — 614), тяжких — 284 (в 2005 г. — 211), особо тяжких — 61 (в 2005 г. — 54), преступлений, связанных с наркотиками, — 126 (в 2005 г. — 110). Вместе с тем делается обоснованный вывод: «анализ правонарушений показывает, что миграционная ситуация в настоящее время не имеет решающего криминогенного значения (количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, составляет менее двух процентов от общей численности преступлений, совершенных в области). Тем не менее миграционно-этническая активность, в том числе и незаконная миграция, провоцируемая экономическими, политическими, межнациональными и дискриминационными процессами в ряде суверенных государств, нестабильной общественно-политической и социально-экономической обстановкой в республиках Северного Кавказа, Закавказья и Украины, является одним из факторов, по-прежнему оказывающих влияние на формирование и пополнение этнических организованных преступных групп»⁶⁵⁵.

«Этнофобии» периода «травматической трансформации» общества, с разрастающимся комплексом социальных обид, принимающих, однако, форму не социального, а этнически окрашенного протеста, являются одними из наиболее опасных фобий. Недоверие обществу в целом компенсируется преданностью «своим», что нередко сопровождается ксенофобиями и враждебностью к «чужакам»⁶⁵⁶. По мнению Л. Гудкова, именно «социальный и национальный ресентимент стал одним из основных факторов, активизировавших, ожививших прежде подавляемую смесь ксенофобии и агрессивного изоляционизма»⁶⁵⁷. Вероятно, справедливо и то уточнение, что «ксенофобные высказывания лишь в незначительной мере являются прямой импульсивной реакцией на социальные напряжения. Напротив, они закрепляются в сознании значительных групп населения как общие ценностные установки и не исчезают после спада общественной возбужденности»⁶⁵⁸.

В этом, возможно, заключается одна из основных опасностей ксенофобии такого рода: последняя воспринимается как норма общественного поведения и транслируется в широкие массы, в том числе и в молодежные слои. По крайней мере, такое объяснение применимо к части молодежи крупнейших городов, которая не имеет перспектив вырваться из полумаргинального существования, получить образование и сделать карьеру в нынешнем обществе, где социальное расслоение исключительно высоко, и обвиняет во всех бедах «иных». Именно в среде с наименьшими культурными ресурсами семьи рост этнофобии происходит наиболее резко; откровенно враждебные суждения наиболее естественно усваиваются слоями, не имеющими собственных критериев оценки социального окружения.

Решением проблемы идентичности приезжих может быть «стратегия де-секьюритизации» (*de-securitization*), которая исследователями видится с разных, порой противоположных позиций. Так, одни предлагают вариант «фрагментации идентичности приезжих» (т.е. репрезентации мигрантских сообществ, как состоящих из разнородных этнокультурных групп), что неизбежно будет разрушать исконную идентичность приезжих. С другой стороны, конструирование неконфликтного образа мигрантов возможно и путем создания их диаспорных сообществ, которые будут способствовать экономической и психологической адаптации приезжих, ведь диаспора не только определяет статус мигрантской этногруппы, обеспечивает поддержку и т.д., но и обуславливает уровень конфликтности между мигрантами и принимающей средой.

Миграция может рассматриваться и как экономически обоснованный способ заполнения свободных ниш на рынке рабочей силы. Миграционная политика может являться дополнительным ресурсом мо-

дернизации, если обществу удастся найти те «ниши» на региональных рынках рабочей силы, которые мигранты могут заполнить с выгодой как для себя, так и для общества. Это в свою очередь предполагает необходимость избавления от «теневых рынков» рабочей силы. Неэффективность операций правоохранительных органов в отношении незаконных мигрантов напрямую объясняется широким распространением коррупции в этой сфере. Необходимо стремиться к минимизации незаконной миграции и незаконной занятости. Но для этого должны быть четкие и ясные процедуры регистрации, получения вида на проживание, вида на жительство, разрешения на работу.

Как отмечается в отчете «О миграционной обстановке в Карачаево-Черкесской республике и работе за 2001 г.», главной основой стабилизации миграционной ситуации является улучшение экономического и социального положения, перспективы решения социально-бытовых проблем населения, доступность кредитов и ссуд и экономическая целесообразность их получения для обустройства, ведения хозяйства, занятия бизнесом и т.д. Достижение межнационального согласия на основе долгосрочной программы развития республики, отвечающей интересам всех народов, выдвигает необходимость прогнозировать и не допускать межэтнического напряжения, незамедлительно и жестко реагировать на проявление национальной нетерпимости и сепаратизма, не допускать в республике реакционных религиозных течений. В этом случае целью миграционной политики должно быть превращение стихийной миграции в регулируемое цивилизованное переселение, позволяющее реализовать интеллектуальный и трудовой потенциал мигрантов во благо принимающих регионов, на ускорение их социально-экономического развития и укрепление государственной безопасности России.

Реальные и серьезные проблемы, обусловленные интенсивным формированием «новых диаспор» и компактных поселений мигрантских этнических меньшинств, следует решать путем проведения конструктивной этнонациональной региональной политики. Регионы начинают активно проводить более решительную политику по предупреждению напряженности между местным населением и мигрантами. Проблемы, связанные с мигрантофобиями, власти субъектов Федерации стараются ныне решать в рамках программ региональной национальной политики, которые финансируются, как и программы борьбы с незаконной миграцией и борьбы с преступностью, из региональных бюджетов. Кроме того, представляется привести миграционную политику в соответствие с рядом международных стандартов.

Однако очевидно и другое. Формирование новых идентичностей как в среде мигрантов, так и у резидентов может быть успешно реализовано

лишь через признание общих ценностей, взаимное узнавание и создание на этой основе механизма управления интеграционными процессами, иными словами, на микроуровне. При этом стоит заметить, что микроуровень предполагает взаимодействие на межличностном и групповом уровнях. Не единожды уже замечено, что отрицательное восприятие мигрантов как социальной группы на микроуровне сочетается с доброжелательным отношением к отдельным людям. Это противостояние гетеростереотипа и контрстереотипа, очевидно, должно стать той сферой, в которой будет преодолен кризис неприятия и создана основа для становления новой идентичности как приезжих, так и резидентов.

В то же время факторами, ограничивающими процесс интеграции, являются неблагоприятные социально-экономические, правовые и социокультурные условия, связанные с незавершенностью модернизационного процесса в экономической сфере и маргинализацией социальной структуры общества, что приводит к наложению друг на друга нескольких кризисов идентичности. Преодоление кризиса идентичности в таких условиях возможно при доминировании позитивных оснований для сближения на субъективном уровне.

§ 6. Мигрантофобия и безопасность в восприятии принимающего общества: сравнительно-региональный аспект проблемы*

Вхождение России в число основных стран приема мигрантов после распада СССР сопровождалось стремительным ростом антимиграционной враждебности. Многочисленные опросы общественного мнения подтверждают, что ксенофобские, антимигрантские настроения широко распространились в российском обществе к началу 2000-х гг. В массовом общероссийском опросе об отношении к миграции, проведенном по заказу автора в конце 2005 г. аналитическим Левада-центром и лабораторией по изучению общественного мнения Института истории ДВО РАН⁶⁵⁹, самым точным и ярким показателем таких настроений были ответы на вопрос: «**Насколько согласны или не согласны Вы с утверждением, что всех мигрантов — легальных, нелегальных и их детей — следует выслать туда, откуда они приехали?**» Согласно данным всей выборки исследования (N = 4740), **приблизительно 47,4% респондентов** (за

* Данный раздел основан на работах, осуществленных при поддержке фонда Джоан Д. и Кэтрин Т. МакАртуров и Национального научного фонда (США) (по гранту № 0452557). Все мнения, обнаруженные факты и выводы сделаны автором и не обязательно отражают точку зрения фонда МакАртуров и/или Национального научного фонда.

исключением небольшой их доли, ответивших «Не знаю»), заявили, что они согласны или в основном согласны с такой идеей. Идентичный вопрос является стандартным в опросах общественного мнения по программе «Евробарометр» в странах ЕС, где в среднем с идеей поголовной депортации мигрантов в начале 2000-х гг. соглашалось около 20% респондентов⁶⁶⁰. В то же время масштабы иноэтничной миграции и процент мигрантского населения на рубеже XX–XXI вв. были значительно выше в европейских странах, чем в России.

Этот парадокс еще больше усиливается, если принять во внимание различия в уровнях антимиграционной враждебности по регионам опроса. Они не поддаются простым интерпретациям. Скорее они ставят под вопрос обычно даваемые социальными науками объяснения межэтнической враждебности, чем подтверждают какое-либо из них.

Например, если основываться на теориях «реалистического группового конфликта»⁶⁶¹ или межгрупповых предубеждений и «символических угроз»⁶⁶², то есть искушение заключить, что поддержка идеи массовой депортации мигрантов и их детей должна быть самой высокой в Москве, так как именно на столицу РФ пришелся наибольший и самый неоднородный в этническом отношении приток мигрантов (особенно со времени распада СССР). Однако дело не только в том, что укорененность такого рода местнических эксклюзивистских взглядов несовместима с превращением постсоветской Москвы в один из мегаполисов мирового уровня с динамично развивающейся экономикой, но также и в том, что поддержка идеи депортации почти столь же сильна в Приморском крае, где масштаб, темпы и полиэтничность миграции были во много раз ниже. Более того, по той же логике следовало бы ожидать, что респонденты в Краснодаре выразят большую поддержку идее депортации, чем респонденты в Москве, учитывая, что при сходных масштабах и этническом многообразии иммиграции Краснодар отличают приграничное расположение и менее благоприятные экономические условия.

Не дает систематического объяснения региональных различий в уровнях ксенофобии по РФ и теория межгруппового контакта⁶⁶³. Согласно этой теории с возрастанием численности приезжих враждебность должна падать, поскольку чем чаще контакты, тем сильнее межличностные и межгрупповые взаимозависимости, понимание и доверие.

Опрос 2005 г. между тем показывает, что уровень поддержки респондентами поголовной депортации мигрантов был примерно одинаковым (т.е. в рамках совокупной статистической погрешности сравниваемых региональных выборок) в этих трех субъектах РФ: примерно 57% полностью или частично согласных в Москве и по 53% в Краснодарском и Приморском краях. Но при этом процент давших положитель-

ный ответ респондентов в данных регионах был значительно выше, чем в среднем по России (43,5%).

Один из стандартных научных методов разрешения парадоксов — это разработка новых теорий, или моделей, которые учитывают не предусмотренные существующими теориями факторы (причины). Данный раздел предлагает именно такую теоретическую инновацию.

Модель «дилеммы безопасности»

Конкретно данное исследование проверяет утверждения широко известной в теории международных отношений **теории дилеммы безопасности**⁶⁶⁴ в приложении к миграции («иммиграционная дилемма безопасности»)⁶⁶⁵. **Данная теория рассматривает враждебность в целом как функцию человеческой склонности к упреждающей самозащите в условиях, когда государственная/центральная власть представляется людям слабой или малоэффективной.**

Логика дилеммы безопасности имеет принципиальное отличие от логики традиционных теорий антимиграционной враждебности. Дилемма безопасности делает упор на эффектах отбрасываемой назад «тени будущего», что объясняет, почему для коренных жителей рациональным поведением будет принятие жестких превентивных мер против мигрантов **до того**, как возникнет реальный риск, что приезжие «оккупируют», «захватят» или «наводнят» их территории. Другими словами, «лучшая защита — это нападение», «лучше чрезмерная, чем недостаточная бдительность», и «те, кто хотят мира, должны готовиться к войне».

Из данной теории следуют две нетривиальные инновации, которые показывают, почему она может лучше объяснить региональные различия в уровнях антимиграционной враждебности в РФ или любой другой стране, чем традиционные и признанные теории.

1. По логике данной теории **представления о масштабах миграции и обеспокоенность вопросами безопасности усиливают друг друга, и поэтому антимиграционные враждебные наклонности более вероятны среди индивидов, которые предвидят рост пропорций этнических групп, ассоциируемых с угрозами безопасности их региону и стране.** При этом ассоциация этнических «других» мигрантов с угрозами безопасности (терроризмом/бандитизмом, преступностью, наркоторговлей, территориальными претензиями и др.) выделяется в новую независимую (объяснительную) переменную. Ни одна другая модель, основывающаяся на традиционных теориях, не изучала воздействие этого фактора. При этом в ранее использовавшихся моделях фактор «угрозы» смешивался с основными субстантивными объяснениями ксенофобии и рассматривался как «угроза экономическому положению/занятости» (теория «реалистичес-

ких конфликтов») или как «угроза культурным традициям/стилю жизни» (теория «символических конфликтов»).

2. По логике «дилеммы безопасности» далее следует, что в тех странах, где миграция рассматривается как угроза безопасности страны в целом, ассоциация мигрантов с такой угрозой будет систематически объяснять региональные различия в уровнях антимиграционной враждебности во всех составных частях (провинциях, регионах) данного государства.

Конкретно в данном исследовании это означает, что при анализе опросных данных 2005 г. **следует ожидать, что ассоциация мигрантов с угрозами безопасности России будет иметь статистически значимую взаимосвязь с уровнем поддержки депортации мигрантов во всех или подавляющем большинстве регионов РФ. В то же время влияние традиционных факторов, таких как угроза экономическому положению или стилю жизни, будет играть менее систематическую роль ввиду разнонаправленных эффектов социального контекста в регионах. Данный постулат является основной гипотезой настоящей работы.**

Эмпирический тест модели с данными опроса о миграции в РФ 2005 г.

Для оценки данной гипотезы мы используем стандартный статистический метод множественной регрессии, где взаимосвязь между уровнем враждебности и его предполагаемыми индикаторами вычисляется по формуле:

$$\begin{aligned} \text{ВРАЖДЕБНОСТЬ} = & \beta_0 + \beta_1 (\Delta \text{ Пропорции мигрантов } 2005\text{--}2015) + \\ & + \beta_2 (\Delta \text{ Пропорции нерусских мигрантов } 2005\text{--}2015) + \\ & + \beta_3 (\Delta \text{ русских мигрантов } 2005\text{--}2015) + \beta_4 (\text{Угроза безопасности}) + \\ & + \beta_5 (\text{Иностранские интересы}) + \beta_6 (\text{Коррупция}) + \\ & + \beta_7 (\text{Межгрупповые браки}) + \beta_8 (\text{Отличительность группы}) + \\ & + \beta_9 (\text{Внутригрупповые экономические выгоды}) + \\ & + \beta_{10} (\text{Конкуренция за рабочие места}) + \beta_{11} (\text{Доход}) + \\ & + \beta_{12} (\text{Удовлетворенность жизнью}) + \beta_{13} (\text{Уровень образования}) + \\ & + \beta_{14} (\text{Отчужденность}) + \beta_{15} (\text{Статус большинства}) + \\ & + \beta_{16} (\text{Религиозность}) + \beta_{17} (\text{Возраст}) + \beta_{18} (\text{Пол}) + \epsilon. \end{aligned}$$

Уровень враждебности определяется по традиционной четырехпунктной шкале согласия/несогласия респондентов с утверждением о том, что всех мигрантов, легальных, нелегальных и их детей, надо депортировать из России. Процент в населении регионов опроса всех мигрантов в целом и каждой конкретной этнической группы среди мигрантов берется прямо так, как он был дан респондентами в ответах на соответствующие вопросы анкеты. Опрошенным было предложено оценить эти

проценты (пропорции в населении регионов) на десятилетнюю перспективу (примерно в 2015 г.). При этом данный вопрос предлагал респондентам исходить из того, что иммиграционная политика России за упомянутый период не изменится.

Чтобы измерить степень ассоциации воспринимаемых угроз безопасности с конкретными этническими группами (переменная «угрозы безопасности»), респондентов просили ранжировать группы по пятибалльной шкале от 1 («нет угрозы») до 5 («сильная угроза»). Переменная «межгрупповые браки» основывается на вопросе: «Представьте, что ваш ребенок или один из ваших близких родственников хочет вступить в брак с мигрантом, чей доход примерно такой же, как у вас. Насколько приемлемым вы считаете мигранта — представителя одной из следующих национальностей (из списка) — в качестве супруга/супруги вашего ребенка или близкого родственника?» Ответы записывались по шкале от 1 («наименее приемлемо») до 5 («наиболее приемлемо»). *Экономические выгоды от миграции* замерялись как оценка респондентами процента коренного населения региона, который получал экономическую выгоду от миграции. *Конкуренция за рабочие места* определялась на основе ответов на вопрос по 4-балльной шкале согласия о том, занимают ли мигранты рабочие места, которые могли бы занять коренные жители. Данные о доходе и уровне образования брались из оценок их самими респондентами. Удовлетворенность жизнью замерялась по стандартной 4-балльной шкале.

Чтобы измерить уровень социальной отчужденности, мы используем пункт опроса 2005 г. о согласии или несогласии с утверждением: «Властям безразлично, что происходит с такими людьми, как я». Для проверки принадлежности интервьюируемых к статусу этнического большинства мы используем категориальную переменную для различения респондентов, которые являются славянами и неславянами (0 — неславянин, 1 — славянин). Славяне имеют статус этнического большинства во всех выборках, за исключением татарстанской. Религиозность измерялась отдельно от религиозных предпочтений с помощью вопроса о том, сколько раз респондент посещал церковь, не считая свадеб, крестин и похорон. Наконец, мы включили в модель возраст и пол как стандартные контрольные переменные.

Таким образом, хотя тест предназначен для изучения влияния воспринимаемых угроз национальной безопасности на антимиграционную враждебность, модель учитывает разнообразные факторы, отражающие традиционные теории этнических конфликтов в области сравнительной политики⁶⁶⁶.

Результаты

Статистический тест модели «дилеммы безопасности» с помощью компьютерной программы SPSS 13.5 убедительно продемонстрировал **устойчивость восприятия угрозы как предвестника враждебности**. Как показано в табл. 4.8, ассоциация мигрантов в целом (вне зависимости от этнической принадлежности)⁶⁶⁷ с угрозами национальной безопасности России была единственной переменной, которая имела статистически значимое соотношение с поддержкой идеи депортации во всех пяти региональных выборках (Московская область, Краснодарский край, Оренбургская область, Татарстан и Приморский край).

Можно сделать вывод, что **та степень, в которой угрозы безопасности могут быть связаны в общественном сознании с этничностью, зависит не обязательно от приписывания специфических поведенческих качеств какой-либо этнической группе в целом, но от политического и социального контекста внутри региона, в котором любая группа приезжих может быть ассоциирована с правдоподобными угрозами безопасности государства**. Короче говоря, источником враждебности выступила скорее социальная психология «агрессивной бдительности» (т.е. логика дилеммы безопасности), чем национальные/этнические предрассудки. **Данные результаты говорят о том, что в условиях России описанный исследователями городской этнографии в Соединенных Штатах «синдром защиты микрорайона»⁶⁶⁸ проявился как «синдром защиты национального государства», интенсивность которого модерируется контекстом региона.**

Более широким и теоретически ценным выводом из этого является то, что межгрупповая враждебность возникает не столько снизу вверх (отражая конкретные условия жизни коренного населения и характер миграции), сколько сверху вниз (отражая различные дискурсы основных проблем национальной безопасности).

Вместо вывода: аномалии, заслуживающие дальнейшего исследования

Хотя полученные результаты в целом поддерживают внутреннюю логику миграционной дилеммы безопасности и объясняемые ею причины межэтнической и религиозной враждебности, данный анализ отношения к иммиграции в России по опросам 2005 г. также принес интригующие и контринтуитивные результаты. Последние достаточно нетривиальны, что дает повод предложить новые продуктивные направления исследований. К этим результатам, помимо прочего, относятся следующие.

1. Респонденты Московской области, которые поддерживали идею депортации мигрантов, как правило, полагали, что доля мигрантов всех

Источники поддержки полной денатурации мигрантов из России: результаты регрессионного анализа по данным опроса общественного мнения (сентябрь—декабрь 2005 г., N — число респондентов по регионам)⁽⁶⁹⁾

Факторы	Московская область	Краснодарский край	Оренбургская область	Татарстан	Приморский край
	(N = 400)	(N = 650)	(N = 650)	(N = 650)	(N = 660)
1	2	3	4	5	6
Пропорция мигрантов в населении к 2015 г.	** .010(.004)	— .003(.005)	** -.013(.005)	.001(.005)	.003(.004)
Ассоциация мигрантов с «угрозой безопасности»	** -.190(.062)	*** .269(.070)	*** -.213(.000)	* -.141(.065)	*** -.250(.056)
Поддержка этнически смешанных браков	*** .383(.074)	*** .226(.068)	.043(.059)	** .151(.065)	— .053(.610)
Экономическая польза миграции к 2015 г.	** -.011(.004)	- .001(.005)	.002(.003)	.002(.004)	*** .009(.002)
Мигранты отбирают работу у местного населения	.000(.000)	-9.06E-005 (.000)	-6.10E-005 (.000)	.000(.000)	.000(.000)
Контроль:					
Доход	** -.3.13E-5 (.000)	-3.91E-5 (.000)	-1.19E-5(.000)	-3.91E-5(.000)	-1.63E-5(.000)
Удовлетворенность	.001 (.035)	— .026(.035)	* — .067(.034)	— .004(.035)	— .021(.031)
Высшее образование	*** .542(.136)	— .002(.076)	.175(.165)	* .306(.161)	** .354(.130)
Отчужденность	** .202(.008)	.072(.169)	.175(.165)	* .125(.066)	.110(.077)
Славяне (статус большинства)	** -.712(.266)	*** -.727(.214)	.156(.143)	— .006(.126)	.030(.220)

Окончание табл. 4.8

1	2	3	4	5	6
Религиозность	— .004(.007)	— .002(.008)	— .006(.012)	— .003(.007)	— .003(.036)
Возраст	— .004(.003)	.004(.004)	— .002(.003)	— .001(.004)	.001(.003)
Пол	*-.213 (.116)	.134(.131)	.103(.118)	— .189(.129)	** .290(.103)
Constant	***3.22(.415)	***2.81(.367)	***2.36(.305)	***2.60(.317)	**1.20(.425)
R	0.543	0.467	0.335	0.307	0.473
R ²	0.295	0.21	0.112	0.094	0.223
Корректировка R ²	0.246	0.175	0.075	0.051	0.194
Стандартная ошибка	0.798	0.984	1.021	1.027	0.928

групп (и что даже более загадочно — доля чеченцев, которые широко ассоциируются с террористической угрозой в России) в населении их области *уменьшится* в период с 2005-го по 2015 г. Это вызывает более общий вопрос: почему коренные жители, где бы они ни жили, могут быть более настороженны и враждебны по отношению к мигрантам, если думают, что численность мигрантов уменьшится по отношению к их коренному населению? Если речь идет о миграции в целом, независимо от этнического состава, то такой парадокс частично объясняется логикой агрессивной бдительности и «защиты микрорайона» (как это обсуждалось в разделе «Результаты»). Однако данные представления остаются загадкой, когда речь идет о таких группах, как чеченцы, в российском контексте. По крайней мере два объяснения представляются правдоподобными.

Во-первых, возможно, что, по мнению жителей Москвы, сложившемуся под влиянием событий в Чечне и их отголосков в столице, если число чеченцев, приезжающих в их регион, небольшое, то это скорее всего будут террористы или лица, совершающие насильственные преступления. В то же время люди, которые думают о миграции в больших масштабах, скорее всего будут ассоциировать ее с социально-экономическими мотивами. Поэтому представления о том, что чеченская миграция масштабна, могут гасить представление о том, что эта миграция в основном связана с терроризмом или злым умыслом. Данное предположение имеет смысл, учитывая, что с конца 1990-х гг. Московская область переживает период мощного и динамичного экономического развития. В этих обстоятельствах можно ожидать, что если мигранты имеют «нормальные» («мирные», «оборонительные») намерения, то их значительная часть будет вовлечена в московскую экономику стимулами опять-таки экономического характера. Напротив, не имеющие надежного экономического мотива местные жители могут размышлять о том, не имеют ли чеченские мигранты некие другие, скрытые, возможно, враждебные («агрессивные») намерения.

Во-вторых, поскольку большинство населения области просто не может терпеть чеченцев в любом количестве (что подтверждается и опросными данными), то их нетерпимость, в отличие от других случаев, не коррелирует (или коррелирует незначительно) ни с увеличением, ни с уменьшением численности группы. Ведь в данном случае восприятие группы связано с терроризмом, а терроризм, в свою очередь, вызывает глубоко эмоциональные реакции, оторванные от оценок демографических трендов. **Например, 10 членов этнической группы там, где они ассоциируются с терроризмом, вполне могут восприниматься более серьезным источником угрозы, чем 1000 членов той же этнической группы там, где они не ассоциируются с терроризмом.** Данные объяснения наводят на

мысль о том, что оценки масштаба миграции по этническим группам являются результатом, в первую очередь, ассоциации конкретных этнических групп с угрозами безопасности. Это находится в соответствии с результатами регрессионного анализа, в которых восприятие угрозы оказалось единственным статистически значимым индикатором враждебности во всех регионах опроса (см. табл. 4.4).

2. Модель иммиграционной дилеммы безопасности позволила выявить впечатляюще высокий процент разброса степени враждебности среди респондентов в Московской области, Краснодаре и Приморском крае, но довольно незначительный процент разброса враждебных настроений среди респондентов в Татарстане и Оренбурге. Это изменение наводит на мысль о том, что последние два региона имеют более слабую социальную базу для возникновения психологии «агрессивной бдительности» или «предупреждающего отмщения». В случае Татарстана это можно убедительно отнести на счет традиционной этнической гетерогенности региона (где татары составляют чуть более 50% населения при почти таком же проценте русских), что снижает заинтересованность в агрессивной бдительности для поддержания этнической или религиозной гомогенности общества (т.е. оно уже не гомогенно, так что здесь уже нечего терять).

Оренбургский случай поддается объяснению труднее. Являясь приграничным регионом, Оренбургская область принимает значительные по объему потоки нелегальной миграции, в этническом отношении является более разнородной, чем большинство российских регионов «европейского ядра», и служит одной из региональных баз местных поборников агрессивной бдительности — казаков. По этим признакам ситуация в Оренбургской области выглядит сходной с краснодарской. Однако в Краснодаре модель дилеммы безопасности объясняет значительно больший процент дисперсии настроений этнорелигиозной враждебности среди респондентов, чем в Оренбурге.

Одним из правдоподобных объяснений этого контраста между регионами может быть существенная разница в региональной политике по отношению к иммиграции и межэтническим отношениям. Оренбургские власти ведут курс на адаптацию, тогда как Краснодарская область в последние 15 лет выделялась на фоне других областей России как цитадель враждебной (агрессивно-бдительной) антимигрантской политики. Это выразалось в одобрявшихся на официальном уровне антисемитских высказываниях, отказе регистрировать по месту жительства турок-месхетинцев в нарушение российских законов РФ о гражданстве, в строительстве первых в России центров массовой депортации и предварительного задержания (примерно к 2005 г.), куда можно было передавать мигрантов без предварительного суда. Симптоматичным в этом

отношении явился тот факт, что региональные различия в дисперсии степени поддержки респондентами поголовной депортации мигрантов в среднем соответствовали региональным различиям в дисперсии степени отрицания респондентами того, что группировки скинхэдов не угрожают межнациональным отношениям (хотя степень ассоциации в последнем случае была ниже). Хотя этот феномен и требует дальнейшего исследования, мы имеем достаточно тревожный предварительный результат, наводящий на мысль о том, что терпимость по отношению к экстремистским ксенофобским группам возникает в тех же региональных контекстах, что и склонность к упреждающей бдительности, подкрепляемая официальной политикой⁶⁷⁰.

3. В дополнительных тестах по отдельным этническим группам мигрантов (которые здесь детально не описываются из-за отсутствия места) в Московской области модель дилеммы безопасности объяснила большее различие среди респондентов по уровню враждебности в отношении казахов, нежели чеченцев. Это выглядит тем более парадоксальным, если учесть, что средний респондент в Московской области в два раза больше (чем в случае с казахами) боялся, что чеченцы могли подорвать безопасность в России или служить интересам иностранных государств в ущерб России. В ответах на эти два вопроса анкеты (соответственно о подрыве мигрантами безопасности России и способности служить интересам внешних сил) средний показатель по пятибалльной шкале согласия в случае с чеченцами составлял 4,19 и 4,21, тогда как для казахов он равнялся 2,24 и 2,9.

В регрессионной модели враждебность в отношении и чеченцев, и казахов почти так же сильно ассоциировалась с экономическими угрозами (выгоды для местных жителей и беспокойство по поводу конкуренции за рабочие места). Связь между угрозой и враждебностью была, однако, сильнее в ситуации с казахами, нежели с чеченцами, при том что обе эти зависимости оказались статистически значимыми. Одно из умозрительных объяснений, которое давалось во время интервью в Волгограде и обзора прессы в Приморском крае, состояло в том, что враждебные по отношению к мигрантам экстремисты в РФ воздерживаются от нападений на чеченцев, опасаясь жесткого отпора; в то же время представители групп из Южной и Юго-Восточной Азии отмечали рост уровня насилия против себя и относили это к своей репутации не способных достойно ответить. Тем не менее этот интригующий результат нуждается в дальнейшем детальном исследовании, особенно если он может открыть дорогу к пониманию значимых контринтуитивных индикаторов того, какие этнорелигиозные группы с большей вероятностью могут становиться мишенью агрессивной враждебности и/или насилия в России и за ее пределами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже отмечалось в начале настоящей работы, наш коллективный труд при концептуальном единстве его структуры основан на разнообразии подходов и методик. Это позволило охватить широкий спектр взаимосвязанных проблем, возникающих на различных стадиях миграционного процесса (эмиграция, пересечение границы и адаптация) и настоятельно требующих практического решения при самом серьезном учете такой взаимосвязанности.

В распоряжении исследователей транснациональных миграционных процессов имеется возможность применения множества теоретических подходов, относящихся к социологии, экономики, политологии, истории и другим областям научного знания по отдельности или в сочетании. Многие из этих подходов обращают особое внимание на взаимозависимость между территориями-донорами и реципиентами, выражающуюся в системной взаимосвязанности между ними, балансе спроса и предложения на рабочую силу, влиянии социально-экономических характеристик миграционных потоков на перспективу интеграции мигрантов в принимающем обществе, в степени соответствия реалий страны пребывания разноплановым мотивациям различных категорий мигрантов, в объективном существовании и субъективном восприятии связываемых с миграцией и их источниками проблем безопасности и т.п. В то же время серьезный вред объективному исследованию миграционных процессов могут нанести пользующиеся в России определенной популярностью идеи конспирологической геополитики, разжигающие враждебность по отношению к мигрантам (объявляя их безликой «пятой колонной» неких внешних сил) или даже к исследователям миграционных и этнических проблем (так, необходимое для проведения качественных исследований сотрудничество таких ученых с зарубежными центрами порой рассматривается как достаточное доказательство их «пособничества осуществляемой из-за рубежа подрывной деятельности»).

Между стадиями «выталкивания» и «приема» мигрантов лежит тесно связанная с ними переходная стадия пересечения этими мигрантами границы государства-донора. Такая граница может выступать в ипостасях регулятора транснациональных миграционных потоков; «преобразователя» правового статуса въезжающего в страну трансграничного путешественника, барьера и порога для попадания последнего (пусть даже ценой неудобств, лишений, унижений, ущемления прав и т.п.) в качественно иное пространство; «защитной оболочки» принимающего общества, укрепления которой (независимо от того, полез-

но либо малополезно это в действительности) ждет общественное мнение в ответ на приток «выходцев из недружественной внешней среды».

Исследования миграционного процесса во взаимосвязи его различных стадий имеют несомненную практическую важность. Благодаря им можно учесть в миграционной политике динамично меняющуюся ситуацию в странах-донорах, скорректировать (на основе расчета демографического и миграционного потенциала данных стран) зачастую нереалистичные оценки числа находящихся в РФ мигрантов (что позволит наконец по-настоящему аргументированно оценить потребность в проведении более «мягкой» или, напротив, «жесткой» политики), определить основные направления желательного сотрудничества со странами-донорами, более полно учесть индивидуальные характеристики и потребности мигрантов (что помогло бы сделать миграционную политику более гуманной), разработать качественную стратегию последней (включая, например, программы адаптации мигрантов) для тех российских регионов, в которые направлены наиболее мощные потоки мигрантов.

Важнейшим условием эффективного взаимодействия между исследователями миграции и практиками является полноценный доступ ученых к качественной информации (особенно к самому широкому кругу статистических данных): ведь действительно полноценные результаты могут быть получены только на ее основе, а не на базе часто зараженных стереотипами и содержащих искаженные сведения сообщений СМИ, редких и лаконичных выступлений чиновников (в которых также порой проявляются «профессиональные стереотипы») и «дутых» (основанных лишь на интуиции и формальном авторитете авторов, а иногда и вовсе происходящих из неизвестных источников) экспертных оценок. Без такого доступа упомянутое взаимодействие нередко сводится к формальным мероприятиям, используемым для отчетности и символической легитимизации решений, на деле принятых без сколько-нибудь серьезного вклада ученых. Следует учитывать, что те пустоты, которые создаются информационным вакуумом, часто становятся благодатной почвой для уродливых мифов и негативных стереотипов, которые тем или иным образом (через представления некоторых чиновников, экспертов, СМИ или общественные настроения) могут весьма существенно повлиять на процесс принятия решений в сфере миграционной политики.

В основной части нашего исследования было выявлено большое количество проблем, позволяющих говорить о тесной связи между ситуацией в странах-донорах, ролью границы в регулировании миграции и процессом адаптации. Эти проблемы заключаются в следующем.

Круг основных поставщиков мигрантов в РФ хорошо известен и включает такие страны, как Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Китай, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан и Украина. Именно ситуация в этих странах должна быть в фокусе первоочередного внимания миграционной политики РФ и тех ее регионов, которые принимают

больше всего мигрантов из этих государств. Властям следует более активно развивать международное сотрудничество с такими странами и в известной мере «выстраивать под них» национальную и региональную миграционную политику, так же как и политику пограничную. Это может выражаться в приоритетном сборе и обработке связанной с ситуацией в этих странах информации, привлечении на работу в миграционную и пограничную службы кадров, знающих языки титульных этнических групп этих государств и способных более тесно взаимодействовать с их представителями, и т.п.

Следует учитывать, что поток предпочитающих Россию мигрантов из большинства традиционных для нее стран-доноров имеет тенденцию к сокращению. В среднесрочной перспективе это будет относиться даже к Китаю, хотя миграционная ситуация в его граничащих с РФ районах сложнее, чем в целом по стране. Если допустить, что сокращение числа гастарбайтеров из стран СНГ на какое-то время компенсируется ростом количества приезжих из Китая, следует, помимо прочего, учитывать то обстоятельство, что китайские власти гораздо более жестко и последовательно, чем власти постсоветских государств, защищают права своих соотечественников. Очень вероятно, что такая политика КНР в случае увеличения числа китайских мигрантов в РФ вызовет всплеск конспирологических настроений (с обвинениями Китая в «ползучей экспансии»), однако объективно она также могла бы способствовать движению российской миграционной политики к международным стандартам в области защиты прав человека. В данном случае необходимо иметь в виду, что уровень политической лояльности мигрантов государству-донору чаще всего прямо пропорционален необходимости пользоваться его услугами для защиты своих прав и других важнейших интересов в стране-реципиенте.

При общей тенденции к снижению интенсивности миграционных потоков нельзя полностью исключать периодические всплески направленной в Россию миграции в связи с какими-либо изменениями политической конъюнктуры. При определенных обстоятельствах Россия может получить новых для себя доноров широкомасштабной миграции, таких как Туркмения и даже Северная Корея. Не следует забывать и о государствах, в которых сохраняются большие группы русского и шире — «европейского русскоязычного» населения. Это касается даже, казалось бы, такой относительно благополучной на фоне многих других государств СНГ страны, как Казахстан. Нынешнее ужесточение языковой политики затрагивает интересы проживающих в республике четырех миллионов русских и большого числа представителей других некоренных национальностей: при этом дальнейшее ухудшение политической конъюнктуры может стать для многих из них толчком для принятия решения об эмиграции. В таких условиях России надо тщательно отслеживать ситуацию в

потенциальных странах-донорах, быть готовой к приему большого числа мигрантов или же (в случаях с Казахстаном и Кыргызстаном), по крайней мере, попытаться регулировать эмиграцию «европейского русскоязычного» населения из центральноазиатского региона, давая ему возможность более полноценно реализовать в РФ свои интересы (получение образования, ведение международного бизнеса и т.п.).

Вышеупомянутое сокращение притока мигрантов происходит по нескольким причинам, среди которых рост уровня жизни в некоторых из этих стран и конкуренция со стороны альтернативных рынков труда (ЕС — для Украины и Молдавии, Казахстан — для Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана), выигрывающих по сравнению с РФ не только предложением более высоких зарплат или коротким расстоянием проезда, но и более гуманной миграционной политикой. По той же причине заметное (если не явное) большинство иноэтничных мигрантов (в том числе китайских) рассматривает Россию отнюдь не как более комфортную для постоянного проживания страну, а как источник получения временного дохода.

Имеют тенденцию к снижению не только численность, но и (даже в еще большей степени) качественные характеристики направляющихся в РФ мигрантов, в частности, уровень их образования и степень приобщения к урбанистической культуре. В миграционных потоках увеличивается доля выходцев из сельской местности, что увеличивает сложность адаптации таких мигрантов и вероятность возникновения конфликтных ситуаций, в которых межэтнические различия усиливаются разницей между городской и сельской культурами. Имеется определенная тенденция перераспределения некоторых миграционных потоков (например, азербайджанцев) от крупных российских городов к мелким населенным пунктам, где выходцы из сельской местности чувствуют себя более комфортно. Но население таких пунктов зачастую более консервативно и менее толерантно по отношению к «чужакам», что также создает потенциал для локальных этнических конфликтов.

Еще одним конфликтогенным фактором можно считать заметное преобладание мужчин в направленных в Россию миграционных потоках, что объясняется как традиционными установками обществ-доноров, так и структурой рынка труда в самой РФ. Соперничество с местным населением за нахождение партнера противоположного пола легко может приобрести характер межэтнического противостояния, а относительно высокий процент преступлений на сексуальной почве (неудивительный для такого рода замкнутых мужских коллективов) быть воспринят «коренными жителями» как свидетельство повышенной агрессивности, якобы органически присущей представителям данных этносов.

В сходном контексте следует учитывать фактор наличия в миграционных потоках значительного числа людей, так или иначе пострадав-

ших от этнополитических конфликтов (например, довольно большое количество азербайджанских мигрантов в прошлом было вынуждено покинуть зону карабахского конфликта). В ряде ситуаций наличие травмы в сознании таких мигрантов способно непредсказуемым образом отразиться на их отношениях как с принимающим обществом, так и с представителями других этнических групп из числа приезжих.

Хотя уровень квалификации и образования направляющихся в Россию мигрантов имеет тенденцию к снижению, четкая стратегия, позволявшая бы переломить эту тенденцию, в миграционной политике РФ, по-видимому, отсутствует. Представляется, что по отношению к высококвалифицированным мигрантам барьеры должны быть минимальными вне зависимости от их национальности. В этой связи представляет интерес пока не решаемая на практике проблема удержания в РФ наиболее успешных в учебе образовательных мигрантов из любых зарубежных стран, в том числе того же Китая (учитывая, что заметное большинство от общего числа обучающихся за рубежом китайских студентов, как показывает статистика, предпочитает не возвращаться на родину). Ввиду статистически незначительной численности представителей этой категории вряд ли можно серьезно говорить о том, что их оседание в РФ как-то угрожало бы значительным изменением этнодемографического баланса не в пользу «коренного населения».

Границы РФ в целом справляются с ролью регулятора миграционных потоков. Количество задержаний нарушителей, пытающихся проникнуть на территорию страны в обход пунктов пропуска, невелико (между 5 и 10 тыс. человек в год); оно не идет ни в какое сравнение с числом аналогичных задержаний на американо-мексиканской границе (0,9–1,6 млн в год) или на внешних рубежах ЕС и даже примерно в два раза меньше, чем количество задержаний на границах Казахстана. Гораздо больше количество тех иностранцев, кому отказывается во въезде в РФ из-за проблем с документами, однако такие проблемы в очень многих случаях, по-видимому, носят технический характер. Подавляющее большинство въезжающих в Россию на этой стадии не нарушает закон и, следовательно, попадает в страну легально. Для обеспечения легитимности своего пребывания в РФ некоторым ее посетителям даже приходится повторять «обряд» пересечения границы, выезжая за пределы государства и тут же въезжая в него вновь.

Все это вовсе не означает, что для России неактуальна проблема трансграничной преступности, в том числе и в связи с миграцией, включая наркоторговлю, другие виды контрабанды, трафик людей (в том числе незаконных мигрантов из стран Южной и Восточной Азии и даже Африки транзитом в ЕС). Как и рубежи США и Евросоюза, в современных условиях граница РФ не является эффективным барьером против наркоторговли: задерживается лишь мизерный процент перевозимых через нее

тяжелых наркотиков. Роль центральноазиатских мигрантов в наркотрафике, по-видимому, достаточно велика, однако можно достаточно убедительно доказать, что в нем замешан лишь незначительный процент от общего объема въезжающих в РФ граждан государств региона и даже из какой-либо отдельной его страны, в том числе Таджикистана.

Проблему пересечения границы РФ целесообразно рассматривать не только с точки зрения безопасности государства, но и с позиций интересов самих мигрантов. Им приходится терпеть немалые неудобства при прохождении пограничного и таможенного контроля (которые, особенно последний, могут растягиваться на весьма длительные сроки), не всегда доброжелательное отношение к себе со стороны представителей соответствующих служб, а порой и вымогательство. Известны многочисленные случаи, когда мигранты становились жертвами своей неинформированности о последних изменениях в российском законодательстве, что (так же как и многие проблемы с наличием действительных для пересечения границы документов) может быть в числе прочего объяснено недостаточным информационным взаимодействием в этой сфере между РФ и основными странами-донорами.

Наряду с прочими проблемами особняком стоит вопрос о регулировании краткосрочной миграции населения прилегающих к границе сопредельных территорий. Как показывает опыт взаимодействия США с мексиканским приграничьем, ежедневные (комьютеры) и другие регулярные мигранты (и те, и другие проходят процедуру получения визы в американских консульствах), имеющие право находиться на территории сопредельного государства короткий срок, редко становятся нелегалами, опасаясь потерять свой и без того привилегированный статус. Такая миграция в большинстве своем способна стимулировать экономическое развитие депрессивных приграничных районов, трансграничное сотрудничество в других сферах.

Определенные усилия для облегчения трансграничного сообщения между прилегающими к границе населенными пунктами предпринимаются, что выразилось, например, в открытии пунктов упрощенного пропуска для жителей приграничных территорий между Россией и Казахстаном. Однако эти усилия пока недостаточны, так как позволяют вовлечь в трансграничное сотрудничество лишь относительно небольшую часть населения сопредельных регионов, центры которых расположены от границы довольно далеко (в российско-казахстанском приграничье — в большинстве случаев от 10 ч до почти суток езды на поезде). Ко всем проблемам приграничных территорий могут добавиться негативные последствия резкого расширения пограничной зоны (до 100 км и более), для въезда в которую жители других территорий РФ должны получать пропуска. Фактически эта мера, мотивированная в числе прочего необходимостью борьбы с нелегальной миграцией, создает границы уже внутри страны, затрудняя сообщение приграничной полосы с осталь-

ной частью России. Подобная практика не применяется ни в ЕС, ни в США: хотя американо-мексиканская граница почти по всем параметрам явно более «проблемна», чем любой рубеж РФ, полномочия пограничников в особой зоне заключаются не в праве ограничивать въезд в такую зону, а проверять находящихся в ней людей и транспортные средства.

Ресурс краткосрочной миграции между приграничными государствами может быть особенно эффективно использован в развитии взаимодействия между так называемыми городами-близнецами (*twin cities*), т.е. крупными населенными пунктами сопредельных государств, прилегающими друг к другу. Опыт США и Мексики показывает, что такие города могут стать «локомотивами» сотрудничества приграничных территорий: во многом за счет «*twin cities*» в 2006 г. только экспорт штата Техас в Мексику почти в 2 раза превышал весь товарооборот России с Китаем, а экспорт Калифорнии немногим превосходил объем российского экспорта в КНР⁶⁷¹.

Конфигурация городов-близнецов для российского пограничья далеко не столь типична: наиболее крупными из них являются Ивангород (граничит с эстонским городом Нарвой) и особенно Благовещенск (примыкает к китайскому Хэйхэ). Между этими населенными пунктами развиваются интенсивные экономические и другие связи (в том числе не только легально санкционированного, но и теневого характера), но переток жителей одного центра в другой в серьезных масштабах не наблюдается. Складывается впечатление, что у российской стороны отсутствует четкая стратегия развития таких городов, так же как и понимания тех выгод, на которые можно рассчитывать в асимметричных взаимоотношениях с партнерами. Кроме того, следует учитывать, что искусственно вводимые ограничения экономических связей далеко не всегда приносят позитивные эффекты, порождая многочисленные теневые практики, обусловленные весьма серьезными экономическими стимулами.

Не исключено, что конфигурация городов-близнецов, использование ресурса которых способно принести серьезные выгоды обоим сопредельным сторонам, могла бы быть востребована для развития некоторых приграничных территорий РФ и активизации трансграничного сотрудничества с сопредельными государствами. Данная модель, в частности, заслуживает внимания как один из способов стимулирования заселения некоторых районов российско-китайского приграничья. В перспективе, с развитием скоростных транспортных коммуникаций будущего, в города-близнецы могут превратиться и более отдаленные друг от друга населенные пункты, например, расположенный на острове Сахалин Корсаков и отделенный от него проливом японский город Огару. При выборе такой стратегии российская сторона должна, однако, иметь четкую уверенность в эффективности дорогостоящих вложений в развитие таких городов, не менее четкое представление о своих выгодах и преимуществах в асимметричном взаимодействии с сопредельными территориями, так же как и о побочных последствиях, в час-

тности, разрастании теневого сектора трансграничного сотрудничества, что практически неизбежно по мере активизации последнего.

После пересечения границы перед мигрантами стоят задачи выбора места обустройства и адаптации в окружающей социальной среде. В географическом плане миграционные потоки распределяются очень неравномерно: наиболее мощные из них направлены в Москву, значительной популярностью пользуются также Санкт-Петербург, юг России, промышленные центры Поволжья и Урала, нефте- и газодобывающие регионы Сибири и Дальний Восток. Число субъектов РФ, так же как и крупных городских центров, «притягивающих» основную часть мигрантов, относительно невелико, что ставит вопрос об особо тщательной проработке миграционной политики именно в этих регионах, концентрации на анализе ситуации в них усилий экспертного сообщества.

Обращают на себя внимание парадоксы миграционной ситуации в некоторых приграничных субъектах РФ. Так, в Воронежской области граждане Украины занимают лишь третье место по числу официально зарегистрированных мигрантов, что может быть объяснено не только недостаточной привлекательностью данной области для гастарбайтеров или дешевизной труда работников из Узбекистана (однако более «дорогая» по сравнению с последними рабочая сила из Молдавии тем не менее оказалась на втором месте), но и слабостью трансграничного сотрудничества в этой нужной для региона сфере.

Количество секторов занятости, в которых концентрируется основная часть мигрантов, также невелико, включая промышленность, строительство, торговлю, сельское хозяйство и т.п. Как показывает и российский, и зарубежный опыт, попытки регулировать отношения в самых притягательных для мигрантов секторах лишь посредством запретительных мер чаще оказываются малоэффективными и успешно обходятся различными путями. Так, введенные в 2006–2007 гг. запреты на участие иностранцев в розничной торговле преодолеваются разными способами (привлечение граждан России в качестве продавцов, смена вывески центрами торговли и т.д.), в результате которых меняется лишь форма, а суть явления сохраняется.

Во многом именно запретительные меры, а отнюдь не присущая большинству мигрантов незаконопослушность ставят преобладающую часть гастарбайтеров в нелегальное положение, что делает само понятие «нелегальный мигрант» расплывчатым и многозначным. Если ранее приезжих «вытаскивала на обочину» в первую очередь громоздкая система получения регистрации, то после принятия властями мер по ее облегчению с начала 2007 г. — система квотирования рабочих мест в регионе, а также порой длительная процедура получения разрешения на работу. Практика применения нового законодательства в первые полгода показывает, что многие приезжие или не могут, или не успевают быстро получить разрешение на работу, что провоцирует нарушение за-

кона. Наряду с отменой региональных квот рабочих мест для мигрантов важной мерой представляется активизация пока еще недостаточно интенсивного информационного сотрудничества российских властей со странами-донорами с целью облегчить представителям последних нахождение работы еще до отъезда в РФ.

В настоящее время нахождение работы и преодоление других трудностей (жилье, регистрация, ощущение дискомфорта и неизвестности в чуждой социальной среде, защита прав и т.п.) часто побуждают мигрантов спланиваться в довольно замкнутые сообщества и прибегать к помощи различных посредников при решении этих проблем. Зачастую власти фактически дают таким посредникам карт-бланш даже в тех случаях, когда это подпитывает теневые отношения в мигрантской среде. В частности, во взаимоотношениях с этническими группами чрезмерная ставка делается на посредническую роль национально-культурных организаций, хотя нередко их руководители имеют устойчивую репутацию полукриминальных бизнесменов, использующих свое финансовое положение и теневые организационные ресурсы для достижения статуса главных представителей интересов той или иной этнической группы в регионе.

Учитывая это обстоятельство, при планировании миграционной политики властям следует попытаться разрушить механизмы теневого посредничества (в тех случаях, когда они ведут к криминализации отношений в мигрантских сообществах), взяв эту роль (помощь в трудоустройстве, правовые консультации, психологическая помощь и т.п.) в некоторых случаях на себя (для чего, возможно, потребуется привлечение на работу в миграционную службу и центры трудоустройства представителей соответствующих национальностей), а в других — отдав ее действующим на прозрачных принципах негосударственным организациям.

Другой стороной проблемы адаптации мигрантов является характер их восприятия местным населением. К сожалению, в таком восприятии в последнее время велика доля алармизма и враждебности, на почве которой определенную популярность приобрели агрессивно-националистические настроения. Любопытно, что одной из предлагаемых (наряду с депортацией и визовым режимом) мер является объективно имеющее мало смысла перекрытие границы (вплоть до создания стены, подобно той, что существует на границе между США и Мексикой), что является хорошей иллюстрацией субъективно-психологической значимости рубежей как барьера, который дает группе почувствовать себя защищенной от потенциально враждебной среды. Как было показано в настоящей работе, такого рода агрессивный алармизм связан не столько с нынешними объективными реалиями, сколько с тревожными прогнозами на будущее, ощущениями надвигающейся угрозы безопасности (личной, общественной, государственной) при неэффективности действий государства и правоохранительных органов в предупреждении связанных с миграцией негативных явлений.

Серьезным вкладом в мигрантофобию является и позиция многих СМИ, предпочитающих подчеркивать национальность преступников и делать особый упор на факты совершения таких преступлений. «Эффект подборки» (основанный на предпочтении некоторых СМИ особо подчеркивать те факты, в которых фигурируют представители определенных национальностей, хотя доля таких фактов объективно не очень велика) создает впечатление о том, что большинство мигрантов является криминальными элементами, и порождает основанные лишь на интуиции дутые и фантастические экспертные оценки (часть которых принадлежит представителям власти), при том что по официальным статистическим данным иностранцы совершают лишь несколько процентов от общего числа преступлений, совершаемых как в РФ в целом, так и в любом из отдельно взятых ее регионов.

Следует вместе с тем в полной мере иметь в виду, что для принимающего общества массовый приток мигрантов, тем более относящихся в своей массе к другим традициям и укладам, чреват кризисом идентичности и психологической травмой. В данном контексте интересы принимающего общества следует уважать в не меньшей степени, чем интересы мигрантов, — обстоятельство, которое, к сожалению, далеко не всегда учитывается либеральными исследователями, политиками, а порой и принимающими решения лицами. Такого рода уважение означает, например, принятие эффективных мер по защите местного населения от возникающей в некоторых мигрантских сообществах агрессивно-криминальной среды; но вместе с тем отнюдь не безусловное следование на поводу у общественного мнения с его мифами и стереотипами. В подобных случаях необходима продуманная информационная политика, которая должна не сводиться к замалчиванию любых проблем в сфере межэтнических отношений, а концентрировать усилия на разрушении негативных стереотипов путем грамотной подачи информации и использования четкой и убедительной аргументации. В необходимых случаях было бы целесообразно применение сколь богатого, столь и нередко пока непродуктивного для общества опыта, накопленного отечественными специалистами в области пиар-технологий (особенно политтехнологий). Следует, однако, подчеркнуть, что такого рода информационная политика может служить лишь дополнением, а никак не эффективной заменой политики миграционной как комплекса различных мер, направленных на регулирование миграции.

Поставленные в настоящей работе проблемы далеко не исчерпывают, разумеется, круг вопросов, требующих рассмотрения в рамках изучения феномена международной миграции. Авторы надеются, что их труд стимулирует проведение дальнейших исследований в этом направлении, которые в свою очередь станут ценным вкладом в совершенствование миграционной политики Российской Федерации и ее партнеров в данной сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее такие оценки будут рассмотрены в гл. 3, § 1.

² Например, в ходе проведенного в августе 2006 г. Левада-центром всероссийского опроса высказалось за ограничение проживания на территории России представителей народов Кавказа — 42%, китайцев — 41%, представителей народов Центральной Азии — 23%, представителей всех национальностей, кроме русской, — 11%. См.: Социально-политическая ситуация в России в августе 2006 года. Левада-центр <<http://www.levada.ru/press/2006091302.html>, 13.09.2006>.

³ См.: *Зайончковская Ж.* Трудовая миграция в странах СНГ: Средство адаптации к экономическому кризису и источник новых вызовов. Главные итоги межстрановых исследований. — *Populatia Republicii Moldova in Contextul Migratiilor Internationale. Materialele conferintei stiintifice internationale, Chisinau, 9–10 Noiembrie 2005 // UNESCO, USM, “Dialog Intercultural”, “CAPTES”*. Vol. 2 / Mosneaga V., Mohammadifard Gh., Corbu-Drumea L. Iasi, 2006. P. 277–284.

⁴ См., напр.: Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарины. М.: Центр Карнеги, 2000.

⁵ *Courhene T. J.* Interprovincial Migration and Economic Adjustment // *The Canadian Journal of Economics*. Vol. 3. No 4. P. 552.

⁶ *Mincer J.* Family Migration Decisions // *Journal of Political Economy*. 1978. Vol. 86. Issue 5. P. 749–773.

⁷ *Topel R. H.* Local Labor Markets // *Journal of Political Economy*. 1986. Vol. 94. Issue 3. P. 2. S111–S143.

⁸ См.: *Юдина Т. Н.* Социология миграции: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2006. С. 120.

⁹ *Lovgren E.* The Geographical Mobility of Labor // *Geografiska annaler*. 1956. Vol. 38. No 4. P. 344–394; *Schwartz A.* Interpreting the Effect of Distance on Migration // *Journal of Political Economy*. 1973. Vol. 81. Issue 5. P. 1153–1167.

¹⁰ См.: *Юдина Т. Н.* Указ. соч. С. 120.

¹¹ *Greenwood M. J.* Research on Internal Migration in the United States: A Survey // *Journal of Economic Literature*. 1975. Vol. 13. Issue 2. P. 397–433.

¹² *Holzmann R., Munz R.* Challenges and Opportunities of International Migration for the EU, Its Member States, Neighboring Countries and Regions: A Policy Notes // *Institute for Futures Studies*. Stockholm, 2004. P. 34–36.

¹³ *Thomas B.* Migration and Economic Growth: A Study of Great Britain and the Atlantic Economy. 2nd ed. Cambridge: University Press, 1973.

¹⁴ *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения: Прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987; *Чудиновских О. С.* Состояние и перспективы текущего учета миграции в России // *Международная миграция населения: Россия и современный мир. Статистика и учет миграции населения*. М., 2001. Вып. 8; Трудовая миграция в СНГ: Социальные и экономические эффекты / Отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М., 2003; *Рязанцев С.* Внутророссийская миграция населения: Тенденции и социально-экономические последствия // *Вопросы экономики*. 2005. № 7. С. 37–49.

¹⁵ Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В. И. Мукомеля, Э. А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.

¹⁶ *Andrienko J., Guriev S.* Determinants of Inter-regional Mobility in Russia: Evidence from Panel Data, research paper, 2003.

¹⁷ *Friebel G., Guriev S.* Should I Stay or Should I Go? Worker Attachment in Russia, research paper, 2000.

¹⁸ *Brown A. N.* The Economic Determinants of Internal Migration Flows in Russia During Transition // Davidson Institute Working Paper Series, WP#89; *Корель И., Корель Л.* Миграционные и макроэкономические процессы в постсоциалистической России: Региональный аспект. М.: Консорциум экономических исследований и образования, 1999.

¹⁹ *Зайончковская Ж. А.* Взаимосвязь миграционных процессов с размещением производства // Территориальные особенности народонаселения РСФСР. М., 1976; *Она же.* Россия: Миграция в разном масштабе времени: Науч. доклады. М., 1999. Вып. 1.

²⁰ Миграция населения. Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России» / Под общ. ред. О. Д. Воробьевой. М., 2001. Вып. 2. С. 191.

²¹ *Горянин А.* Миграционная ловушка // Эксперт. 2006. № 18 (15–21 мая). С. 57–62; *Ивантер А.* Конец трудоизбыточной эпохи // Эксперт. 2006. № 18 (15–21 мая). С. 63.

²² *Andrienko Yu., Guriev S.* Determinants of Interregional Mobility in Russia // *Economics of Transition*. 2004. Vol. 12. Issue 1. P. 1–27; *Andrienko Yu., Guriev S.* Understanding Migration in Russia // Center for Economic and Financial Research at New Economic School. 23, November, 2005.

²³ *Привалов А.* Об иммиграции и демографии // Эксперт. 2005. № 43 (14–20 ноября). С. 16.

²⁴ По данным Министерства внутренних дел РФ, на территории страны постоянно находится 5 млн иностранных граждан, 98% которых приехали исключительно ради заработков; из 5 млн иностранных работников только каждый 10-й (т.е. 500 тыс. человек) имеют официальные разрешения на работу (Эксперт. Урал. 2005. № 3 (24–30 января). С. 9).

²⁵ *Силаев Н.* Рожденные в СССР // Эксперт. 2005. № 43 (14–20 ноября). С. 30.

²⁶ *Юдина Т. Н.* Указ. соч. С. 127.

²⁷ Миграция в контексте безопасности: Концептуальные подходы. Миграция и безопасность в России... С. 43–44.

²⁸ См., напр.: *Terriff T., Croft S., James L., Morgan P. M.* *Security Studies Today*. Cambridge: Polity Press, 1999. P. 157–165.

²⁹ См.: *Макарычев А.* Терроризм: Энциклопедия, археология, грамматика // Индекс безопасности. 2007. № 2. С. 143–144.

³⁰ Предлагаемые некоторыми исследователями классификации теоретических подходов к исследованиям границ пока не получили широкого признания даже в кругах специалистов в этой области. Примерами таких классификаций могут быть работы: *Колосов В.* Теоретическая лимнология: Новые подходы // *Международные процессы*. 2003. № 3; *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001; *Van Houtum H.* An Overview of European Geographical Research on Borders and Border Regions // *Journal of Borderlands Studies*. 2000. Vol. 15. No 1.

³¹ Классической работой такого типа является труд британского исследователя Дж. Хауза: *House J.* *Frontier on the Rio Grande. A Political Geography of Development and Social Deprivation*. Oxford: Clarendon Press, 1982.

³² В этом русле классическими являются труды австралийского географа В. Прескотта. См., напр.: *Prescott J. R. V. Boundaries and Frontiers*. Totowa: Rowman and Littlefield, 1978.

³³ См., напр.: *Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference / Ed. by F. Barth*. Boston: Little, Brown and Company, 1969. P. 9–38.

³⁴ См., напр.: *Paasi A. Constructing Territories, Boundaries and Regional Identities // Contested Territory. Border Disputes at the Edge of the Former Soviet Empire / Ed. by Tuomas Forsberg*. Aldershot: Edward Elgar Publishing Limited, 1995. P. 43.

³⁵ См., напр.: *Van Houtum H.* Op. cit. P. 62–65; *Schack M.* Regional Identity in Border Regions: The Difference Borders Make // *Journal of Borderlands Studies*. 1991. Vol. 16. No 2. P. 100.

³⁶ *Diez T. Borders: From Maintaining Order to Subversion // New Frontiers of Europe: Opportunities and Challenges (Новые границы Европы: Возможности и вызовы) / Под ред. И. М. Бусыгиной. М.: МГИМО (У) МИД России, 2003. P. 131–134; Henrikson A. K. Facing Across Borders: The Diplomacy of Bon Voisinage // International Political Science Review. 2000. Vol. 21. No 2. P. 128–129; Hocknell P. R. Boundaries of Cooperation. Cyprus, de facto Partition and the Delimitation of Transboundary Resource Management. Hague: Kluwer Law International, 2001. P. 59–63.*

³⁷ *Bigo D. Security, Borders, and the State // Borders and Border Regions in Europe and North America / Ed. by Paul Ganster, Alan Swedler, James Scott, Wolf-Dieter Eberwein*. San Diego: San Diego University Press, 1997. P. 81–104.

³⁸ См., напр.: *Salter M. B. At the Threshold of Security: A Theory of International Borders // Global Surveillance and Policing. Borders, Security, Identity / Ed. by Elia Zureik and Mark B. Salter*. Portland: Willan Publishing, 2005. P. 36–50.

³⁹ См.: *Юдина Т. Н.* Указ. соч. С. 118.

⁴⁰ См., напр.: *Петров Н.* Запомните эти фамилии // Интернет против телеэкрана <<http://www.contrtv.ru/common/1849/>>.

⁴¹ См., напр.: *Добаев И., Дугин А.* Деятельность западных сетевых структур в ЮФО в контексте национальной и региональной безопасности // Евразия. Информационно-аналитический портал <<http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=2870>>.

⁴² Именно на такой логике основывается «доказательная база» упомянутой работы А. Дугина и И. Добаева.

⁴³ См., напр.: *Нарочницкая Н.* Россия, СНГ и Запад: Старые геополитические проекты в новом обличьи // Православие.ру <<http://www.pravoslavie.ru/analit/global/russngzapad2.html/>>. В этой статье доктор исторических наук Н. Нарочницкая ссылается на некие карты, составленные на рубеже конца XIX — начала XX в., по ее выражению, «не то прусскими, не то английскими масонами», на основе начертанной в которых конфигурации якобы осуществляется современная политика Запада в отношении России.

⁴⁴ См., напр.: *Дугин А.* Конспирология // Арктогея — философский портал <<http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=64>>; *Он же.* Конспирология — веселая наука постмодерна // Арктогея — философский портал <<http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1336>>.

⁴⁵ Например, в формировании политики США по отношению к миграции из Мексики важную роль играют такие независимые научные подразделения, как Испанский центр Пью <<http://www.pewhispanic.org/>>, Центр сравнительных

исследований иммиграции Калифорнийского университета <www.ccis-ucsd.org> и другие центры, ссылки на исследования и даже полные тексты аналитических докладов которых часто присутствуют в официальных документах. Практически все эти исследования носят конкретный характер и основаны на использовании социологических методов и анализе статистических данных.

⁴⁶ Подобные мотивы также прослеживаются в упомянутой выше работе И. Добаева и А. Дугина.

⁴⁷ В частности, исследователю ситуации в западных странах доступны: 1) детальная статистическая информация, в том числе и о положении в мелких административно-территориальных единицах и практически во всех городах; 2) отчеты парламентских слушаний, в том числе и по вопросам безопасности: охране границ, борьбе с угрозой терроризма и т.п. (некоторые из этих отчетов публикуются, правда, с определенной задержкой); 3) отчеты государственных структур, как правило, содержащие большой объем количественных данных. Исследователям ситуации в США доступны, например, отчеты Управления государственной ответственности по проверке уязвимостей в системе национальной безопасности <www.gao.gov>.

⁴⁸ При этом двусторонние проекты Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований совместно с зарубежными партнерскими организациями охватывают лишь очень ограниченный круг иностранных государств.

⁴⁹ Так, в конце 1990-х гг. астраханские журналисты со ссылкой на источники в местных правоохранительных органах утверждали, что «приезжие» (весьма расплывчатая категория. — *Авт.*) совершали 80–90% от общего числа преступлений в регионе (см.: Астраханские ведомости. 1999. 12 февраля), а представители московских правоохранительных органов оценивали подобный вклад «приезжих» примерно в 50% (см.: В 2003 г. в Москве совершено 150 тыс. преступлений, раскрыто 80 тыс. — Русская линия <<http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=406697>, 26.12.2003 [ИТАР-ТАСС]).

⁵⁰ Более подробный анализ проблемы содержится в § 1 гл. 2 настоящей работы.

⁵¹ См.: *Andreas P. R. Sovereigns and Smugglers: Enforcing the U.S. — Mexico Border in the Age of Globalization* // A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of Cornell University In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. S. l., 1999. P. 81.

⁵² Оценка Испанского центра Пью. См.: *Passel J. Estimates of the Size and Characteristics of the Undocumented Population* // Strengthening Border Security between the Ports of Entry: the Use of Technology to Protect the Borders. Joint Hearing before the Subcommittee on Immigration, Border Security and Citizenship and Subcommittee on Terrorism, Technology and Homeland Security of the Committee on the Judiciary. United States Senate, One Hundred Ninth Congress, First Session. April 28, 2005. Washington: U.S. Government Printing Office: 2006. P. 87.

⁵³ *Passel J. Estimates of the Size and Characteristics of the Undocumented Population* // Strengthening Border Security between the Ports of Entry: the Use of Technology to Protect the Borders. Joint Hearing before the Subcommittee on Immigration, Border Security and Citizenship and Subcommittee on Terrorism, Technology and Homeland Security of the Committee on the Judiciary. United States Senate, One Hundred Ninth Congress, First Session. April 28, 2005. Washington: U.S. Government Printing Office: 2006. P. 87.

⁵⁴ Pew Hispanic Center Factsheet // Pew Hispanic Center <<http://www.pewhispanic.org/files/factsheets/17.pdf>>.

⁵⁵ Рассчитано по: Национальный состав населения // Всероссийская перепись населения 2002 года <http://www.perepis2002.ru/ct/html/ТОМ_04_01.htm>.

⁵⁶ За границей работают более семи миллионов (!) граждан Украины // <www.facts.kiev.ua/%20sept2002>. Цит. по: *Малиновская Е.* Украина без барьеров // Отечественные записки. 2004. № 4. <http://www.magazines.russ.ru/oz/2004/4/2004_4_22.html>; *Pirozhkov S., Malinovskaya E., Homra A.* Foreign Labor Migration in Ukraine: Socio-Economic Aspect: Monograph (National Security and Defense Council of Ukraine, National Institute of International Security Challenges). Kiev: NIISC, 2003. P. 5–6.

⁵⁷ Оценка принадлежит Уполномоченному по правам человека при Верховной Раде Украины. Цит. по: *Pirozhkov S., Malinovskaya E., Homra A.* Op. cit. P. 6.

⁵⁸ *Циммер К.* Как трудовая миграция изменяет Украину. Информационное агентство УНИАН <<http://www.unian.net/rus/news/news-181299.html>>.

⁵⁹ Миграция населения по регионам за январь—декабрь 2005 года // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/control/ru/localfiles/display/operativ/operativ2005/ds/mr/mr_r/mr1205_r.html>.

⁶⁰ Украина оказалась на перекрестке миграционных потоков // Центр новостей ООН <<http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=6197,15.09.2006>>.

⁶¹ См.: *Малиновская Е.* Украина без барьеров...

⁶² Оценка Национального бюро статистики Республики Молдова, сделанная в 2006 г. Цит. по: *Lucke M.* Moldova: Migration and Remittances // IOM Moldova <www.iom.md/materials/migrants_day2006_en.pdf>.

⁶³ Цифра получена на основе опроса, проведенного в рамках переписи 2004 г. Цит. по: *Мошняга В.* Трудовая миграция населения Республики Молдова в европейском контексте: Объемы, тенденции, эффекты // CERi <http://www.cerisciences-po.org/themes/projets/documents/art_vm.pdf>. С. 3.

⁶⁴ Оценка приведена в работе: *Мошняга В.* Трудовая миграция молдавского населения: Причины и эффекты // <<http://www.peacebuilding.md/library/89/ru/Moshneaga.doc>>.

⁶⁵ *Пасат В.* Исход // Независимая Молдова. 2002. 22 февраля. Цит. по: *Penuda L.* Изменение в социальной структуре молдавского общества и миграция // Populatia Republicii Moldova in Contextul Migratiilor Internationale. Materialele conferintei stiintifice internationale, Chisinau, 9-10 Noiembrie 2005. UNESCO, USM, “Dialog Intercultural”, “CAPTES”. Vol. 2. Mosneaga V., Mohammadifard Gh., Corbuc-Drumea L. Iasi, 2006. P. 117.

⁶⁶ Рассчитано по: Валовой внутренний продукт. — Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/vvp/vvp_rik/vvp_r.htm>.

⁶⁷ Рассчитано по: Индексы промышленного производства // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/pr/prm_rik/pm_r/ipv_rik_r.htm>.

⁶⁸ Рассчитано по: Сводные показатели сельского хозяйства // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2006/sg/sg_rik/sg_r/zp_rik_r.html>.

⁶⁹ См.: *Мошняга В.* Трудовая миграция молдавского населения...

⁷⁰ Рассчитано по: Валовой внутренний продукт...; Валовой внутренний продукт в 2006 году // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2006/vvp/vvp_kv/vvp_kv_r/VVP_kv_2006r.htm>.

⁷¹ Рассчитано по: Индексы промышленного производства по видам деятельности // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/pr/prm_rik/prm_rik_r/ipv2006_r.html>.

⁷² Рассчитано по: Сводные показатели сельского хозяйства // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2006/sg/sg_rik/sg_r/zp_rik_r.html>.

⁷³ Рассчитано по: Основные макроэкономические показатели Республики Молдова // Национальное бюро статистики Республики Молдова <http://www.statistica.md/statistics/dat/757/ru/Princ_ind_macroec_1997_2004_ru.htm>; Краткая характеристика социально-экономического развития Республики Молдова в 2006 году // Национальное бюро статистики Республики Молдова <http://www.statistica.md/statistics/dat/927/ru/Princ_indic_soc_ec_a_2006_ru.pdf>.

⁷⁴ Рассчитано по: Основные макроэкономические показатели Республики Молдова...; Краткая характеристика социально-экономического развития Республики Молдова в 2006 году // Национальное бюро статистики Республики Молдова <http://www.statistica.md/statistics/dat/927/ru/Princ_indic_soc_ec_a_2006_ru.pdf>.

⁷⁵ Рассчитано по: Население // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/control/ru/localfiles/display/operativ/operativ2007/ds/nas_rik/nas_r/nas_rik_r.html>.

⁷⁶ Рассчитано по: Некоторые итоги переписи 2004 года в Молдавии // Демоскоп Weekly № 249–250 <<http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0249/analit08.php>>, 5–18 июня 2006; Аналитическая записка «Об итогах переписи населения Приднестровской Молдавской Республики 2004 года» // <Pridnestrovie.net, <http://www.pridnestrovie.net/files/pmr-census-2004.doc>>.

⁷⁷ Рассчитано по: Некоторые итоги переписи...

⁷⁸ Цит. по: *Зисельс И.* Украина: Экономическое положение и проблемы социальной защиты в национальных общинах // Ваад Украины <<http://www.vaadua.org/josifkniga/240.htm>>; *Ланшина А.* Экономическое взаимодействие Украины и Беларуси // Диалог.ua <http://www.dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=10407>.

⁷⁹ *Мошняга В.* Трудовая миграция молдавского населения...

⁸⁰ *Мошняга В.* Трудовая миграция населения Республики Молдова... С. 9–12.

⁸¹ *Сидоренко С. С.* Умом, трудом и совестью поколений. Кишинев, 2002. С. 156–157. Цит. по: *Ренида Л.* Указ. соч. Р. 114.

⁸² Экономические политики для роста занятости и сокращения бедности. Молдова 2005. Кишинев, 2005. С.130. Цит. по: *Ренида Л.* Указ. соч. Р. 115.

⁸³ Рассчитано по: Темпы роста номинальной и реальной заработной платы (1995–2006) // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/gdn/tznr/tznr_r/tznr_r.htm>.

⁸⁴ Рассчитано по: Динамика суммы задолженности по выплате заработной платы (1997–2006 гг.) // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2006/gdn/prc_rik/prc_rik_r/dzpr_2006rik_r.html>.

⁸⁵ Основные показатели рынка труда (годовые данные) // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2006/rp/prc_rik/prc_r/osp_rik_r.htm>.

⁸⁶ Основные показатели рынка труда (годовые данные) // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2006/rp/prc_rik/prc_r/osp_rik_r.htm>.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ *Мошняга В.* Трудовая миграция населения Республики Молдова... С. 9–12.

⁸⁹ Рассчитано по: Динамика среднемесячной заработной платы по видам экономической деятельности в 1995–2006 годах // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2006/gdn/prc_rik/prc_rik_r/dazp_r2006.htm>.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Количество зарегистрированных безработных по полу и месту проживания в 2007 году // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/rp/sz_br/sz_br_r/kzbr_m_r2007.htm>.

⁹² См.: *Прибыткова И. М.* Трудовая миграция населения и ее правовое обеспечение в Украине в контексте расширения Европейского союза // Центр миграционных исследований <http://wwwmigrocenter.ru/publ/konfer/suzdal/m_suzdal04.php>.

⁹³ Рассчитано по: Спрос и предложение рабочей силы в 2007 году // Государственный комитет статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/rp/sz_br/sz_br_r/piprs_2007_r.htm>.

⁹⁴ *Прибыткова И. М.* Указ. соч.

⁹⁵ Распределение населения по экономической активности // Национальное бюро статистики Республики Молдова <<http://www.statistica.md/>>.

⁹⁶ *Мошняга В.* Трудовая миграция населения Республики Молдова... С. 9–12.

⁹⁷ *Блок А.* Мы как рабы! Кому нужен капитализм?. О трафике и мигрантах из Молдовы // *Populatia Republicii Moldova*... Р. 25.

⁹⁸ Рассчитано по: Население и демографическая структура (1998–2005 гг.) // Национальное бюро статистики Республики Молдова <http://www.statistica.md/statistics/dat/981/ru/Populatia_structura_demografica_1998_2005_ru.htm>; Аналитическая записка «Об итогах переписи населения Приднестровской Молдавской Республики 2004 года» // <Pridnestrovie.net, <http://www.pridnestrovie.net/files/pmr-census-2004.doc>>.

⁹⁹ Всеукраинская перепись населения 2001 <<http://www.ukrcensus.gov.ua/>>.

¹⁰⁰ *Прибыткова И. М.* Указ. соч.

¹⁰¹ *Мошняга В.* Трудовая миграция населения Республики Молдова... С. 4.

¹⁰² *Долгих Е.* И мчит меня поезд за лучшей жизнью в Россию (по данным социологических опросов молдавских трудовых мигрантов в поездах Кишинев—Москва—Кишинев) // *Populatia Republicii Moldova*... Р. 196.

¹⁰³ *Малиновская Е.* Украина без барьеров...

¹⁰⁴ *Прибыткова И. М.* Указ. соч.

¹⁰⁵ *Мошняга В.* Трудовая миграция населения Республики Молдова... С. 9–12.

¹⁰⁶ *Мошняга В.* Трудовая миграция молдавского населения...

¹⁰⁷ *Позняк А. В.* Современная миграционная ситуация и проблемы формирования миграционной политики в Украине // *Демоскоп Weekly* № 285–286 <<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/analit07.php>>, 16–29 апреля 2007.

- ¹⁰⁸ *Мошняга В.* Трудовая миграция молдавского населения...
- ¹⁰⁹ *Позняк А. В.* Указ. соч.
- ¹¹⁰ *Lucke M.* Moldova: Migration and Remittances...
- ¹¹¹ Оценка Государственного комитета по статистике Украины. См.: *Pirozhkov S., Malinovskaya E., Homra A.* Op. cit. P. 74.
- ¹¹² Данные Посольства Украины в РФ. См.: Ibid. P. 7.
- ¹¹³ См.: Ibid. P. 7.
- ¹¹⁴ См.: *Lucke M.* Op. cit.
- ¹¹⁵ *Мошняга В.* Трудовая миграция молдавского населения...
- ¹¹⁶ См.: *Lucke M.* Op. cit.
- ¹¹⁷ См.: *Pirozhkov S., Malinovskaya E., Homra A.* Op. cit. P. 74.
- ¹¹⁸ См.: Ibidem.
- ¹¹⁹ *Циммер К.* Указ. соч.
- ¹²⁰ *Мошняга В.* Трудовая миграция молдавского населения...; *Мошняга В.* Трудовая миграция населения Республики Молдова... С. 4–5.
- ¹²¹ См.: *Малиновская Е.* Украина без барьеров...; *Pirozhkov S., Malinovskaya E., Homra A.* Op. cit. P. 6.
- ¹²² *Долгих Е.* Указ. соч. P. 199.
- ¹²³ *Lucke M.* Op. cit.; *Позняк А. В.* Указ. соч.
- ¹²⁴ Новая волна миграции из Молдавии набирает обороты // Информационное агентство «Regnum» <<http://www.regnum.ru/news/707714.html>, 20.09.2006>.
- ¹²⁵ См.: *Мошняга В.* Трудовая миграция населения Республики Молдова... С. 6–7.
- ¹²⁶ *Позняк А. В.* Указ. соч.
- ¹²⁷ *Мошняга В.* Трудовая миграция населения Республики Молдова... С. 5–6.
- ¹²⁸ Там же. С. 5–6.
- ¹²⁹ Там же. С. 9–12.
- ¹³⁰ *Мошняга В.* Трудовая миграция молдавского населения...
- ¹³¹ *Циммер К.* Указ. соч.
- ¹³² *Позняк А. В.* Указ. соч.
- ¹³³ *Манчук А.* Украинские гастарбайтеры // Коммунист.ру — Интернет-газета коммунистов <<http://www.comunist.ru/root/kommunisty.i.rabochiy.klass/manchuk3>>.
- ¹³⁴ *Мошняга В.* Трудовая миграция молдавского населения...
- ¹³⁵ *Мошняга В.* Трудовая миграция населения Республики Молдова... С. 9–12.
- ¹³⁶ Там же. С. 3.
- ¹³⁷ Подробнее см.: Миграция населения в странах СНГ: 1997–1998 гг. Женева, 1999. С. 20–21; *Юнусов А. С.* Статистика потерь в армяно-азербайджанской войне // Карабах: Вчера, сегодня и завтра. Баку, 2002. С. 20–21; *Юнусов А.* Миграция населения в Азербайджане // Факторы влияния на процессы трансформации в Центральной Азии и на Кавказе. М., 2004. С. 254.
- ¹³⁸ См.: *Юнусов А. С.* Армяно-азербайджанский конфликт: Миграционные аспекты. Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999. С. 79.
- ¹³⁹ *Юнусов А. С.* Армяно-азербайджанский конфликт... С. 80.
- ¹⁴⁰ UNHCR, Refugees and Others of Concern to UNHCR. 1996. Statistical Overview. Geneva, July 1997; CIS Migration Report. 1996. Geneva, 1997. P. 23.
- ¹⁴¹ См.: *Yunusov Arif.* Demographic disaster // Index on Censorship (London). Vol.26. № 4. July/August 1997. P. 70.

¹⁴² *Yunusov Arif*. Karabakh: Past and Present. Baku, 2005. P. 86; Беженцы и мигранты в странах СНГ: Материалы конференции. М., 1996. С. 12. Официальные данные правительства Азербайджана выше и противоречивы.

¹⁴³ Зеркало. 2001. 12 мая.

¹⁴⁴ *Айрумян Н.* В Нагорном Карабахе обнародовали результаты переписи 2005 г. // <<http://www.kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/1045841.html>>.

¹⁴⁵ *Айрумян Н.* Указ. соч.

¹⁴⁶ *Юнусов А.* Этнодемографические процессы на Южном Кавказе в постсоветский период // Кавказский сборник. М., 2005. Т. 2. С. 269; *Скаков А. Ю.* Этническая и миграционная ситуация в Азербайджане // Миграции на Кавказе. Ереван, 2003. С. 99.

¹⁴⁷ *Yunusov Arif*. Ethnic Profile of Post-Soviet Azerbaijan // European Yearbook of Minority Issues. Vol. 4. Leiden-Boston, 2004/5. P. 486.

¹⁴⁸ *Юнусов А. С.* Армяно-азербайджанский конфликт... С. 84.

¹⁴⁹ Население России. 1997. М., 1998. С.114; CIS Migration Report... P. 28–29.

¹⁵⁰ Сообщение агентства «Black Sea Press» (Грузия) от 7 июля 1999 г.; Ежедневные новости, (Баку). 1999. 15 января.

¹⁵¹ *Юнусов А. С.* Трудовая эмиграция из Азербайджана: Стратегия интеграции в рынки труда и риски // Трудовая миграция в СНГ: Социальные и экономические эффекты. М., 2003. С. 122.

¹⁵² Там же. С. 126.

¹⁵³ Там же. С. 132.

¹⁵⁴ Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996. С. 154.

¹⁵⁵ UNHCR, Populations of Concern to UNHCR: A Statistical Overview 1993. Geneva, May 1994; *Юнусов А.* Этнодемографические процессы... С. 261.

¹⁵⁶ См.: Голос Армении, Ереван. 2004. 16 марта; *Yunusov Arif*. Karabakh... P. 86.

¹⁵⁷ *Юнусов А.* Этнодемографические процессы... С. 262.

¹⁵⁸ *Арутюнян Л. А.* Новые тенденции миграции в Армении // Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999. С. 72.

¹⁵⁹ Там же. С. 72–73.

¹⁶⁰ Armenia: Human Development Report. 1996 // UNDP. Yerevan, 1996. P. 12.

¹⁶¹ CIS Migration... P. 18.

¹⁶² Население России. 1997... С. 114, табл. 7.7; Миграции и новые диаспоры... С. 165.

¹⁶³ Armenia: Human Development Report... P. 13.

¹⁶⁴ Сообщение агентства «Снарк» (Армения). 1999. 16 сентября.

¹⁶⁵ CIS Migration... P. 11; *Ходжабекян В.* Миграционные процессы в Армении // Миграция. 1997. № 4. С. 31.

¹⁶⁶ *Васильева О.* Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. С. 38; Миграции и новые диаспоры... С. 156; *Мукомель В.* Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: Людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 302.

¹⁶⁷ См. сообщения агентства «Black Sea Press» от 31 мая, 4 июня, 7 июля, 31 августа, 7 сентября 1999 г.

¹⁶⁸ CIS Migration... P. 48. Есть, однако, и другая цифра — 11 521 беженцев-грузин (см.: *Бадурашвили И. Н., Гугушвили Т.* Вынужденная миграция в Грузии //

Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999. С. 114), что скорее всего объясняется простой опiskой.

¹⁶⁹ *Мукомель В.* Вооруженные межнациональные... С. 302.

¹⁷⁰ CIS Migration... Р. 48; *Бадурашвили И. Н., Гугушвили Т.* Вынужденная миграция в Грузии... С. 114.

¹⁷¹ *Бадурашвили И. Н., Гугушвили Т.* Вынужденная миграция... С. 115.

¹⁷² См.: *Бадурашвили И. Н., Гугушвили Т.* Вынужденная миграция. С. 113–114; CIS Migration... Р. 45, 49.

¹⁷³ См.: Сакартвелос Республика, Тбилиси. 2003. 7–9 июля (на грузинском языке); *Юнусов А.* Этнодемографические процессы... С. 273.

¹⁷⁴ Источник данных: Этнодемографический ежегодник Казахстана: Статистический сборник / Под ред. Ю. К. Шокаманова. Алматы, 2006. С. 5.

¹⁷⁵ Народонаселение Казахстана. 2000: Сб. материалов по вопросам народонаселения. Астана, 2000. С. 38; Этнодемографический ежегодник Казахстана... С. 391–392.

¹⁷⁶ Россия объединит всех // Взгляд. 2007. 15 июня. Режим доступа: <<http://www.vz.ru/politics/2007/6/14/88065.html>>.

¹⁷⁷ В Казахстане заявляют о дефиците кадров в базовых отраслях, создающих наукоемкие технологии // «Лента новостей» Казахстанского юридического портала. 2006. 29 ноября. Режим доступа: <<http://www.zakon.kz/our/news/news.asp?id=30078887>>.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ См.: *Алексеев А.* Перспективы казахстанско-российской учебной миграции в начале XXI века // Система высшего образования в социальном развитии Центральной Азии. М.; Иркутск: Наталис, 2007. С. 206–213; *Тарасова Е.* Миграция в жизненных планах выпускников средних школ Казахстана (по материалам опроса в г. Усть-Каменогорске) // Там же. С. 214–223; *Григоричев К.* Казахские абитуриенты российских вузов: Пути рекрутинга и жизненные стратегии молодежи // Там же. С. 224–240.

¹⁸⁰ Ана тілі. 2006. 11 мая.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² *Назарбаев Н. А.* Речь на двенадцатой сессии Ассамблеи народов Казахстана // Казахстанская правда. 2006. 25 октября.

¹⁸³ Моя республика — факты, события, люди. 2007. 25 мая.

¹⁸⁴ Русские организации в Казахстане бьют тревогу и апеллируют к международной общественности // «Лента новостей» Казахстанского юридического портала. 2007. 24 апреля. Режим доступа: <<http://www.zakon.kz/our/news/news.asp?id=30099298>>.

¹⁸⁵ Русская миграция: Уехать нельзя остаться // «Лента новостей» Казахстанского юридического портала. 2007. 24 апреля. Режим доступа: <<http://www.zakon.kz/our/news/news.asp?id=30084452>>.

¹⁸⁶ Новые слова старой «песни» // «Лента новостей» Казахстанского юридического портала. 2007. 17 мая. Режим доступа: <<http://www.zakon.kz/our/news/news.asp?id=30102944>>.

¹⁸⁷ «Количество ВИЧ-инфицированных детей в Казахстане достигло 103», 25.03.2007. Режим доступа: <<http://www.rambler.ru/news/medicine/aids/10008188.html?mediacenter=1>>.

¹⁸⁸ 1 июля государственному статусу казахского языка исполняется 17 лет. Часть 1 // «Лента новостей» Казахстанского юридического портала, 27.06.2007. Режим доступа: <<http://wwwzakon.kz/our/news/news.asp?id=30109150>>.

¹⁸⁹ «Начиная с 2008 года с переходом на 12-летнюю систему обучения казахский язык станет обязательным предметом при сдаче ЕНТ» // «Лента новостей» Казахстанского юридического портала, 24.04.2007. Режим доступа: <<http://wwwzakon.kz/our/news/news.asp?id=30099280>>.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Гуд бай, Казахстан? // «Лента новостей» Казахстанского юридического портала, 22.11.2006. Режим доступа: <<http://wwwzakon.kz/our/news/news.asp?id=30077830>>.

¹⁹² Русские организации в Казахстане...

¹⁹³ Некоторые улицы Усть-Каменогорска получили новые имена // «Лента новостей» Казахстанского юридического портала, 11.06.2007. Режим доступа: <<http://wwwzakon.kz/our/news/news.asp?id=30106945>>.

¹⁹⁴ Рудный Алтай. 2007. 23 июня.

¹⁹⁵ Информационное агентство «Kazakhstan Today», 19.06.2007. Режим доступа: <<http://www.kz-today.kz>>.

¹⁹⁶ Flash! 2007. 18 мая.

¹⁹⁷ Казачий курьер. 2007. 26 апреля.

¹⁹⁸ Гуд бай, Казахстан?..

¹⁹⁹ Соотечественники собираются в Россию: Из Казахстана — 61%, Молдавии — 60% // «Лента новостей» Казахстанского юридического портала, 26.06.2007. Режим доступа: <<http://wwwzakon.kz/our/news/news.asp?id=30109110>>.

²⁰⁰ Русские организации в Казахстане...

²⁰¹ *Еримбетов Н.* Национализм в Казахстане — это реванш за социальный проигрыш // «Лента новостей» Казахстанского юридического портала, 24.04.2007. Режим доступа: <<http://wwwzakon.kz/our/news/news.asp?id=30099467>>. Данный комментарий приводится нами в собственной транскрипции, так как исходный текст в форуме представлен в латинице.

²⁰² Русские организации в Казахстане...

²⁰³ Гуд бай, Казахстан?..

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Flash! 2007. 4 мая.

²⁰⁶ ЛАД. 2007. № 4.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Моя республика — факты, события, люди. 2007. 25 мая.

²⁰⁹ ЛАД. 2007. № 4.

²¹⁰ Честь распуститься за Родину // «Лента новостей» Казахстанского юридического портала, 19.05.2007. Режим доступа: <<http://wwwzakon.kz/our/news/news.asp?id=30103384>>.

²¹¹ Там же.

²¹² «Лента новостей» Казахстанского юридического портала, 04.06.2007. Режим доступа: <<http://wwwzakon.kz/our/news/news.asp?id=30105963>>.

²¹³ В Казахстане заявляют...

²¹⁴ *Rosenbloom J. L.* Looking for Work: Searching for Workers. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2002.

²¹⁵ Migration in Central Asia: Its History and Current Problems / Ed. by Komatsu Hisao, Obiya Chika, John S.Schoeberlein. The Japan Center for Area Studies. Osaka, 2000.

²¹⁶ Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: Причины, последствия, перспективы / Под ред. Г. Витковской. М., 1996; В движении добровольном и вынужденном: Постсоветские миграции в Евразии / Под ред. А. Вяткина, Н. Космарской, С. Панарина. М., 1999.

²¹⁷ Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998; Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию. Новосибирск, 2003.

²¹⁸ Основные нормативно-правовые акты в сфере трудовой миграции стран Центральной Азии, Российской Федерации и Республики Беларусь. Бишкек, 2004; Исследование миграции населения в Туркменистане. Исследование фонда народонаселения ООН в Туркменистане. 2001; Кыргызстан: Проблемы в сфере трудовой миграции и возможные подходы к формированию политики. Бишкек, 2004; *Максакова Л. П.* Миграция населения Республики Узбекистан. Ташкент: Эльди-нур, 2000; *Олимова С., Мамаджанова Н.* Торговля людьми в Таджикистане. Душанбе: МОМ, 2006; *Умаров Х., Ульмасов Р.* Внешняя трудовая миграция в Таджикистане (причины, проблемы, последствия, регулирование). Душанбе, 2006 и др.

²¹⁹ Тенденции в области миграции в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Обзор за 2001–2002 годы. Женева: МОМ, 2002; Миграция населения в СНГ в 1996 г. Центр технического сотрудничества в Европе и Центральной Азии. Женева: МОМ, 1998.

²²⁰ Миграция в трансформирующемся обществе: Аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ. 1992–1999 гг. / Отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Комплекс — Прогресс, 2000; Трудовая миграция в СНГ: Социальные и экономические эффекты / Под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 2003; Миграция и рынок труда в странах Средней Азии / Под ред. Л. Максаковой. М.; Ташкент, 2002 и др.

²²¹ *Каландаров Т. С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России. М., 2005; *Черных А. В.* Таджики в Перми. Очерки этнокультурного развития. Пермь, 2004.

²²² *Kireyev Alexei.* The Macroeconomics of Remittances: The Case of Tajikistan. IMF Working Paper, WP 06/2. IMF, 2006; *Олимова С., Боск И.* Трудовая миграция из Таджикистана. МОМ, 2003; *Садовская Е. Ю.* Трудовая миграция как средство адаптации к экономическому кризису в Казахстане. Алматы, 2001.

²²³ Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. В будущее без барьеров: Региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности. Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ, 2005. С. 161.

²²⁴ Миграция населения в странах СНГ. 1996. МОМ, 1996. С. 6.

²²⁵ ПРООН, Республика Таджикистан. Отчет по человеческому развитию. 1995. С. 49–50.

²²⁶ Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии... С. 161.

²²⁷ Денежные переводы и их влияние на уровень жизни в Хатлонской области Республики Таджикистан: Аналитический отчет. МОМ. Центр «Шарк». Душанбе: МОМ, 2006. С. 39.

²²⁸ *Максакова Л.* Демографический путь Узбекистана. С. 14 <<http://www.demoscope.ru>>. 2006. Апрель.

- ²²⁹ Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии... С. 161.
- ²³⁰ Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане. Аналитический обзор. Алматы: МОМ, 2005.
- ²³¹ Фронтьерские миграции. Россия—Казахстан и Россия в системе приграничных миграций / Под ред. Ж. А. Зайончковской, М. Н. Сдыкова. М.; Уральск, 2002.
- ²³² Материалы обследования домохозяйств. Кыргызстан, 2007. АБР — не опубликовано.
- ²³³ Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане...
- ²³⁴ Материалы обследования домохозяйств. Таджикистан, 2007. АБР — не опубликовано.
- ²³⁵ Денежные переводы и их влияние... С. 40.
- ²³⁶ *Олимова С., Боск И.* Указ. соч. С. 22.
- ²³⁷ Материалы опроса мигрантов. Март, 2004 г. Душанбе, Центр «Шарк», 2004. — На правах рукописи.
- ²³⁸ *Олимова С., Курбанова Р.* Поведенческое исследование среди мигрантов Таджикистана по вопросам ВИЧ и ИППП. МОМ, 2006. Draft. С. 12.
- ²³⁹ Денежные переводы и их влияние... С. 35.
- ²⁴⁰ *Максакова Л.* Демографический путь Узбекистана... С. 14.
- ²⁴¹ Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане...
- ²⁴² *Mansoor Ali M.* Migration and Remittances: Eastern Europe and the former Soviet Union // [Ali Mansoor Bruce Quillin] World Bank. 2007. P. 77–80.
- ²⁴³ Там же. С. 78.
- ²⁴⁴ *Максакова Л.* Демографический путь Узбекистана... С. 1–2.
- ²⁴⁵ Статистический ежегодник Республики Таджикистан. 2004. Душанбе: Госкомстат РТ, 2004. С. 20.
- ²⁴⁶ Там же. С. 25–26.
- ²⁴⁷ Численность населения Республики Узбекистан. 2004: Стат. сб. Ташкент: Госкомстат Узбекистана, 2005. С. 8–16.
- ²⁴⁸ В Узбекистане ежегодный прирост численности населения в последние годы составляет 1,1–1,2%. См.: Демографический ежегодник Узбекистана... С. 109–110.
- ²⁴⁹ За период между двумя переписями с 1989 по 2000 г. рост трудоспособного населения составил 124,1%, т.е. 2,1% ежегодно. См.: Население Республики Таджикистан 2000 г. по итогам переписи 20–27 января 2000 г. Душанбе: Госкомстат РТ, 2002. С. 65.
- ²⁵⁰ Статистический ежегодник РТ 2003. Душанбе: Госкомстат, 2003. С. 69.
- ²⁵¹ Там же. С. 64.
- ²⁵² *Максакова Л.* Демографический путь Узбекистана... С. 15.
- ²⁵³ Материалы обследования домохозяйств в Республике Таджикистан, 2007 г. — Не опубликовано.
- ²⁵⁴ Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане...
- ²⁵⁵ Государственный комитет статистики Республики Таджикистан, «Таджикистан: 15 лет Государственной независимости». Душанбе, 2006. С. 87.

²⁵⁶ Трудовая миграция: Социальные и правовые аспекты: Сб. докладов. Ташкент, 2005. С. 8.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Информационный бюллетень по продовольственной безопасности и бедности в Республике Таджикистан. 2004. № 2. Душанбе: Госкомстат РТ, 2004. С. 85.

²⁵⁹ Материалы опроса мигрантов. Февраль—март 2004 г. Душанбе: «Шарк», 2004. — На правах рукописи.

²⁶⁰ Государственный комитет статистики Республики Таджикистан. «Таджикистан: 15 лет государственной независимости...». С. 133.

²⁶¹ Документ Всемирного банка (2004). Обновленная оценка бедности в Таджикистане. Основной отчет. С. 14.

²⁶² Отчет по обследованию неформальной занятости в 4 пилотных районах Республики Таджикистан, АБР. Душанбе, 2002. С. 7.

²⁶³ Отчет по человеческому развитию. Таджикистан. 1999. ПРООН, 1999. С. 18.

²⁶⁴ Республика Таджикистан. Обновленная оценка бедности. 6 января 2005 г. Документ Всемирного Банка. Отчет № 30853-TJ, с.х.

²⁶⁵ Ежегодник Республики Таджикистан. 2004. Душанбе: Госкомстат РТ, 2004. С. 154.

²⁶⁶ По оценкам группы мониторинга Документа стратегии снижения бедности и в соответствии с Отчетом о человеческом развитии ПРООН за 2003 год.

²⁶⁷ Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане...

²⁶⁸ *Mansoor Ali M.* Op. cit. P. 66.

²⁶⁹ *Mahler Sara J., Pessar Patricia R.* Gender Matters: Ethnographers Bring Gender from the Periphery toward the Core of Migration Studies. Center for Migration Studies of New York. IMR Vol. 40 Number 1 (Spring 2006). P. 30.

²⁷⁰ *Олимова С., Курбанова Р.* Указ. соч.

²⁷¹ Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане...

²⁷² *Кислицына Е.* Миграция и городская бедность // Бедность в Таджикистане: Материалы конференции национальных экспертов. Душанбе, 2004. С. 131—132.

²⁷³ *Mansoor Ali M.* Op. cit. P. 188.

²⁷⁴ World Migration 2005: Costs and Benefits of International Migration // International Organization of Migration (Internet Edition) <<http://www/iom.int/page255/html>>.

²⁷⁵ *Li Peter S.* Chinese Overseas as a Minority in Majority Settings. Proceedings II: the International Chinese Overseas Conference. Taipei, 2001. P. 19—40.

²⁷⁶ Migration in the People' Republic of China // World Migration 2005... P. 125—128.

²⁷⁷ Независимая газета. 2007. 6 июня.

²⁷⁸ О месте миграции в России в общей картине международной миграции из КНР (см.: *Портяков В. Я.* Российский вектор в глобальной китайской миграции // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2).

²⁷⁹ *Чжан И.* Чжунго данцянь ды жэнькоу цзегоу хэ фачжань тайши // Шэхуй лань пи шу. 2007 нянь: Чжунго шэхуй синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь (*Чжан И.* Структура и динамика населения Китая. Современное состояние // Синяя книга о китайском обществе. 2007 год: Положение в китайском обществе. Анализ и прогноз / Гл. ред. Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь). Пекин, 2006. С. 109, 110.

²⁸⁰ Чжунго тунци няньцзянь 2006 // Чжун хуа жэньминь гунхэго гоцзя тунци цзюй бьянь (Китайский статистический ежегодник 2006 / Сост. Государственное статистическое бюро КНР). Пекин, 2006. С. 100.

²⁸¹ *Чжан И.* Указ. соч. С. 110.

²⁸² Там же. С. 115.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ «Жэньминь жибао» онлайн <<http://www.russian.people.com/cn/31521/5691704/html>>.

²⁸⁵ *Чжан Чэвэй.* Лаодун гунцю гуаньси чжэн цзай фашэн чжунда бьяньхуа // Цзинци лань пи шу. 2007 нянь: Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ / Чжу бьянь: Чэнь Цзягуй (В соотношении между предложением труда и спросом на труд происходят важные изменения // Синяя книга по экономике. 2007 год: Положение в китайской экономике. Анализ и прогноз / Гл. ред. Чэнь Цзягуй). Пекин, 2006. С. 183.

²⁸⁶ *Ян Июн.* 2006 нянь цзю е синши юй 2007 нянь юйцэ // Цзинци лань пи шу. 2007 нянь: Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ / Чжу бьянь: Чэнь Цзягуй (Положение с занятостью в 2006 г. и прогноз на 2007 г. // Синяя книга по экономике. 2007 год: Положение в китайской экономике. Анализ и прогноз / Гл. ред. Чэнь Цзягуй). Пекин, 2006. С. 196.

²⁸⁷ Источник: Чжунго тунци няньцзянь 2006... С.125.

²⁸⁸ *Чжан Чэвэй.* Указ. соч. С. 185.

²⁸⁹ Источник: Чжунго тунци няньцзянь 2006 / Чжун хуа жэньминь гунхэго гоцзя тунци цзюй бьянь (Китайский статистический ежегодник 2006 / Сост. Государственное статистическое бюро КНР). Пекин, 2006. С. 180.

²⁹⁰ См.: *Островский А. В.* Перспективы экспорта трудовых ресурсов на российский Дальний Восток в условиях глобализации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / Институт Дальнего Востока. Отв. ред. Б. Т. Кулик. М., 2003. С. 168, 169.

²⁹¹ *Ян Июн.* Указ. соч. С. 196.

²⁹² *Чжао Ли.* Нунцунь лаодун ли чжуаньбянь ды чэнбэнь ю до да (Какова себестоимость перемещения деревенской рабочей силы?) // Чжунго гоцин голи. 2007. № 1. С. 28.

²⁹³ *Чжан Чэвэй.* Указ. соч. С. 186.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ См., напр.: Цзю е лань пи шу. 2002 нянь: Чжунго цзю е баогао (Синяя книга. Отчет о занятости в 2002 г.). Пекин, 2003. С. 1.

²⁹⁶ *Ян Июн.* Указ. соч. С. 195.

²⁹⁷ Там же. С. 194.

²⁹⁸ Чжунго тунци няньцзянь 2006... С.161.

²⁹⁹ Подробнее о проблеме крестьян-рабочих см.: *Гельбрас В. Г.* Миграция, преобразующая Китай // Азия и Африка сегодня. 2005. № 9, 10.

³⁰⁰ 2006–2007 нянь: Чжунго нунцунь цзинци синши фэньси юй юйцэ. Люй пи шу (Экономика китайской деревни в 2006–2007 гг. Зеленая книга). Пекин, 2007 <<http://www.people.com.cn/GV/61154/5660512/html>>.

³⁰¹ *Ян Июн.* Указ. соч. С. 195.

³⁰² *Чжан Чэвэй.* Указ. соч. С. 187.

³⁰³ 2006–2007 нянь...

³⁰⁴ *Чжан Чэвэй.* Указ. соч. С. 184, 185.

³⁰⁵ То же. С. 185.

³⁰⁶ Цзю е лань пи шу... С. 1.

³⁰⁷ Guowuyuan fazhan yanjiu zhongxin, Zhong gong Zhongyang zhengce yanjiu shi. Wo guo nongcun laodongli zhangyi yu zouxiang shiminhua de zhanlue cikaao (shang) 2003-02-26 (Центр изучения проблем развития, Кабинет изучения политики ЦК КПК. Соображения о стратегии перемещения рабочей силы из деревень страны и постепенного превращения их в горожан. Часть 1) // Цит. по: *Гельбрас В. Г.* Указ. соч. С. 48.

³⁰⁸ Чжэнцэ: Чжунго гули «хайгуй» чэнвэй цзинци фачжань синь лилян (Политика: Китай побуждает вернувшихся студентов стать новой силой экономического развития). — ChinaSite.com.Schooling In/Outside China/Chinese government's policies on Chinese students studying abroad <<http://www/chinasite.com/Education/StudyAbroad.html>>.

³⁰⁹ China's Returned Students Policy Pays Off (10.13.2003). См.: <<http://www.china-houston.org>>.

³¹⁰ Гуань юй линьсюань 2005 нянь «фу Э бай жэнь лю сюэ сяну» люсюэ жэньюань ды тунчжи (Уведомлении о наборе на 2005 г. согласно плану обучения в России ста студентов) <<http://www.csc.edu.cn/gb/admin/readarticle.asp?articleid=2112>>.

³¹¹ См.: <<http://www.amurpolit.ru/news/2007-05-18/09-11>>.

³¹² См.: *Гельбрас В. Г.* Россия в условиях китайской глобальной миграции. М., 2004.

³¹³ Подробнее о различных аспектах эмиграционной политики Пекина см.: *Ларин А. Г.* Китайцы зарубежья в политике Пекина // Диаспоры. 2006. № 2.

³¹⁴ Ведомости. 2002. 23 мая.

³¹⁵ «Жэньминь жибао» онлайн. 1995. 02 июля. <<http://www.russia.people.com.cn/31519/3512815.html>>; <<http://www.russia.people.com.cn/31519/3512812.html>>.

³¹⁶ <http://www.russian1.people.com.cn/315219/2968550.html>

³¹⁷ Shi Hongtao Zhongguo jiang jianli wuxiang jizhi baohu haiwai gongmin anquan // Zhuan fang waijiaobu lingshisi fusizhang Wei Wei (Китай создаст пять механизмов защиты безопасности граждан за рубежом // Визит к заместителю заведующего Консульским отделом МИД КНР Вэй Вэю <<http://www.politics.people.com.cn/GB/1026/3979842.html>>.

³¹⁸ <<http://www.people.com.cn/GB/guoji/1029/2902838.html>>.

³¹⁹ В драке виноваты все // Время новостей. 2005. 14 мая.

³²⁰ См.: <<http://www.world.people.com.cn/GB/14549/3406738.html>>; <<http://www.russian1.people.com.cn/31521/3389979.html>>.

³²¹ *Сергеев Илья.* Исторический ракурс. Российские дипломаты удивлены репортажами китайского телеканала // Время новостей. 2005. 17 мая.

³²² Фэньюнь жэнью. Пекин. 2003. № 318. С. 82.

³²³ <<http://www.china.org.cn/english/government/194422.htm>>.

³²⁴ Подробнее см.: CEME (Cooperative Efforts to Manage Emigration). Best Practices to Manage Migration: China <http://www.migration.ukdavis.edu/ceme/more.phpbid=149_0_6_0>.

³²⁵ Passport Law to Fight Against Illegal Emigration // Xinhua News Agency. June 2. 2006 <<http://www.china.org.cn/english/government/194422.htm>>.

³²⁶ См., напр.: *Мохов В.* Ключ безопасности // Красная звезда. 2004. 2 декабря. <http://www.redstar.ru/2004/12/02_12/1_01.html>.

³²⁷ См., напр.: *Фронин В.* Откуда начинается страна. Николай Патрушев о новом облике российской границы // Пограничник Северо-Востока. 2006. 31 мая — 6 июня. <<http://www.svrpu.ru/psv/3835/0040.shtml>>.

³²⁸ Так, в 2001 г. начальник Юго-Восточного регионального управления Федеральной пограничной службы Р. Муллаянов предлагал ввести визовый режим с Казахстаном. См.: Пограничники предлагают ввести визовый режим с Казахстаном // Русская мысль. 2001. 28 июня. № 4370. С. 9.

³²⁹ Идея о необходимости «наглухо отгородиться» от кавказских и центрально-азиатских стран СНГ, введя с ними жесткий визовый режим, особенно популярна среди политиков и публицистов националистического толка. См., напр.: *Фомин С. С.* О русской национальной идее // Русский дом. 2002. № 9 <<http://www.rusdom.ru/2002/200209i/20020938.html>>.

³³⁰ *Мкртчян Н.* Миграция и средства массовой информации: Реальные и мнимые угрозы // Demoscope-Weekly <<http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit05.php>>.

³³¹ Цит. по: *Мкртчян Н.* Указ. соч.

³³² *Топилин А. В.* Нелегальная миграция — масштабы и перспективы // Альманах «Восток» <http://www.situation.ru/app/j_art_1162.htm>.

³³³ Там же.

³³⁴ См.: *Воробьева О., Гонтмахер Е., Зайончковская Ж., Рыбаковский Л.* Россия: Миграционные вызовы XXI века. Русский архипелаг <<http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/doklad-csr-migration/>>.

³³⁵ *Прохоров О.* Нелегалы могут смести Москву // Аргументы и факты. 2005. 1 июня <http://www.aif.ru/online/moskva/620/35_02?print>.

³³⁶ См., напр.: В России проживают до 14 млн нелегальных мигрантов // Время регионов <http://www.regtime.ru/owa/rt/rt_lenta.html?a_id=7703>.

³³⁷ ФМС: В Россию ежегодно приезжают более 20 млн мигрантов // Независимая газета — Новости. 2006. 15 марта <<http://www.news.ng.ru/2006/03/15/1142420852.html>>.

³³⁸ См., напр.: Путин: Необходимо создать программу социальной адаптации для мигрантов // Грани.ру. 2006. 17 ноября <<http://www.grani.ru/Society/p.114548.html>>.

³³⁹ International Migration Report 2002. N.Y.: United Nations Department of Social and Economic Affairs, 2002. P. 2.

³⁴⁰ Так, в интерпретации директора Института нациологии Игоря Суздальцева эта цифра превратилась в 13 млн нелегальных мигрантов. См.: *Тофанюк И.* В России обнаружилось 2 миллиона «мертвых душ» // RBC daily <http://www.rbcdaily.ru/archive/2003/04/25/40679_25.04.2003>.

³⁴¹ Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане... С. 72.

³⁴² *Витковская Г.* Миграции в Россию с Южного Кавказа // Русская Цивилизация. Информационно-аналитический и энциклопедический портал <<http://www.rustrana.ru/print.php?nid=5362>>.

³⁴³ См., напр.: Ежегодно в Россию въезжает более 20 миллионов мигрантов // DPRU <<http://www.dpru.ru/mosk/news/politics/2006/07/06/98911/>>, 6.07.2006.

³⁴⁴ Более 100 миллионов человек проследовали через пункты пропуска // Пограничная служба ФСБ <<http://www.fps.fsb.ru/fps.nsf/all/E62765891CC32FB4C325710600344DAF?OpenDocument>> 25.01.2006.

³⁴⁵ *Горянин А.* Миграционная ловушка // Движение против нелегальной миграции <<http://www.dpni.org/index.php?0+227>>, 2.06.2006.

³⁴⁶ Рассчитано по данным Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг., Всероссийской переписи населения 2002 г. (Источник информации: Демоскоп Weekly <<http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>>); материалам статистических комитетов Азербайджана <<http://www.azstat.org/publications/azfigures/2006/en/004.shtml>>, Армении <<http://www.docs.armstat.am/census/rus.php>>, Белоруссии <<http://www.belstat.gov.by/homep/ru/indicators/population.php>>, Казахстана <<http://www.stat.kz/>>, Молдавии <<http://www.statistica.md/dates.php?lang=ru&ct=21>>, Украины <<http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/>>, сайта «Ежегодник Центрального разведывательного управления США» <<https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/index.html>>.

³⁴⁷ Использованы данные Всесоюзной переписи 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2002 г. (Источник информации: Демоскоп Weekly <<http://demoscope.ru/weekly/pril.php>>).

³⁴⁸ Президент Азербайджана И. Алиев (число постоянно отсутствующих в Азербайджане граждан трудоспособного возраста, декабрь 2006). См.: Президент Азербайджана: Численность проживающих в России азербайджанцев завышена // Информационное агентство REGNUM <www.regnum.ru/news/760560.html>, 25.12.2006.

³⁴⁹ Зам. директора Федеральной миграционной службы МВД РФ В. Поставнин (ноябрь, 2006). См., напр.: Бизнес-Журнал <<http://www.business-magazine.ru/news/>>, 2006.11.21.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане... С. 76.

³⁵² Оценка Государственной миграционной службы Молдавии. Цит. по: Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане... С. 78.

³⁵³ Там же. С. 77.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Оценка на 2002 г. См.: *Воробьева О.* и др. Указ. соч.

³⁵⁶ Глава ФМС Константин Ромодановский — на «круглом столе» в Госдуме: «10,2 млн нелегальных мигрантов (по итогам прошлого года) живет в России» // Московский Комсомолец <<http://www.mk.ru/numbers/2493/article87758.htm>>, 5.12.2006.

³⁵⁷ *Мкртчян Н.* Указ. соч.

³⁵⁸ См.: Пограничники Северного Кавказа предотвратили вывоз за рубеж более 50 кг драгоценных металлов // <ROL.RU http://www.rol.ru/news/misc/news/01/12/25_102.htm>, 25.12.2001.

³⁵⁹ Официальные сообщения Краснознаменного Северо-Кавказского регионального пограничного управления ФСБ Российской Федерации. Архив (01.01.04—31.12.04 г.). — Краснознаменное Северо-Кавказское региональное пограничное управление ФСБ России, <<http://www.skru.stavkray.ru/arhive/arhive14.htm>>.

³⁶⁰ В зоне ответственности СКПУ ФСБ РФ в январе—марте 2006 года выявлено около 600 нарушителей государственной границы // ФСБ глазами средств мас-

совой информации: Граница <<http://www.fsb.ru/smi/ufsb/2006/060418-3.html>>, 28.11.2006

³⁶¹ В 2005 г. в зоне ответственности ПУ ФСБ по Северо-Западному федеральному округу было задержано 1400 нарушителей госграницы и свыше 2 тыс. нарушителей пограничного режима // ФСБ глазами средств массовой информации: Граница <<http://www.fsb.ru/smi/ufsb/2006/060112-4.html>>, 28.11.2006.

³⁶² Пограничники реорганизуются // Газета «Коммуна» <<http://www.voronezh.ru/inform/news/2004/33991963.html>>, 23.01.2004.

³⁶³ Восемь уголовных дел возбуждено в отношении пограничников-взяточников на российско-казахстанской границе // Интерфакс—Урал <<http://www.interfax.ru>>, 24.12.2004; Астраханская область. Визит начальника Северо-Кавказского отделения ФПС // REGNUM-ВолгаИнформ <<http://www.volgainform.ru/allnews/79821/>>, 13.01.2003.

³⁶⁴ См., напр.: В Хабаровске подведены итоги работы ДВ регионального управления ФПС РФ // Хабаровск-Новости <<http://www.news.khb.ru/print.php3?news=1911>>, 28.12.2001; Служба — дни и ночи // Алтайская правда <<http://www.ap.altairegion.ru/017-02/5.html>>, 23.01.2002. См.: Региональное пограничное управление ФСБ России по Дальневосточному федеральному округу, Агентура.ру <<http://www.agentura.ru/dossier/russia/fsb/structure/ps/rpudfo/>>.

³⁶⁵ См.: *Голубев А.* Заслон на пути афганских наркотиков // Пограничник Содружества. 2006. Апрель—июнь. С. 28.

³⁶⁶ См.: Главная задача выполнена // Пограничник Содружества. 2006. Январь—март. С. 25.

³⁶⁷ Более 100 миллионов человек проследовали через пункты пропуска // Пограничная служба ФСБ <<http://www.fps.fsb.ru/fps.nsf/all/E62765891CC32FB4C325710600344DAF?OpenDocument>>, 25.01.2006.

³⁶⁸ *Гришин М. Л., Губченко В. Н., Дмитриев В. А.* и др. Проблемы пограничной политики государства и пути их решения. М.: Изд. группа «БДЦ-пресс», 2001. С. 81.

³⁶⁹ См.: Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М.; Волгоград, 2002. С. 433.

³⁷⁰ Итоги работы Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России за 2004 год, <http://www.customs.ru/ru/right_def/fight_with_contraband/index.php?&date286=200507&id286=8724>.

³⁷¹ См.: Восемь уголовных дел...

³⁷² См., напр.: Подлое племя // Наркомат. 2003. № 1. С. 58—61.

³⁷³ *Bigo D.* Security, Borders, and the State // Borders and Border Regions in Europe and North America / Ed. by Paul Ganster, Alan Swedler, James Scott, Wolf-Dieter Eberwein. San Diego: San Diego University Press, 1997. P. 81—104.

³⁷⁴ Обзор деятельности таможенных органов по борьбе с контрабандой наркотиков в 2003 году <http://www.customs.ru/ru/right_def/index.php?part592=10>.

³⁷⁵ Сибирские таможенники противостоят наркотрафику // <<http://www.tks.ru/cgi-bin/text.pl?id=yandex&file=200606260011>>, 26.06.2006; Уральская таможня провела более 850 мероприятий, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков // <http://www.uralspress.ru/show_art.phtml?id=95734>, 27.06.2006.

³⁷⁶ Оценка сделана на основе ивент-анализа 223 фактов задержаний наркотиков на российско-казахстанской границы в период с 1999-го по сентябрь 2004 г.

³⁷⁷ См., напр.: Таджикские мигранты и Россия <<http://www.khovar.tj/index.php?CatID=28&id=5135>>, 29.09.2004.

³⁷⁸ На страже российских рубежей. Из материалов встречи директора Федеральной пограничной службы России генерал-полковника К. В. Тощого с российскими журналистами центральных СМИ 27 мая 2002 г. // Пограничная служба ФСБ РФ <<http://www.fps.fsb.ru/>>.

³⁷⁹ Муллаянов Р. Ш. Актуальные проблемы пограничной политики современной России // Границы безопасности и безопасность границ / Под ред. В. Е. Хвощева и Р. Ш. Муллаянова. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2001. С. 48.

³⁸⁰ См., напр.: Ишимскому погранотряду для эффективной защиты границы не хватает запчастей // «Вслух.ru», Тюменская региональная газета. 2004. 2 сентября. <http://www.vsluh.ru/art.shtml?num=60216&showsection=2_>.

³⁸¹ Волгоградская правда. 2001. 29 ноября.

³⁸² Губайдулин О. Чеченский вопрос. *Crime.kz*, 2003. 18 февраля, <www.crime.kz>.

³⁸³ Представители российских и казахстанских спецслужб не выявили в Казахстане баз чеченских боевиков // Комитет национальной безопасности Республики Казахстан. 2003. 15 июля. <http://www.knb.kz/index.php?parent_id=1016251259&date=&chapter=1058245731>.

³⁸⁴ Анализ проблем безопасности с 4 по 10 ноября // Агентство политических новостей <<http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=48945&print=Y>>; Контрразведка докладывает // Эксперт Online. 2006. 7 ноября, <<http://www.expert.ru/newsmakers/2006/11/07/patr/>>.

³⁸⁵ Так, по данным казахстанской переписи 1999 г. в единственном граничащем с Волгоградской областью Джаныбекском районе Западно-Казахстанской области проживало всего 42 чеченца. Автор благодарен профессору Западно-Казахстанского государственного университета М. Н. Сдыкову за любезно предоставленную информацию.

³⁸⁶ Растет преступность, связанная с иностранцами // Демоскоп-Weekly <<http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0135/barom06.php>>.

³⁸⁷ Рассчитано по: Каждое пятое преступление в столице совершается иностранцами <<http://www.newsru.com/crime/07dec2004/stat.html>>, 7.12.2004; Нужно ли ограничить въезд мигрантов в Подмоскovie? // Агентство новостей Подмоскovie <http://www.mosoblpress.ru/show.shtml?d_id=8672&type=article>, 30.05.2005, а также информации Федеральной службы государственной статистики РФ.

³⁸⁸ См., напр.: В РФ в 2005 г. работало 10,2 млн нелегальных трудовых мигрантов // Альянс Медиа <<http://www.allmedia.ru/newsitem.asp?id=784700>>, 4.12.2006.

³⁸⁹ Число зарегистрированных преступлений // Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi?pl=2318001>.

³⁹⁰ Выступление директора Федеральной миграционной службы России генерал-лейтенанта милиции Константина Ромодановского на 3-й Международной конференции «Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма» // Министерство внутренних дел Российской Федерации <<http://www.mvd.ru/press/interview/4437/>>, 2.11.2006.

³⁹¹ См.: В эти дни... // Интер <<http://www.inter-volgograd.ru/second.shtml?id=2834>>, 28.12.2006.

³⁹² См.: *Амелин В. В.* Толерантность принимающего общества по отношению к иноэтническим мигрантам // Центр миграционных исследований <http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg01.php>.

³⁹³ См., напр.: Государственный интернет-канал «Россия», «Атипичная пневмония на границе», 12 мая 2003 <<http://www.vgtrk.com/rnews.html?sid=86&id=11352&date=12-05-2003>>.

³⁹⁴ На границе время перемен. Интервью первого заместителя Директора — руководителя Пограничной службы ФСБ России генерала армии В. Е. Пронищева // Аргументы и факты. 2007. 30 мая. <<http://www.fps.fsb.ru/>>.

³⁹⁵ Указ Президента РФ от 28.05.2003 № 581 «О Государственной пограничной комиссии», Указ Президента РФ от 23.09.2004 № 1212 «Об утверждении состава Государственной пограничной комиссии по должностям» // <<http://www.fps.fsb.ru/fps.nsf>>.

³⁹⁶ Заседание Государственной пограничной комиссии от 21 марта 2007 г. // <<http://www.fps.fsb.ru/fps.nsf>>.

³⁹⁷ Президенты России и Украины подписали договор о государственной границе // <<http://www.lenta.ru/russia/2003/01/28/frontier/>>.

³⁹⁸ Соглашение и Концепция формирования Единого экономического пространства (Ялта, 19 сентября 2003 г.) // <<http://www.profjur.ru/?name=getall&showit=6356>>.

³⁹⁹ Великое объединение?! 04.2004, 14–24, Деловая неделя // <http://www.dn.kiev.ua/Analytics/Union27_4.html>.

⁴⁰⁰ Справка к Федеральному закону «О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о безвизовых поездках граждан Российской Федерации и Украины от 16 января 1997 года», 19.11.2004 // <<http://www.kremlin.ru/text/docs/2004/11/79644.shtml>>.

⁴⁰¹ Границы России // Отечественные записки. 2002. № 6 <<http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=305>>.

⁴⁰² Справка РПУ ФСБ России по ЦФО. 2007. Июль.

⁴⁰³ Интервью начальника Регионального пограничного управления ФСБ России по ЦФО генерал-лейтенанта А. Н. Баранова // Молодой Коммунар. 2007. Февраль.

⁴⁰⁴ Справка РПУ ФСБ России по ЦФО. 2007. Июль.

⁴⁰⁵ Граница и время. Как живете-служите, пограничники? Интервью начальника Западного регионального пограничного управления ФСБ России от 21.02.2007. // <<http://www.communa.ru/news/detail.php?ID=19586>>.

⁴⁰⁶ Интервью... генерал-лейтенанта А. Н. Баранова.

⁴⁰⁷ Граница и время...

⁴⁰⁸ Из материалов УФМС России по Воронежской области.

⁴⁰⁹ Отчет о визовой и регистрационной работе за январь—июнь 2006 г. УФМС России по Воронежской области. Форма 1-ВИР.

⁴¹⁰ Докладная записка главе Администрации Воронежской области В. Г. Кулакову от 24.12.2002 // Из материалов Управления по делам миграции ГУВД Воронежской области.

⁴¹¹ См.: Пограничная служба ФСБ РФ // <<http://www.fps.fsb.ru>>.

⁴¹² Интервью руководителя группы общественных связей Регионального погрануправления ФСБ России по Центральному федеральному округу Юрия Роменского газете «Коммуна» <<http://www.communar.ru/news/detail.php?ID=4673>>.

⁴¹³ По материалам УФМС России по Воронежской области.

⁴¹⁴ Миграционная карта — обязательный документ, помимо паспорта, который должен иметь каждый иностранец, прибывающий в РФ, независимо от цели приезда. Миграционные карты были введены в оборот Распоряжением Правительства РФ от 09.11.2002 г. № 1549-Р и Межведомственного приказа от 11.11.2002 г. № 1095/16531/143/49/1189/692 (МВД, МИД, Минтранс, МПС, ГТК, ФПС России) «О введении в действие миграционных карт». В 2004 г. были разработаны Правила использования миграционной карты, которые были введены в обращение с 1 января 2005 г. В 2006 г. бланк миграционной карты был усовершенствован. Миграционная карта предусмотрена для одного посещения России. Она действительна в течение всего срока пребывания иностранного гражданина. По сложившейся практике иностранец получает миграционную карту либо при пересечении границы, либо в поезде или самолете и, заблаговременно заполнив ее, на границе делает отметку о въезде. При выезде карта сдается пограничникам, и в ней также делается соответствующая отметка.

⁴¹⁵ Канарейкин А. Д. Проблемы иммиграционного контроля на территории Воронежской области и в приграничной зоне // Канарейкин А. Д., Черный А. С. Политические, социально-экономические и культурные аспекты сотрудничества России и Украины: История и современность. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 209.

⁴¹⁶ Граница и время...

⁴¹⁷ Приказ ФСБ РФ от 2 июня 2006 г. № 246 «О пределах пограничной зоны на территории Воронежской области» // Федеральная пограничная служба РФ <<http://www.fps.fsb.ru>>.

⁴¹⁸ Интервью... Юрия Роменского...

⁴¹⁹ Сергей Аргоболевский: решениям властей недостает экспертизы (28.08.06), <<http://www.rusrev.org/content/news/default.asp?shmode=2&ids=121&ida=1327>>.

⁴²⁰ Сергей Переслегин: Расширение погранзоны может снизить ВВП России (28.08.06), <<http://www.rusrev.org/content/news/default.asp?shmode=2&ids=121&ida=1331>>.

⁴²¹ По данным Северо-Кавказского регионального управления ФПС РФ.

⁴²² Цифры 283 (граница с Азербайджаном) и 723 км (с Грузией) приводят составители географического сайта World Wide Geography — Всемирная география; см.: <<http://www.wg.far.ru>>. Данные, согласно которым протяженность границ составляет соответственно 328 и 798 км, фигурируют в справочной информации МИД РФ (см.: <http://www.in.mid.ru>). По данным грузинских источников, длина границы Грузии с Россией составляет 906 км <http://www.segodnya.ru/w3s.nsf/Archive/2000_53_polit_col_vignanskii1.html>. Цифрой 350 км оценивается протяженность границы между Россией и Азербайджаном на сайте <<http://www.rosned.ru>>. Следует сделать поправку на то, что некоторые из приведенных оценок могут включать данные по водным участкам на Каспийском и Черном морях.

⁴²³ Всероссийская перепись населения 2002 года <<http://www.perepis2002.ru>>.

⁴²⁴ CIA — The World Factbook <<http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/fields/2096.html>>.

⁴²⁵ Справочная информация Четвертого департамента СНГ МИД РФ (2001 г.) // <<http://www.ln.mid.ru>>.

⁴²⁶ Хроника важнейших событий истории Краснознаменного Северо-Кавказского регионального пограничного управления ФСБ России с 1723 по 2005 год // Краснознаменное Северо-Кавказское региональное пограничное управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации <<http://www.skru.stavkray.ru/hronika2.htm>>.

⁴²⁷ См., напр.: *Попов А.* Граница как фактор региональной политики в Краснодарском крае // <<http://www.alanianet.ru/neokavkaz/n4/4-9.htm>>. Следует отметить, что в период обострения чеченского конфликта в конце 1990-х гг. роль гендерного фактора в трансграничной миграции была довольно велика и на чеченском участке российско-грузинской границы, ибо грузинские пограничники пропускали на свою территорию только женщин и детей.

⁴²⁸ См.: *Щеголева И.* Порядок на границе — спокойствие в городе // Черноморская здравница. 1996. 2 марта; *Она же.* А на границе все равно спокойно... // Черноморская здравница. 1998. 27 мая.

⁴²⁹ *Пятков Д.* Пограничник — это звучит гордо // Черноморская здравница. 1999. 4 марта.

⁴³⁰ *Е. З.* Смертельный выстрел // Сочи. 1996. № 32. 9—15 августа. С. 2.

⁴³¹ *Сизов И.* Граница, как всегда, на замке // Вольная Кубань. 2004. 30 марта. С. 2.

⁴³² Там же; *Мохов В.* Во избежание гуманитарной катастрофы на абхазском и осетинском участках российско-грузинской границы сохранен безвизовый режим // Красная звезда. 2001. 4 января.

⁴³³ *Витковская Г.* Указ. соч.

⁴³⁴ Безвизовый режим Россией был сохранен лишь в отношении жителей Абхазии и Южной Осетии. В сентябре 2001 г. стороны пошли на введение упрощенного режима пересечения границы жителями Северной Осетии и Казбегского района Грузии. Жителям этих районов было предоставлено право находиться на сопредельной территории в течение 10 суток.

⁴³⁵ См.: Президент Азербайджана И. Алиев (число постоянно отсутствующих в Азербайджане граждан трудоспособного возраста, декабрь 2006). См.: Президент Азербайджана: Численность проживающих в России азербайджанцев завышена // Информационное агентство REGNUM <www.regnum.ru/news/760560.html>, 25.12.2006.

⁴³⁶ Зам. директора Федеральной миграционной службы МВД РФ. В. Поставнин (ноябрь, 2006). См., напр.: Бизнес-Журнал <<http://www.business-magazine.ru/news/2006/11/21/>>.

⁴³⁷ *Грунин В. Ф.* Абхазия: Цена независимости <http://www.e-journal.ru/p_bzarub-st2-5.html>.

⁴³⁸ См.: Прозрачные границы: Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ РФ / Под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М.; Волгоград, 2002. С. 342.

⁴³⁹ Данная зона включала границы с Грузией и Азербайджаном, краснодарский и ростовский участки границ с Украиной и астраханский участок границы с Казахстаном.

⁴⁴⁰ Официальные сообщения Краснознаменного Северо-Кавказского регионального пограничного управления ФСБ Российской Федерации. Архив (01.01.04—

31.12.04 г.) // Краснознаменное Северо-Кавказское региональное пограничное управление ФСБ России <<http://www.skru.stavkray.ru/arhive/arhive14.htm>>.

⁴⁴¹ Там же.

⁴⁴² *Котляров А.* Тревожные будни «Волгоградской» // Черноморская здравница. 1999. 19 марта.

⁴⁴³ См., напр.: *Полов В.* Секрет в конце тоннеля // Пограничник. 1999. № 7. С. 6–7.

⁴⁴⁴ См.: *Огрызко В.* Золотой мост // Литературная Россия. 2000. 14 июля. <<http://www.litrossia.ru/archive/5/law/73.html>>.

⁴⁴⁵ См., напр.: *Война в Чечне стала международным бизнесом* // ROL.RU <http://www.rol.ru/news/misc/news/01/06/26_077.htm>.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Интервью первого заместителя директора ФПС России — начальника Главного штаба генерал-полковника Н. С. Резниченко журналу «Братишка», май 2002 г. // Пограничная служба ФСБ Российской Федерации <<http://www.fps.ru>>.

⁴⁴⁸ Как нам обустроить границу. Пограничной службой ФСБ выработаны новые приоритеты. Интервью заместителя руководителя Пограничной службы — генерал-майора Н. Н. Рыбалкина // Красная звезда. 2004. 13 ноября.

⁴⁴⁹ *Сизов И.* Граница, как всегда, на замке // Вольная Кубань. 2004. 30 марта. С. 2.

⁴⁵⁰ См., напр.: По утверждению путешествовавших через границу в 2003 г. граждан РФ, у них пытались вымогать деньги отдельные представители таможенных органов с обеих сторон, особенно азербайджанской. См.: *Жвирблис Д.* Азербайджанская республика <<http://www.africa.travel.ru/Azia/Azerbaijan.htm>>.

⁴⁵¹ На российско-азербайджанской границе открывается новый пропускной пункт // Виртуальная таможня <http://www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi?table_code=12&action=show&id=3256>, 16.05.2003

⁴⁵² См.: Растет число перемещающихся через российско-азербайджанскую границу // РИА-Дагестан <<http://www.riadagestan.ru/rubric.php?name=law&new=13462&portion=91#>>, 31.01.2006

⁴⁵³ Так, после произошедшего в сентябре 2004 г. теракта в Беслане пропуск людей и грузов через кавказские рубежи на некоторое время был резко ограничен. Эти ограничения действовали до конца октября того же года.

⁴⁵⁴ Например, летом 2006 г. Россия закрыла до 2008 г. контрольно-пропускной пункт «Верхний Ларс» по официальной версии в связи с ремонтом. Это решение связывается наблюдателями с ухудшением российско-грузинских отношений. Подробнее см., напр.: Российско-грузинский таможенный пункт «Верхний Ларс» будет закрыт до 2008 года // ВЭД Консалтинг <<http://www.vedco.ru/news/detail.php?id=8715>>, 12.03.2007.

⁴⁵⁵ *Лопашенко Н. А.* Указ. соч.

⁴⁵⁶ Наблюдение и опрос в с. Веселое Краснодарского края проведены С. В. Голуновым и В. А. Смирновой 21 июня 2005 г.

⁴⁵⁷ См., напр.: *Перевозкина М.* Каспийский Вавилон // Московский Комсомолец. 2003. 10 июня. <<http://www.mk.ru/numbers/363/article12290.htm>>.

⁴⁵⁸ По утверждению путешествовавших через границу в 2003 г. граждан РФ, у них пытались вымогать деньги отдельные представители таможенных органов с обеих сторон, особенно азербайджанской. См.: *Жвирблис Д.* Азербайджанская республика // <<http://www.africa.travel.ru/Azia/Azerbaijan.htm>>.

⁴⁵⁹ См., напр.: *Бельдюгина Л.* Унижение без границ. Майор милиции оказался бессилем перед вымогателями в погонах // *Российская газета*. 2003. 7 октября <<http://rg.ru/2003/10/07/Unijenie.html>>; На посту «Яраг-Казмаляр» таможенники и милиционеры взяли с поличным взяточника // *Трейд Кастомс* <<http://www.tdks.ru/?act=news&id=3833>>, 12.12.2005.

⁴⁶⁰ См., напр.: *Хроники «Казбекиады дружбы — 2004»* // <<http://www.tourism.kuban.ru/forpost/xronik1.htm>>.

⁴⁶¹ Так, по утверждению азербайджанского источника, в августе 2005 г. «такса» за разрешение провоза тюка с товарами широкого потребления (одежды) из Азербайджана в Россию составляла 1000–1500 руб. См.: Россия искусственно создает напряженность на границе с Азербайджаном // *Day.Az — Информационный портал* <<http://www.day.az/print/news/politics/28967.html>>.

⁴⁶² См., напр.: *Перевозкина М.* Указ. соч.; *Бельдюгина Л.* Указ. соч.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Большой протяженностью обладает лишь граница между США и Канадой (8893 км), но из них 2477 км приходится на участок канадской границы с Аляской. См.: Central Intelligence Agency, “The World Factbook”. 2006 <<http://www.cia.gov/factbook.html/>>.

⁴⁶⁵ Так, в конце 2001 г. оценочная цифра, фигурирующая в официальной информации ФПС, составляла 7598,6 км. См.: *Рубан О.* Безграничные просторы Отчизны // *Эксперт*. 2001. 17 декабря. С. 62.

⁴⁶⁶ Рассчитано по: *Человек и граница. Российско-Казахстанское приграничье. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения* / Под ред. В. Е. Хвощева и Р. Ш. Муллаянова. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2001. С. 6, 11, 14–16, 24, 29, 34, 43, 48; а также по данным автора.

⁴⁶⁷ См.: База данных: Пограничные пункты пропуска // ISSA.RU <<http://www.issa.ru/forms/kpp/>>.

⁴⁶⁸ *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 1. Численность и размещение населения.* М.: Федеральная служба государственной статистики, б.г. (CD-ROM).

⁴⁶⁹ Рассчитана по материалам сайтов: Атырауское областное управление статистики <<http://www.atyrau.stat.kz>>; Восточно-Казахстанское областное управление статистики <<http://www.shygys.stat.kz>>; Западно-Казахстанское областное управление статистики <<http://www.batys.stat.kz>>; Костанайское областное управление статистики <<http://www.kostanai.stat.kz>>; Павлодарское областное управление статистики <<http://www.pavlodar.stat.kz>>; Северо-Казахстанское областное управление статистики <<http://www.soltustik.stat.kz>>; Brief Research Group <<http://www.brif.kz>>.

⁴⁷⁰ Рассчитано по: *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство.* М.: Федеральная служба государственной статистики, б.г. (CD-ROM); *Национальный состав населения субъектов Российской Федерации* // *Всероссийская перепись населения 2002 года* <http://www.perepis2002.ru/ct/doc/natcsostav_00.xls>; *Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан.* Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000; *Регионы Казахстана, 2003. Статистический сб.* Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2003. С. 50–66.

⁴⁷¹ К сожалению, не имея точной информации о числе трансграничных путешественников, автор был вынужден пользоваться информацией по отдельным участкам и в некоторых случаях экстраполировать данные за полгода на годовой период. Этим объясняется недостаточная точность сделанной им оценки. Следует учитывать, что речь идет именно о количестве пересечений, так как многие люди пересекали границу по несколько раз.

⁴⁷² Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане: Аналитический обзор. Алматы: Международная организация по миграции, 2005. С. 77.

⁴⁷³ Там же. С. 76.

⁴⁷⁴ Для оценки автором были сделаны условные допущения о том, что общее число пересечений границы в год составляет 10 млн и что статистика правоохранительных органов фиксирует лишь по 1% совершаемых на границе уголовных преступлений и административных правонарушений.

⁴⁷⁵ Восемь уголовных дел возбуждено в отношении пограничников-взятчиков на российско-казахстанской границе // Интерфакс — Урал <<http://www.interfax.ru>>, 24.12.2004.

⁴⁷⁶ REGNUM-ВолгаИнформ, «Астраханская область. Визит начальника Северо-Кавказского отделения ФПС», 2003. 13 января. <<http://www.volgainform.ru/allnews/79821/>>.

⁴⁷⁷ Известия. 1999. 29 декабря.

⁴⁷⁸ Рубан Л. Указ. соч. С. 68.

⁴⁷⁹ См.: Соколов-Митрич Д. Рубеж инкогнито // Известия. 2001. 11 июля. С. 7.

⁴⁸⁰ «Понаехали тут! Новая миграционная политика: За и против» // Bigland.ru, 10.06.2002 <<http://www.bigland.ru/press.asp?kind=look&id=232>>.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² См., напр.: Там же; Мекшиева А. Сами мы не местные // Караван. 2001. 13 июля.

⁴⁸³ См., напр.: Фомин С. С. О русской национальной идее // Русский дом. 2002. № 9 <<http://www.russdom.ru/2002/200209i/20020938.html>>.

⁴⁸⁴ Муллаянов Р. Ш. Актуальные проблемы пограничной политики современной России // Границы безопасности и безопасность границ / Под ред. В. Е. Хвощева и Р. Ш. Муллаянова. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2001. С. 48.

⁴⁸⁵ См., напр.: Ишимскому погранотряду для эффективной защиты границы не хватает запчастей // Вслух.ru, Тюменская региональная газета. 2004. 2 сентября. <http://www.vsluh.ru/art.shtml?num=60216&showsection=2_>.

⁴⁸⁶ См., напр.: Атипичная пневмония на границе // Государственный интернет-канал «Россия». 2003. 12 мая. <<http://www.vgtrk.com/mnews.html?sid=86&id=11352&date=12-05-2003>>.

⁴⁸⁷ Таджики захватили Транссибирскую магистраль // Gazeta.ru. 2002. 16 апреля. <<http://www.gazeta.ru/2002/04/16/last49169.shtml>>.

⁴⁸⁸ См.: Мясников В. С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М.: РИО Мособлупрполиграфиздата, 1996.

⁴⁸⁹ Мясников В. С. Указ. соч. С. 277.

⁴⁹⁰ Корейцы на российском Дальнем Востоке. Вторая половина XIX — начало XX в.: Документы и материалы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 42.

⁴⁹¹ *Нестерова Е. И.* Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (Вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 359.

⁴⁹² *Нестерова Е. И.* Указ. соч. С. 50.

⁴⁹³ *Позняк Т. З.* Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 267–268.

⁴⁹⁴ См.: *Воскресенский А. Д.* Китай и Россия: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Восток-Запад, 2004.

⁴⁹⁵ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1997. С. 174.

⁴⁹⁶ Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5. С. 21.

⁴⁹⁷ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики 14 октября 2004 г.; План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005–2008 годы) // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 6. С. 6–25.

⁴⁹⁸ См.: <<http://www.primorsky.ru>>, 26.06.2007.

⁴⁹⁹ См.: <<http://www.regions.ru/news/2083725/>>, 23.03.2006.

⁵⁰⁰ *Волхонский Б.* Беринг мой, Беринг ласковый // Коммерсантъ-Власть. 2007. 23 июля.

⁵⁰¹ *Сорокина Т. Н.* Китайская иммиграция на Дальний Восток России в конце XIX — начале XX в. // Исторический ежегодник. Омский гос. ун-т, 1999. С. 13–23.

⁵⁰² Использованы данные: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: В 14 т. Национальный состав и владение языком, гражданство. Т. 4. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Книги 1 и 2.

⁵⁰³ Конкурент. 2007. 1 мая.

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ См.: <www.regnum.ru/news/767666.html>, 17.01.2007.

⁵⁰⁶ См.: <www.regnum.ru/news/805555.html>, 2.04.2007.

⁵⁰⁷ Информация с сайта Комитета по экономике и инвестициям Правительства Ленинградской области <<http://www.lenobl-invest.ru/news/news/2004/09/17/events8304/print.phtml>>.

⁵⁰⁸ <<http://www.amurpravda.ru/articles/2007/02/01/13.html?print>>.

⁵⁰⁹ Строительство района «Большого Суйфэньхэ» в 2005 году <<http://www.chinazone.ru>>.

⁵¹⁰ Там же.

⁵¹¹ *Martinez Oscar J.* Border people. Life and society in the U.S.-Mexico borderlands. The University of Arizona Press, 1998. P. 5–10.

⁵¹² Критический анализ такого рода работ дается в статьях: *Ларин В.* Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: Ответ алармистам // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 76–112; *Переведенцев В.* Современная миграция населения России в освещении центральных газет // Миграция и информация / Под ред. Ж. Зайончковской. М., 2000. С. 32–64.

⁵¹³ Источник: Амурский статистический ежегодник. Благовещенск, 2006.

⁵¹⁴ *Ню Яньпин.* Трудовые ресурсы дальневосточного региона России и миграционный вопрос // Сибирские исследования. Харбин, 2006. Т. 33. № 3.

⁵¹⁵ Источник: Туризм в Амурской области. Благовещенск: Амурстат, 2003; Там же, 2005.

⁵¹⁶ Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В. И. Мукомея, Э. А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.

⁵¹⁷ Эксперт-Урал. 2005. № 3 (24–30 января). С 14.

⁵¹⁸ Там же. С. 11.

⁵¹⁹ Рассчитано на основе данных: Миграция населения Свердловской области в 2005 году... С. 60–61.

⁵²⁰ Данные Министерства экономики и труда Свердловской области <<http://www.midural.ru>>.

⁵²¹ В соответствии с Постановлением Министерства экономики и труда Свердловской области «Об утверждении порядка подготовки и рассмотрения предложений по определению квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности» (от 29 апреля 2003 г., № 23) все заявки на следующий год должны быть сформированы до 01.08.

⁵²² Данные Межведомственной комиссии при Правительстве Свердловской области по вопросам привлечения и использования иностранных работников <<http://www.midural.ru/minek/Migration/Migration.htm>>.

⁵²³ Рассчитано на основе: Миграция населения Свердловской области в 2005 году... С. 62.

⁵²⁴ В 2005 г. на строительные объекты привлекались как высококвалифицированные специалисты из Турции, КНДР, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении, так и неквалифицированная рабочая сила из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана.

⁵²⁵ Рассчитано на основе: Концепция миграционной политики Свердловской области (2003); Министерство экономики и труда Свердловской области <<http://www.midural.ru>>.

⁵²⁶ Рассчитано на основе: Миграция населения Свердловской области в 2004 году: Статистический сб. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 60.

⁵²⁷ Рассчитано на основе: Миграция населения Свердловской области в 2005 году... С. 61.

⁵²⁸ Рассчитано на основе заявок от работодателей в 2005, 2006 гг. (Министерство экономики и труда Свердловской области <<http://www.midural.ru>>).

⁵²⁹ Свердловская область, 2005. Социально-экономическое положение Свердловской области в январе—декабре, 2005. Екатеринбург, 2006. С. 7.

⁵³⁰ Свердловская область, I квартал 2006. Социально-экономическое положение Свердловской области. Январь—декабрь, 2005. Екатеринбург, 2006. С. 108–109.

⁵³¹ 28 марта 2007 г. в «РИА Новости» состоялся «круглый стол» на тему «Трудовая миграция и розничные рынки». Заместитель председателя Объединенной комиссии по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений при Совете Федерации Владимир Слуцкер отметил, что сейчас в России насчитывается около 6 тыс. розничных рынков, на которых занято 1,2 млн человек. «Рынки полностью одевают, обувают, кормят и поят все население России... Большинство потенциальных покупателей рынков — малообеспеченные россияне, поэтому любые непродуманные действия по регулированию рынков могут существенно подорвать их жизненный уровень», — отметил В. Слуцкер // Московское Бюро по правам человека. Хроника МБПЧ: март—апрель 2007 г. <<http://www.antirasizm.ru>>.

⁵³² *Дятлов В. И.* Предпринимательские меньшинства: Торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М., 1996. С. 154–204.

⁵³³ *Бредникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика: Сб. ст. по материалам между семинара / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. Центр независимых социологических исследований. Труды. СПб., 2000. Вып. 8. С. 47–53.

⁵³⁴ *Дятлов В. И.* Современные торговые меньшинства: Фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000. С. 114–141; *Дятлов В., Кузнецов Р.* «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: Из чего складывается стабильность. М.; Иркутск: Наталис, 2005. С. 166–187; *Dyatlov V. I.* The Chinese Migration to Siberia and the Beginning of the Formation of a New Diaspora // Current Research on Past and Present Asian and African Societies: Russian Oriental Studies / Ed. by Vitaly Naumkin. Leiden-Boston: Brill, 2004. P. 123–161.

⁵³⁵ *Тренин Д., Витковская Г.* Введение // Перспективы Дальневосточного региона: Китайский фактор. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 7; *Гельбрас В. Г.* Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. С. 51.

⁵³⁶ См., напр.: Советская молодежь. 6.08.1989; 27.06.1992; 3.11.1992.

⁵³⁷ Иркутская торговая газета. 15.04.2003; Пятница. 24.05.2002.

⁵³⁸ Иркутск. 18.04.2003; Комсомольская правда-Байкал. 27.09.2002.

⁵³⁹ Пятница. 1.02.2002; 24.05.2002.

⁵⁴⁰ Пятница. 1.02.2002; Иркутск. 22.02.2002; Известия/Иркутск. 8.05.200; Восточно-Сибирский «Шанхай». 2004. № 1. Ноябрь; Телеграмма председателя первичной профсоюзной организации «Торговое единство» М. М. Торопова Президенту РФ В. В. Путину (декабрь 2006).

⁵⁴¹ Иркутская торговая газета. 15.04.2003; Видеоканал. 2001. № 36; СМ-Номер один. 22.06.2001; Пятница. 11.10.2002; АС Байкал-ТВ. 26.02.2003; 29.04.2003; Копейка. 27.09.2002; Комсомольская правда-Байкал. 27.09.2002.

⁵⁴² СМ-Номер один. 18.08.2000; Пятница. 10.09.2004.

⁵⁴³ Коммерсантъ — Восточная Сибирь. 7.03.2003; Восточно-Сибирская правда. 18.09.2002; СМ-Номер один. 12.10.2000.

⁵⁴⁴ Подробнее см.: *Дятлов В.* Китайцы в Иркутске: Некоторые характеристики ситуации 1998–1999 гг. // Перспективы Дальневосточного региона: Китайский фактор. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 86–89.

⁵⁴⁵ СМ-Номер один. 22.04.1998; Иркутск. 18.05.1998.

⁵⁴⁶ СМ-Номер один. 7.09.2000; Известия-Иркутск. 26.09.2003; Пятница. 21.03.2003; Комсомольская правда-Приангарье. 24.04.2003, 14.05.2003; Информационное агентство Vaikalinfo. Новости Иркутска. Вып. 86 от 19.01.2004.

⁵⁴⁷ *Волков В.* Силовое предпринимательство. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.

⁵⁴⁸ Иркутская торговая газета. 27.05.2003.

⁵⁴⁹ Вечерний Иркутск. 1995. № 2; Копейка. 28.02.2003; АС Байкал-ТВ. 22.02.2003; Информ Полис. Улан-Удэ. 26.02.2003.

⁵⁵⁰ Что почем. 16.12.1999; Московский комсомолец в Иркутске. 9.12.1999.

⁵⁵¹ СМ-Номер один. 1.11.2001; 5.11.2001; 6.11.2001; 12.11.2001; Комсомольская правда-Байкал. 2.10.2001; Коммерсантъ—Восточная Сибирь. 3.11.2001.

- ⁵⁵² Восточно-Сибирские вести. 27.05.2003; Иркутск. 18.04.2003.
- ⁵⁵³ Китайский «синдикат» // Родная земля. 2001. № 10, 26 марта; *Богданов Л.* Вымогатель в полицейском мундире // Восточно-Сибирская правда. 12.03.2001.
- ⁵⁵⁴ Что почем. 16.12.1999.
- ⁵⁵⁵ *Лыкова М.* Время «челноков» на исходе // Вечерний Иркутск. 22.04.1995.
- ⁵⁵⁶ СМ-Номер один. 21.10.1998, 28.03.2002; Иркутская торговая газета. 15.04.2003.
- ⁵⁵⁷ Пятница. 1.02.2002.
- ⁵⁵⁸ АС Байкал-ТВ. 6.03.2003.
- ⁵⁵⁹ Что почем. 16.12.1999.
- ⁵⁶⁰ СМ-Номер один. 22.10.1999.
- ⁵⁶¹ Архив автора.
- ⁵⁶² Архив автора.
- ⁵⁶³ *Богданов Л.* Вымогатель в полицейском мундире // Восточно-Сибирская правда. 12.03.2001.
- ⁵⁶⁴ Иркутск. 18.04.2003; Пятница. 11.04.2003; СМ-Номер один. 10.04.2003; Восточно-Сибирская правда. 13.05.2003.
- ⁵⁶⁵ *Трифонов Е.* Шанхайское «ополчение» // Восточно-Сибирская правда. 2.11.2006.
- ⁵⁶⁶ РИА «Сибирские новости». Иркутск. 2006. 1 ноября; Телеграмма председателя первичной профсоюзной организации «Торговое единство» М. М. Торопова Президенту РФ В. В. Путину (декабрь 2006).
- ⁵⁶⁷ Восточно-Сибирский «Шанхай». 2004. № 1. Ноябрь.
- ⁵⁶⁸ *Трифонов Е.* Шанхайское «ополчение» // Восточно-Сибирская правда. 2006. 2 ноября; Наше дело. Информационный листок профсоюза Соцпроф предпринимателей и продавцов рынка «Шанхай»; Протокол общего собрания арендаторов МУП (28.09.2006). (Архив автора.)
- ⁵⁶⁹ *Петров А. И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 68.
- ⁵⁷⁰ Корейцы на российском Дальнем Востоке (II пол. XIX — нач. XX в.). Документы и материалы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 11.
- ⁵⁷¹ *Кузин А. Т.* Дальневосточные корейцы: Жизнь и трагедия судьбы (документально-исторический очерк). Южно-Сахалинск: Дальневост. книж. изд-во. Сахалинское отделение. Литературно-издательское объединение «ЛИК», 1993. С. 301.
- ⁵⁷² Там же. С. 231.
- ⁵⁷³ Справка Приморского краевого комитета государственной статистики. 2004.
- ⁵⁷⁴ *Забровская Л. В.* Россия и КНДР: Опыт прошлого и перспективы будущего (1990-е годы). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. С. 28.
- ⁵⁷⁵ *Бугай Н. Ф., Сим Хон Енг.* Общественные объединения корейцев России: Конститутивность, эволюция, признание. М.: Новый хронограф, 2004. С. 127.
- ⁵⁷⁶ *Истифеева Е.* Приключения иностранцев в России // Золотой Рог. 12.06.2007. С. 4.
- ⁵⁷⁷ Приморский край в 2001 году: Статистический сборник. Владивосток: Примкрайстат, 2002. С. 24.
- ⁵⁷⁸ Информация начальника отдела — заместителя начальника управления труда, занятости населения и демографической политики администрации Приморского края Е.Криворучко «Об изменении социально-демографической

ситуации в Спасском районе в связи с массовым прибытием лиц корейской национальности (1995 г.)». — Банк данных Центра изучения социальной истории и политики Института истории ДВО РАН.

⁵⁷⁹ Коре синмун. 10.06.2004. С. 1.

⁵⁸⁰ Утро России. 19.06.2007. С. 1.

⁵⁸¹ Бугай Н. Ф., Сим Хонг Енг. Указ. соч. С. 194.

⁵⁸² Тимохина Лариса. По обе стороны 38-й параллели // Утро России. 19.06.2007. С. 1.

⁵⁸³ Нам С. Г. Корейский национальный район: Пути поиска исследователя. М.: Наука, 1991. С. 21.

⁵⁸⁴ Бугай Н. Ф., Сим Хонг Енг. Указ. соч. С. 234.

⁵⁸⁵ Пак Ольга. Судьба корейской Дружбы // Золотой Рог. 19.09.2006. С. 6.

⁵⁸⁶ Там же. С. 6.

⁵⁸⁷ Коммерсант. 17.08.1996. С. 4.

⁵⁸⁸ Забровская Л. В. Указ. соч. С. 30.

⁵⁸⁹ Пак Ольга. Судьба корейской Дружбы // Золотой Рог. 19.09. 2006. С. 6.

⁵⁹⁰ Пак Ольга. «Дружба» налаживается // Золотой Рог. 5.06. 2007. С. 5.

⁵⁹¹ Жунусов Олег. Корейцев поселила «Дружба» // Известия. 1.08.06. <<http://www.izvestia.ru/russia/article3095156>>.

⁵⁹² Там же.

⁵⁹³ Нужны ли иммигранты... С. 82–87.

⁵⁹⁴ Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions: Scales, Discourses and Governance / Ed. by Perkmann M. Sum N.-L. Palgrave Macmillan (UK), 2002; Rodriguez N. The battle for the border: notes on autonomous migration, transnational communities, and the state // Social Justice. 1996. Vol. 23. No 3. P. 21 (17); Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной, О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004. <<http://www.cisr.ru/migration.html>>; Faist T. Transnationalization in international migration: implications for the study of citizenship and culture // Ethnic and Racial Studies. 2000. Vol. 23. No 2.

⁵⁹⁵ Ню Яньпин. Трудовые ресурсы дальневосточного региона России и миграционный вопрос // Сибирские исследования. Харбин, 2006. Т. 33. № 3; Рыжова Н. П. Благовещенск — форпост российской империи или зона свободной экономики? // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В. И. Дятлов, С. В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 202–225.

⁵⁹⁶ Гельбрас В. Г. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке // Отечественные записки. 2004. № 4: «Китайская миграция в Россию — это не стихийное переселение людей на новое место жительства, не поиск ими “земли обетованной”. Возникла специфическая форма движения рабочей силы, обслуживающей товарные потоки. Ныне китайские власти стали стимулировать трансграничные перемещения людей и товаров».

⁵⁹⁷ Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: Фактор стабильности или конфликта? Китайцы и кавказцы в Иркутске. М.: Наталис, 2000.

⁵⁹⁸ Рязанцев С. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. 2000. № 5.

⁵⁹⁹ Рыжова Н. П. Приграничная «народная торговля» в Благовещенске как форма китайско-российского симбиоза // Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 2003, № 2. С. 88–126; Рыжова Н. П. Трансграничный рынок в Благовещенске: Формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология. [Электрон. журн.]. 2003. Т. 4 (№ 5) <<http://www.ecsoc.msses.ru>>.

⁶⁰⁰ DiMaggio P., Powell W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // The New Institutionalism in Organizational Analysis / W. Powell, P. DiMaggio (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 64–65.

⁶⁰¹ Примером такой «ориентации» может служить ситуация «туристических ландшафтов, специально ориентированных в противоположном направлении. В мексиканском приграничье создается представление о Мексике как об особом месте реальности, мифов и фантазий, которое ориентировано вовне, преимущественно на туристов из США. См. об этом: Arreola D. D., Curtis J. R. Tourist Landscapes // U.S.-Mexico Borderlands. Historical and Contemporary Perspectives / Ed. by Oscar J. Martnez. Wilmington: SR Books (Jaguar Books on Latin America, 11), 1996. P. 236–243.

⁶⁰² Rodriguez N. The battle for the border: notes on autonomous migration, transnational communities, and the state // Social Justice. 1996. Vol. 23. No 3. P. 21: «В конце XX века создано множество иммигрантских поселений в США, так же как в других странах, что способствовало развитию транснациональных сообществ. Эти сообщества существуют между местами их нынешнего проживания и их родиной. ...Эти сообщества играли основную роль в упрощении иммиграции, обустройстве/поселении, выживании недокументированных лиц, пребывавших в США. По большому счету транснациональные сообщества выполняли свои функции социального посредничества через границы так, как будто эти границы не существовали».

⁶⁰³ Sassen S. The Global City: N.Y., London, Tokyo. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991.

⁶⁰⁴ См. более подробно об этом в ст.: Симутина Н. Л., Рыжова Н. П. От барьера к контакту: Подходы к исследованию трансграничного пространства Благовещенск—Хэйхэ // Вестник ДВО РАН, в печати.

⁶⁰⁵ Поскольку официальная статистика не позволяет оценить оборот между Благовещенском, использована альтернативная статистика — данные Центробанка РФ.

⁶⁰⁶ Цит. по: Симутина Н. Л., Рыжова Н. П. От барьера к контакту: Подходы к исследованию трансграничного пространства Благовещенск—Хэйхэ // Вестник ДВО РАН, в печати.

⁶⁰⁷ Цит. по: Симутина Н. Л., Рыжова Н. П. Указ. соч.

⁶⁰⁸ См., напр.: Верховин В. И., Верховин А. В. Посредническое поведение: Научное издание / Под ред. В. И. Зубкова. М.: Изд-во РУДН, 2005; Мигин С. В., Шестоперов А. М., Шестоперов О. М., Щитинин О. А., Полищук Л. И. Между частным сектором и государством: Рынок посредников в современной России. М.: МОНФ, НИСИПП, 2005.

⁶⁰⁹ Гунтыпова Э. Мигранты и диаспоры на Востоке России: Практики взаимодействия с обществом и государством / Редкол. В. И. Дятлов, И. Т. Абдулова,

М. Н. Ковальская, А. Ю. Охотников, Ю. Н. Пинигина, Н. П. Рыжова. М.; Иркутск: Наталис, 2007.

⁶¹⁰ Восточный курьер. 2006. № 34. 15 сентября.

⁶¹¹ См. гл. 4, § 2.

⁶¹² Телепорт. 14.04.2007.

⁶¹³ Амурская правда. 22.03.2007.

⁶¹⁴ Амурская правда. 4.03.2007.

⁶¹⁵ Партнеры <<http://www.partnery.cn>>, 3.04.2007.

⁶¹⁶ Комсомольская правда на Амуре. 15.06.2007.

⁶¹⁷ Комсомольская правда на Амуре. 19.06.2007: «Павильон — плати 550 тысяч! Аренду месяц плати — 40 тысяч. Электричество, охрана — плати три тысячи! А документы не дали!»

⁶¹⁸ Использована классификация, предложенная Р. Кокоревым. См.: *Кокорев Р.* Посредничество как институт рынка в переходных условиях. М., 1993. С. 27–28.

⁶¹⁹ «3 апреля. Народное правительство Хэйхэ. «В сфере подрядного строительства в России перед корпорацией «Хуафу» поставлена задача ввести на строительный рынок России других китайских строительных подрядчиков, увеличить возводимые площади до 200 тыс. кв. метров, а также количество экспортируемой в Россию рабочей силы. См.: <<http://www.chinazone.ru/i/cont/hh.htm>>.

⁶²⁰ «Приобретение и аренда недвижимости в Китае. Эффективное содействие Вашему бизнесу — организация бизнеса под “ключ”, поиск деловых партнеров и необходимой информации, реклама в китайских СМИ, юридическая и консультационная поддержка, организация поездок, переводы и другие необходимые услуги». См.: <<http://www.oknovkitai.ru/>>.

⁶²¹ *Козлов В. И.* Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. М., 1987.

⁶²² *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 12.

⁶²³ *Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 45.

⁶²⁴ Там же. С. 49.

⁶²⁵ *Репина Л. П.* Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 14.

⁶²⁶ *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 25.

⁶²⁷ *Рюзен Й.* Указ. соч.

⁶²⁸ *Хоперская Л. Л.* Этнические миграции на юге России в периоды изменения социальной структуры жизни // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа. Ростов-на-Дону, 2005. С. 100.

⁶²⁹ *Кон И.* Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9.

⁶³⁰ *Матвеев О. В., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н.* Этнические миграции на Кубани: История и современность. Краснодар, 2003. С. 152.

⁶³¹ *Рюзен Й.* Указ. соч. С. 43.

⁶³² Там же. С. 47.

⁶³³ *Дидерикс Г. А.* и др. От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия: Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 11–12.

⁶³⁴ *Kedourie E.* Nationalism. L., 1966. P. 41.

⁶³⁵ Более подробно об этом см.: *Апрыщенко В. Ю.* Нации и национализм в контексте исторической антропологии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2006. № 1.

⁶³⁶ *Ивахнюк И. В.* Международная трудовая миграция. М., 2005. С. 79.

- ⁶³⁷ Хоперская Л. Л. Указ. соч. С. 102.
- ⁶³⁸ Геллнер Э. Условия свободы. М., 2004. С. 90.
- ⁶³⁹ Дмитриев А. В., Слепцов Н. С. Конфликты миграции. М., 2004. С. 45.
- ⁶⁴⁰ Там же. С. 46.
- ⁶⁴¹ Ивахнюк И. В. Указ. соч. С. 67.
- ⁶⁴² Об этом см., напр.: Мукомель В. И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. № 2.
- ⁶⁴³ Заярный В. В. Современные формы взаимодействия православия, ислама и других конфессий в направлении стабилизации межэтнических конфликтов на юге России (Северном Кавказе) // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа. Ростов-на-Дону, 2005. С. 48.
- ⁶⁴⁴ Добаев И. П. Исламский фактор и проблемы национальной безопасности на юге России // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа. Ростов-на-Дону, 2005. С. 46.
- ⁶⁴⁵ Хоперская Л. Л. Указ. соч. С. 108.
- ⁶⁴⁶ Савва М. В., Савва Е. В. Пресса, власть и этнический конфликт (взаимосвязь на примере Краснодарского края). Краснодар, 2002. С. 148.
- ⁶⁴⁷ Мукомель В. И. Грани интолерантности...
- ⁶⁴⁸ Дмитриев А. В., Слепцов Н. С. Указ. соч. С. 86–87.
- ⁶⁴⁹ Хоперская Л. Л. Указ. соч. С. 108.
- ⁶⁵⁰ Дмитриев А. В., Слепцов Н. С. Указ. соч. С. 92.
- ⁶⁵¹ Доклад Председателя Правительства Российской Федерации М. Касьянова Президенту Российской Федерации В. В. Путину «О состоянии толерантности и профилактике экстремизма в российском обществе», приложения 1, 2 <http://www.tolerance.ru/fcp/hot_words/doklad-prav-01-04.html>.
- ⁶⁵² Левада Ю. А. От мнения к пониманию: Социологические очерки 1993–2000. М., 2000. С. 167.
- ⁶⁵³ Матвеев О. В., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н. Указ. соч. С. 160.
- ⁶⁵⁴ Дмитриев А. В., Слепцов Н. С. Указ. соч. С. 100.
- ⁶⁵⁵ См.: <<http://www.fmsrf.ru/index.asp>>.
- ⁶⁵⁶ Об этом см.: Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. 2002. № 3 (4); Штомпка П. Доверие: Социологическая теория / Реф. Н. Фреик // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3; Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 12–13.
- ⁶⁵⁷ Гудков Л. Антисемитизм в постсоветской России // Нетерпимость в России: Старые и новые фобии. М., 1999. С. 62.
- ⁶⁵⁸ Леонова А. Настроения ксенофобии и электоральные предпочтения в России в 1994–2003 гг. // Вестник общественного мнения. 2004 (Июль–август), № 4 (72). С. 84.
- ⁶⁵⁹ Всего было опрошено 4740 респондентов в общенациональной и семи региональных выборках. Объемы выборок по числу респондентов таковы: РФ — 680; Москва — 400; Московская область — 400; Волгоградская область — 650; Оренбургская область — 650; Краснодарский край (включая Республику Адыгея) — 650; Республика Татарстан — 650; Приморский край—660. Детальное описание исследования и базы данных см. на сайте Центра региональных и

трансграничных исследований (Волгоградского государственного университета. См.: <<http://www.transbound.narod.ru/macarthur/macintro.html>>).

⁶⁶⁰ *Thalhammer E., Zucha V., Enzenhofer E., Salfinger B., Ogris G.* Attitudes Toward Minority Groups in the European Union: A special analysis of the Eurobarometer 2000 opinion poll on behalf of the European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia <<http://www.sora.at>>, 10.08.2002.

⁶⁶¹ *Blumer H.* Race Prejudice as a Sense of Group Position // *Pacific Sociological Review*, 1958, No 1. P. 3–7; *Levine Robert A., Campbell Donald T.* Ethnocentrism. N.Y.: Wiley., 1972; *Bobo L. D.* 1999. Prejudice as Group Position: Microfoundations of a Sociological Approach to Racism and Race Relations // *Journal of Social Issues*. 1999. Vol. 55. No 3. P. 445–472.

⁶⁶² См.: *Dovidio J. F., Gaertner S. L.* Intergroup Bias: Status, Differentiation, and a Common In-Group Identity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 75. No 1. P. 109–120; *Tajfel H.* Experiments in Intergroup Discrimination // *Scientific American*. 1970. No 223. P. 96–102; *Vaughan G. M., Tajfel H., Williams J.* Bias in Reward Allocation in an Intergroup and an Interpersonal Context // *Social Psychology Quarterly*. 1981. No 44. P. 37–42. В литературе по сравнительной политике это основные теории, объясняющие этнические конфликты.

⁶⁶³ *Pettigrew T., Tropp L.* A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory. L., 2006.

⁶⁶⁴ *Herz J.* Rise and Demise of the Territorial State // *World Politics*. 1957. Vol. 9. No 4.

⁶⁶⁵ *Alexseev M.* Immigration Phobia and Security Dilemma. Russia, Europe, and the United States. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2006; *Alexseev M. A., Hofstetter C. R.* Russia, China, and the Immigration Security Dilemma // *Political Science Quarterly*. 2006. (Spring). No 1. P. 1–27.

⁶⁶⁶ Сила множественной регрессии состоит в том, что данный метод определяет эффекты каждой независимой переменной на зависимую, как будто влияние всех остальных независимых переменных одинаково. Это позволяет устранить эффекты случайных или «подложных» корреляций (spurious correlation), которые невозможно устранить с помощью обычного корреляционного анализа.

⁶⁶⁷ Используется комплексная переменная по результатам факторного анализа.

⁶⁶⁸ *Green D. P., Strolovich D. Z., Wong J. S.* Defended Neighborhoods, integration, and Racially Motivated Crimes // *American Journal of Sociology*. 1998. No 104. P. 372–403.

⁶⁶⁹ Статистическая значимость: *= $P < .05$, **= $P < .01$, ***= $P < .001$ (односторонний тест). Тесты на мультиколлинеарность показали, что последняя не является проблемой в данном регрессионном анализе. Числа в столбцах обозначают нестандартизированные коэффициенты регрессии с соответствующими значениями стандартных ошибок в скобках.

⁶⁷⁰ В дополнение, обе единицы измерения строго взаимно коррелируются, с коэффициентом корреляции Пирсона $R = .132$ при статистической значимости $p < .01$.

⁶⁷¹ Рассчитано по: Внешняя торговля Российской Федерации со странами дальнего зарубежья. — Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/25-05.htm>; Foreign Trade Statistics // U.S. Census Bureau <<http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/>>.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Амурский статистический ежегодник. Благовещенск, 2006.
2. Аналитическая записка «Об итогах переписи населения Приднестровской Молдавской Республики 2004 года». <Pridnestrovie.net, <http://www.pridnestrovie.net/files/pmr-census-2004.doc/>>.
3. Атырауское областное управление статистики <<http://www.atyrau.stat.kz>>.
4. База данных: пограничные пункты пропуска <ISSA.RU, <http://www.issa.ru/forms/kpp/>>.
5. Восточно-Казахстанское областное управление статистики <<http://www.shygys.stat.kz/>>.
6. Всероссийская перепись населения 2002 года <<http://www.perepis2002.ru/>>.
7. Всеукраинская перепись населения 2001 <<http://www.ukrcensus.gov.ua/>>.
8. Государственный комитет статистики Республики Таджикистан, «Таджикистан: 15 лет Государственной независимости». Душанбе, 2006.
9. Государственный статистический комитет Республики Азербайджан <<http://www.azstat.org/>>.
10. Государственный статистический комитет Республики Армения <<http://www.docs.armstat.am/>>.
11. Государственный статистический комитет Республики Беларусь <<http://www.belstat.gov.by/>>.
12. Государственный статистический комитет Республики Казахстан <<http://www.stat.kz/>>.
13. Государственный статистический комитет Республики Молдова <<http://www.statistica.md/>>.
14. Внешняя торговля Российской Федерации со странами дальнего зарубежья. — Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/25-05.htm/>.
15. Денежные переводы и их влияние на уровень жизни в Хатлонской области Республики Таджикистан. Аналитический отчет. МОМ. Центр «Шарк». Душанбе, МОМ, 2006.
16. Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. «В будущее без барьеров: Региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности». Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ, 2005.
17. Доклад Председателя Правительства Российской Федерации М. Касьянова Президенту Российской Федерации В. В. Путину «О состоянии толерантности и профилактике экстремизма в российском обществе», приложения 1, 2 <http://www.tolerance.ru/fcp/hot_words/doklad-prav-01-04.html>.
18. Ежегодник Республики Таджикистан 2004. Душанбе: Госкомстат РТ, 2004.
19. Западно-Казахстанское областное управление статистики <<http://www.batys.stat.kz/>>.

20. Информационный бюллетень по продовольственной безопасности и бедности в Республике Таджикистан. Душанбе: Госкомстат РТ, 2004. № 2.

21. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: В 14 т. Национальный состав и владение языком, гражданство. Т. 4. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Кн. 1 и 2.

22. Итоги работы Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России за 2004 год <http://www.customs.ru/ru/right_def/fight_with_contraband/index.php?&date286=200507&id286=8724>.

23. Костанайское областное управление статистики <<http://www.kostanai.stat.kz/>>.

24. Миграция населения Свердловской области в 2004 году: Статистический сборник. Екатеринбург, 2005. Ч. 2.

25. Межведомственная комиссия при Правительстве Свердловской области по вопросам привлечения и использования иностранных работников <<http://www.midural.ru/minek/Migration/Migration.htm/>>.

26. Министерство экономики и труда Свердловской области <<http://www.midural.ru>>.

27. Население Республики Таджикистан 2000 по итогам переписи 20–27 января 2000. Душанбе: Госкомстат РТ, 2002.

28. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000.

29. Национальный состав населения субъектов Российской Федерации. Всероссийская перепись населения 2002 года <http://www.perepis2002.ru/ct/doc/natsostav_00.xls/>.

30. Обзор деятельности таможенных органов по борьбе с контрабандой наркотиков в 2003 году <http://www.customs.ru/ru/right_def/index.php?part592=10/>.

31. Основные нормативно-правовые акты в сфере трудовой миграции стран Центральной Азии, Российской Федерации и Республики Беларусь. Бишкек, 2004.

32. Отчет по обследованию неформальной занятости в 4 пилотных районах Республики Таджикистан. Душанбе: АБР, 2002. С. 7.

33. Павлодарское областное управление статистики <<http://www.pavlodar.stat.kz/>>.

34. Пограничная служба ФСБ РФ <<http://www.fps.fsb.ru/>>.

35. Приказ ФСБ РФ от 2 июня 2006 г. № 246 «О пределах пограничной зоны на территории Воронежской области». Федеральная пограничная служба РФ <<http://www.fps.fsb.ru>>.

36. Приморский край в 2001 году: Статистический сборник. Владивосток: Примкрайстат, 2002.

37. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та.

38. ПРООН, Республика Таджикистан. Отчет по человеческому развитию. 1995.

39. Регионы Казахстана, 2003: Статистический сборник. Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2003.

40. Республика Таджикистан. Обновленная оценка бедности. 6 января 2005 г. Документ Всемирного Банка. Отчет № 30853-ТJ.

41. Свердловская область, 1-й квартал 2006. — Социально-экономическое положение Свердловской области. Январь — декабрь, 2005. Екатеринбург, 2006.
42. Свердловская область, 2005. Социально-экономическое положение Свердловской области в январе—декабре 2005. Екатеринбург, 2006.
43. Северо-Казахстанское областное управление статистики <<http://www.soltustik.stat.kz>>.
44. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики 14 октября 2004 г.; План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005—2008 годы). Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 6. С. 6—25.
45. Соглашение и Концепция формирования Единого экономического пространства (Ялта, 19 сентября 2003 г.) <<http://www.profjur.ru/?name=getall&showit=6356/>>.
46. Справка к Федеральному закону «О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о безвизовых поездках граждан Российской Федерации и Украины от 16 января 1997 года», 19.11.2004 <<http://www.kremlin.ru/text/docs/2004/11/79644.shtml/>>.
47. Статистический ежегодник РТ 2003. Душанбе: Госкомстат, 2003.
48. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. 2004. Душанбе: Госкомстат РТ, 2004.
49. Тенденции в области миграции в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Обзор за 2001—2002 годы. Женева: МОМ, 2002.
50. Туризм в Амурской области. Благовещенск: Амурстат, 2005.
51. Хроника важнейших событий истории Краснознаменного Северо-Кавказского регионального пограничного управления ФСБ России с 1723 по 2005 годы: Краснознаменное Северо-Кавказское региональное пограничное управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации <<http://www.skru.stavkrai.ru/hronika2.htm>>.
52. Человек и граница. Российско-Казахстанское приграничье. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения / Под ред. В. Е. Хвощева и Р. Ш. Муллаянова. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2001.
53. Численность населения Республики Узбекистан. 2004: Статистический сборник. Ташкент: Госкомстат Узбекистана, 2005.
54. Этнодемографический ежегодник Казахстана: Статистический сборник / Под ред. Ю. К. Шокаманова. Алматы, 2006.
55. Armenia: Human Development Report. 1996. Yerevan: UNDP, 1996.
56. CIA — The World Factbook <<http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/>>.
57. CIS Migration Report. 1996. Geneva, 1997.
58. Foreign Trade Statistics. U.S. Census Bureau <<http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/>>.
59. International Migration Report 2002. N.Y.: United Nations Department of Social and Economic Affairs, 2002. P. 2.
60. Pew Hispanic Center Factsheet. Pew Hispanic Center <<http://www.pewhispanic.org/files/factsheets/17.pdf>>.
61. UNHCR, Populations of Concern to UNHCR: A Statistical Overview. Geneva, May 1993.

62. UNHCR, Refugees and Others of Concern to UNHCR. 1996. Statistical Overview. Geneva, July 1997.

63. World Migration 2005: Costs and Benefits of International Migration. International Organization of Migration (Internet Edition) <http://www.iom.int/page_255/html/>.

64. 2006–2007 нянь: Чжунго нунцунь цзинцзи синши фэньси юй юйцэ. Люй пи шу. (Экономика китайской деревни в 2006–2007 гг. Зеленая книга). Пекин, 2007 <<http://www.people.com.cn/GB/61154/5660512/html>>.

65. Гуань юй линьсюань 2005 нянь «фу Э бай жэнь лю сюэ сяньму»люсюэ жэньюань ды тунцжи (Уведомление о наборе на 2005 г. согласно плану обучения в России ста студентов) <<http://www.csc.edu.cn/gb/admin/readarticle.asp?articleid=2112>>.

66. Цзю е лань пи шу. 2002 нянь: Чжунго цзю е баогао (Синяя книга. Отчет о занятости в 2002 г.). Пекин, 2003.

67. Чжунго тунцзи няньцзянь 2006 / Чжун хуа жэньминь гунхэго гоцзя тунцзи цзюй бянь (Китайский статистический ежегодник 2006 / Сост. Государственное статистическое бюро КНР). Пекин, 2006.

68. Чжунго тунцзи няньцзянь 2006 / Чжун хуа жэньминь гунхэго гоцзя тунцзи цзюй бянь (Китайский статистический ежегодник 2006 / Сост. Государственное статистическое бюро КНР). Пекин, 2006.

Литература

69. *Амелин В. В.* Толерантность принимающего общества по отношению к иноэтничным мигрантам // Центр миграционных исследований <http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg01.php/>.

70. *Апрыщенко В. Ю.* Нации и национализм в контексте исторической антропологии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2006. № 1.

71. *Бадурашвили И. Н., Гугушвили Т.* Вынужденная миграция в Грузии. Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999.

72. Беженцы и мигранты в странах СНГ: Материалы конференции. М., 1996.

73. *Бредникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика: Сб. ст. по материалам межд. семинара / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. Центр независимых социологических исследований. СПб, 2000. Вып. 8. С. 47–53.

74. *Бугай Н. Ф., Сим Хон Енг.* Общественные объединения корейцев России: Конститутивность, эволюция, признание. М.: Новый хронограф, 2004.

75. В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии / Под ред. А. Вяткина, Н. Космарской, С. Панарина. М., 1999.

76. *Васильева О.* Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993.

77. *Верховин В. И., Верховин А. В.* Посредническое поведение: Научное издание / Под ред. В. И. Зубкова. М.: Изд-во РУДН, 2005.

78. *Витковская Г.* Миграции в Россию с Южного Кавказа // Русская Цивилизация. Информационно-аналитический и энциклопедический портал <<http://www.rustrana.ru/print.php?nid=5362>>.

79. *Волков В.* Силовое предпринимательство. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.

80. Воробьева О., Гонтмахер Е., Зайончковская Ж., Рыбаковский Л. Россия: Миграционные вызовы XXI века. Русский архипелаг <<http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/doklad-csr-migration/>>.

81. Воскресенский А. Д. Китай и Россия: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Восток-Запад, 2004.

82. Геллнер Э. Условия свободы. М., 2004.

83. Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. С. 51.

84. Гельбрас В. Г. Миграция, преобразующая Китай // Азия и Африка сегодня. 2005. № 9, 10.

85. Гельбрас В. Г. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке // Отечественные записки. 2004. № 4.

86. Гельбрас В. Г. Россия в условиях китайской глобальной миграции. М., 2004.

87. Голунов С. В. Российско-казахстанская граница: Проблемы безопасности и международного сотрудничества. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2005.

88. Голунов С. В. Трансграничная наркоторговля как вызов безопасности РФ. Рабочий доклад Центра региональных и трансграничных исследований Волгоградского гос. уни-та. № 2. Волгоград: Научное книжное изд-во, 2006.

89. Горянин А. Миграционная ловушка // Эксперт. 2006. № 18 (15–21 мая). С. 57–62.

90. Гришин М. Л., Губченко В. Н., Дмитриев В. А. и др. Проблемы пограничной политики государства и пути их решения. М.: Изд. группа «БДЦ-пресс», 2001.

91. Грунин В. Ф. Абхазия: Цена независимости <http://www.e-journal.ru/p_bzarub-st2-5.html/>.

92. Гудков Л. Антисемитизм в постсоветской России // Нетерпимость в России: Старые и новые фобии. М., 1999.

93. Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. 2002. № 3.

94. Гунтымова Э. Мигранты и диаспоры на Востоке России: Практики взаимодействия с обществом и государством / Редкол. В. И. Дятлов, И. Т. Абдулова, М. Н. Ковальская, А. Ю. Охотников, Ю. Н. Пинигина, Н. П. Рыжова. М.; Иркутск: Наталис, 2007.

95. Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998.

96. Дмитриев А. В., Слепцов Н. С. Конфликты миграции. М., 2004.

97. Добаев И., Дугин А. Деятельность западных сетевых структур в ЮФО в контексте национальной и региональной безопасности // Евразия. Информационно-аналитический портал <<http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=2870/>>.

98. Добаев И. П. Исламский фактор и проблемы национальной безопасности на юге России // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа. Ростов-на-Дону, 2005.

99. Дугин А. Конспирология — веселая наука постмодерна // Арктогея — философский портал <<http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1336/>>.

100. Дугин А. Конспирология. — Арктогея — философский портал <<http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=64/>>.

101. Дятлов В., Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска: Экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: Из чего складывается стабильность. М.; Иркутск: Наталис, 2005. С. 166–187.
102. Дятлов В. И. Предпринимательские меньшинства: Торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М., 1996.
103. Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: Фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000.
104. Там же.
105. Забровская Л. В. Россия и КНДР: Опыт прошлого и перспективы будущего (1990-е годы). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998.
106. Зайончковская Ж. Трудовая миграция в странах СНГ: Средство адаптации к экономическому кризису и источник новых вызовов. Главные итоги межстрановых исследований // Populatia Republicii Moldova in Contextul Migratiilor Internationale. Materialele conferintei stiintifice internationale, Chisinau, 9–10 Noiembrie 2005 / UNESCO, USM, “Dialog Intercultural”, “CAPTES”. Vol. 2/ Mosneaga V., Mohammadifard Gh., Corbu-Drumea L. Iasi, 2006. P. 277–284.
107. Зайончковская Ж. А. Взаимосвязь миграционных процессов с размещением производства // Территориальные особенности народонаселения РСФСР. М., 1976.
108. Зайончковская Ж. А. Россия: Миграция в разном масштабе времени: Науч. доклады. М., 1999. Вып. 1.
109. Заярный В. В. Современные формы взаимодействия православия, ислама и других конфессий в направлении стабилизации межэтнических конфликтов на юге России (Северном Кавказе) // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа. Ростов-на-Дону, 2005.
110. Зисельс И. Украина: Экономическое положение и проблемы социальной защиты в национальных общинах // Ваад Украины <<http://www.vaadua.org/josifkniga/240.htm/>>.
111. Ивахнюк И. В. Международная трудовая миграция. М., 2005. С. 79.
112. Исследование миграции населения в Туркменистане. Исследование фонда народонаселения ООН в Туркменистане. 2001.
113. Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной, О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004.
114. Каландаров Т. С. Памирские мигранты-исмаилиты в России. М., 2005.
115. Канарейкин А. Д. Проблемы иммиграционного контроля на территории Воронежской области и в приграничной зоне // Канарейкин А. Д., Черный А. С. Политические, социально-экономические и культурные аспекты сотрудничества России и Украины: История и современность. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004.
116. Кислицына Е. Миграция и городская бедность // Бедность в Таджикистане: Материалы конференции национальных экспертов. Душанбе, 2004.
117. Козлов В. И. Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. М., 1987.
118. Кокорев Р. Посредничество как институт рынка в переходных условиях. М., 1993.

119. Колосов В. Теоретическая лимнология: Новые подходы // Международные процессы. 2003. № 3.
120. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.
121. Кон И. Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9.
122. Корейцы на российском Дальнем Востоке. Вторая половина XIX — начало XX в.: Документы и материалы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.
123. Корель И., Корель Л. Миграционные и макроэкономические процессы в постсоциалистической России: Региональный аспект. М.: Консорциум экономических исследований и образования, 1999.
124. Кузин А. Т. Дальневосточные корейцы: Жизнь и трагедия судьбы (документально-исторический очерк). Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изд-во. Сахалинское отделение. Литературно-издательское объединение «ЛИК», 1993.
125. Кыргызстан: Проблемы в сфере трудовой миграции и возможные подходы к формированию политики. Бишкек, 2004.
126. Лапшина А. Экономическое взаимодействие Украины и Беларуси // Диалог.ua (http://www.dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=10407).
127. Ларин А. Г. Китайцы зарубежья в политике Пекина // Диаспоры. 2006. № 2.
128. Ларин В. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: Ответ алармистам // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 76–112.
129. Левада Ю. А. От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993–2000. М., 2000.
130. Леонова А. Настроения ксенофобии и электоральные предпочтения в России в 1994–2003 гг. // Вестник общественного мнения. 2004 (Июль–август). № 4 (72).
131. Макарычев А. Терроризм: Энциклопедия, археология, грамматика // Индекс безопасности. 2007. № 2.
132. Максакова Л. Демографический путь Узбекистана. С. 14 <<http://www.demoscope.ru>, апрель 2006>.
133. Максакова Л. П. Миграция населения Республики Узбекистан. Ташкент: «Эльди-нур», 2000.
134. Малиновская Е. Украина без барьеров // Отечественные записки. 2004. № 4 <http://www.magazines.russ.ru/oz/2004/4/2004_4_22.html>.
135. Матвеев О. В., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н. Этнические миграции на Кубани: История и современность. Краснодар, 2003.
136. Мигин С. В., Шестоперов А. М., Шестоперов О. М., Щитинин О. А., Полищук Л. И. Между частным сектором и государством: Рынок посредников в современной России. М.: МОНФ, НИСИПП, 2005.
137. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996; Миграция в трансформирующемся обществе: Аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ 1992–1999 гг. / Отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Комплекс—Прогресс, 2000.
138. Миграции на Кавказе. Ереван, 2003.
139. Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999.
140. Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М.: Центр Карнеги, 2000.

141. Миграция и рынок труда в странах Средней Азии / Под ред. Л. М. Макасовой. Ташкент, 2002.
142. Миграция населения в СНГ в 1996 г. Центр технического сотрудничества в Европе и Центральной Азии. Женева: МОМ, 1998.
143. Миграция населения в странах СНГ. 1996. МОМ, 1996.
144. Миграция населения в странах СНГ: 1997–1998 гг. Женева, 1999. С. 20–21; *Юнусов А. С.* Статистика потерь в армяно-азербайджанской войне // Карабах: Вчера, сегодня и завтра. Баку, 2002.
145. Миграция населения. Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России» / Под общ. ред. О. Д. Воробьевой. М., 2001. Вып. 2.
146. Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: Причины, последствия, перспективы / Под ред. Г. Витковской. М., 1996.
147. *Мкртчян Н.* Миграция и средства массовой информации: Реальные и мнимые угрозы // Demoscope-Weekly <<http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit05.php>>.
148. *Мошняга В.* Трудовая миграция молдавского населения: Причины и эффекты <<http://www.peacebuilding.md/library/89/ru/Moshneaga.doc>>.
149. *Мошняга В.* Трудовая миграция населения Республики Молдова в европейском контексте: Объемы, тенденции, эффекты // CERi <http://www.cerisces-pp.org/themes/projets/documents/art_vm.pdf/>.
150. *Мукомель В.* Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: Людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.
151. *Мукомель В. И.* Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. № 2.
152. *Муллаянов Р. Ш.* Актуальные проблемы пограничной политики современной России // Границы безопасности и безопасность границ / Под ред. В. Е. Хвощева и Р. Ш. Муллаянова. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2001.
153. *Мясников В. С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М.: РИО Мосoblупрполиграфиздата, 1996.
154. *Нам С. Г.* Корейский национальный район: Пути поиска исследователя. М.: Наука, 1991.
155. Народонаселение Казахстана. 2000: Сб. материалов по вопросам народонаселения. Астана, 2000.
156. Население России. 1997. М., 1998.
157. *Нестерова Е. И.* Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (Вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 359.
158. Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В. И. Мукомеля и Э.А.Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.
159. *Ню Яньпин.* Трудовые ресурсы дальневосточного региона России и миграционный вопрос // Сибирские исследования. Харбин, 2006. Т. 33. № 3.
160. *Олимова С., Боск И.* Трудовая миграция из Таджикистана. МОМ, 2003.
161. *Олимова С., Мамаджанова Н.* Торговля людьми в Таджикистане. Душанбе: МОМ, 2006.
162. *Островский А. В.* Перспективы экспорта трудовых ресурсов на российский Дальний Восток в условиях глобализации // Китай в мировой и регио-

нальной политике. История и современность / Институт Дальнего Востока. Отв. ред. Б. Т. Кулик. М., 2003.

163. Отчет по человеческому развитию. Таджикистан. 1999. ПРООН, 1999.

164. *Переведенцев В.* Современная миграция населения России в освещении центральных газет // Миграция и информация / Под ред. Ж. Зайончковской. М., 2000. С. 32–64.

165. Перспективы Дальневосточного региона: Китайский фактор. М.: Московский Центр Карнеги, 1999.

166. Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию. Новосибирск, 2003.

167. *Петров А. И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000.

168. *Позняк А. В.* Современная миграционная ситуация и проблемы формирования миграционной политики в Украине // Демоскоп Weekly № 285–286 <<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/analit07.php>, 16–29 апреля 2007>.

169. *Позняк Т. З.* Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004.

170. *Попов А.* Граница как фактор региональной политики в Краснодарском крае // <<http://www.alanianet.ru/neokavkaz/n4/4-9.htm/>>.

171. *Портяков В. Я.* Российский вектор в глобальной китайской миграции // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2.

172. *Прибыткова И. М.* Трудовая миграция населения и ее правовое обеспечение в Украине в контексте расширения Европейского союза // Центр миграционных исследований <http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/suzdal/m_suzdal04.php/>.

173. *Привалов А.* Об иммиграции и демографии // Эксперт. 2005. № 43 (14–20 ноября).

174. Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ РФ / Под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М.; Волгоград, 2002.

175. *Релина Л. П.* Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.

176. *Рубан О.* Безграничные просторы Отчизны // Эксперт. 2001. 17 декабря.

177. *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения: Прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987.

178. *Рыжова Н. П.* Благовещенск — форпост российской империи или зона свободной экономики? // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В. И. Дятлов, С. В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 202–225.

179. *Рыжова Н. П.* Приграничная «народная торговля» в Благовещенске как форма китайско-российского симбиоза // Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 2003. № 2. С. 88–126.

180. *Рыжова Н. П.* Трансграничный рынок в Благовещенске: Формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология. 2003. Т. 4 (№ 5) <<http://www.ecsoc.msses.ru/>>.

181. *Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М., 2005.

182. *Рязанцев С.* Внутривосточная миграция населения: Тенденции и социально-экономические последствия // Вопросы экономики. 2005. № 7. С. 37–49.
183. *Рязанцев С.* Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. 2000. № 5.
184. *Савва М. В., Савва Е. В.* Пресса, власть и этнический конфликт (взаимосвязь на примере Краснодарского края). Краснодар, 2002.
185. *Садовская Е. Ю.* Трудовая миграция как средство адаптации к экономическому кризису в Казахстане. Алматы, 2001.
186. Система высшего образования в социальном развитии Центральной Азии. М.; Иркутск: Наталис, 2007.
187. Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998.
188. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
189. *Сорокина Т. Н.* Китайская иммиграция на Дальний Восток России в конце XIX — начале XX в. // Исторический ежегодник. Омский гос. ун-т, 1999. С. 13–23.
190. *Топилин А. В.* Нелегальная миграция — масштабы и перспективы. Альманах «Восток» <http://www.situation.ru/app/j_art_1162.htm>.
191. Трансграничная преступность в зоне южных постсоветских рубежей России: Социальные и политические аспекты проблемы / Под ред. С. В. Голунова. Волгоград: Научное книжное изд-во, 2006.
192. Трудовая миграция в СНГ: Социальные и экономические эффекты / Под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 2003.
193. Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане: Аналитический обзор. Алматы: MOM, 2005.
194. Трудовая миграция: Социальные и правовые аспекты: Сб. докладов. Ташкент, 2005.
195. *Умаров Х., Ульмасов Р.* Внешняя трудовая миграция в Таджикистане (причины, проблемы, последствия, регулирование). Душанбе, 2006.
196. Фронтьерские миграции. Россия—Казахстан: Казахстан и Россия в системе приграничных миграций / Под ред. Ж. А. Зайончковской, М. Н. Сдыкова. М.; Уральск, 2002.
197. *Ходжабекян В.* Миграционные процессы в Армении // Миграция. 1997. № 4. С. 31.
198. *Хоперская Л. Л.* Этнические миграции на юге России в периоды изменения социальной структуры жизни // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа. Ростов-на-Дону, 2005.
199. *Черных А. В.* Таджики в Перми: Очерки этнокультурного развития. Пермь, 2004.
200. *Чудиновских О. С.* Состояние и перспективы текущего учета миграции в России // Международная миграция населения: Россия и современный мир. Статистика и учет миграции населения. М., 2001. Вып. 8.
201. *Штопка П.* Доверие: Социологическая теория / Реф. Н. Фрейк // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3.
202. *Эрикссон Э.* Идентичность: Юность и кризис. М., 1996.
203. *Юдина Т. Н.* Социология миграции: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2006.
204. *Юнусов А.* Миграция населения в Азербайджане // Факторы влияния на процессы трансформации в Центральной Азии и на Кавказе. М., 2004.

205. Юнусов А. Этнодемографические процессы на Южном Кавказе в пост-советский период // Кавказский сборник. М., 2005. Т. 2.
206. Юнусов А. С. Армяно-азербайджанский конфликт: Миграционные аспекты. Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999.
207. Alexseev M. Immigration Phobia and Security Dilemma. Russia, Europe, and the United States. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2006.
208. Alexseev M. A., Hofstetter C. R. Russia, China, and the Immigration Security Dilemma // Political Science Quarterly. 2006. (Spring). No 1. P. 1–27.
209. Andreas P. R. Sovereigns and Smugglers: Enforcing the U.S. — Mexico Border in the Age of Globalization // A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of Cornell University In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. S. 1, 1999.
210. Andrienko J., Guriev S. Determinants of Inter-regional Mobility in Russia: Evidence from Panel Data, research paper, 2003.
211. Andrienko Yu., Guriev S. Determinants of Interregional Mobility in Russia // Economics of Transition. 2004. Vol. 12. Issue 1. P. 1–27.
212. Andrienko Yu., Guriev S. Understanding Migration in Russia // Center for Economic and Financial Research at New Economic School. 23 November. 2005.
213. Arreola D. D., Curtis J. R. Tourist Landscapes // U.S.-Mexico Borderlands. Historical and Contemporary Perspectives / Ed. by Oscar J. Martınez. Wilmington: SR Books (Jaguar Books on Latin America, 11), 1996.
214. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference / Ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown and Company, 1969. P. 9–38.
215. Bigo D. Security, Borders, and the State // Borders and Border Regions in Europe and North America / Ed. by Paul Ganster, Alan Swedler, James Scott, Wolf-Dieter Eberwein. San Diego: San Diego University Press, 1997. P. 81–104.
216. Blumer H. Race Prejudice as a Sense of Group Position // Pacific Sociological Review. 1958. No 1. P. 3–7.
217. Bobo L. D. 1999. Prejudice as Group Position: Microfoundations of a Sociological Approach to Racism and Race Relations // Journal of Social Issues. 1999. Vol. 55. No 3. P. 445–472.
218. Brown A. N. The Economic Determinants of Internal Migration Flows in Russia During Transition // Davidson Institute Working Paper Series, WP#89.
219. Courhene T. J. Interprovincial Migration and Economic Adjustment // The Canadian Journal of Economics. Vol. 3. No. 4. P. 552.
220. Diez T. Borders: From Maintaining Order to Subversion // New Frontiers of Europe: Opportunities and Challenges (Новые границы Европы: возможности и вызовы) / Под ред. И. М. Бусыгиной. М.: МГИМО (У) МИД России, 2003. P. 131–134.
221. DiMaggio P., Powel, W. (1991). The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // The New Institutionalism in Organizational Analysis / W. Powell, P. DiMaggio (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1991.
222. Dovidio J. F., Gaertner S. L. Intergroup Bias: Status, Differentiation, and a Common In-Group Identity // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 75. No 1. P. 109–120.
223. Dyatlov V. I. The Chinese Migration to Siberia and the Beginning of the Formation of a New Diaspora // Current Research on Past and Present Asian and African

Societies: Russian Oriental Studies / Ed. by Vitaly Naumkin. Leiden-Boston: Brill, 2004. P. 123–161.

224. *Faist T.* Transnationalization in international migration: Implications for the study of citizenship and culture // Ethnic and Racial Studies. 2000. Vol. 23. No 2.

225. *Friebel G., Guriev S.* Should I Stay or Should I Go? Worker Attachment in Russia, research paper. 2000.

226. Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions: Scales, Discourses and Governance / Ed. by Perkmann M. Sum N. Y-L. Palgrave Macmillan, 2002.

227. *Green D. P., Strolovich D. Z., Wong J. S.* Defended Neighborhoods, integration, and Racially Motivated Crimes // American Journal of Sociology. 1998. No 104. P. 372–403.

228. *Greenwood M. J.* Research on Internal Migration in the United States: A Survey // Journal of Economic Literature. 1975. Vol. 13. Issue 2. P. 397–433.

229. *Henrikson A. K.* Facing Across Borders: The Diplomacy of Bon Voisinage // International Political Science Review. 2000. Vol. 21. No 2.

230. *Herz J.* Rise and Demise of the Territorial State // World Politics. 1957. Vol. 9. No 4.

231. *Hocknell P. R.* Boundaries of Cooperation. Cyprus, de facto Partition and the Delimitation of Transboundary Resource Management. Hague: Kluwer Law International, 2001. P. 59–63.

232. *Holzmann R., Munz R.* Challenges and Opportunities of International Migration for the EU, Its Member States, Neighboring Countries and Regions: A Policy Notes // Institute for Futures Studies, Stockholm, 2004.

233. *House J.* Frontier on the Rio Grande. A Political Geography of Development and Social Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1982.

234. *Kedourie E.* Nationalism. L., 1966.

235. *Kireyev A.* The Macroeconomics of Remittances: The Case of Tajikistan. IMF Working Paper, WP 06/2. IMF, 2006.

236. *Levine R. A.; Campbell, Donald T.* Ethnocentrism. N.Y.: Wiley, 1972.

237. *Li P. S.* Chinese Overseas as a Minority in Majority Settings. Proceedings II: the International Chinese Overseas Conference. Taipei, 2001.

238. *Lovgren E.* The Geographical Mobility of Labor // Geografiska annaler. 1956. Vol. 38. No 4. P. 344–394.

239. *Lucke M.* Moldova: Migration and Remittances // IOM Moldova <www.iom.md/materials/migrants_day2006_en.pdf>.

240. *Mahler, Sara J., Pessar, Patricia R.* Gender Matters: Ethnographers Bring Gender from the Periphery toward the Core of Migration Studies. Center for Migration Studies of New York. IMR Vol. 40 Number 1 (Spring 2006).

241. *Mansoor A. M.* Migration and Remittances: Eastern Europe and the former Soviet Union / [Ali Mansoor Bruce Quillin] World Bank, 2007.

242. *Martinez O. J.* Border people. Life and society in the U.S.-Mexico borderlands. The University of Arizona Press, 1998.

243. Migration in Central Asia: Its History and Current Problems / Ed. by Komatsu Hisao, Obiya Chika, John S.Schoeberlein. The Japan Center for Area Studies. Osaka, 2000.

244. *Mincer J.* Family Migration Decisions // Journal of Political Economy. 1978. Vol. 86. Issue 5. P. 749–773.

245. *Paasi A.* Constructing Territories, Boundaries and Regional Identities // Contested Territory. Border Disputes at the Edge of the Former Soviet Empire / Ed. by Tuomas Forsberg. Aldershot: Edward Elgar Publishing Limited, 1995.

246. *Passel J.* Estimates of the Size and Characteristics of the Undocumented Population // Strengthening Border Security between the Ports of Entry: the Use of Technology to Protect the Borders. Joint Hearing before the Subcommittee on Immigration, Border Security and Citizenship and Subcommittee on Terrorism, Technology and Homeland Security of the Committee on the Judiciary. United States Senate, One Hundred Ninth Congress, First Session. April 28, 2005. Washington: U.S. Government Printing Office: 2006.

247. *Pettigrew T., Tropp L.* A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory. L., 2006.

248. *Pirozhkov S., Malinovskaya E., Homra A.* Foreign Labor Migration in Ukraine: Socio-Economic Aspect: Monograph (National Security and Defense Council of Ukraine, National Institute of International Security Challenges). Kiev: NIISC, 2003.

249. Populatia Republicii Moldova in Contextul Migratiilor Internationale. Materialele conferintei stiintifice internationale, Chisinau, 9–10 Noiembrie 2005 / UNESCO, USM, “Dialog Intercultural”, “CAPTES”. Vol. 2 / Mosneaga V., Mohamadifard Gh., Corbu-Drumea L. Iasi, 2006.

250. *Prescott J. R. V.* Boundaries and Frontiers. Totowa: Rowman and Littlefield, 1978.

251. *Rodriguez N.* The battle for the border: notes on autonomous migration, transnational communities, and the state // Social Justice. 1996. Vol. 23. No 3.

252. *Rosenbloom J. L.* Looking for Work: Searching for Workers. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2002.

253. *Salter M. B.* At the Threshold of Security: A Theory of International Borders // Global Surveillance and Policing. Borders, Security, Identity / Ed. by Elia Zureik and Mark B. Salter. Portland: Willan Publishing, 2005. P. 36–50.

254. *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princenton, N.J.: Princenton University Press, 1991.

255. *Schack M.* Regional Identity in Border Regions: The Difference Borders Make // Journal of Borderlands Studies. 1991. Vol. 16. No 2.

256. *Schwartz A.* Interpreting the Effect of Distance on Migration // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81. Issue 5. P. 1153–1167.

257. *Tajfel H.* Experiments in Intergroup Discrimination // Scientific American. 1970. No 223. P. 96–102.

258. *Terriff T., Croft S., James L., Morgan P. M.* Security Studies Today. Cambridge: Polity Press, 1999.

259. *Thalhammer E., Zucha V., Enzenhofer E., Salfinger B., Ogris G.* Attitudes Toward Minority Groups in the European Union: A special analysis of the Eurobarometer 2000 opinion poll on behalf of the European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia <<http://www.sora.at>, 10.08.2002>.

260. *Thomas B.* Migration and Economic Growth: A Study of Great Britain and the Atlantic Economy. Cambridge: University Press, second edition, 1973.

261. *Topel R. H.* Local Labor Markets / Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94. Issue 3.

262. *Van Houtum H.* An Overview of European Geographical Research on Borders and Border Regions // Journal of Borderlands Studies. 2000. Vol. 15. No 1.

263. *Vaughan G. M., Tajfel H., Williams J.* Bias in Reward Allocation in an Intergroup and an Interpersonal Context // *Social Psychology Quarterly*. 1981. No 44. P. 37–42.

264. *Yunusov A.* Demographic disaster // *Index on Censorship*. Vol. 26. No 4. July/August 1997.

265. *Yunusov A.* Ethnic Profile of Post-Soviet Azerbaijan // *European Yearbook of Minority Issues*. Vol. 4. Leiden-Boston, 2004/5.

266. *Yunusov A.* Karabakh: Past and Present. Baku, 2005.

267. *Чжан И.* Чжунго данцянь ды жэнькоу цзегоу хэ фачжань тайши // Шэхуй лань пи шу. 2007 нянь: Чжунго шэхуй синши фэньси юй юйцэ / Чжу бьянь: Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь (*Чжан И.* Структура и динамика населения Китая. Современное состояние // Синяя книга о китайском обществе. 2007 год: Положение в китайском обществе. Анализ и прогноз / Гл. ред. Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь). Пекин, 2006.

268. *Чжан Чэвэй.* Лаодун гунцю гуаньси чжэн цзай фашэн чжунда бьяньхуа // Цзинцзи лань пи шу. 2007 нянь: Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцэ / Чжу бьянь: Чэнь Цзягуй (В соотношении между предложением труда и спросом на труд происходят важные изменения // Синяя книга по экономике. 2007 год: Положение в китайской экономике. Анализ и прогноз / Гл. ред. Чэнь Цзягуй). Пекин, 2006.

269. *Чжао Ли.* Нунцунь лаодун ли чжуаньбянь ды чэнбэнь ю до да (Какова себестоимость перемещения деревенской рабочей силы?) // Чжунго гоцин голи. 2007. № 1.

270. *Ян Июн.* 2006 нянь цзю е синши юй 2007 нянь юйцэ // Цзинцзи лань пи шу. 2007 нянь: Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцэ / Чжу бьянь: Чэнь Цзягуй (Положение с занятостью в 2006 г. и прогноз на 2007 г. // Синяя книга по экономике. 2007 год: положение в китайской экономике. Анализ и прогноз / Гл. ред. Чэнь Цзягуй). Пекин, 2006.

АВТОРЫ

- Алексеев М.** Профессор Государственного университета Сан-Диего (Сан-Диего, США)
- Алексеевко А. Н.** Доктор исторических наук, профессор Восточно-Казахстанского университета (Усть-Каменогорск, Казахстан)
- Апрыщенко В.** Кандидат исторических наук, кафедра новой и новейшей истории Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)
- Голунов С. В.** Кандидат исторических наук, доцент, директор Центра региональных и трансграничных исследований Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия)
- Григоричев К. В.** Кандидат исторических наук, доцент (Иркутск, Россия)
- Дятлов В. И.** Доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета
- Ларин А.** Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия).
- Лебедева С.** Кандидат исторических наук, кафедра международных отношений и регионоведения Воронежского государственного университета (Воронеж)
- Мальцева И. О.** Кандидат экономических наук, доцент Российско-американского института экономики и бизнеса при Уральском государственном университете им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия)
- Нестерова Д. В.** Доктор экономических наук, профессор, директор Российско-американского института экономики и бизнеса при Уральском государственном университете им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия)
- Олимов М.** Доктор исторических наук, профессор, директор исследовательского центра «Шарк» (Душанбе, Таджикистан)
- Олимова С.** Кандидат философских наук, доцент, руководитель социологической службы исследовательского центра «Шарк» (Душанбе, Таджикистан)
- Портяков В. Я.** Доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия)
- Рыжова Н. П.** Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономических исследований Института геологии и природопользования Дальневосточного отделения РАН (Благовещенск, Россия)
- Троякова Т. Г.** Кандидат исторических наук, доцент Владивостокского института международных отношений Дальневосточного государственного университета
- Юнусов А.** Кандидат исторических наук, руководитель Департамента конфликтологии и миграции Института мира и демократии (Баку, Азербайджан)

Программа «**Межрегиональные исследования в общественных науках**» была инициирована Министерством образования и науки РФ, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование.)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов, а также Южно-го федерального университета (ранее – Ростовского государственного университета). «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, «круглые» столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, г. Москва, а/я 231
Электронная почта: info@ino-center.ru
Адрес в Интернете: www.ino-center.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности ИНО-Центра являются поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Научное издание

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ТРАНСГРАНИЧНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЮ**

Редактор *Е. Н. Ковалева*

Корректор *А. А. Барина*

Художник *Д. А. Сенчагов*

Компьютерная верстка *С. А. Артемьевой*

Подписано к печати 27.03.2008. Формат 60×90^{1/16}.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0.

Тираж 1000 экз. Заказ №

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru

Тел.: (495) 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Можайск, ул. Мира, 93.